

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЧИТ. ЗАЛ

1/2

А. П. ПАМОР, И. М. ЕЛИН

О характере «изменений» в экономической политике маоистов

Ю. Д. ДМИТРИЕВ

После визита премьеры Танаки в Пекин

Г. Ф. КИМ

Национализм, пролетарский интернационализм
и революционный процесс на Востоке

К. В. КУКУШКИН

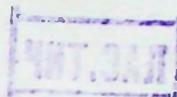
Апология пекинского гегемонизма

1

1973

Институт Дальнего Востока АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Победа сил мира и прогресса
- За мир и безопасность народов Азии на коллективной основе
- 10 *И. И. Ивков*

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

- 25 Актуальные проблемы современного Китая

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

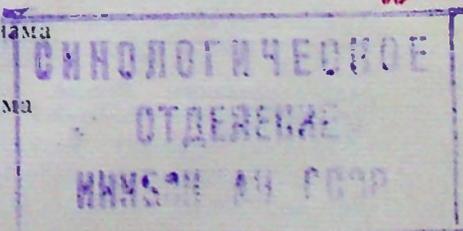
- О характере изменений в экономической политике маоистов
- 42 *А. П. Памор, И. М. Елин*
- Великодержавные амбиции и пограничная политика пекинского руководства
- 53 *Е. Д. Костиков*
- После визита премьеры Танаки в Пекин
- 63 *Ю. Д. Дмитриев*

ИДЕОЛОГИЯ

- Национализм, пролетарский интернационализм и революционный процесс на Востоке
- 74 *Г. Ф. Ким*
- Противоречивые обоснования противоречивой политики
- 84 *Ф. М. Бурлацкий*

ИСТОРИЯ

- Борьба за социалистическое развитие Китая и Советский Союз
- 100 *А. Г. Кручинин*
- Апология пекинского гегемонизма
- 112 *К. В. Кукушкин*
- Истоки китайского милитаризма
- 121 *Г. В. Ефимов*
- Из истории народов Памира
- 129 *Б. И. Искандаров*
- Интернациональная помощь рабочему классу Китая
- 136 *А. И. Картунова*

КУЛЬТУРА

- Видимость перемен и реальные факты
146 *М. Г. Теплицкий*
- Обвинители и защитники поэта Су Ши
К вопросу о судьбе национального литературного наследия в Китае
156 *Н. С. Голубев*

ПУБЛИЦИСТИКА

- Геронческий Ханой (записки журналиста)
166 *М. М. Ильинский*
- «Дело Америкэша»
171 *В. Б. Воронцов*

КОММЕНТАРИИ

- Саморазоблачение китайских руководителей в ООН
181 *Г. В. Аналин*
- Европейская безопасность и позиция КНР
188 *В. А. Семенов*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Борьба монгольского народа против маньчжурского владычества
192 *Н. Д. Мункуев, Ф. С. Цаплин*
- Ценный исторический источник
195 *А. Ходжаев*
- Новая книга о японской поэзии
197 *Н. А. Дворянков*

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ, СООБЩЕНИЯ

- Великий сын монгольского народа (к 80-летию со дня рождения Сухэ-Батора)
199
- Из истории политической борьбы китайского рабочего класса (к 50-летию забастовки на Пекин-Ханькоуской железной дороге)
204 *В. И. Глушин*
- Работа над Большим китайско-русским словарем
207 *И. М. Ошанин*
- 213 Международная конференция в Ташкенте
- 216 Юбилейное заседание
- 218 **СОБЫТИЯ, ЦИФРЫ, ФАКТЫ**
- 222 **НОВЫЕ КНИГИ**

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
М. И. СЛАДКОВСКИЙ
(И. О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА)
В. А. АРХИПОВ (ОТВ. СЕКРЕТАРЬ)
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
О. К. ГЛАДИЛИН, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА,
В. А. КРИВЦОВ, И. А. ЛАТЫШЕВ,
О. Б. РАХМАНИН, В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, И. Т. ФЕДОРЕНКО.

Победа сил мира и прогресса

С глубоким удовлетворением встретили народы всего мира сообщение о подписании Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, предусматривающего прекращение агрессивных актов США против ДРВ, полный вывод американских и других иностранных войск с вьетнамской земли, отказ США от вмешательства во внутренние дела Вьетнама. Таким образом, свершилось то, чего с таким нетерпением ждали во всем мире. Успешно достигнуты те основные цели, во имя которых вьетнамский народ в течение стольких лет вел мужественную и самоотверженную борьбу против империалистического агрессора и его пособников.

Прекращение войны и восстановление мира во Вьетнаме войдут в историю как важная веха в борьбе народов за свободу, национальный суверенитет, всеобщий мир и социальный прогресс, как замечательная победа героического вьетнамского народа над силами империалистической агрессии, как победа миролюбивых сил мира. Опираясь на могучую солидарность социалистических стран, мощную народную поддержку во всем мире, вьетнамский народ выстоял в борьбе, военная авантюра США потерпела провал.

Победа вьетнамского народа явилась убедительным доказательством того, что дело национального освобождения, на стороне которого выступают Советский Союз, другие социалистические страны, все прогрессивные и миролюбивые силы всей планеты, неодолимо.

«Победа Вьетнама,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев 30 января 1973 г. в Большом Кремлевском дворце на обеде в честь члена Политбюро, секретаря ЦК ПТВ тов. Ле Дык Тхо,— это наглядное свидетельство действительности интернационализма Советского Союза и других социалистических стран. Мы оказывали вьетнамским друзьям активную помощь в их усилиях на всех фронтах — военном, политическом и дипломатическом».

Принимая решение в середине 60-х годов о переходе к широкой эскалации войны против Вьетнама, Вашингтон считал, что эта «операция» займет короткое время — всего несколько месяцев.

Стремясь подавить законное стремление вьетнамского народа к свободе, независимости, миру, империализм мобилизовал огромную машину уничтожения. На индокитайский театр военных действий Пентагон бросил в общей сложности около миллиона военнослужащих, обрушил на землю Вьетнама свыше семи миллионов тонн бомб, сжег в топке агрессии более 140 миллиардов долларов¹.

В тот первоначальный период Вашингтон мог еще одуматься, спасти многие тысячи жизней, предотвратить разрушение мирных городов и сел, избавить Соединенные Штаты от бурных внутренних потрясений, вызванных осуждением этой крайне непопулярной войны, если бы он

¹ Американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», № 1, 1973.

в то время прислушался к голосу рассудка, к призывам приостановить эскалацию вьетнамской войны. Однако этого не произошло. «Быстрая операция» вооруженной интервенции против Вьетнама превратилась в то, что недавно президент Никсон в своем послании конгрессу США характеризовал как одну из самых трудных, мучительных войн во всей истории США.

Тяжело было для руководителей американского империалистического курса на протяжении последних восьми лет ведения военных действий на вьетнамской земле примириться с мыслью о том, что даже в масштабах сравнительно небольшого региона, каким является Индокитайский полуостров, военная авантюра не принесла им желаемых результатов.

Не счесть преступлений, которые совершены на многострадальной вьетнамской земле американскими агрессорами и сайгонскими марionетками — предателями своего народа. Сколько еще Сонгми скрыто в секретных бумагах «умиротворителей».

Ни бомбы, ни напалм, ни «тигровые клетки» не сломали волю к победе народа обеих частей Вьетнама, сплотившегося вокруг Партии трудящихся Вьетнама и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

В результате оказались сорванными далеко идущие планы империалистических кругов США, намеревавшихся силой оружия ликвидировать один из форпостов социализма в Азии — Демократическую Республику Вьетнам, стремившихся подавить национально-освободительное движение народов Южного Вьетнама, подорвать сплоченность всех антиимпериалистических и миролюбивых сил.

Вьетнам победил прежде всего благодаря стойкости и героизму, демонстрируемому вьетнамским народом на протяжении многих лет как на Севере, так и на Юге. Его беззаветная доблесть и высокая организованность, неиссякаемая вера в победу, постоянная готовность к самопожертвованию во имя идеалов свободы и независимости снискали во всем мире чувства восхищения и гордости.

«Провал попыток американского империализма, — указывает газета «Дейли уорлд», — сокрушить национально-освободительные силы Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, навязать им свою волю служит решительным примером того, что империализм больше не может навязывать угнетение и закон джунглей другим странам и народам, как это было в прошлом. Это ли не доказательство изменения соотношения сил в мире в пользу некогда подавляемых национально-освободительных движений. В пользу революционного рабочего класса, демократических миролюбивых народов повсюду на земле».

В своей героической борьбе против агрессоров вьетнамский народ был не одинок. Плечом к плечу с героическим Вьетнамом стояли и стоят Советский Союз и другие социалистические страны, все прогрессивные силы земли. Социалистический интернационализм вновь и вновь показал, что эта великая сила, скрепляющая единство народов, идущих по новому историческому пути, он продемонстрировал свою действенность, эффективность в деле всесторонней поддержки борьбы вьетнамского народа за свое правое дело.

Советский Союз, как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, всегда считал, что добиваться ликвидации очага войны в Индокитае — одна из центральных задач внешней политики нашей страны. Наша интернациональная солидарность с народом Вьетнама претворяется в конкретные дела по всем линиям.

Большое значение победы вьетнамского народа состоит в том, что она продемонстрировала человечеству вдохновляющие примеры героизма в борьбе за свободу, укрепила позиции социализма в Юго-Восточной Азии, показала могущество сил социализма и мира, открыла перспективы дальнейшей разрядки международной напряженности. Таким образом, соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, ликвидация опаснейшего конфликта — еще одно убедительное подтверждение того факта, что в международных отношениях крепнет стремление к разрешению спорных вопросов путем переговоров, мирными средствами на основе разума и реализма. Теперь открываются новые возможности углубления разрядки, укрепления безопасности и всеобщего мира. Можно ожидать, что политическое урегулирование во Вьетнаме положительно скажется на отношениях между государствами, которые так или иначе были вовлечены в происходившие в Индокитае события.

Форпост социализма в Азии — Демократическая Республика Вьетнам приступает сейчас к залечиванию ран, нанесенных войной, к укреплению своего экономического потенциала. Перед трудящимися Вьетнама открываются благоприятные перспективы для реализации заветов великого патриота и интернационалиста Хо Ши Мина о дальнейшем строительстве социалистического общества на вьетнамской земле.

Прекращение войны и вывод с вьетнамской земли войск США и их союзников открывают благоприятные условия для развития и продвижения Южного Вьетнама по пути мирного строительства, демократии, независимости, нейтралитета, для окончательного справедливого урегулирования вьетнамской проблемы — мирного объединения Вьетнама в соответствии с национальными чаяниями вьетнамского народа, без какого бы то ни было иностранного вмешательства. Огромная победа, достигнутая народом Вьетнама, воспринята советскими людьми с радостью и удовлетворением. КПСС, Советское государство, весь советский народ, верные ленинским принципам пролетарского интернационализма, всегда рассматривали всестороннюю помощь вьетнамским братьям как свое кровное дело. Эта принципиальная и последовательная линия нашей партии была закреплена в решениях XXIII и XXIV съездов КПСС, в других важных партийных документах.

«Дорогие вьетнамские товарищи, — подчеркнул в своем выступлении Л. И. Брежнев 30 января в Большом Кремлевском дворце, — в дни мира, как и в дни войны, мы с вами будем вместе, в одном строю. Поддержка Вьетнама — это наш интернациональный долг. Это — общее дело всех социалистических стран».

Советский народ уверен, что реализация подписанных соглашений явится важным практическим шагом на пути к созданию единого, демократического, мирного, независимого и процветающего Вьетнама. Прогрессивная мировая общественность, все, кто выступает в поддержку правого дела вьетнамского народа, отдадут себе отчет, ценой каких усилий завоеван этот мир. Вот почему, не ослабляя бдительности, люди доброй воли будут зорко следить за дальнейшим развитием событий во Вьетнаме, за тем, как будут претворяться в жизнь соглашения, подписанные в Париже.

Президенту Демократической Республики Вьетнам

товарищу ТОН ДЫК ТХАНГУ

Первому секретарю Центрального Комитета Партии
трудящихся Вьетнама

товарищу ЛЕ ЗУАНУ

Председателю Постоянного комитета Национального собрания
Демократической Республики Вьетнам

товарищу ЧЫОНГ ТИНЮ

Премьер-министру правительства Демократической
Республики Вьетнам

товарищу ФАМ ВАН ДОНГУ

г. Ханой

Дорогие товарищи!

От имени Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Советского правительства и всего советского народа шлем вам и в вашем лице братскому вьетнамскому народу горячие поздравления по случаю знаменательного события, большого успеха всех вьетнамских патриотов — прекращения войны и восстановления мира во Вьетнаме.

Вьетнамский народ своей героической борьбой совершил славный подвиг, который войдет в историческую летопись битвы народов за свою свободу и независимость, против агрессоров и угнетателей как одна из ее ярких страниц. Мужество, стойкость и самоотверженность славных сынов и дочерей вьетнамского народа на Севере и Юге страны снискали им глубокое уважение всех прогрессивных людей земли.

Неизмеримо возрос авторитет созданной и воспитанной великим патриотом и интернационалистом Хо Ши Мином Партии трудящихся Вьетнама — авангарда вьетнамского народа, Центрального Комитета ПТВ, умело руководящего социалистическим строительством в ДРВ и проявляющего творческий подход к организации борьбы против агрессии США на военном, политическом и дипломатическом фронтах.

Достижение соглашения, предусматривающего полный вывод американских и других иностранных войск с вьетнамской земли, прекращение вмешательства США во внутренние дела Вьетнама — это важная победа в борьбе против империализма, убедительное доказательство того, что в наши дни никакая сила не способна сломить волю народа, борющегося за свои неотъемлемые права и пользующегося поддержкой всех прогрессивных сил мира.

Советский народ в трудные для Вьетнама годы войны постоянно был вместе со своими вьетнамскими братьями, неизменно оказывал им помощь и поддержку в борьбе по отражению агрессии.

Важным фактором достижения договоренности о прекращении огня во Вьетнаме и выводе иностранных войск с его территории явились усилия стран социалистического содружества, коммунистических и ра-

бочих партий, всех миролюбивых сил, которые на протяжении минувших лет активно выступали против империалистической агрессии в отношении Вьетнама, в поддержку самоотверженной борьбы вьетнамского народа за свои права. Широкое международное движение солидарности с Вьетнамом стало в наши дни самым ярким проявлением стремления народов к миру, национальной независимости и социальной справедливости.

Заключение соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме открывает вьетнамскому народу путь к окончательному справедливому урегулированию стоящих перед ним проблем.

Демократическая Республика Вьетнам — форпост социализма в Юго-Восточной Азии — сможет теперь залечить раны, нанесенные войной, укрепить экономический потенциал и в широких масштабах осуществлять социалистическое строительство, служа примером для народов, борющихся за национальную независимость и вставших на путь самостоятельного развития. Прекращение войны и иностранного вмешательства создает предпосылки для продвижения Южного Вьетнама по пути национального согласия, демократии, подлинной независимости и нейтралитета.

Установление мира на земле Вьетнама внесет вклад в оздоровление обстановки в Юго-Восточной Азии, создаст еще более благоприятные перспективы для борьбы сил мирового социализма, национального освобождения и прогресса за дальнейшую разрядку международной напряженности, за укрепление мира и безопасности в Азии и на других континентах.

Советский народ искренне радуется успехам своих вьетнамских братьев. Как и прежде, в годы суровых испытаний вьетнамского народа, в период его борьбы против империалистической агрессии, Советский Союз и на новом этапе будет неизменно выступать на стороне справедливого дела Вьетнама. Советские люди твердо уверены, что реализация подписанных соглашений явится важным практическим шагом на пути к созданию единого, демократического, мирного, независимого и процветающего Вьетнама.

Л. БРЕЖНЕВ

Генеральный секретарь
ЦК КПСС

Н. ПОДГОРНЫЙ

Председатель
Президиума Верховного
Совета СССР

А. КОСЫГИН

Председатель
Совета Министров
СССР

Москва 27 января 1973 года

**Председателю Президиума ЦК Национального фронта
освобождения Южного Вьетнама,
Председателю Консультативного совета Временного революционного
правительства Республики Южный Вьетнам**

доктору НГУЕН ХЫУ ТХО

**Председателю Временного революционного правительства
Республики Южный Вьетнам**

доктору ХЮИНЬ ТАН ФАТУ

Дорогие друзья!

От имени Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Советского правительства и всего советского народа шлем вам и в вашем лице всем патриотическим и прогрессивным силам Южного Вьетнама наши горячие поздравления по случаю важной победы, одержанной вьетнамским народом в его длительной и самоотверженной борьбе против империалистической агрессии.

Прекращение войны во Вьетнаме на основе соглашения, предусматривающего вывод всех войск США и их союзников из Южного Вьетнама, а также гарантирующего основные права населения Южного Вьетнама,— это историческое событие, которое войдет яркой страницей в летопись борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс. Несмотря на использование крупных вооруженных сил и огромные материальные затраты, агрессоры оказались не в силах поставить на колени героических патриотов Южного Вьетнама, подавить их законное стремление к свободе и независимости.

Достигнутый во Вьетнаме успех стал возможным прежде всего благодаря беззаветной доблести, стойкости и воле к победе, героическим и самоотверженным усилиям всего вьетнамского народа как на Юге, так и на Севере, умелому сочетанию трех форм борьбы — вооруженной, политической и дипломатической,— тесному соединению национальных усилий с широчайшей международной поддержкой. Славный подвиг вьетнамского народа служит вдохновляющим примером для народов, борющихся против империализма, за национальное освобождение.

Восстановление мира во Вьетнаме является также большой победой социалистического содружества, всех миролюбивых и прогрессивных сил мира, которые неизменно оказывали вьетнамскому народу всестороннюю помощь и поддержку. Невиданная по своему размаху всемирная кампания солидарности с героическим Вьетнамом стала самым ярким выражением стремления народов к миру, национальной независимости и социальному прогрессу.

Прекращение войны и вывод с вьетнамской земли войск США и их союзников открывают благоприятные условия для развития и продвижения Южного Вьетнама по пути мирного строительства, демократии, независимости, нейтралитета, для окончательного справедливого уре-

гулирования вьетнамской проблемы — мирного объединения Вьетнама в соответствии с национальными чаяниями вьетнамского народа, без какого бы то ни было иностранного вмешательства.

Восстановление мира во Вьетнаме, несомненно, оздоровит обстановку в Азии и во всем мире и создаст новые благоприятные перспективы борьбы прогрессивных, демократических сил за разрядку международной напряженности, за укрепление всеобщего мира и безопасности народов.

Вместе с вьетнамскими братьями мы от всей души радуемся их замечательному успеху. Советские люди выражают глубокое восхищение подвигом вьетнамских патриотов, давших достойный отпор посягательствам агрессора на свободу и независимость их родины.

Верный высоким принципам интернационализма и солидарности со всеми народами, борющимися за национальное освобождение, советский народ всегда стоял плечом к плечу с патриотами Вьетнама на всех этапах их победоносного сопротивления империалистической агрессии. Советский народ выражает свою решимость и впредь неизменно оказывать братскому вьетнамскому народу необходимую поддержку, выступать на стороне патриотических и прогрессивных сил Южного Вьетнама в их справедливой борьбе за последовательное осуществление достигнутых соглашений, за мирный, независимый, демократический и нейтральный Южный Вьетнам. Советские люди твердо убеждены в том, что благородные идеалы, за которые южновьетнамские патриоты столько лет вели самоотверженную борьбу, непременно восторжествуют.

Л. БРЕЖНЕВ
Генеральный секретарь
ЦК КПСС

Н. ПОДГОРНЫЙ
Председатель
Президиума Верховного
Совета СССР

А. КОСЫГИН
Председатель
Совета Министров
СССР

Москва 27 января 1973 года

**Председателю Президиума ЦК Национального фронта
освобождения Южного Вьетнама,
Председателю Консультативного совета Временного революционного
правительства Республики Южный Вьетнам**

доктору НГУЕН ХЫУ ТХО

**Председателю Временного революционного правительства
Республики Южный Вьетнам**

доктору ХЮИНЬ ТАН ФАТУ

Дорогие друзья!

От имени Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Советского правительства и всего советского народа шлем вам и в вашем лице всем патриотическим и прогрессивным силам Южного Вьетнама наши горячие поздравления по случаю важной победы, одержанной вьетнамским народом в его длительной и самоотверженной борьбе против империалистической агрессии.

Прекращение войны во Вьетнаме на основе соглашения, предусматривающего вывод всех войск США и их союзников из Южного Вьетнама, а также гарантирующего основные права населения Южного Вьетнама, — это историческое событие, которое войдет яркой страницей в летопись борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс. Несмотря на использование крупных вооруженных сил и огромные материальные затраты, агрессоры оказались не в силах поставить на колени героических патриотов Южного Вьетнама, подавить их законное стремление к свободе и независимости.

Достигнутый во Вьетнаме успех стал возможным прежде всего благодаря беззаветной доблести, стойкости и воле к победе, героическим и самоотверженным усилиям всего вьетнамского народа как на Юге, так и на Севере, умелому сочетанию трех форм борьбы — вооруженной, политической и дипломатической, — тесному соединению национальных усилий с широчайшей международной поддержкой. Славный подвиг вьетнамского народа служит вдохновляющим примером для народов, борющихся против империализма, за национальное освобождение.

Восстановление мира во Вьетнаме является также большой победой социалистического содружества, всех миролюбивых и прогрессивных сил мира, которые неизменно оказывали вьетнамскому народу всестороннюю помощь и поддержку. Невиданная по своему размаху всемирная кампания солидарности с героическим Вьетнамом стала самым ярким выражением стремления народов к миру, национальной независимости и социальному прогрессу.

Прекращение войны и вывод с вьетнамской земли войск США и их союзников открывают благоприятные условия для развития и продвижения Южного Вьетнама по пути мирного строительства, демократии, независимости, нейтралитета, для окончательного справедливого уре-

гулирования вьетнамской проблемы — мирного объединения Вьетнама в соответствии с национальными чаяниями вьетнамского народа, без какого бы то ни было иностранного вмешательства.

Восстановление мира во Вьетнаме, несомненно, оздоровит обстановку в Азии и во всем мире и создаст новые благоприятные перспективы борьбы прогрессивных, демократических сил за разрядку международной напряженности, за укрепление всеобщего мира и безопасности народов.

Вместе с вьетнамскими братьями мы от всей души радуемся их замечательному успеху. Советские люди выражают глубокое восхищение подвигом вьетнамских патриотов, давших достойный отпор посягательствам агрессора на свободу и независимость их родины.

Верный высоким принципам интернационализма и солидарности со всеми народами, борющимися за национальное освобождение, советский народ всегда стоял плечом к плечу с патриотами Вьетнама на всех этапах их победоносного сопротивления империалистической агрессии. Советский народ выражает свою решимость и впредь неизменно оказывать братскому вьетнамскому народу необходимую поддержку, выступать на стороне патриотических и прогрессивных сил Южного Вьетнама в их справедливой борьбе за последовательное осуществление достигнутых соглашений, за мирный, независимый, демократический и нейтральный Южный Вьетнам. Советские люди твердо убеждены в том, что благородные идеалы, за которые южновьетнамские патриоты столько лет вели самоотверженную борьбу, непременно восторжествуют.

Л. БРЕЖНЕВ
Генеральный секретарь
ЦК КПСС

Н. ПОДГОРНЫЙ
Председатель
Президиума Верховного
Совета СССР

А. КОСЫГИН
Председатель
Совета Министров
СССР

Москва 27 января 1973 года

За мир и безопасность народов Азии на коллективной основе

И. И. Ивков

Ни один район земного шара в послевоенный период не переживал столько драматических событий и социальных катаклизмов, сколько выпало на долю Азиатского континента. Величайшая часть света, занимающая 30 процентов всей суши, где проживает более половины населения земного шара, стала ареной политических потрясений огромного исторического значения.

В результате военно-политического поражения германского фашизма и японского империализма, в разгром которых решающий вклад внес Советский Союз, коренным образом изменилась политическая карта Азии. Исчезла колониальная империя, создававшаяся милитаристской Японией под фальшивым названием «великой азиатской сферы взаимного процветания», и на ее развалинах появились первые социалистические государства в Азии — Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам. От жестокой тирании японской военщины избавились и другие колониальные народы, получившие возможность встать на путь национального возрождения и независимого развития.

Навсегда покончено с британским, французским, голландским колониальным владычеством на обширных просторах Азиатского континента. Многострадальные народы Индии, Пакистана, Цейлона, Камбоджи, стран Арабского Востока в жестокой и длительной схватке с колонизаторами обрели свободу и национальную независимость, вышли на широкую дорогу самостоятельного творчества. На политической карте Азии появились суверенные государства, население которых в течение веков было лишено элементарных человеческих прав и подвергалось жесточайшей эксплуатации заморскими колонизаторами.

Крушение колониальных империй, выход многомиллионных масс азиатских народов на историческую арену в качестве полноправных членов мирового сообщества нанесли серьезный удар по империализму, основательно подорвали бывшее могущество колониальных держав, способствовали новой расстановке политических сил на нашей планете. Сейчас уже ни одно событие мирового значения не может быть решено без участия освободившихся народов Азии.

Не случайно поэтому бурные события, сотрясающие Азиатский континент, привлекают внимание всех людей доброй воли, всех, кто выступает за разрядку напряженности, за упрочение всеобщего мира и безопасности народов. Особый интерес эти события представляют для советских людей, поскольку более одной трети Азии, вся ее северная часть, входит в состав нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Две трети территории Советского Союза находятся в Азии.

В. И. Ленин указывал, что Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии. Поэтому азиатские проблемы всегда занимали важнейшее место во внешнеполитической деятельности Советского государства.

Истоки напряженности

Если говорить об истоках напряженности на Азиатском материке и порожденных ею кровотокащих конфликтах, то следует прежде всего указать, что корни этих истоков уходят в противоборство двух диаметрально противоположных мировых систем и двух противоположных линий во внешней политике. С одной стороны, активно действует и завоевывает все большую популярность внешнеполитическая линия мирового социализма, в основе которой лежит политика мира и дружбы народов, принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем. С другой стороны, народы мира подвергаются непрерывному давлению со стороны мирового империализма, размахивающего факелом войны и осуществляющего политику нагнетания напряженности и развязывания конфликтов.

Эта тактика империализма ведет к возникновению различных столкновений, к образованию потенциально опасных зон международной напряженности и кризисных ситуаций. Бывшие колониальные державы, и прежде всего США, не могут смириться с новым послевоенным устройством мира. Они пытаются вновь закабалить освободившиеся народы, пуская в ход самые различные средства — от экономического неокOLONИализма до открытой вооруженной интервенции. Как справедливо заметил Индира Ганди, «...большинство вооруженных столкновений — если не все — вначале возникали из-за нежелания империализма отказаться от своего господства, а потом из-за того, что он прибегал к новым формам вмешательства»¹.

Азия оказалась очагом наибольшей напряженности не в силу своего географического положения или особой воинственности населяющих ее народов, а потому, что здесь произошли глубокие революционные перемены и на месте бывших колоний и полукolonий, доминионов и подмандатных территорий появились независимые, суверенные государства, народы которых не хотят жить по-старому и требуют коренных социально-экономических преобразований, полной ликвидации колониального наследия и зависимости от иностранного капитала. Стремясь сохранить свои позиции, империалистические державы идут на прямое вмешательство во внутренние дела азиатских стран, что порождает различные столкновения и даже военные конфликты.

В целях сохранения своего господства империалисты сколачивали различные агрессивные группировки, создавали военно-политические блоки и союзы, заключали двусторонние и многосторонние договоры и соглашения, пытаясь опутать ими различные народы, проживающие на широких просторах Азиатского континента.

В соответствии с военно-стратегической доктриной «отбрасывания», разработанной пресловутым Даллесом, в Азии была сколочена военная организация под названием «Договор об обороне Юго-Восточной Азии» (СЕАТО). Вскоре этот военно-политический блок был дополнен целой системой региональных и двусторонних пактов и союзов, среди которых особое место занимают японо-американский «договор безопасности», американо-тайваньский и японо-тайваньский договоры, военные пакты

¹ См. «Азия и Африка сегодня», 1972, № 11, стр. 28.

За мир и безопасность народов Азии на коллективной основе

И. И. Ивков

Ни один район земного шара в послевоенный период не переживал столько драматических событий и социальных катаклизмов, сколько выпало на долю Азиатского континента. Величайшая часть света, занимающая 30 процентов всей суши, где проживает более половины населения земного шара, стала ареной политических потрясений огромного исторического значения.

В результате военно-политического поражения германского фашизма и японского империализма, в разгром которых решающий вклад внес Советский Союз, коренным образом изменилась политическая карта Азии. Исчезла колониальная империя, создававшаяся милитаристской Японией под фальшивым названием «великой азиатской сферы взаимного процветания», и на ее развалинах появились первые социалистические государства в Азии — Китайская Народная Республика, Корея Народная-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам. От жестокой тирании японской военщины избавились и другие колониальные народы, получившие возможность встать на путь национального возрождения и независимого развития.

Навсегда покончено с британским, французским, голландским колониальным владычеством на обширных просторах Азиатского континента. Многострадавшие народы Индии, Пакистана, Цейлона, Камбоджи, стран Арабского Востока в жестокой и длительной схватке с колонизаторами обрели свободу и национальную независимость, вышли на широкую дорогу самостоятельного творчества. На политической карте Азии появились суверенные государства, население которых в течение веков было лишено элементарных человеческих прав и подвергалось жесточайшей эксплуатации заморскими колонизаторами.

Крушение колониальных империй, выход многомиллионных масс азиатских народов на историческую арену в качестве полноправных членов мирового сообщества нанесли серьезный удар по империализму, основательно подорвали бывшее могущество колониальных держав, способствовали новой расстановке политических сил на нашей планете. Сейчас уже ни одно событие мирового значения не может быть решено без участия освободившихся народов Азии.

Не случайно поэтому бурные события, сотрясающие Азиатский континент, привлекают внимание всех людей доброй воли, всех, кто выступает за разрядку напряженности, за упрочение всеобщего мира и безопасности народов. Особый интерес эти события представляют для советских людей, поскольку более одной трети Азии, вся ее северная часть, входит в состав нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Две трети территории Советского Союза находятся в Азии.

В. И. Ленин указывал, что Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии. Поэтому азиатские проблемы всегда занимали важнейшее место во внешнеполитической деятельности Советского государства.

Истоки напряженности

Если говорить об истоках напряженности на Азиатском материке и порожденных ею кровотокащих конфликтах, то следует прежде всего указать, что корни этих истоков уходят в противоборство двух диаметрально противоположных мировых систем и двух противоположных линий во внешней политике. С одной стороны, активно действует и завоевывает все большую популярность внешнеполитическая линия мирового социализма, в основе которой лежит политика мира и дружбы народов, принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем. С другой стороны, народы мира подвергаются непрерывному давлению со стороны мирового империализма, размахивающего факелом войны и осуществляющего политику нагнетания напряженности и развязывания конфликтов.

Эта тактика империализма ведет к возникновению различных столкновений, к образованию потенциально опасных зон международной напряженности и кризисных ситуаций. Бывшие колониальные державы, и прежде всего США, не могут смириться с новым послевоенным устройством мира. Они пытаются вновь закабалить освободившиеся народы, пуская в ход самые различные средства — от экономического неокOLONиализма до открытой вооруженной интервенции. Как справедливо заметила Индира Ганди, «...большинство вооруженных столкновений — если не все — вначале возникали из-за нежелания империализма отказаться от своего господства, а потом из-за того, что он прибежал к новым формам вмешательства»¹.

Азия оказалась очагом наибольшей напряженности не в силу своего географического положения или особой воинственности населяющих ее народов, а потому, что здесь произошли глубокие революционные перемены и на месте бывших колоний и полукolonий, доминионов и подмандатных территорий появились независимые, суверенные государства, народы которых не хотят жить по-старому и требуют коренных социально-экономических преобразований, полной ликвидации колониального наследия и зависимости от иностранного капитала. Стремясь сохранить свои позиции, империалистические державы идут на прямое вмешательство во внутренние дела азиатских стран, что порождает различные столкновения и даже военные конфликты.

В целях сохранения своего господства империалисты сколачивали различные агрессивные группировки, создавали военно-политические блоки и союзы, заключали двусторонние и многосторонние договоры и соглашения, пытались опутать ими различные народы, проживающие на широких просторах Азиатского континента.

В соответствии с военно-стратегической доктриной «отбрасывания», разработанной пресловутым Даллесом, в Азии была сколочена военная организация под названием «Договор об обороне Юго-Восточной Азии» (СЕАТО). Вскоре этот военно-политический блок был дополнен целой системой региональных и двусторонних пактов и союзов, среди которых особое место занимают японо-американский «договор безопасности», американо-тайваньский и японо-тайваньский договоры, военные пакты

¹ См. «Азия и Африка сегодня», 1972, № 11, стр. 28.

США и Японии с Южной Кореей, а также блок США с Австралией и Новой Зеландией, известный под названием АНЗЮС.

С возвращением Японии на мировую арену в качестве великой державы связано создание Азиатского-Тихоокеанского совета (АЗПАК), призванного стать орудием проведения неоколониалистской политики японских «дзайбацу», вновь мечтающих о создании «сферы сопроцветания» в Восточной Азии на новой основе.

При активном содействии британских стратегов для подавления национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока был сколочен печальной памяти Багдадский пакт, на обломках которого империалистическим державам удалось позднее вновь соорудить военную организацию, на сей раз под названием СЕНТО. На юго-западном фланге Азии к нему примыкают блоки АСЕАН и АНЗЮС.

Опираясь на широкую систему военных блоков и союзов, империализм предпринимал неоднократные попытки вооруженным путем отбросить силы мира, демократии и социализма в Азии, восстановить колониальные порядки в освободившихся азиатских странах.

Первой лобовой атакой на позиции социализма в Азии была вооруженная агрессия США против Корейской Народно-Демократической Республики, развязанная в июле 1950 г. Второй попыткой нанести удар по силам социализма в Азии вооруженным путем явилась агрессия американского империализма против суверенного социалистического государства — Демократической Республики Вьетнам и всего вьетнамского народа, распространенная затем на Лаос и Камбоджу.

На другом конце Азиатского материка — в зоне Арабского Востока — империалисты не раз предпринимали вооруженные акции против национально-освободительного движения арабских народов. Вспомним хотя бы трехстороннюю агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта, открытое вооруженное вмешательство США в дела Сирии и Ливана. Наконец, вдохновленная мировым империализмом и сионистскими кругами израильская военщина в июне 1967 г. совершила наглую агрессию против арабских государств, последствия которой не ликвидированы до сих пор.

В сердце Азии — на Индостанском субконтиненте — возник еще один вооруженный конфликт: между двумя крупнейшими странами этого района — Индией и Пакистаном, но за спиной военной клики Яхья Хана подлинными авторами этой трагедии были другие действующие лица — американские империалисты и великоханьские шовинисты. Именно они и подтолкнули пакистанскую военщину на провокационные действия против Индии и против народа Бангладеш. Война против Индии, провокационные маневры Пекина в связи с событиями в Восточном Пакистане наряду с вооруженными провокациями маоистов на дальневосточных границах Советского Союза показали, что в Азии появилась еще одна деструктивная сила, по существу сомкнувшаяся с американским империализмом, — это воинствующий китайский национализм.

Порвав с марксизмом-ленинизмом и скатившись в болото великодержавного шовинизма, лидеры КНР под прикрытием «революционной» демагогии фактически свернули фронт борьбы против империализма и сосредоточивают все свои усилия на противостоянии Советскому Союзу, всему социалистическому содружеству, международному коммунистическому и национально-освободительному движению.

Так сомкнулся фронт врагов мира и безопасности народов.

Что же нужно сделать, чтобы ликвидировать военные конфликты, ослабить очаги напряженности и заложить прочные основы мира и безопасности в Азии? Не только советские люди, но и прогрессивно мысля-

щая международная общественность считают, что ответ на этот вопрос дан в выдвинутой Советским Союзом идее создания системы коллективной безопасности в Азии, которая открывает реальный путь не только к ликвидации существующих конфликтов, но и создает необходимые предпосылки для предотвращения новых военных столкновений в потенциально опасных зонах напряженности, для разрядки международного климата в целом.

Мир и безопасность на коллективной основе

При рассмотрении вопроса о сотрудничестве и безопасности в Азии нельзя не учитывать тот полезный опыт, который накоплен при решении этой же проблемы в Европе. Основные принципы безопасности применительно к Европе изложены в Декларации, принятой Политическим консультативным комитетом государств—участников Варшавского Договора в 1972 г. в Праге. В Декларации заложены основы отношений государств на Европейском континенте, практическое осуществление которых расчистило бы путь к превращению Европы в район устойчивого и прочного мира.

Пражская декларация о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе в качестве основных принципов общеевропейского мира провозглашает нерушимость границ, неприменение силы, мирное сосуществование стран с различным общественным строем, излагает основы добрососедских отношений и сотрудничества, указывает на необходимость развития взаимовыгодных связей между государствами, ставит во главу угла вопросы разоружения, поддержки Организации Объединенных Наций и т. п.

Сила и жизненность принципов, провозглашенных Декларацией, состоит в том, что они выражают желание и волю европейских народов, учитывают не только исторический опыт, но и нынешнюю расстановку политических сил в Европе, где, можно сказать, находится эпицентр противостояния двух систем. Вместе с тем Декларация исходит из того, что в послевоенной Европе произошли огромные изменения, которые позволили поставить вопрос о безопасности и сотрудничестве на общеевропейской основе в плоскость практического решения.

Само собой разумеется, что положение в Азии значительно отличается от обстановки, сложившейся в Европе. Однако и здесь мы являемся свидетелями огромных перемен, новых растущих тенденций, которые носят необратимый характер. Как и в Европе, здесь начинает складываться обстановка, которая позволяет уже сейчас ставить вопрос о создании прочной системы мира и коллективной безопасности народов.

Новый подход к решению проблем мира и безопасности в Азии был намечен в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в июне 1969 г., где он выдвинул предложение о создании новой системы отношений в Азии на коллективной основе. «Жгучие проблемы современной международной обстановки,— указывал Л. И. Брежнев,— не заслоняют от нас задач более долговременных, а именно создания системы коллективной безопасности в тех частях земного шара, где концентрируется угроза развязывания новой мировой войны, развязывания вооруженных конфликтов. Такая система—лучшая замена существующим военно-политическим группировкам... Мы думаем, что ход событий выдвигает в порядок дня и задачу создания системы коллективной безопасности в Азии»².

² Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Изд-во «Политическая литература». М., 1969, стр. 91.

Дальнейшее развитие эта идея получила в выступлении Л. И. Брежнева на XV съезде советских профсоюзов. Раскрывая суть идеи создания безопасности в Азии на коллективной основе, Л. И. Брежнев подчеркнул, что «коллективная безопасность в Азии должна, по нашему представлению, основываться на таких началах, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и неприкосновенность границ, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды. Мы выступали и будем выступать за такую коллективную безопасность в Азии и готовы сотрудничать со всеми государствами в целях претворения в жизнь этой идеи»³.

Итак, поиски путей к разрядке напряженности и упрочению всеобщего мира коллективными усилиями выдвигаются сегодня в качестве ведущего принципа взаимоотношений между государствами.

Развитие событий в мире показывает, что достижение всеобщей безопасности, даже с помощью таких авторитетных международных организаций, как ООН, не всегда дает необходимый эффект. Опыт, накопленный в борьбе за безопасность в Европе, позволяет сделать вывод, что действенной формой сотрудничества в упрочении всеобщего мира и пресечения агрессии может стать региональная основа, т. е. организация системы безопасности на отдельных континентах и в отдельных географических районах. Из суммы региональных зон безопасности может сложиться надежная всемирная система поддержания прочного мира на всей планете, что, конечно, не исключает продолжения эффективных усилий в рамках ООН.

Некоторые деятели на Западе и на Востоке пытаются представить советское предложение о коллективной охране мира в Азии как «антикитайскую затею». Импералистические круги, не желая разрядки в этом районе, тщатся торпедировать эту жизненно важную идею, как якобы направленную против КНР, как стремление Советского Союза окружить Китай. Солидаризируясь с этими клеветническими вымыслами буржуазной пропаганды, китайский премьер Чжоу Энь-лай поспешил заявить, что «русские хотят заключить Китай в кольцо». Нет ничего более далекого от истины, чем эти бесосновательные утверждения.

Советское правительство с самого начала заявило, что система коллективной безопасности в Азии открыта для всех стран, в том числе для КНР. Она не направлена ни против какой-либо одной страны, ни против группы стран.

Тов. Л. И. Брежнев еще раз совершенно четко разъяснил суть дела в своем докладе на совместном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 21 декабря 1972 г.:

«Исходя из принципиальных основ нашей политики мира, добрососедства и дружбы между народами, Советский Союз выдвинул идею создания системы коллективной безопасности в Азии. Из некоторых столиц распространяются утверждения, будто наше предложение имеет целью «сдерживать» или «окружить» Китай. Подобные утверждения лишены всяких оснований. Мы представляем себе дело так, что КНР станет полноправным участником такой системы». (Газ. «Правда», 22. XII. 72 г.)

Если лидеры КНР действительно не добиваются каких-либо преимуществ и привилегий для себя в Азии и не вынашивают планов установления китайской гегемонии в этом районе, то они вынуждены будут рано или поздно присоединиться к коллективным усилиям по поддержанию прочного мира на Азиатском материке. Либо они сделают это, либо

³ См. «Правда», 21. III. 1972.

разоблачат себя как враги мира и зачинщики смуты и обострения напряженности.

В свое время правительство КНР, когда оно стояло на интернационалистических позициях, само выдвигало предложение о заключении пакта мира между странами Азии и Тихого океана, открытого для всех стран, включая США. В 1957 г. в Пекине было подписано совместное советско-китайское заявление, в котором указывалось: «Обе стороны считают, что замкнутые военные группировки должны быть заменены системой коллективного мира и коллективной безопасности». Теперь же позиции китайского руководства круто изменились и Пекин настойчиво советует американским правящим кругам... «не уходить» из Азии. Не кто иной, как премьер КНР Чжоу Энь-лай, открыто рекомендовал американским конгрессменам Форду и Боггеу «сохранить американское присутствие в Азии и в других районах».

Предпринимаются также попытки опровергнуть идею коллективной безопасности и с помощью различного рода вымыслов о том, что Советский Союз якобы намерен «заполнить вакуум», который образуется в Азии в связи с «уходом» из этого района старых колониальных держав. Империалистическая пропаганда пытается запугать народы Азии тем, что США и Англия, дескать, уходят из Азии, а их место намерен занять Советский Союз и что в этих целях он якобы выдвигает предложение о коллективном обеспечении мира в азиатской зоне.

В Советском Союзе с гневом отвергаются подобного рода утверждения. Выдвигая новый подход к обеспечению мира и безопасности народов в Азии, Советский Союз не добивается для себя никаких привилегий и готов, как говорится, на равных, вместе со всеми азиатскими странами искать надежные пути к прекращению империалистической агрессии, ослаблению напряженности и оздоровлению всей обстановки в Азии.

Попытки реакционных кругов Запада извратить суть советских предложений о коллективной безопасности в Азии можно легко понять, если учесть, что эти предложения направлены против империалистического разбоя и преследуют цель укрепления свободы и национальной независимости азиатских народов, их государственного суверенитета и безопасности.

Территориальная целостность и незыблемость послевоенных границ

Коллективная безопасность в Азии, равно как в Европе, немыслима без признания принципа нерушимости существующих границ между азиатскими государствами, их территориальной целостности. Строгое соблюдение этого принципа особенно важно сейчас, когда империалистические державы еще не отказались от планов перекройки послевоенных границ, продолжают предъявлять территориальные претензии, используют вопрос о границах для натравливания одних народов на другие.

Важность признания принципа нерушимости границ и территориальной целостности государств будет особенно ясна, если мы вспомним, что большинство войн в прошлом начиналось с территориальных притязаний, с нарушения существующих границ. Утверждение в практике международных отношений принципа нерушимости существующих границ способствовало бы устранению одной из важных причин, порождающих напряженность в мире и создающих почву для возникновения вооруженных конфликтов.

Уходя под натиском национально-освободительного движения из Азии, колонизаторы оставляли позади себя «мины замедленного действия» в виде искусственно созданных территориальных и иных разногласий. Классическим примером империалистической политики разделения и властью является раздел английскими колониальными стратегами бывшей британской Индии на Индию и Пакистан в 1947 г.

Обострению обстановки в Индостане содействовали и пекинские лидеры. Раздувая территориальные споры с Индией, китайское руководство пошло на прямое столкновение в 1959 г., на развязывание крупного международного конфликта между Китаем и Индией в 1962 г.

Китайские социал-шовинисты искусственно создают так называемую территориальную проблему в отношениях между СССР и КНР. Они продолжают твердить, что ныне существующая граница между двумя государствами является «спорной», что Советский Союз якобы должен «уступить» Китаю территории, «отторгнутые» царским правительством от богдыханского Китая более ста лет тому назад.

Многие ранее покоренные китайскими феодалами народы Азии ценой огромных жертв добились освобождения, но нынешние лидеры КНР не хотят считаться с этим и изображают дело таким образом, будто Китай имеет какие-то права на эти территории как исторически принадлежащие Китаю. В связи с недавним появлением в КНР пресловутого «Атласа» — этого наглядного свидетельства великодержавных устремлений Пекина — монгольская газета «Унэн» писала: «Искажая историческую действительность, маоисты пытаются утверждать, что якобы наша страна была частью территории Китая. Это еще раз свидетельствует о том, что маоисты совершенно необоснованно претендуют на территории других государств, вынашивают бредовые великодержавно-гегемонистские идеи»⁴.

Пекинские лидеры очень быстро «забыли», как еще сравнительно недавно американские империалисты с помощью своего седьмого флота оторвали от КНР остров Тайвань и теперь они вместе с ними занимаются разжиганием территориальных конфликтов между другими народами. Маоисты стремятся не допустить территориального урегулирования между Индией и Пакистаном, не хотят признать реально существующего государства Бангладеш и ведут международную кампанию остракизма против этого молодого государства. Китайские шовинисты науськивают японских реваншистов на советские территории, советуя им занять более твердую позицию в отношении Курильских островов, навсегда возвращенных в состав Советского Союза.

Несмотря на то что после окончания второй мировой войны прошло 27 лет, японские правящие круги с упорством, достойным лучшего применения, продолжают твердить, что «территориальный вопрос» между СССР и Японией еще не решен, и раздувают в стране реваншистскую кампанию за «возвращение» т. н. «северных территорий». Пора наконец понять, что никто не намерен пересматривать итоги второй мировой войны. В Советском Союзе твердо считают, что послевоенные границы государств священны и неприкосновенны.

Все, кто добивается прочного мира и оздоровления обстановки в Азии, должны прежде всего признать принцип территориальной целостности государств и пресекать всякие попытки в направлении перекройки послевоенных границ.

⁴ «Унэн», 17.IX.1972.

Защита суверенности государств и невмешательство во внутренние дела

Организация системы коллективной безопасности немыслима без строгого соблюдения принципов независимости и национального суверенитета, равноправия и невмешательства во внутренние дела. Важнейшим условием, которого должны придерживаться сторонники сотрудничества на коллективной основе, является признание равенства всех государств независимо от их размеров, численности населения, военной и экономической мощи, социального строя.

Практическое применение этого важнейшего принципа означает, что азиатские государства должны быть гарантированы от любых форм вмешательства в их внутренние дела. К сожалению, обстановка в Азии еще такова, что многие страны, особенно малые, подвергаются постоянному политическому, военному или экономическому нажиму со стороны империалистических держав США, Англии, Японии, которым все чаще подражают и подыгрывают пекинские лидеры.

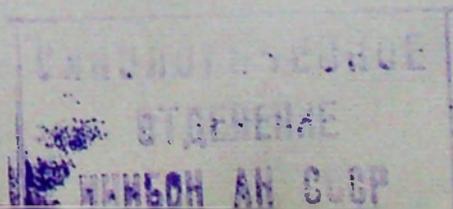
Естественно, что наибольшую тревогу у народов Азии вызывала военная интервенция США во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. История еще не знала примеров такого грубого и циничного вмешательства во внутренние дела суверенных народов, какое имело место на Индокитайском полуострове. Опасность для всеобщего мира и спокойствия на континенте представляет агрессия Израиля против арабских народов, а также происки империалистических держав и маоистского Китая на Индостанском субконтиненте против Индии и Народной Республики Бангладеш.

Если вмешательство США и других империалистических держав во внутренние дела азиатских народов часто носит открытый, грубо насильственный характер, то другая великая держава — Китай, предпочитает распространять свое влияние в Азии с помощью подрывных действий изнутри. Можно было бы привести множество примеров проводимой маоистами политики шантажа, давления и вмешательства во внутренние дела других стран, внесения раскола в ряды прогрессивных сил и национально-освободительного движения.

Выше уже упоминалась провокационная политика Пекина в отношении Индии, Пакистана и Бангладеш, что дало основание индийской газете «Таймс оф Индия» заявить: «Китай ведет на Индостанском субконтиненте холодную войну».

В памяти еще живы трагические события, которые по вине пекинских лидеров пришлось пережить индонезийскому народу после сентябрьского инцидента 1965 года. Однако эти мрачные уроки ничему не научили пекинских авантюристов. Они продолжают политику шантажа и подрывных действий. Пекинские раскольники приложили свои руки к кровавым событиям, которые поставили летом 1970 г. молодое независимое государство Шри Ланка на грань катастрофы. И как ни старались маоисты замести здесь свои следы, это им не удалось. Общественность Шри Ланка широко осведомлена о той грязной роли, которую сыграл Пекин.

Маоисты не прекращают своих провокаций в Бирме, где они сеют смуту среди народов этой многонациональной страны и выступают против прогрессивных социально-экономических преобразований, проводимых правительством Не Вина. Под постоянным политическим и пропагандистским нажимом Пекина находятся народы Малайзии, Сингапура, Непала, Филиппин и других стран. Пекинские раскольники расширяют свою подрывную деятельность в странах Арабского Востока, пытаются

оторвать национально-освободительное движение арабских народов от их главного союзника — Советского Союза и других социалистических стран, толкают отдельные борющиеся движения на необдуманные, авантюристические действия.

Вот что пишет по поводу подрывной деятельности Пекина французский журнал «Курье де политик этранжер»: «Постоянное вмешательство Пекина во внутренние дела Индии привело в 1969 г. к созданию экстремистской маоистской группировки. Нападки китайских руководителей на решения Ташкентской встречи в 1966 г., а затем на соглашения, заключенные в Симле, доказывают стремление Пекина разжечь индо-пакистанский конфликт. Позиция Китая в отношении Бангладеш, колонии, которая освободила себя, служит еще одним доказательством политической изворотливости страны, которая претендует на руководство антиколониалистской борьбой. Китайское вето в ООН, запретившее Бангладеш вступить в ООН, — новое доказательство пекинской политики, основанной на принципе «чем хуже, тем лучше». Та же тактика и в Бирме, где Пекин, вмешиваясь во внутренние дела этой страны, оказывает помощь прокитайским партизанам, борющимся против правительства Не Вина. Эта помощь Пекина была особенно значительной летом 1967 г. и в последующие годы, когда китайские власти старались экспортировать «культурную революцию». Единственным результатом этих маневров были кровавые беспорядки в Рангуне».

Высказывания французского журнала, как говорится, бьют «не в бровь, а в глаз».

Важнейшая цель создания системы коллективной безопасности в Азии в том и состоит, чтобы прекратить вмешательство в любой форме, с любой стороны, от кого бы оно ни исходило, предоставить всем азиатским странам полную возможность для свободного и независимого развития.

Роспуск блоков и сокращение вооружений — неременное условие стабильности

Советский Союз всегда считал, что существование военно-политических блоков и закрытых группировок является одним из важнейших источников напряженности.

Наличие военных блоков и многочисленных баз на чужих территориях влечет за собой содержание крупных вооруженных сил, раздувание военных бюджетов. В некоторых странах расходы на военные цели достигают более трети национального бюджета. Военные расходы в Южной Корее в 1971 г. составили 23,4% общего бюджета, в Израиле — более 40%. Резкое увеличение военных расходов наблюдается в Японии, Таиланде и других странах.

Обстановка военной истерии и наращивание вооружений в «блоковых» странах вынуждают даже страны, проводящие миролюбивую политику, принимать меры для ограждения своей независимости, увеличивать оборонные бюджеты. Борьба против израильской агрессии поглощает более половины государственного бюджета Сирии и Египта, напряженность обстановки на Индостанском полуострове вынудила индийское правительство в 1971—1972 гг. значительно увеличить ассигнования на нужды обороны страны.

Поскольку агрессивные блоки создаются для проведения политики «с позиции силы», они должны быть распущены. Наряду с ликвидацией

этих блоков необходимо также провести комплекс различных мер, направленных на военную разрядку. К числу таких мер можно отнести ликвидацию военных баз (в частности, американских баз в Японии, Южной Корее, на Тайване, соответственно на Филиппинах и т. д.), вывод всех иностранных войск с чужих территорий, сокращение численности вооружений, создание безъядерных зон, отказ от применения силы и угрозы ее применения и т. п.

Что касается Европы, то страны социалистического содружества исходят из того, что радикальным средством достижения разрядки в этом районе явилось бы одновременное упразднение НАТО и Варшавского Договора. Поскольку страны НАТО выступают против ликвидации своего блока, социалистические страны готовы идти к решению этой проблемы путем проведения частичных мер, которые включали бы ликвидацию военных организаций НАТО и Варшавского Договора, сокращение военных бюджетов, сокращение вооруженных сил и т. п. При этом решение вопроса о сокращении вооружений и вооруженных сил мыслится таким образом, чтобы оно не поставило под угрозу безопасность стран, которые примут участие в таком сокращении, чтобы в осуществлении программы разоружения участвовали не только ядерные державы, но и страны, заинтересованные в военной разрядке.

Советский Союз не ограничивается выражением общих пожеланий относительно прекращения гонки вооружений. Он принимает конкретные меры в этом направлении. Еще в 1965 г. он внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию о созыве всемирной конференции за разоружение, которая была принята подавляющим большинством голосов. Развернувшиеся дебаты по этому вопросу на последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН показали, что большинство стран высказались за то, чтобы конференция состоялась в 1974 г. с участием всех государств мира, без какой бы то ни было дискриминации.

Большой отклик в мире вызвало и предложение Советского Союза «О неприменении силы в международных отношениях и о запрещении навечно ядерного оружия». Большинство стран — членов ООН активно поддержало эту новую советскую инициативу как важную акцию, направленную против агрессии, колониализма, любых форм международного произвола и насилия.

В результате длительных усилий нашей страны удалось договориться с Соединенными Штатами Америки о некоторых позитивных шагах в отношении сдерживания стратегических вооружений. Подписанные недавно в Москве Договор об ограничении системы противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и достигнутое согласие обеих сторон продолжать усилия в целях ограничения наступательных видов оружия уменьшают опасность возникновения войны, способствуют разрядке не только в Европе, но и в других районах мира, в том числе в Азии.

Оздоровление международной обстановки в целом и достижение конкретных результатов в области сдерживания гонки вооружений создают необходимые предпосылки и для позитивного решения таких давно назревших проблем в Азии, как отказ от обанкротившейся политики сохранения старых и создания новых блоков и замкнутых группировок, ликвидация существующих и недопущение развертывания на чужих территориях новых военных баз, прекращение гонки вооружений, отказ от решения спорных вопросов с помощью силы или угрозы ее применения.

Все более широкие круги азиатской общественности ставят вопрос о ликвидации таких оплотов холодной войны, как военно-политические блоки СЕАТО, АЗПАК, АНЗЮС, АНЗЮК, АСЕАН, ставших политическими анахронизмами.

Весьма показательным в этом отношении является изменение политики Пакистана в отношении СЕАТО, в котором страна состояла со дня его основания. Под давлением общественности гражданское правительство во главе с Бхутто объявило о выходе Пакистана из этого блока. Все это яркое свидетельство тех перемен, которые происходят в политическом климате Азии. Даже в политических кругах Таиланда, где расположен штаб СЕАТО, как передает агентство Франс Пресс, «требуют, чтобы Организация договора для Юго-Восточной Азии (СЕАТО) отказалась от своей антикоммунистической позиции в области обороны для того, чтобы приспособиться к меняющемуся положению в Юго-Восточной Азии».

В несколько более осторожной форме о подобных тенденциях сообщает японская печать. Так, газета «Асахи» приходит к выводу, что «в странах, входящих в АСЕАН, возникло движение за укрепление взаимного экономического сотрудничества, за нейтрализацию этих стран с целью достижения полной независимости». Газета рекомендует своему правительству «выработать программу азиатской дипломатии на основе пяти принципов мира, направленных на укрепление отношений сотрудничества с этими странами, чтобы внести вклад в дело мира во всем мире и ослабления напряженности в Азии». Другая японская газета, «Майнити», также считает, что в Азии происходят коренные изменения, которые ставят в повестку дня вопрос о срочном проведении «структурного усовершенствования СЕАТО и АЗПАК».

В самых широких кругах японской общественности все активнее ставится вопрос о необходимости аннулирования японо-американского «договора безопасности», выдвигаются различные идеи создания новой системы безопасности с участием великих держав, включая США, СССР, Китай и Индию.

Идея коллективной безопасности в Азии, выдвигаемая СССР, постепенно находит своих сторонников и среди правящих кругов Японии; в частности, эту идею поддержал видный деятель правящей Либерально-демократической партии Кэндзо Коно⁵.

За новый подход к обеспечению безопасности на внеблоковой основе высказываются такие страны, как Индия, Афганистан, Бангладеш, Малайзия, Шри Ланка, Сингапур.

«Индийское правительство,— заявил министр иностранных дел Индии Сваран Сингх,— всегда выступало в поддержку инициатив, направленных на укрепление мира и безопасности, на разрядку международной напряженности, а именно под эту категорию и подпадает предложение Л. Брежнева... Индия неуклонно придерживалась пяти принципов мирного сосуществования и выступала за заключение пактов о ненападении между странами этого района... вместе с другими неприсоединившимися странами призывала провозгласить Индийский океан зоной мира»⁶.

«Конечно,— пишет афганская газета «Караван»,— решить проблему безопасности в Азии — дело сложное. Но страны этого района не могут обойтись без регионального сотрудничества. Оно им просто необ-

⁵ См. сообщение ТАСС из Токио. «Правда», 29. III. 1972.

⁶ «За рубежом», 1972, № 23, стр. 14.

ходимо, и им есть с кого брать пример. Яркий пример — отношения Афганистана и Советского Союза, Афганистана и Индии. Чем шире будет круг стран, связанных узами такого сотрудничества, тем лучше для них и для всего района»⁷.

Даже в странах, втянутых в военные блоки, растет понимание того, что безопасность на коллективной основе дает более надежные гарантии сохранения национальной независимости и самостоятельного развития. Большой отклик в странах, входящих в АСЕАН, вызвало предложение премьер-министра Малайзии Абдул Разака о нейтрализации Юго-Восточной Азии. Этот вопрос обсуждался на конференции министров иностранных дел государств — членов АСЕАН в ноябре 1971 г., завершившейся принятием «Декларации о мире, свободе и нейтралитете». Последовавшее затем обращение к Советскому Союзу и другим великим державам выступить в качестве гарантов нейтрализации Юго-Восточной Азии является свидетельством новых позитивных тенденций в Азии.

Весьма характерным для новых настроений в Азии явилось и выступление президента Маркоса на заседании филиппинского конгресса, в котором он заявил, что Филиппины будут руководствоваться необходимостью расширения международных связей, в том числе и со странами, придерживающимися иной политической ориентации, то есть с социалистическими государствами.

Общее настроение азиатских народов, требующих ликвидации существующих военно-политических блоков и замкнутых группировок, хорошо выражено в словах Первого секретаря ЦК МНРП г. Цеденбала, который, выступая на XVI съезде Монгольской народно-революционной партии, сказал: «Идея создания системы коллективной безопасности в Азии, выдвинутая Советским Союзом, находит поддержку у народов Азии, которые видят в создании такой системы надежную гарантию обеспечения мира на континенте»⁸.

Конечно, проблема ликвидации блоков и замены их системой коллективной безопасности в Азии весьма трудна и сложна. Эти трудности связаны не только с сопротивлением империалистических государств, но и с позицией китайского руководства, домогающегося гегемонистского преобладания Пекина в Азии. Маоисты не в состоянии противопоставить советской программе коллективного мира конструктивную платформу в решении актуальных проблем современности, и они встали на обанкротившийся путь сколачивания блоков и гонки вооружений.

Тем не менее поставленная цель — создание системы коллективной безопасности в Азии — реальна и достижима. Все, кому дорого дело мира и безопасности народов, должны объединить свои усилия, чтобы добиться этой цели.

От общих принципов к конкретным позитивным действиям

Советское предложение о создании системы коллективной безопасности — это еще не готовый план, а только генеральная идея, содержащая ряд основных принципов. Идея коллективной безопасности требует всесторонней разработки, наполнения конкретным содержанием. Понятие коллективной безопасности складывается не только из суммы известных принципов, но и включает в себя широкий комплекс шагов, приз-

⁷ См. «За рубежом», № 23, 1972, стр. 14.

⁸ «Правда», 8.VI.1971.

ванных развивать практическое сотрудничество и взаимовыгодные связи между азиатскими странами в самых различных областях. Это сфера политики и экономики, торговли, область культурного, научно-технического обменов. Такое многоплановое сотрудничество способствовало бы поискам новой системы межгосударственных отношений, углублению взаимопонимания и доверия между странами с различным социальным строем, позволило бы полнее использовать преимущества международного разделения труда в интересах экономического и социального прогресса народов Азии, повышения их жизненного уровня.

Однако практическое решение всех этих проблем станет возможным только после того, как будут потушены очаги военных конфликтов на Азиатском континенте. Установление прочного мира и безопасности в Азии предполагает прежде всего полное мирное урегулирование в Индокитае, а также ликвидацию военного конфликта, развязанного Израилем на Ближнем Востоке.

Война во Вьетнаме унесла несколько миллионов жизней вьетнамских граждан. В ней погибло также более 50 тыс. американцев; свыше 300 тысяч американских солдат и офицеров получили ранения, многие из которых на всю жизнь остались калеками. Над небом Вьетнама сбито более 4000 американских самолетов. Война во Вьетнаме обошлась американским агрессорам в огромную сумму. Только прямые расходы на войну составили около 150 млрд. долл., что в пять раз превышает расходы США во время первой мировой войны и больше половины средств, израсходованных ими во время второй мировой войны.

Но какими цифрами можно измерить людские потери и тот материальный ущерб, который нанесли американские агрессоры народному хозяйству ДРВ, какой мерой можно определить глубину бедствий и страданий, через которые прошли геронческий народ Вьетнама, мужественные патриоты Лаоса и Камбоджи! некогда цветущие города и поселки этих стран превращены в пепелища, вековые джунгли обезображены напалмом, миллионы мирных жителей убиты и искалечены, сотни тысяч остались без крова.

Огромные материальные потери и глубокие страдания принесла израильская агрессия арабским народам. И этот якобы «местный» конфликт таит в себе большую опасность международного масштаба. Ликвидация ближневосточного кризиса на основе известной резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 г. и включение Ближнего Востока в систему коллективной безопасности стран Азии коренным образом оздоровили бы всю обстановку в этой ныне огнеопасной зоне.

Переводя идею коллективной защиты мира в плоскость практической политики, Советский Союз продолжает усилия по дальнейшей популяризации концепции коллективной безопасности, ведет поиски лучших форм ее реализации. Коллективный подход к организации безопасности требует и коллективного подхода к выработке структуры этой безопасности. Каждая страна Азии может проявить любую инициативу и выдвинуть любое предложение, которые должны быть самым внимательным образом изучены на коллективной основе. Советский Союз готов вместе с другими странами подвергнуть рассмотрению все конкретные идеи, если они направлены на создание надежной системы мира и безопасности в Азии.

Заслуживают, например, внимания некоторые соображения, высказанные на Лусакской конференции, относительно превращения Индийского океана в зону мира. В Советском Союзе с пониманием относятся к Декларации о нейтралитете Юго-Восточной Азии, принятой на заседа-

нии министров иностранных дел стран — участниц Ассоциации стран ЮВА (АСЕАН). Важно, чтобы высказываемые идеи не были направлены против других стран и преследовали цель ослабления напряженности и упрочения мира.

Преобразование Азии в континент мира и сотрудничества потребует немало усилий со стороны всех стран, различных политических сил и движений. Понадобится также немало времени, чтобы объединить усилия азиатских стран в этом направлении. Предстоит большая работа по проведению консультаций на разных уровнях, в ходе которых будут обсуждаться различные аспекты сотрудничества на общеазиатской основе. Уже сейчас во многих странах высказываются различные мнения относительно структуры и механизма будущей организации. Предлагается, в частности, предусмотреть проведение периодических встреч глав государств и правительств для рассмотрения общей ситуации на континенте и выработки рекомендаций, касающихся поддержания мира и обеспечения безопасности.

Следует напомнить, что уже вскоре после окончания второй мировой войны многие страны Азии проявили инициативу в деле организации такого регионального сотрудничества. В 1947 г. в Дели была созвана Первая азиатская конференция, в которой приняли участие представители около тридцати государств. Выступая на этой конференции, премьер-министр молодой независимой республики Индии Джавахарлал Неру сказал:

«Для того чтобы создать «мир единства», мы в Азии должны подумать о взаимном сотрудничестве азиатских стран».

Некоторые страны, особенно малые, волнует вопрос о международных гарантиях их политической и экономической независимости. Многие проявляют интерес к таким проблемам, как организации взаимовыгодного экономического сотрудничества и торговли, ограждение развивающихся стран от экономического колониализма империалистических держав. В связи с этим высказываются мнения относительно необходимости создания общеазиатского центра экономической помощи, который бы взял на себя функции регулирования движения капитала, промышленных изделий и сырья на континенте, вырабатывал рекомендации об охране окружающей среды и т. п. Известный положительный опыт уже накоплен в этой области Экономической комиссией ООН для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ), созданной в 1947 году.

Разумеется, что цели и структура будущей организации должны определяться в полном соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и помогать этой всемирной организации в ее усилиях по поддержанию международного мира и укреплению всеобщей безопасности.

Большую роль в создании надежной системы безопасности на общеазиатской основе призваны сыграть общественно-политические силы континента. Усилия государственных и политических деятелей должны быть подкреплены развертыванием активных действий общественных сил — политическими партиями, массовыми движениями и организациями, выступающими за разрядку напряженности и оздоровление обстановки. Демократической общественности стран Азии предстоит провести огромную работу по вовлечению в движение за безопасность профсоюзных кругов, видных общественных деятелей, влиятельных представителей политических партий, деятелей науки, культуры и искусства, парламентариев. Объединение широких и разнообразных политических направлений и течений общественного мнения должно быть открыто для всех сил, которые пожелают к нему присоединиться.

Миротворительным силам придется преодолевать сопротивление империалистической реакции прилагать немало усилий, чтобы расчистить многочисленные завалы, оставшиеся от времен холодной войны, и рассеять атмосферу недоверия и подозрительности. Силы реванизизма, шовинизма и милитаризма не уйдут со сцены автоматически, они будут стремиться похоронить любые инициативы, ведущие к налаживанию и установлению сотрудничества и безопасности в Азии.

И все же имеется достаточно оснований для того, чтобы с оптимизмом смотреть в будущее Азиатского континента. Намечился определенный поворот в Индокитае, где конфликт вступил в стадию мирного урегулирования. На Корейском полуострове ведутся поиски путей мирного объединения страны на мирной, демократической основе, без иностранного вмешательства. Подписанное в Симле соглашение между Индией и Пакистаном предусматривает укрепление добрососедства между двумя странами. Реализация этого соглашения в полном объеме внесет весомый вклад в оздоровление политического климата не только на субконтиненте, но и во всей Азии. Заключенные в 1971—1972 гг. договоры СССР с Индией, АРЕ и Ираком создают благоприятные условия для объединения коллективных усилий в интересах создания атмосферы добрососедства и взаимного доверия. Наконец, советско-американские переговоры в Москве, завершившиеся подписанием многих важных документов, открывают возможность строить отношения между противоположными политическими системами на основе принципов мирного сосуществования, создают необходимые предпосылки для нормализации всей международной обстановки и ликвидации «горячих» точек на земном шаре.

Позитивные сдвиги, происходящие во всем мире, и прежде всего в Европе, положительно развивающаяся подготовка к проведению европейского совещания по безопасности и сотрудничеству, создают уверенность в том, что выдвинутое Советским Союзом предложение по обеспечению коллективной безопасности в Азии является своевременной инициативой, открывающей реальные перспективы превращения Азиатского континента в зону устойчивого мира и сотрудничества народов.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» ПОСТУПАЮТ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ, В КОТОРЫХ ОНИ ВЫРАЖАЮТ ПОЖЕЛАНИЯ УВИДЕТЬ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ОТВЕТЫ НА СОДЕРЖАЩИЕСЯ В ИХ ПИСЬМАХ ВОПРОСЫ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ.

РЕДАКЦИЯ ОБРАТИЛАСЬ С ПРОСЬБОЙ К РЯДУ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ-КИТАЕВЕДОВ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ ИНТЕРЕСУЮТ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ. В ЧИСЛЕ УЧАСТНИКОВ «КРУГЛОГО СТОЛА»:

- Г. В. АСТАФЬЕВ, доктор исторических наук;
- Л. М. ГУДОШНИКОВ, доктор юридических наук;
- Е. Ф. КОВАЛЕВ, доктор исторических наук;
- В. А. КРИВЦОВ, кандидат философских наук;
- В. С. МЯСНИКОВ, кандидат исторических наук;
- М. И. СЛАДКОВСКИЙ, член-корреспондент АН СССР;
- С. Л. ТИХВИНСКИЙ, член-корреспондент АН СССР;
- Н. Т. ФЕДОРЕНКО, член-корреспондент АН СССР;
- А. Г. ЯКОВЛЕВ, кандидат экономических наук.

ВОПРОС: Некоторые буржуазные социологи, преследуя цель дискредитировать марксизм-ленинизм в глазах широких масс несоциалистических стран, изображают «идеи Мао Цзэ-дуна» как коммунистическое учение, будто бы отражающее коренные интересы китайских рабочих, крестьян и интеллигенции. В связи с этим возникает вопрос: какова социальная опора маоизма в Китае и как ее оценивать с позиции марксизма-ленинизма!

ОТВЕТ: На этот вопрос следует дать вполне определенный ответ — маоизм враждебен рабочему классу, крестьянству и народной интеллигенции Китая, потому что он:

— перечеркивает надежды китайских трудящихся построить в ближайший исторический период социализм в Китае, искусственно ставя его достижение в прямую зависимость от победы революции во «всемирном масштабе»;

— выступает против естественного стремления китайского народа улучшить свою жизнь, сделать ее обеспеченной и радостной, выдвигая в противовес этому лозунг «не бойся лишений, не бойся смерти»;

— подавляет все живое, творческое, критическое в китайском народе, пытаясь превратить его в недумающих солдатиков, роботов «великого кормчего», безликую серую массу;

— подменяет коллективное руководство коммунистической партии «высшими и новейшими указаниями» одного человека;

— отравляет сознание китайского народа ядом антисоветизма и шовинизма, окрашенного ультраревOLUTIONНОЙ демагогией, подменяет чувство национальной гордости чувством национального чванства и национальной исключительности;

— искусственно натравляет одну группу населения на другую — учащихся на интеллигенцию, военных — на рабочий класс, крестьянство — на кадровых работников и т. д. и т. п.

Означает ли это, что «идеи Мао Цзэ-дуна» представляют собой надсоциальное явление и лишены связи с социальной структурой китайского общества? Нет, не означает.

Истоки появления маоизма, как правило, выводят из социально-экономической отсталости Китая, в котором преобладает сельское население. Обращается, например, внимание, что накануне победы китайской революции китайские крестьяне составляли 90 процентов всего населения, что Китай — страна типично крестьянская, лишенная развитого крупнопромышленного пролетариата, и т. д. и т. п. Одним словом, крестьянская стихия рассматривается «колыбелью» маоизма. Такой подход совершенно правомерен, потому что любое идейное течение, как учит марксизм-ленинизм, возникает на определенной социально-экономической основе.

Классики марксизма-ленинизма глубоко и всесторонне исследовали социальную природу крестьянства. Они подчеркивали, что в силу своего особого положения в общественном производстве крестьянин является носителем двух противоположных сторон. Крестьянин как труженик является носителем прогрессивного и революционного, а как мелкий собственник — носителем консервативного и реакционного. «Тут борьба двух душ, — говорил В. И. Ленин, — которая вытекает из экономического положения крестьянства»¹.

Подлинные марксисты-ленинцы апеллируют к прогрессивной и революционной стороне крестьянства, используют эту сторону для установления союза крестьянства с рабочим классом, который может повести его по пути социализма. Правые и «левые» оппортунисты апеллируют к консервативной и реакционной стороне крестьянства, эксплуатируют его предрассудки в своих корыстных интересах. Это положение марксизма-ленинизма применимо к крестьянству любой страны, в том числе и к китайскому.

Маоисты, не отражая подлинных интересов китайского крестьянства, используют в своих интересах его отсталые взгляды и настроения. «Видеть в маоизме, — писал академик П. Н. Федосеев, — выражение взглядов всего крестьянства — это значит отождествлять мелкобуржуазные, примитивно-анархистские предрассудки крестьянства с его коренными жизненными интересами. В самом деле, разве можно, не покидая почву марксизма-ленинизма, утверждать, что «культурная революция», разгром партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, ликвидация социалистической демократии выражают коренные интересы крестьянства? Разумеется, нельзя»².

Китайское крестьянство имеет богатые революционные традиции. В то же самое время нельзя не учитывать, что оно в социально-экономическом плане является крайне отсталым. До образования КНР в китайской деревне господствовали феодальные и полуфеодальные производственные отношения, хозяйство носило главным образом натуральный характер, товарно-денежные отношения находились в зачаточной

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 40, стр. 308.

² «Правда», 5.XII.1971.

форме, имели место остатки родовой собственности на землю. Патриархальность, слабая классовая дифференциация, крайняя культурная отсталость, сильные пережитки различных религиозных верований — таковы были типичные черты китайской деревни.

В 1955—1956 гг. в КНР произошли глубокие социально-экономические преобразования: 500 миллионов крестьян были объединены в сельскохозяйственные производственные кооперативы. В сельском хозяйстве господствующей формой собственности стала кооперативная собственность. Но утвердившиеся новые производственные отношения были крайне незрелыми, потому что они опирались на отсталую материально-техническую базу. Так, в 1958 г., когда все китайские крестьяне уже были объединены в сельскохозяйственные производственные кооперативы, 98,4 процента пахотных земель обрабатывалось примитивными сельскохозяйственными орудиями и только 1,6 процента — тракторами³.

Нельзя упрощенно подходить к вопросу о кооперировании мелких производителей — будто бы простая кооперация сразу же делает их настоящими членами социалистического общества. Превращение крестьянина-единоличника в крестьянина-коллективиста представляет собой сложный процесс и требует длительного времени, особенно если кооперированное сельское хозяйство опирается на отсталую материально-техническую базу. Это как раз наблюдается в Китае.

Простая кооперация приобщала китайского крестьянина к коллективному труду и оказывала определенное влияние на переделку его патриархальной психологии. Однако, как известно, без современного производства невозможно изменить отсталые взгляды крестьян. Это подчеркивал В. И. Ленин, говоря, что решить вопрос «по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию, может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе...»⁴.

Китайское крестьянство (особенно его беднейшая часть), хотя и кооперировано, однако значительная часть его остается во власти патриархальных взглядов, старых традиций, предрассудков, мистики.

Маоизм заигрывает с китайским крестьянством, эксплуатирует его консервативные стороны в своих честолюбивых целях. «Идеи Мао Цзэ-дуна» находят «отклик» в крестьянских массах именно потому, что они импонируют их отсталым, патриархальным взглядам.

В китайской печати можно прочесть такие утверждения: «Учиться передовой идеологии у бедняков и низших середняков»; «Бедняки и низшие середняки сами руководят торговлей»; «Бедняки и низшие середняки руководят школами»; «Бедняки и низшие середняки выращивают своих лекарей». В китайской печати можно встретить и такие утверждения: «Крестьяне-бедняки и низшие середняки — наши лучшие учителя».

Такие заявления призваны не столько утвердить идею о руководящей роли крестьян-бедняков, сколько искусственным и обманным путем создать социальную базу, на которую Мао Цзэ-дун мог бы опереться для реализации своих замыслов.

Мао Цзэ-дуну чужд исторический подход: идеалы уравнилельного утопического социализма, которые, несомненно, имели прогрессивное значение в борьбе с феодализмом, он переносит совершенно в иную эпоху — в эпоху строительства социализма, когда уравнилельность стала

³ См. Ню Чжун-хуан. Путь индустриализации Китая. Пекин, 1958, стр. 21.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 60.

реакционным фактором, препятствующим развитию производительных сил.

Маоизм пытается привлечь на свою сторону и китайский рабочий класс, особенно малоквалифицированных рабочих, имеющих небольшой производственный стаж работы и легко подверженных мелкобуржуазному влиянию.

Промышленный рабочий класс к моменту победы китайской революции был малочислен (около 3 млн. человек) и сравнительно молод. Он был тесно связан с деревней, которая привносила в рабочую среду феодально-патриархальные традиции. Быстрый рост рабочего класса в период «большого скачка» проходил главным образом за счет крестьянства, и это не могло не сказаться на понижении его классовой сознательности. После провала «большого скачка» 20—30 миллионов рабочих были отправлены обратно на свое прежнее место жительства — в деревню. Однако размывание рядов потомственных рабочих огромной крестьянской массой оставило свой глубокий след⁵.

Маоистам удалось расколоть ряды рабочего класса: запугать и изолировать его небольшое по количеству, политически сознательное ядро и одурачить социальной демагогией политически незрелую часть рабочих. Необученные и слабоквалифицированные рабочие, живя в тяжелых условиях и получая низкую заработную плату, воспринимали как должное маоистскую демагогию о «всеобщем равенстве», о «реакционности» социалистического принципа оплаты по труду, о социальном нивелировании.

Социальная демагогия Мао Цзэ-дуна позволила ему увлечь за собой часть китайского рабочего класса, введенного в заблуждение маоистской пропагандой.

Маоизм пытается найти социальную опору и в многочисленных мелкобуржуазных слоях города. Хотя кустари и торговцы были кооперированы в 1956—1957 гг., однако они все еще находятся во власти мелкобуржуазных предрассудков. Тяжелое экономическое положение, низкий жизненный уровень, стесненные жилищные условия — все это порождает у этой части населения мелкобуржуазное нетерпение и «отчаянную революционность».

Мао Цзэ-дун пытается для укрепления своего политического влияния использовать и национальную буржуазию. После преобразования в КНР частных предприятий в государственно-частные предприятия в 1955—1956 гг. капиталистические элементы, как правило, остались работать на своих прежних местах и стали получать повышенные оклады уже в качестве служащих, а также гарантированный процент на свои прежние капиталы (5% в год). Вначале предполагалось прекратить выплату гарантированного процента в 1962 г. Однако до сих пор национальная буржуазия продолжает получать нетрудовые доходы и повышенные оклады, сохраняет за собой прежние привилегии, занимает важные посты в экономике и государственном аппарате. Такая «великодушная» политика маоистов в отношении последнего эксплуататорского класса в стране вполне устраивает национальную буржуазию. Ее подкупает и великодержавный гегемонистский курс Мао Цзэ-дуна на создание «великого Китая».

Мы рассмотрели, как маоисты используют в своих честолюбивых целях «слабые стороны» различных классов китайского общества. Но, кроме классов, маоизм ориентируется и на определенные группы

⁵ См. А. Холодковская. Рабочий класс Китая сегодня. — «Новое время», 1972, № 39.

и прослойки, которые всегда играли важную роль в политической жизни Китая.

Учащуюся молодежь, которая рекрутировалась главным образом из крестьянских семей, пленили головокружительные лозунги маоистов вроде: «Наш долг — оказать поддержку мировой революции, освободить все человечество»⁶; «Наш великий кормчий председатель Мао Цзэ-дун стоит у руля китайской и мировой революции»⁷.

Политически незрелым студентам, ставшим костяком хунвэйбинов, особенно импонировали «левые» лозунги маоистов, которые призывали не к созиданию, а к разрушению. Вполне возможно, что учащаяся молодежь искренне верила в правильность этих призывов, не подозревая, что окажется орудием в руках Мао Цзэ-дуна в борьбе против здоровых сил в КПК.

«Культурная революция» показала, что маоизм выступил против китайской интеллигенции, рассматривая ее своим потенциальным врагом, разносчиком «ревизионистской идеологии». Однако маоисты, расправляясь с прогрессивной интеллигенцией, воспитанной на марксистско-ленинских идеях, в то же самое время пытаются привлечь на свою сторону ту часть интеллигенции, которая заражена великодержавным шовинизмом.

Роль китайской интеллигенции в национально-освободительном движении китайского народа огромна. Она была и остается наиболее «чувствительной» к лозунгам национального возрождения, и это хорошо понимают маоисты. Мао Цзэ-дун пытается завоевать себе популярность среди китайской интеллигенции националистическими лозунгами.

Мы бы отнесли к социальной силе, на которую пытаются опереться маоисты, и армию, всегда игравшую в истории Китая особую роль: она прежде всего использовалась во внутривнутриполитических целях.

Армия в большинстве своем рекрутируется из крестьян, но таких, которые проявляют лояльность к маоцзэдуновскому режиму. Крестьяне, одетые в солдатскую форму, не избавились от тех предрассудков, которые эксплуатируются маоистами. К тому же военная дисциплина, существующая в армии, облегчает использовать последнюю для осуществления замыслов «великого кормчего».

Вся история старого Китая изобилует междоусобицами, крестьянскими войнами и вооруженными восстаниями. Классовая борьба, как правило, принимала форму вооруженных столкновений между враждующими классами. Понятно, что при отсутствии парламентских традиций, когда господствующие классы опирались только на грубую физическую силу, вооруженной контрреволюции должна была противостоять вооруженная революция. Вот почему КПК в своей деятельности много внимания уделяла военным вопросам, и это исторически вполне оправдывалось. И если акцент на армию был объясним условиями классовой борьбы до образования КНР, то после победы народной революции, когда Китай встал на путь мирного строительства, он не имеет под собой оснований.

Маоцзэдуновский милитаризм находит свое выражение в перестройке всех сторон жизни китайского народа на военный лад, в нагнетании военной истерии под лозунгом «готовиться к войне», «готовиться к стихийным бедствиям». Вопрос ставится в такой плоскости, что армия должна выполнять главным образом не оборонные, а внутривнутриполитические задачи.

⁶ См. «Китай», 1966, № 9, стр. 6.

⁷ Там же, № 11, стр. 36.

В последнее время в китайской печати часто можно встретить установки о том, что «партия руководит армией», что «армия должна учиться у народа», что необходимо укреплять «руководящую роль партийных организаций». Это не означает, что маоисты изменили свой взгляд на армию. В Китае широко пропагандируется призыв Мао Цзэ-дуна: «Всей стране учиться у Народно-освободительной армии, а Народно-освободительной армии — у народа всей страны»⁸. Таким образом, армия и народ по своей значимости ставятся на одну доску. По существу, армия по-прежнему остается главным инструментом маоистской политики.

Из сказанного следует вывод, что маоизм не является идеологией в научном понимании ни одного из классов в Китае, однако в его политике и тактике обнаруживаются специфические «китайские черты» бонапартизма: лавирование между классами и социальными группами, опора на военных, противопоставление различных социальных сил, обожествление Мао Цзэ-дуна и отравление сознания масс мистической верой в его «высшие указания», восхваление народа как решающей силы в истории на словах и превращение его в слепую толпу — на деле.

«Союзниками» маоизма являются невежество, мистика, консерватизм, культурная отсталость, националистические традиции. К этому еще следует добавить, что Мао Цзэ-дун и его окружение в совершенстве владеют таким отравленным оружием в борьбе, как ложь, лицемерие, иезуитство, демагогия, коварство, провокация, софистика, театральщина.

Маоизм давно бы был полностью разоблачен, если бы он свои замыслы открыто противопоставлял интересам китайского народа и международному коммунистическому движению. Свои великодержавные вождения он выдает за интересы китайской нации и всех угнетенных в мире, пытается выступать от их имени, изображает себя последовательным защитником их интересов.

Освободить китайский народ от духовного дурмана — это прежде всего развенчать в его глазах «идеи Мао Цзэ-дуна» как враждебные интересам китайских трудящихся взгляды.

ВОПРОС: Исторический опыт отношений России (в доимпериалистический период) и тем более Советского государства с Китаем свидетельствует о том, что между китайским государством и его «северным соседом» не существовало каких-либо серьезных противоречий. Чем же тогда объяснить причины антисоветизма, который превратился в 60-х годах в стержень внешней политики Пекина!

ОТВЕТ: Одной из наиболее опасных уловок маоизма является утверждение, будто бы в силу особых исторических условий именно Россия (а вслед за ней и Советский Союз) была и остается для Китая врагом номер один. С помощью этой клеветы пекинские руководители пытаются натравить китайский народ на главный оплот содружества социалистических государств — СССР, а заодно, исходя из своих тактических соображений, временно затушевать противоречия Китая с большинством других стран Дальневосточного и Тихоокеанского регионов, а если удастся, то и использовать их в антисоветских целях.

История взаимоотношений нашей страны с Китаем насчитывает более трех с половиной веков. Развиваясь на основе общих закономер-

⁸ Цит. по журналу «Китай», 1972, № 5, стр. 33.

ностей, проявившихся в новой истории всех государств, эти взаимоотношения имели свои специфические особенности. Они заключались в следующем:

— На протяжении периода 1644—1911 годов Россия имела отношения не с собственно китайским государством, а с маньчжурской Цинской империей, подчинившей себе весь Китай. Несмотря на то что китайская феодальная знать являлась опорой маньчжурского владычества, империя выражала в первую очередь интересы маньчжурской правящей верхушки.

— Два с лишним столетия длился период географического сближения и размежевания азиатской территории между Россией и Цинской империей. В течение этого периода в состав Русского государства вошли земли Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана. В процессе формирования территории маньчжурской Цинской империи в нее, помимо собственно Маньчжурии и Китая, были включены Монголия, Восточный Туркестан, Джунгарское ханство, Тибет.

— Россия была первым европейским государством, с которым Цинская империя установила договорные отношения.

— За все время своих взаимоотношений Россия и Китай ни разу не были в состоянии войны друг с другом, хотя в отдельные периоды между ними имела место напряженность. Единственный вооруженный конфликт местного значения возник в конце XVII века, когда Цинская империя, ведя захватнические войны против соседних государств, вторглась в русское Приамурье.

— До периода вступления России в стадию империалистического развития в последней четверти XIX века все основные вопросы ее отношений с Китаем были фактически решены мирно — путем переговоров. В частности, было договорно закреплено территориальное размежевание между двумя соседними государствами.

Таким образом, объективные реалии исторического прошлого двух стран не давали оснований китайскому феодальному национализму и китайскому буржуазному национализму, зарождавшемуся в середине XIX в., рассматривать Россию в качестве силы, особо угрожающей Китаю. Даже наоборот, в официальных документах Цинского правительства того периода подчеркивалось существование традиционных дружественных отношений с Россией.

Вместе с тем надо иметь в виду, что на формирование идеологии китайского феодального и буржуазного национализма глубочайшее влияние оказала традиционная конфуцианская китаецентристская догма, в соответствии с которой китайский император — «сын неба» — являлся верховным повелителем мира, а все государства рассматривались как вассалы китайской империи. В этом свете маньчжурские богдыханы и трактовали свои дружественные отношения с Россией (так, император Юн Чжэн в одном из своих указов в октябре 1727 года писал, что «Россия является мелким вассальным государством»).

Кроме того, на формирование идеологии китайского буржуазного национализма в XIX—XX веках большое воздействие оказали идеологические концепции японских национал-шовинистов; это обуславливалось не только тем, что Япония в этот период вступила на путь империалистического развития, но также и тем, что она была главной базой китайской аниманьчжурской эмиграции. Образно говоря, «китайский буржуазный национализм вырос в японской колыбели». Антирусские тенденции в политике Японии, боровшейся с царской Россией за раздел сфер влияния на Дальнем Востоке, не могли не наложить соответствующий

отпечаток и на формирование идеологических концепций китайских националистов.

Активную роль в насаждении антирусских настроений в Китае играли также западные державы, в первую очередь Англия, Франция, США, видевшие в царской России постоянную угрозу их собственным интересам в Китае. Все средства идеологического воздействия, имевшиеся в распоряжении этих держав, были нацелены на то, чтобы направленные против них антииностранные выступления и настроения китайского народа обратить против России.

К этому следует добавить, что проводимая царским правительством на рубеже XIX—XX веков империалистическая политика в отношении Китая дала повод для усиления в нем антирусских настроений; особую роль в этом сыграли участие России в подавлении «боксерского» восстания и ее поражение в русско-японской войне.

Лишь влияние идей Октябрьской революции и интернационалистская политика Советского государства позволили китайским трудящимся в известной степени освободиться от воздействия на них антирусских националистических взглядов и теорий. Но в годы гоминьдановского господства антирусские настроения вновь стали усиленно прививаться китайскому обществу, но теперь у них была иная, классовая подкладка — антирусизм стал эквивалентом антисоветизма.

Против идеологии антисоветизма в гоминьдановском Китае активно выступали коммунисты-интернационалисты, все передовые патриотические силы, видевшие в «северном соседе» пример для будущего социалистического Китая и мощную опору в борьбе китайского народа против империализма и гоминьдановской реакции, за свое социальное и национальное освобождение.

В первые годы существования КНР в самых различных слоях китайского народа имел место бурный рост симпатий к нашей стране. Для того чтобы побороть эти настроения, маоисты в своих корыстных целях применили весь арсенал средств, заимствованный у буржуазных националистов — гоминьдановцев, у предшествовавших им феодальных и буржуазных идеологов, у западных буржуазных специалистов по Китаю. Были использованы такие средства нагнетания антисоветских настроений, как опорочивание всего советского опыта, искусственно созданные территориальные проблемы; были спровоцированы вооруженные конфликты на советско-китайской границе; СССР объявлен «социал-империалистической страной» и врагом Китая, якобы угрожающим китайскому народу.

Характерно, что в этой области наблюдается своего рода непрерывная эскалация: изыскиваются все новые и новые средства обмана. Например, в КНР неоднократно публиковалась пресловутая «карта позора Китая», которая издавалась и задолго до 1949 года. Но теперь наряду с территориями всей Юго-Восточной Азии, Непала, МНР, Кореи, части территории Индии, Афганистана на этой карте обширные пространства советских среднеазиатских республик и советского Дальнего Востока помечены как «исторически» принадлежавшие китайскому государству!

Помимо этого общего, унаследованного от наиболее реакционного крыла китайских националистов отношения к «северному соседу» как к «захватчику» якобы «исконных китайских земель», имеются и специфические особенности взгляда на СССР, характерные именно для маоистской разновидности китайского шовинизма.

Во-первых, в гегемонистских планах китайского руководства огромная роль первоначально отводилась завоеванию на свою сторону социа-

листических стран и международного коммунистического движения, то есть главных социалистических сил современности. Борьба за эти силы не прекращается Пекином и поныне, хотя и несколько утратила для него прежнее значение. Между тем именно СССР под влиянием исторических обстоятельств оказался оплотом упомянутых сил и, следовательно, главным препятствием для маоистов в их борьбе за гегемонию в этой сфере. Понятно, что по этой причине Советский Союз представляется маоистам «врагом № 1».

Во-вторых, маоисты именно в Советском Союзе, социалистическом содружестве видят своего главного противника, препятствующего Пекину занять место лидера в национально-освободительном движении в «третьем мире».

В-третьих, как социалистическая страна и одна из крупнейших держав Азии, Советский Союз не мог не выступить против гегемонистских притязаний Пекина в этом регионе, который маоисты, подобно всем прочим китайским националистам, считают «естественно» сферой влияния Китая.

В-четвертых, как социалистическая страна и великая держава мира, СССР столь же естественно выступает за мир и безопасность всех народов, против любых притязаний на глобальный гегемонизм, от какого бы государства они ни исходили.

И наконец, не меньшую роль, чем во внешней политике, антисоветизм играет в проведении маоистами их антисоциалистического курса внутри страны. Разжигание антисоветской истерии потребовалось маоистам для борьбы с интернационалистическими силами в КПК, со всеми, кто справедливо видел в союзе с СССР и другими социалистическими странами залог успешного строительства социализма в Китае. Только расправа с значительным числом принципиальных и последовательных сторонников единства и сплоченности социалистического содружества среди лучших представителей трудящихся Китая развязала маоистам руки для проведения их раскольнического авантюристического курса.

Отсюда понятно, что по всем вышеперечисленным причинам Советский Союз представляется маоистам «врагом № 1».

Не удивительно, что, выступая знаменосцами самого оголтелого антисоветизма, маоисты нашли общий язык с империализмом, который видит в них своих союзников.

ВОПРОС: Китайская пропаганда старается убедить мировую общественность и китайский народ в том, что после очередной политической перетряски маоистское руководство добилось политической стабилизации в стране, хотя, как известно, в Китайской Народной Республике до сих пор не функционирует Всекитайское собрание народных представителей, остаются вакантными посты Председателя КНР и министра обороны, продолжаются чистки среди государственных и партийных деятелей.

Не свидетельствует ли это об отсутствии политической стабильности в стране и продолжающейся борьбе за власть!

ОТВЕТ: Указанные явления, несомненно, свидетельствуют об отсутствии политической стабильности в стране, однако именно сейчас маоистской группой и ее пропагандистским аппаратом предпринимаются большие усилия для того, чтобы создать впечатление (оно рассчитано главным образом на зарубежный мир), будто события «культурной революции» уже далеко позади и обстановка в стране стабилизировалась. Весьма старательно признаки стабилизации положения в Китае стремятся уло-

вить и западные журналисты, усмотревшие в некоторых акциях правящей пекинской группы и выступлениях китайской печати признаки «возвращения старого порядка» и даже «либерализации» режима. Особенный восторг буржуазной прессы вызвал хорошо рассчитанный показ на одном из приемов в Пекине (август 1972 г.) генералов Чэнь Цзай-дао и Чжун Хань-хуа, с именами которых связаны Уханьские события 1967 года, считающиеся наиболее крупной по масштабам попыткой организованного сопротивления хунвэйбиновским бесчинствам. Исчезновение с политической арены Линь Бяо и вместе с ним группы ведущих военных деятелей Китая, входивших в состав Политбюро ЦК КПК, преподносится западными журналистами как конец военного правления и наступление «эры гражданской администрации».

Начнем с последних утверждений. На самом деле, что изменилось в политическом механизме Китая после «сентябрьского кризиса» 1971 г., т. е. смещения Линь Бяо? Изменений организационного порядка нет вообще, но увеличилось число высказываний в печати относительно руководящей роли партии, особенно стал подчеркиваться тезис «партия командует армией, а не армия командует партией». Но этот тезис совершенно безжизнен при существующем составе партийных органов, руководство которых состоит в основном из военнослужащих, находящихся на действительной военной службе. Как правило, эти же лица входят в состав руководства «ревкомов», административно-территориальных, хозяйственных и других единиц. При таком положении скорее «армия командует армией», и ни о какой «гражданской администрации» не может быть и речи.

В сентябре 1971 г. был нанесен удар по военной верхушке, но это не было ударом по армии и милитаризации военного механизма. Армия продолжает занимать ведущие позиции на всех уровнях политического, экономического и идеологического руководства обществом, начиная с отдельных промышленных предприятий, производственных бригад, учреждений и учебных заведений и кончая высшими государственными и партийными органами.

Маоизм неотделим от военного насилия и принуждения, милитаризации государственной и общественной жизни. Мао Цзэ-дун произвел чистку среди части военных руководителей, очевидно почувствовав угрозу своей личной власти. Заодно он воспользовался этой операцией, чтобы свалить на своего бывшего «идеального преемника» все огрехи и «крайности» «культурной революции» (хотя Линь Бяо, как известно, выступал только по поручениям самого Мао), включая непомерное раздувание собственного культа. Для этого незамедлительно нашли и формулу, согласно которой «мошенники типа Лю Шао-ци», т. е. Линь Бяо и его сторонники, «превозносили председателя Мао как абсолютный авторитет только для того, чтобы установить свою абсолютную власть». Не исключена возможность подобных операций и в будущем, поскольку они являются отражением борьбы за власть, происходящей в маоистской верхушке.

Пока в стране существует режим личной власти (особенно в такой стране, как Китай, отягощенной прошлой отсталостью, практически лишенной сколько-нибудь прочных демократических традиций), будет вестись борьба различных группировок и лиц из окружения диктатора. Во-первых, это борьба за преемственность личной власти, диктуемая стремлением различных деятелей около «великого кормчего» занять следующее за ним место или, во всяком случае, попасть в преемственное «руководящее ядро»; во-вторых, борьба против личной власти, диктуемая чувством самосохранения (такую борьбу мог, например,

вести Линь Бяо, если он действительно вел какую-то деятельность, направленную против Мао Цзэ-дуна); в-третьих, борьба за влияние различных группировок в руководстве, представляющих профессиональные, кастовые или региональные интересы (в такой борьбе могут, например, столкнуться руководители вооруженных сил с высшей бюрократией центральных государственных учреждений); наконец, борьбу против своих действительных или мнимых противников будет всегда вести сам «великий кормчий», и нам, вероятно, придется еще стать свидетелями неожиданных взлетов и падений в китайской верхушке.

Теперь относительно взаимосвязанных вопросов о вакантных государственных постах и затянувшемся созыве Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). Прежде всего очевидна взаимосвязь поста Председателя КНР с предстоящим созывом ВСНП. И не только потому, что лишь оно формально может облечь властью нового Председателя КНР — события последнего десятилетия показали, насколько мало считается маоистская верхушка с конституционными и другими правовыми установлениями. ВСНП может решить конституционный вопрос — дать конституционно-правовое оформление государственного механизма КНР, вышедшего из «культурной революции». Судя по конституционному проекту 1970 г. (проект новой конституции КНР, утверждавшийся решением II пленума ЦК КПК седьмого созыва), постом Председателя КНР можно и пожертвовать. Сам Мао Цзэ-дун этого поста может не принять (есть сведения об отрицательном его отношении к сохранению этого поста), а «в одной Поднебесной не может быть двух председателей (чжуси), как и не может быть двух солнц» — так говорилось в годы «культурной революции», когда шло «низвержение» второго чжуси — Лю Шао-ци. Может не потребоваться также и упомянутого в вопросе поста министра обороны. Этот пост в КНР существовал не всегда, а лишь с 1954 г. До принятия конституции руководство вооруженными силами по государственной линии было сосредоточено в Народно-революционном военном совете, который не был подчинен тогдашнему органу по административным делам — Государственному административному совету, а занимал равное с ним положение в структуре высших государственных органов. Совет возглавлялся Мао Цзэ-дуном, который одновременно стоял и во главе Военного совета ЦК КПК. Пэн Дэ-хуай и Линь Бяо, занимавшие пост министра обороны — первый с 1954 по 1959 год, а второй с 1959 по 1971 год, — оба являются с современной точки зрения «антипартийными заговорщиками» и врагами «председателя Мао». В силу этих обстоятельств Мао Цзэ-дун может пойти на ликвидацию министерства обороны и замену его другим государственным военным органом под своим непосредственным руководством. Это тем более легко сделать, потому что в последние годы фактическое руководство вооруженными силами сосредоточилось в руках Военного совета ЦК КПК. Но если даже пост военного министра будет сохранен, настоящий контроль над армией останется в руках Мао Цзэ-дуна, как председателя Военного совета ЦК КПК.

В Китае не создан нормальный механизм преемственности власти, между тем этот вопрос не может не волновать стареющих пекинских лидеров. Нельзя не отметить и весьма заметное их старание придать маоистскому режиму известную «респектабельность» в глазах зарубежного мира. Отсюда и разговоры, и даже упоминания в печати о «коллективном руководстве». Возможно, такое выражение будет принято в качестве официальной формулы преемственности власти. Однако вряд ли возможно, чтобы в Китае сложилось коллективное руководство в подлинном смысле этого слова в условиях разрыва с Советским

Союзом и мировой социалистической системой, подмены марксизма-ленинизма мелкобуржуазными революционистскими «идеями Мао Цзэ-дуна» при отмечавшемся уже отсутствии устойчивых демократических традиций в стране. В лучшем случае «коллективное руководство» будет означать временное равновесие каких-то фигур, борющихся за личную власть. Скорее же, оно будет лишь «респектабельной» вывеской режима личной власти.

Военно-бюрократическая диктатура не способна обеспечить настоящей политической стабильности в стране, так же как и подлинного национального возрождения и социалистического развития Китая. Это может быть обретено лишь на путях пролетарской диктатуры, опирающейся как на отечественный, так и на международный рабочий класс, действующей в рамках социалистической политической системы; на путях дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и всеми другими странами мировой социалистической системы. Это подтверждает и исторический опыт, показывающий, что процесс строительства основ социализма в Китае нормально развивался лишь при государственной помощи со стороны СССР и других социалистических стран, при широкой передаче и изучении советского опыта социалистического строительства. Игнорирование этого опыта, переход к волюнтаристским «скачкам» и другим необоснованным экспериментам привел к тяжелым жертвам, замедлению темпов экономического строительства, разрушению политической системы социалистического типа. В сложившейся исторической обстановке утверждение социализма в Китае решающим образом зависит от его отношений с Советским Союзом и всеми другими странами мировой социалистической системы.

ВОПРОС: После разгрома в период «культурной революции» руководящих органов КПК в центре и на местах Мао Цзэ-дун и его сторонники взяли курс на создание под флагом КПК новой партии, со своей программой и Уставом. Созванный ими в апреле 1969 г. IX съезд КПК утвердил в качестве основного программного документа маоистской партии «Отчетный доклад Линь Бяо», принял новый Устав, избрал Центральный Комитет и Политбюро ЦК.

Как обстоит дело с формированием маоистской партии в настоящее время?

ОТВЕТ: Развитие внутривластной обстановки в КНР после IX съезда КПК свидетельствует о серьезных трудностях, с которыми столкнулись Мао Цзэ-дун и его сторонники при организации новой партии. Принятый съездом в качестве основного документа «Отчетный доклад Линь Бяо» и даже новый Устав партии были скомпрометированы тем, что сам Линь Бяо, официально утвержденный на съезде «преемником Мао» (что было зафиксировано в Уставе), в сентябре 1971 г. был, по сути дела, объявлен «контрреволюционным заговорщиком». Устранили с политической арены и члена Постоянного комитета Политбюро Чэнь Бо-да — одного из главных авторов вышеназванного основного документа и нового Устава. Вследствие этого «Отчетный доклад Линь Бяо IX съезду КПК» с конца 1971 г. был изъят из обращения и китайская пропаганда ограничивалась лишь скупым упоминанием о «линии IX съезда партии».

Однако решения IX съезда оказались под угрозой дискредитации не только из-за причастности к ним Линь Бяо и Чэнь Бо-да. Главная слабость этих документов состояла в том, что они не содержали никакой

позитивной социально-экономической программы развития Китая. Отвергнув принятую VIII съездом КПК (1956 г.) программу строительства социализма, IX съезд практически ничего не дал взамен. Более того, его решения явились попыткой реабилитировать маоцзэдуновскую политику «большого скачка», бесперспективность которой была доказана самой жизнью. IX съезд в области внутренней политики не дал никакой иной альтернативы, кроме курса на продолжение «классовой борьбы», иными словами, борьбы за утверждение и укрепление режима личной диктатуры Мао Цзэ-дуна, что предположило нестабильность внутривнутриполитической обстановки в стране, полный произвол и беззаконие маоистов. Прямым действием этого в свою очередь явилась неустойчивость и в руководстве маоистской партии.

Такое положение в Китае сохраняется до наших дней. В высшем китайском руководстве не прекращается борьба за власть. Устранение Линь Бяо, Чэнь Бо-да и других повлекло за собой чистку их сторонников во всех руководящих звеньях КПК. В настоящее время отсутствие какой-либо программы социально-экономического развития страны, закреплённой в народно-хозяйственных планах, по существу, бессодержательный курс на продолжение т. н. «классовой борьбы» в партии дезориентируют как партийные кадры, так и всех ее рядовых членов. Создаваемая маоистами партия не имеет сколь-нибудь прочного политического и идеологического фундамента, фактически она не имеет даже партийной программы.

Если посмотреть с формальной точки зрения, то организационная структура центральных и местных органов маоистской партии представляется созданной. IX съезд в апреле 1969 г. сформировал Центральный Комитет и его Политбюро, к августу 1971 г. было завершено создание провинциальных комитетов партии и городских комитетов центрального подчинения. В 1972 г., особенно в первом полугодии, наблюдалась тенденция по ускорению строительства партийных органов среднего и низового звеньев (городские, уездные, районные, сельские, заводские парткомы и т. д.).

Однако с точки зрения реальных внутренних процессов в партии, нашедших отражение в борьбе различных группировок в высшем партийном руководстве, в непрерывных политических и идеологических кампаниях, создание новой маоистской партии еще очень далеко от завершения. Сейчас совершенно ясно, что IX съезд не смог создать сколько-нибудь жизнеспособного Политбюро ЦК КПК. К настоящему времени от его прежнего состава осталось немногим более половины, а из пяти членов Постоянного комитета Политбюро фактически только двое — Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай. Сам факт устранения из Политбюро около половины членов без санкции Пленума ЦК достаточно убедительно свидетельствует о том, что Центральный Комитет не имеет реальной власти в партии. В свою очередь то обстоятельство, что уже более 2 лет не созывается пленум ЦК КПК, является показателем того, что этот высший руководящий орган нормально не функционирует и что Мао Цзэ-дун и его приближенные, как видно, не питают политического доверия ко многим членам ЦК 9-го созыва.

Нарушена работа и новых провинциальных комитетов партии. Это подтверждается, в частности, тем, что, судя по сообщениям местного радио, только в шести провинциях (Гуандуне, Хунани, Шаньси, Аньхое, Ляонине и Хэйлунцзяне) в январе — марте 1972 г. центру удалось провести пленумы провинциальных комитетов партии.

Летом 1972 г. пекинское руководство развернуло под вывеской кампании «критики ревизионизма и упорядочения стиля», по сути дела,

новую чистку партии и руководства провинциальных городских и уездных комитетов. Складывается впечатление, что Мао Цзэ-дун совершенно сознательно препятствует превращению новой партии в дееспособную политическую организацию, опасаясь, что это может привести к появлению в ней оппозиции.

Все дело в том, что режим личной власти, опирающейся на военно-бюрократическую диктатуру, на произвол и беззаконие (в КНР сейчас фактически нет конституции), по самой своей природе отрицает существование Коммунистической партии как руководящей и правящей политической силы в стране. Начиная с «культурной революции», главные усилия Мао Цзэ-дуна и его сторонников неизменно направлены на отстранение партии от политической власти, на создание под флагом КПК новой политической организации, выполняющей роль придатка и послушного орудия личной диктатуры «вождя». Непрерывные политические и идеологические кампании, непрекращающаяся чистка КПК, установки на продолжение «классовой борьбы» в стране призваны не допустить появления здоровых, враждебных режиму Мао политических сил в новой партии, не допустить превращения этой организации в самостоятельный и активный фактор политической и общественной жизни страны.

ВОПРОС: Последние 12 лет ознаменовались крупными провалами китайского руководства во внешней политике. В результате этого оно вынуждено было предпринять определенную корректировку своей внешнеполитической линии. Как же маоисты сегодня сочетают сохранение прежнего стратегического гегемонистского курса с новыми тактическими приемами его осуществления?

ОТВЕТ: Действительно, авантюристическая внешняя политика пекинского руководства в 60-х годах отнюдь не принесла ему лавров. Китай не стал центром сплочения революционных сил мира, как на это рассчитывали маоисты, начиная с «ультралевых» позиций свою борьбу против международного коммунистического и рабочего движения и социалистического содружества. Провокационная сущность левацких призывов Пекина была быстро понята этими силами, и они оказали решительный отпор псевдореволюционной идеологии маоизма, отвергли гегемонистские претензии китайского руководства. В результате экстремистская внешнеполитическая линия Пекина привела его к международной изоляции, которая достигла своего апогея в годы «культурной революции».

Очевидное поражение этой линии, основанной на демагогическом использовании лозунгов об ускорении мирового освободительного процесса, привело к тому, что мелкобуржуазно-националистическое руководство Китая отказалось от апелляции к главным силам мирового социального прогресса и перенесло свою борьбу за достижение гегемонистских целей в сферу мировой политики, межгосударственных отношений, откровенно сделав ставку на различные националистические силы, действующие в этой сфере.

IX съезд КПК закрепил переход Пекина от своеобразной «лево»-националистической позиции к правонационалистической, призвав все страны и народы независимо от их принадлежности к двум противоположным мировым системам объединяться для борьбы против империализма и «советского ревизионизма». Через год этот призыв получил уже законченное националистическое выражение в тезисе маоистов о спло-

чении всех «малых и средних государств» в единый фронт борьбы против «одной-двух сверхдержав».

Такая «корректировка» внешнеполитической линии потребовала от пекинского руководства и новых тактических шагов с целью создания более благоприятных условий для развертывания борьбы преимущественно в сфере межгосударственных отношений. К этим шагам относятся и признание принципов мирного сосуществования, которые прежде были преданы маоистами анафеме как принципы уступок империализму со стороны мирового социализма, и изменение подхода к вопросу об участии КНР в ООН и других международных организациях, и признание переговоров как метода решения вопросов с глобальными противниками. Эти тактические перемены, несомненно, способствовали выходу КНР после «культурной революции» из изоляции (особенно от стран капиталистического мира) и активизации Пекина на международной арене. Кстати, КНР даже в самые бурные периоды своей «хунвэйбиновской дипломатии» поддерживала самые широкие экономические связи со странами мировой капиталистической системы. Следовательно, изоляция от них не была столь полной, как от стран социализма.

Однако не тактические новинки сами по себе, а дальнейшее изменение стратегического плана борьбы за гегемонистские цели предопределило выход маоистского режима из международной изоляции и «сенсационно массовое» признание его странами мировой капиталистической системы в последнее время. С января 1971 года и до июня 1972 года, т. е. всего за полтора года, официальные отношения с Пекином установило 21 государство, в то время как за весь 1970 год только пять. Это и не удивительно. Именно в 1971 году Пекин внес новую «поправку» в свою уже вполне определившуюся антисоветскую, антисоциалистическую линию внешней политики. «Поправка» выразилась в том, что Америка — главная сила капиталистического мира, которую маоисты до этого в течение многих лет изображали только как объект непримиримой вражды, стала для них весьма желательным партнером по борьбе против Советского Союза, который в «скорректированной» стратегии маоизма остался единственным глобальным противником. Пекин изъявил готовность добиваться «изоляции» СССР в сотрудничестве со своим «второстепенным» противником — Соединенными Штатами — и другими капиталистическими государствами.

Фактический отказ Пекина от борьбы на два фронта (против США и СССР) маоистские «теоретики» объясняют очень просто. Старый империализм, естественно, слабеет, между тем «социал-империализм» (т. е. Советский Союз), пользуясь распадом американского империализма, «отчаянно проникает и проводит экспансию во все районы мира». Следовательно, для борьбы с ним можно и должно использовать «старый империализм», который сам по себе не опасен и тоже ведет борьбу против «советской сверхдержавы». Это и есть логика маоистского социал-шовинизма, упорно закрывающего глаза на социальные реалии мира, раскола на две противоположные системы.

«Скорректированную» внешнеполитическую стратегию маоизма на современном этапе можно охарактеризовать как стратегию концентрирования усилий только на антисоветском фронте при блокировании с международным империализмом в целом. Подтверждений этому теперь более чем достаточно. Мировую прессу обошли «сенсационные» заявления высших китайских официальных лиц о том, что Пекин, например, «не заинтересован в уходе США из зоны Тихого океана или из какого-либо другого района мира», что в Пекине озабочены тем, как бы

США не отстали от СССР в разработке и производстве ядерного оружия, как бы американские войска не покинули Европу и т. д. Что же касается «малых и средних» империалистических государств, то они давно уже находятся в поле зрения руководителей Китая как сила, на которую эти руководители рассчитывают опереться в борьбе против своего главного противника (СССР) и в торге с второстепенным противником (США) за выгодные условия блокирования с ним на антисоветской, антисоциалистической основе. Аналогичное место отводится в глобальных планах Пекина «малым и средним» государствам, относящимся к «третьему миру». Разница лишь в том, что они рассматриваются маоистами в качестве опоры в торге за лучшие условия блокирования, но уже с империализмом в целом.

Таким образом, новые тактические приемы во внешней политике Китая явились следствием дальнейшего сползания вправо Пекина и полностью сочетаются с его «скорректированной» стратегией борьбы за великодержавные гегемонистские цели.

ВОПРОС: Некоторые буржуазные социологи пытаются обосновать китайские территориальные притязания к соседним странам, в том числе и к Советскому Союзу, демографическим фактором — недостаточностью земли в Китае для обеспечения продовольственных нужд быстро увеличивающегося населения страны. Насколько серьезны такого рода рассуждения?

ОТВЕТ: Постоянная напряженность на границах КНР в течение всего периода ее существования, открытые территориальные притязания маоистского руководства к соседним странам давно уже привлекли внимание всего мира. Империалистическая пропаганда, буржуазная наука стремятся не столько проанализировать и объяснить эти факты, сколько под видом «понимания» и «сочувствия» китайской позиции подбросить дополнительные аргументы пекинским лидерам для обострения отношений КНР в первую очередь с Советским Союзом. Учитывая, что питательной средой для выдвигания территориальных притязаний является националистический, антисоветский курс нынешнего китайского руководства, политики, ученые и журналисты стран империалистического лагеря стремятся с «объективных» позиций фактически выступать в поддержку китайских территориальных притязаний к СССР, подыскивая для них исторические, географические и демографические обоснования.

Так появились на свет рассуждения о «перенаселенном Китае, алчно вззирающем на Сибирь», которые были состряпаны по весьма примитивным рецептам на кухне мирового антикоммунизма. Вот характерный образчик такого рода «научных выводов» в работе И. Шлезингера и И. Блустайна «Коммунизм, что это такое и как он действует»: «Советский Союз и Китай имеют общую границу большой протяженности. На советской стороне простираются огромные пространства Сибири; на китайской стороне — быстро растущее население, истощающее возможности правительства кормить его и одевать. В один прекрасный день давление китайского населения может привести к прорыву на сибирские равнины».

В конце 60-х годов на страницах буржуазной печати появилась также некая теория «спичечного коробка», согласно которой Китай, сжатый с запада крупнейшими в мире горными массивами, а с востока океаном, в поисках «жизненного пространства» может, подобно «спичечному коробку», «выдвинуться» только на юг — в район Юго-Восточной Азии,

или на север — на территорию Советского Союза. Эта, с позволения сказать, «теория» была лишь очередным огнеопасным материалом, который империалистическая пропаганда подсовывала в руки маоистам, и без того уже спровоцировавшим вооруженные столкновения на различных границах Китая. К анализу же роли географической среды и демографических факторов для перспектив развития Китая она не имеет никакого отношения.

На самом же деле экономические расчеты показывают, что в настоящее время в Китае используется 110—115 млн. га пахотной площади, на которой выращивается в среднем около полутора (1,45) урожаяев и, следовательно, урожай собирается с посевной площади около 160 млн. га в объеме, как официально объявлено китайцами в 1972 г., около 230 млн. т зерна. При населении КНР 700—750 млн. человек собираемый урожай зерна (основного продукта питания китайского населения) составляет около 310 кг на душу населения. По оценке китайских и советских специалистов, работавших в КНР, пахотная площадь в Китае при условии проведения землеустроительных работ, намечавшихся по 12-летнему плану развития сельского хозяйства (1956—1967), может быть удвоена.

Существующая в Китае урожайность в сравнении с рядом азиатских и европейских стран очень низкая, средняя урожайность зерновых, например, составляет лишь около 14 ц с га. Следовательно, при расширении пахотной площади до 220 млн. га и посевной площади до 335 млн. га в КНР может быть собрано около 500 млн. т зерна, а при урожайности 20 ц с га — до 670 млн. т. Этого количества зерна при существующих в КНР нормах достаточно для обеспечения продовольствием свыше 2 млрд. человек населения. Необходимо также принимать в расчет общий прогресс в технологии сельскохозяйственного производства, которому будет сопутствовать подъем урожайности и который позволит резко увеличить производство ряда видов продовольствия (мяса, молока, сахара и т. п.).

Таким образом, демографической проблемы в том виде, в каком ее хотела бы представить империалистическая пропаганда, в Китае не существует. Попытки же спекулировать на численности населения Китая для оправдания территориальных притязаний маоистского руководства к соседним государствам являются перепевами старого колониалистского тезиса о «желтой опасности», которым колониальные державы оправдывали политику закабаления Китая.

Ничто не может служить оправданием стремления к захвату чужих земель. Исторический опыт показывает, что такого рода стремления чаще всего приводили к катастрофам и политическим лидерам, и возглавлявшиеся ими народы. Никакие внутренние или внешние факторы не могут служить оправданием такой политики. Стоящие перед китайским народом проблемы строительства нового Китая сложны, но они не имеют принципиально иных решений, чем те, к которым обращаются все народы, взявшиеся за построение нового общества, — только социалистические преобразования обеспечивают подлинный прогресс нации и благосостояние народа. Это и определяет совпадение коренных, долгосрочных интересов китайского народа с интересами народов СССР и других соседних стран независимо от размеров территорий и численности населения.

О характере изменений в экономической политике маоистов

А. П. Памор, И. М. Елин

Изменения, наблюдаемые в экономической политике Пекина после IX съезда КПК, привлекают к себе все более пристальное внимание мировой общественности. Специалисты по Китаю стремятся дать им объяснение и оценку. Западные «доброжелатели» Пекина всячески превозносят новые установки китайского руководства, характеризуя их не только как возврат к некоей «норме», но и как коренные изменения, продиктованные заботой о благе китайского народа и направленные на общее оздоровление и подъем экономики страны. Однако подобные выводы отнюдь не вытекают из анализа последних маоистских «реформ». Они, с одной стороны, являются своеобразной формой оплаты антисоветских векселей Пекина, с другой — попыткой ввести в заблуждение мировое общественное мнение относительно подлинных причин «крутого поворота» империалистических государств от политики вражды и конфронтации с КНР к политике «взаимопонимания» и «сотрудничества».

Отступление под звуки победных маршей

Анализ последних изменений в экономической политике маоистов показывает, что они являются вынужденным возвратом к некоторым формам и методам управления экономикой, выработанным практикой социалистического строительства, в том числе и в самом Китае периода первой пятилетки. Китайское руководство пошло на этот шаг под давлением объективных закономерностей общественного развития, забвение которых парализовало народное хозяйство страны и поставило под угрозу не только осуществление гегемонистских замыслов, но и само существование маоистского режима. Проводимые изменения являются также определенной реакцией на имеющиеся в стране оппозиционные настроения и прямое сопротивление трудящихся наступлению на их жизненные права и интересы¹.

Примечательно, что пекинская пропаганда предпочитает обходить молчанием сам факт изменений. Более того, она трубит о «незыблемости» экономического курса, провозглашенного Мао Цзэ-дуном в ходе «культурной революции», и широко рекламирует в полном противоречии с фактами несуществующие успехи, достигнутые якобы на этом «неизменном пути». Пекинские идеологи пытаются доказать, что «куль-

¹ В 1967 г., например, в забастовках участвовало более 7 млн. рабочих в 60 городах страны. (См. В. Вятский и Ф. Димин. Экономический авантюризм маоистов (о маоистском курсе в экономике), М., изд-во «Экономика», 1970, стр. 135.)

турная революция, инициатором и руководителем которой был лично председатель Мао, имела большое историческое значение для укрепления социалистического экономического базиса и пролетарской диктатуры»².

Китайские лидеры, видимо, считают, что бравурная музыка поможет им скрыто провести необходимую корректировку экономической политики, сохранив неизменным ее существо, обусловленное великодержавными гегемонистскими целями Мао Цзэ-дуна и его окружения.

Несмотря на отказ маоистов от ряда дискредитировавших себя методов руководства народным хозяйством, не следует, однако, переоценивать позитивную сторону новых экономических установок. Эти установки носят непоследовательный, половинчатый, а в ряде случаев демагогический характер, поскольку зачастую они, с одной стороны, не имеют под собой материальной основы, а с другой стороны, претворение их в жизнь в полной мере невозможно без коренного качественного пересмотра экономического курса в целом.

Среди новых моментов в политике маоистов прежде всего обращают на себя внимание попытки **восстановить систему планирования** на всех уровнях экономики и особенно поднять роль общегосударственного планирования. О стремлении ввести в действие плановый механизм, разлаженный сначала «большим скачком», а затем «культурной революцией», свидетельствуют, в частности, возобновление деятельности Государственного планового комитета КНР и проведение общекитайского и отраслевых совещаний по вопросам планирования. Важным средством планового руководства промышленностью стали рассматриваться в Китае хозяйственные договоры. «Хозяйственный договор, заключенный одним предприятием с другим, — писала 4 февраля 1972 г. «Жэньминь жибао», — является частью конкретной реализации государственного хозяйственного плана. Выполнение или невыполнение хозяйственного договора является показателем ответственного или безответственного отношения к государственному плану. Твердое претворение в жизнь государственных хозяйственных договоров — это... вопрос правильного разрешения отношений между предприятием и государством». Говоря о хозяйственных контрактах, радио Пекина в феврале 1972 г. подчеркивало, что они «являются частью конкретного воплощения государственного плана и каждое предприятие-партнер должно гарантировать его осуществление».

Большое внимание уделяется в стране восстановлению и усилению **централизованного руководства и улучшению управления** предприятиями. Возобновилась работа промышленных министерств, парализованная «культурной революцией», усилилась борьба с местничеством и сепаратизмом, которые широко распространились в период «культурной революции». Подчеркивая роль централизованного руководства, журнал «Хунци» писал в мае 1972 года, что в «ходе выполнения работы и решения различных вопросов следует учитывать все в целом, а не интересы отдельных людей и группировок или отдельных районов и отраслей». Журнал также писал о вредности попыток «ставить местные интересы выше государственных» и потребовал дать отпор тем, кто «противопоставляет целое части»³.

Ставится сейчас в КНР и проблема **совершенствования организации и управления производством на уровне предприятий**. С этой целью на предприятиях создаются особые группы для изучения путей

² «Хунци», 1972, № 7.

³ «Хунци», 1972, № 4.

улучшения системы управления. На Тайюаньском металлургическом комбинате, например, организовано 14 таких групп с участием 1400 кадровых работников⁴. На этих занятиях основной упор делается на усиление централизованного руководства предприятиями, на укрепление трудовой и технологической дисциплины. Все, кто в силу инерции продолжает, по выражению китайской печати, «выступать за демократию, пренебрегать централизмом, утверждать либерализм, пренебрегать дисциплиной, считать правила и распоряжки за шаблоны», объявляются ныне сторонниками «ультралевого идейного течения».

В последнее время со стороны китайского руководства наблюдаются попытки воздействовать на производство экономическими методами наряду с политическими и военно-административными, которые совсем недавно безраздельно господствовали в народном хозяйстве КНР. Тех, кто «не рассчитывает себестоимость», «начинает работы, не составив предварительно сметы», «не придает значения хозрасчету», китайская печать сегодня обвиняет в «разбазаривании средств, открытии лазеек классовым врагам» и в «свертывании на путь капитализма и ревизионизма», поскольку они не придерживаются якобы «указанного председателем Мао принципа управления социалистическим предприятием», в то время как еще совсем недавно маоистская печать утверждала обратное, что хозрасчет — «прямой путь к капитализму и ревизионизму».

На возрождение хозрасчетных отношений в народном хозяйстве указывает также тот факт, что маоистская печать призывает местные кадры совершенствовать систему закупочных цен на сельскохозяйственную и некоторые виды промышленной продукции, повышать роль прибыли и рассматривать ее как один из важных показателей работы предприятий, а также внедрять элементы материальной заинтересованности.

В последнее время на заводах и фабриках КНР проводятся совещания по улучшению экономической работы и обмену опытом, организуются специальные курсы повышения экономических знаний, создаются группы экономического контроля.

Рассмотренные мероприятия по налаживанию планового механизма и системы управления народным хозяйством представляют собой попытку китайского руководства в какой-то мере обуздать анархию производства, порожденную «культурной революцией», и более эффективно использовать возможности экономики страны в интересах своей гегемонистской политики. Однако эти мероприятия еще не дают основания говорить о восстановлении в КНР подлинно социалистической системы планирования, способной обеспечить планомерную организацию всего общественно-производственного процесса в стране. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что хотя с конца 50-х годов в Китае много говорится о планах, но ни один из них до сих пор не был опубликован и экономика страны вот уже почти 15 лет функционирует без научно обоснованной программы. Между тем одна из отличительных черт социалистической системы хозяйства как раз и состоит в том, что она представляет собой общественное производство, управляемое «общественным предвидением»⁵.

Пересматривается политика и в области капитального строительства. Резкой критике подвергается, например, практика периода «большого скачка» и «культурной революции», когда тысячи больших и ма-

⁴ ИБАС, № 4023, 12. I. 1972.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 9.

лых объектов строились вне всякого плана, без какого-либо учета материальных ресурсов и соотношения между накоплениями и расходами. Новые установки по капитальному строительству в обобщенном виде были изложены в статье газеты «Жэньминь жибао» «Правильное определение некоторых тенденций в капитальном строительстве»⁶.

В первом разделе этой статьи выдвинут ряд в общем-то азбучных положений, звучащих, однако, в современном Китае как признание крупнейших ошибок, более того, порочности всей политики, проводившейся маоистами в этой области. «Жэньминь жибао» утверждает такие очевидные истины, как: «нельзя строить многочисленные объекты вне плана», «масштаб и скорость капитального строительства определяются прежде всего уровнем развития народной экономики и соотношением накопления и расхода средств», капитальное строительство «зависит от уровня развития некоторых важных отраслей промышленности, людских, материальных и финансовых ресурсов». Игнорирование этих факторов в капитальном строительстве, по справедливому утверждению автора, «наносит ущерб народной экономике».

Однако из данного раздела статьи следует, что причинами забвения вышеперечисленных принципов капитального строительства явились отнюдь не установки Мао Цзэ-дуна. Автор объясняет их тем, что после образования КНР капитальное строительство, как и вся экономика страны, развивалось очень быстро (о советской помощи, без которой невозможен был бы этот рост, конечно, не говорится ни слова), однако внутренние и внешние враги, оказывается, «боялись бурного развития Китая и старались разрушить его экономику». Когда же им это не удалось, глубокомысленно заключает автор, они начали распространять идеализм, утверждая: «Что придумаешь, то и сделаешь». Подобная логика, по мнению газеты «Жэньминь жибао», должна привести неискушенного читателя к выводу, что совсем не маоистское руководство повинно в экономическом волюнтаризме и тяжелых последствиях «большого скачка» и «культурной революции», а «ревизионисты и агенты внутри страны».

Во втором разделе статьи содержится критика методов капитального строительства, еще недавно насаждавшихся маоистами. Ссылаясь на В. И. Ленина, автор говорит о необходимости централизма в экономике, в противоречии с которым в КНР проводилась политика создания «независимых комплексных систем». «В любых отраслях, — подчеркивает автор, — без единого государственного планирования не может быть и речи о создании «независимых комплексных систем», которые не должны обращаться к кому-либо за помощью. В противном случае можно подорвать единое экономическое планирование». Изобретение же теории «независимых комплексных систем» приписывается в статье «политическим мошенникам типа Лю Шао-ци», которые-де «подрывали демократический централизм в области экономики и насаждали такие системы», хотя хорошо известно, что данная «теория» зиждется на «классическом» положении Мао Цзэ-дуна об «опоре на собственные силы».

С новым подходом к проблемам капитального строительства тесно связано и изменение отношения китайского руководства к вопросу о роли и месте в экономике страны «местной промышленности». В ходе «культурной революции», да и после ее завершения маоисты, как известно, уделяли огромное внимание повсеместному развитию «местной промышленности». В последнее же время в КНР делаются попытки

⁶ «Жэньминь жибао», 8. VI. 1972.

поставить «местную промышленность» «на свое место», то есть увязать ее развитие с общим экономическим развитием того или иного района страны и подчинить ее централизованному планированию. Дальнейшее увеличение роли продукции местных предприятий в общем промышленном производстве КНР признается сегодня китайской печатью нецелесообразным и даже вредным. Все чаще отмечается в ней невысокая эффективность «местной промышленности», подчеркивается необходимость снижения себестоимости и повышения качества ее продукции.

Впервые в китайской прессе вскрываются негативные последствия стихийного массового строительства мелких и мельчайших полукустарных предприятий силами и средствами уездов и народных коммун для сельскохозяйственного производства страны. Многочисленные мелкие предприятия, по мнению китайской прессы, отрывают от сельскохозяйственных работ рабочую силу, занимают столь дорогие в условиях Китая пахотные земли, отвлекают и без того скудные средства и материалы, первоначально выделенные для сельскохозяйственных нужд. Эти положения обычно подтверждаются в статьях конкретными фактами, взятыми из практики. Так, например, в «Жэньминь жибао» от 8 июня 1972 г. говорится об уезде Шаодун провинции Хунань. Из трехсот «полноценных работающих людей» большой производственной бригады Цзиньши народной коммуны Вэйцзяцяо более 160 человек добывают руду. Сельскохозяйственное производство коммуны Ляньцяо того же уезда осталось без необходимой рабочей силы, потому что значительное число крестьян было направлено на работы в принадлежащие ей 200 небольших угольных шахт. И наконец, мелкие промышленные предприятия, построенные в этом уезде только за последние 4 года, лишили сельское хозяйство свыше 10 тыс. му пахотной земли. Все это создало в сельскохозяйственном производстве уезда Шаодун чрезвычайно напряженное положение, которое преподносится газетой «Жэньминь жибао» как результат «противоречий между промышленностью и сельским хозяйством». Правильный метод разрешения этих «противоречий» газета видит в том, что из двухсот упоминавшихся шахт коммуны Ляньцяо было закрыто 189.

Пересмотр отношения к «местной промышленности» связывается с более общей задачей повышения эффективности общественного производства. «Расщепление людских, материальных и денежных средств на множество объектов, — подчеркивала в связи с этим газета «Жэньминь жибао» от 8 июня 1972 г., — неизбежно задержит сроки строительства, окажет крайне нежелательное влияние на развитие национальной экономики».

Такой пересмотр является, по существу, признанием того, что навязанный маоистами курс на развитие карликовой местной промышленности нанес и продолжает наносить существенный ущерб экономике Китая.

По-новому ставится китайским руководством вопрос о соотношении качественных и количественных показателей в работе предприятий. Теперь выполнение плановых заданий промышленными предприятиями в КНР прямо связывается с достижением определенного качественного уровня, что вызвано резким ухудшением за последние годы качества продукции китайской промышленности. «Государственные планы нельзя считать выполненными, — говорилось в установочной статье «Жэньминь жибао», — если достигнуты лишь количественные показатели и не достигнуты качественные»⁷. Китайское руководство разработало в свя-

⁷ «Жэньминь жибао», 6. IV. 1972.

зи с этим ряд мер, направленных на исправление ненормального положения с качеством выпускаемой продукции. В их числе китайская печать называет мобилизацию творческой активности кадровых работников и технических специалистов, повышение их роли в производстве, организацию на предприятиях научно-исследовательских лабораторий, внедрение в производство достижений науки, широкое техническое новаторство, обеспечение ритмичности производства.

На промышленных предприятиях воссоздается система технического контроля. Вводится персональная ответственность за качество продукции. Практикуется регулярное проведение собраний по вопросам качества. Китайская печать подчеркивает «политическое значение» этого вопроса и требует, чтобы им занимались не только производственные и технические отделы, но и партийные комитеты различных ступеней. При этом необходимо сразу же оговорить одну принципиальную особенность развернувшейся в Китае борьбы за качество: она в первую очередь связывается не с общими потребностями развития народного хозяйства и не с запросами населения, а с подготовкой к войне. Особое внимание уделяется качеству продукции военной промышленности. «От качества продукции оборонной промышленности, — пишет «Жэньминь жибао», — прямо зависит состояние государственной обороны и подготовка к войне»⁸. Вопрос о качестве тесно связывается также с престижем КНР в странах, импортирующих китайскую продукцию⁹.

Существенное повышение качества промышленной продукции, особенно ее технического уровня, надежности и долговечности, представляет для Китая сложнейшую задачу, которая не может быть решена силами отдельных предприятий, а требует экономических, организационных и технических мероприятий в общегосударственном масштабе, усиления научно-технических связей с промышленно развитыми странами. Без всего этого возможно лишь частичное повышение качества сравнительно несложной продукции.

Пекинское руководство изменило свою позицию и в отношении старых квалифицированных административных и особенно технических кадров, ошельмованных в годы «культурной революции». Ныне по всему Китаю проходит широкая кампания по реабилитации специалистов и кадровых работников, имеющих многолетний опыт руководства промышленными предприятиями и сельским хозяйством. Весьма показательным в этом смысле является высказывание «Жэньминь жибао» от 6 апреля 1972 г.: «Старые кадровые работники... имеющие 10—20-летний опыт руководства предприятиями, являются сокровищем партии, их следует широко использовать на работе и оказывать им поддержку». В Китае появился даже новый термин, применяемый по отношению к реабилитированным и прошедшим «курс перевоспитания» специалистам, — «товарищи ветераны».

Такое изменение отношения к людям, которые еще недавно находились в опале, вызвано двумя причинами. Во-первых, тем простым фактом, что эффективное ведение хозяйства невозможно без кадров, имеющих достаточный опыт руководства экономикой. В годы «культурной революции» пропаганда призывала уповать на «инициативу масс», то есть на воинственный пыл хунвэйбинов и цзаофаней, а затем на вмешательство армии. Однако результаты этой «инициативы» общезвестны — устранение, а часто и физическое уничтожение руководящих

⁸ «Жэньминь жибао», 6. IV. 1972.

⁹ Там же.

кадров привели к хаосу в экономике страны. Ныне же используется указание Мао Цзэ-дуна о том, что «огромное и трудное дело социалистического строительства в нашей стране требует, чтобы ему служило как можно больше интеллигентов»¹⁰. Во-вторых, различные отрасли экономики страны испытывают острую нехватку технических специалистов. Численность инженерно-технического персонала на предприятиях КНР, как известно, составляет менее 3% общего числа работающих, причем уровень его подготовки весьма низок.

Говоря о реабилитации старых кадровых работников, необходимо подчеркнуть, что она распространяется не на тех, кто стоит на марксистско-ленинских позициях в области экономики и является принципиальным противником политических основ курса Мао Цзэ-дуна, а лишь на специалистов-прагматиков.

Прагматическая корректировка экономического курса, предпринимаемая маонистами в последние годы, хотя и способствует известной стабилизации народного хозяйства КНР, не меняет, однако, коренных основ их экономической политики и используется в интересах и целях, далеких от социализма.

Существо остается прежним...

Сущность экономической политики определяется прежде всего ее социальным содержанием, тем, какие цели она преследует и интересы какого класса выражает. В. И. Ленин еще до Октябрьской революции подчеркивал, что социалистическое производство будет осуществляться «для обеспечения *полного* благосостояния и *свободного всестороннего* развития *всех* членов общества»¹¹. В этом состоит объективно обусловленная цель социалистического производства, выражающая собой коренные экономические интересы широких масс трудящихся, сознательная реализация которых осуществляется посредством экономической политики. «...Самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства, — указывал В. И. Ленин, — определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства»¹².

В противоположность этому главной задачей экономической политики пекинского руководства по-прежнему остается подведение прочной материальной базы под его гегемонистские устремления. Подготовка к войне, милитаризация народного хозяйства страны продолжают определять ее содержание. Она по-прежнему остается глубоко враждебной коренным интересам трудящихся Китая, поскольку идет вразрез с целями строительства социализма и продолжает подрывать социалистические завоевания китайского народа периода 50-х годов.

Новая особенность политики маонистов в настоящее время заключается в том, что официальная пропаганда Пекина пытается внушить мысль, будто рост благосостояния народа не противоречит экономическому курсу нынешнего китайского руководства.

Этот пропагандистский поворот от установок «культурной революции», когда всякое требование о повышении благосостояния трудящихся квалифицировалось как «экономизм», «ревизионизм» и «контрреволюция», неслучаен. Он обусловлен необходимостью политической

¹⁰ Агентство Синьхуа, II. VII. 1972.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 232.

¹² Там же, т. 36, стр. 327.

стабилизации в стране, поскольку трудящиеся массы КНР, испытывающие острую неудовлетворенность своим тяжелым материальным положением, являются постоянным источником оппозиционных настроений. Таким образом, обещания маоистов улучшить материальное положение трудящихся Китая и некоторые половинчатые мероприятия, предпринятые ими в этом отношении, прежде всего направлены на то, чтобы упрочить маоистский режим и предотвратить в стране политические волнения.

Китайская же печать в связи с происходящими изменениями экономической политики пытается доказать, что маоисты будто бы всегда исходили из необходимости улучшения материальных условий жизни трудящихся и якобы добились в этой области значительных успехов, особенно за последние 10—15 лет.

Факты, однако, говорят об обратном. Известный прирост национального дохода и фонда потребления, имевший место после 1957 г., не мог сколько-нибудь существенно отразиться на материальном благосостоянии китайского народа. Это объясняется тем, что, во-первых, все более значительная часть фонда потребления расходовалась на военные нужды и не участвовала в процессе воспроизводства рабочей силы. Во-вторых, все эти годы китайское руководство прибегало к различным искусственным мерам по ограничению роста уровня потребления. Именно в этом плане следует рассматривать такие кампании, как движение «за накопление зерна и создание запасов на случай войны и голода», мероприятия по внедрению «рационально низкой» заработной платы в промышленности, принудительное изъятие денежных средств предприятий, коммун и населения в форме так называемых коллективных и личных вкладов в сберегательные кассы. В частности, за период с 1965 по 1970 г., по сообщению агентства Синьхуа, общая сумма вкладов в КНР возросла на 59%, а за один только 1971 г. — еще на 13,8%.

В тесной связи с изменением подхода к вопросу повышения жизненного уровня трудящихся находятся попытки китайского руководства восстановить принцип оплаты по труду как в городе, так и в деревне. Правда, пытаясь прикрыть свое отступление от уравнилельных догм «казарменного коммунизма», маоисты утверждают, что оплата по труду не имеет ничего общего с материальным стимулированием.

Вместе с тем не снимается с повестки дня изучение пресловутого «опыта Дацина и Дачжая». До сих пор не восстановлены ликвидированные в период «культурной революции» такие виды материального поощрения, как премии за повышение производительности труда, экономию сырья и качество продукции, как оплата сверхурочных работ и др. Более того, введение элементов материальной заинтересованности сопровождается одновременно значительной интенсификацией труда. Так, в 1971 г. на ряде предприятий нормы выработки были повышены на 30—35% по сравнению с существовавшими до «культурной революции»¹³.

В соответствии с новыми политическими установками КПК в области экономической работы в деревне китайская печать в настоящее время всячески подчеркивает необходимость развития подсобного хозяйства. Членов коммун призывают придерживаться принципа «четыре постоянно», то есть «постоянно хорошо вести подсобное хозяйство, постоянно выделять рабочую силу на подсобное хозяйство, постоянно изыскивать на местах средства для разрешения вопросов подсобного хозяйства, постоянно развивать сельское хозяйство». Коммунам раз-

¹³ «Жэньминь жибао», 10.11.1971.

решено теперь выделять небольшие участки земли в личное пользование крестьян, а каждому крестьянскому двору в ограниченных количествах разводить домашний скот.

Казалось бы, объективному наблюдателю остается только приветствовать «новые установки» китайского руководства. Однако вызывает удивление то обстоятельство, что маоисты сейчас во всем обвиняют местных кадровых работников, якобы не сумевших, по словам пекинской пропаганды, «провести четкую грань между правдой и ложью и рассматривавших развитие нормального подсобного хозяйства как капиталистический уклон». Их упрекают в том, что они «перегнули палку», то есть, не обращая внимания на уровень развития производительных сил и уровень сознательности широких масс в деревнях, пытались претворить в жизнь дела, «осуществление которых станет возможным только в будущем, а не в настоящее время», и тем самым «подрывали экономическую базу диктатуры пролетариата».

В общем, виноваты все, кто угодно, только не Мао Цзэ-дун и его окружение, которые сейчас пытаются представить себя благодетелями крестьян. Однако, как свидетельствует вся история этого вопроса, не местные кадровые работники, а маоистская экономическая политика начиная со времени «большого скачка» ничего, кроме бед, не приносила китайскому крестьянству. И поэтому официальная пропаганда Пекина, пытаясь преодолеть недоверие крестьян, которые уже неоднократно становились жертвой попыток маоистского руководства решить проблему подъема сельского хозяйства за их счет, стремится сегодня убедить, что «новые политические установки будут иметь силу и в дальнейшем на длительный период времени».

В то же время китайская печать всячески подчеркивает, что восстановление подсобного хозяйства должно осуществляться в соответствии с принципом «опоры на собственные силы», то есть без какой-либо помощи со стороны государства.

Последние установки маоистов на развитие подсобного хозяйства продиктованы отнюдь не заботой «великого кормчего» о нуждах крестьянства, а тем, что китайское руководство рассматривает его как дополнительный источник централизованных доходов государства, поскольку, с одной стороны, оно дает возможность сократить доходы крестьян от общественного хозяйства, а с другой — изъять добавочные средства путем неэквивалентного обмена через государственные закупочные цены на продукцию подсобного хозяйства.

В целом же, говоря о повышении жизненного уровня народа, китайская печать вовсе не ставит вопрос о том, что оно должно стать главной целью развития общественного производства страны.

Плод мелкобуржуазной фантастики

Ярким свидетельством несостоятельности экономической политики маоистов и неизменности ее авантюристической сути является антинаучный, антимарксистский характер ее теоретических основ. Достаточно полное представление о них дает программная статья «Изучать политическую экономию», опубликованная в седьмом номере журнала «Хунци» за 1972 г. Цель статьи состоит в изложении основных взглядов маоистов на проблемы строительства и развития социалистической экономики, в согласовании этих взглядов с рассмотренными выше изменениями в экономической политике. Прежде всего обращает на себя

внимание признание объективно существующих закономерностей социалистической экономики: необходимости и неизбежности товарного производства при социализме, закона стоимости и эквивалентного обмена, а также социалистического принципа распределения — от каждого по способности, каждому по труду, включая принцип равной оплаты за равный труд мужчин и женщин — членов коммун, и т. д. Однако из статьи следует, что основной теоретической базой маоистской «линии в эпоху социализма» являются не эти непреложные истины марксизма и вообще не марксизм-ленинизм, а «учение председателя Мао об основных противоречиях при социализме». Это «учение», преподносимое как «великий вклад в марксистскую политэкономия», вместе с выработанной на его основе «генеральной линией» объявляется «основной руководящей идеей изучения и анализа социалистического общества», «маяком, указывающим путь в непрерывном движении вперед по социалистическому пути».

Излагая существо взглядов Мао Цзэ-дуна по этому вопросу, Фан Хай, чьим именем подписана статья, приводит два высказывания Мао Цзэ-дуна. Одно из них, взятое из статьи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», гласит: «В социалистическом обществе основными противоречиями по-прежнему являются противоречия между производственными отношениями и производительными силами, противоречия между надстройкой и экономическим базисом». Раскрывая это положение, Фан Хай пишет, что вплоть до построения коммунистического общества в производственных отношениях, в надстройке существуют «капиталистические факторы», которые «препятствуют развитию производительных сил» и «ослабляют или даже подрывают социалистический экономический базис», поэтому требуется «непрерывное преобразование» той или иной части производственных отношений и надстройки.

В этой маоистской трактовке теории базиса и надстройки, в определении характера взаимосвязи производительных сил и производственных отношений очевиден целый ряд ошибочных положений.

Во-первых, из приведенной цитаты и комментариев к ней видно, что Мао Цзэ-дун не проводит какого-либо различия между переходным периодом от капитализма к социализму и самим социализмом.

Во-вторых, противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой рассматриваются им в качестве основных противоречий для всех общественно-экономических формаций. Этим отрицается качественное различие способов производства, каждому из которых присуще свое основное противоречие, определяющее все остальные противоречия, являющиеся производными от него.

В-третьих, производственные отношения и надстройка в социалистическом обществе трактуются как некий конгломерат элементов социализма и капитализма, хотя и при определяющей роли элементов социализма. Однако такая характеристика может быть отнесена лишь к обществу переходного периода (да и то с известными оговорками), но никак не к социалистическому.

Кстати, совершенно бессознательным является содержащееся в статье обвинение в адрес экономистов социалистических стран, якобы отрицающих какие бы то ни было противоречия между двумя сторонами общественного производства, а также между базисом и надстройкой при социализме. Марксизм-ленинизм признает наличие при социализме противоречий неантагонистического характера между производительными силами и производственными отношениями, а также между бази-

сом и надстройкой и исходит из необходимости постоянного совершенствования общественных отношений по мере изменений, происходящих в производительных силах. Наглядным примером этого являются, в частности, широкие мероприятия по совершенствованию управления, планирования и материального стимулирования экономики, осуществляемые в последние годы в ряде социалистических стран. Однако маоистскую трактовку этих противоречий марксизм-ленинизм отвергает как ненаучную.

Антимарксистская, антидиалектическая, идеалистическая по своей сути трактовка вопросов взаимосвязи производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки представляет собой теоретическую основу экономического волюнтаризма и оправдания авантюристической, антинародной политики Мао Цзэ-дуна и его группы. Весьма примечательно, что рассуждения Фан Хая по этим вопросам заканчиваются изложением официальной маоистской оценки «культурной революции». Автор доказывает, что «культурная революция» как раз является «великой революцией в области надстройки» и «имеет далеко идущее историческое значение для укрепления экономического базиса и укрепления диктатуры пролетариата», то есть практически является объективной необходимостью, закономерностью социалистического развития, поскольку она якобы представляет собой форму частичного разрешения противоречий между базисом и надстройкой, между производительными силами и производственными отношениями.

Однако опыт Китая времен «культурной революции» начисто отвергает это программное утверждение маоистов. В период «культурной революции» маоисты разогнали выборные конституционные органы власти, партийные и массовые общественные организации, в том числе профсоюзы, установили в стране военно-бюрократическую диктатуру, осуществили широкое наступление на демократические права трудящихся, лишили пролетариат Китая руководящей роли и отстранили его от управления производством и государством. Нельзя же все это всерьез рассматривать как укрепление диктатуры пролетариата и экономического базиса социализма.

Тем более не приходится говорить о каком-либо благотворном влиянии «культурной революции» на развитие экономики страны, а именно в этом должно было бы найти свое отражение разрешение противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Известное же улучшение экономического положения, наблюдаемое за последнее время, связано прежде всего с отказом пекинского руководства от ряда установок и лозунгов периода «культурной революции», которые как раз и вели к обострению противоречий между производительными силами и производственными отношениями.

Таким образом, анализ основных положений статьи Фан Хая достаточно ясно показывает, что «изыскания» теоретиков маоизма в области политической экономии главным образом направлены на то, чтобы залатать пробойны, нанесенные практикой маоистским экономическим концепциям, в которые формально включены некоторые положения марксистско-ленинской теории.

Экономическая политика сегодняшнего китайского руководства, поскольку ее «теоретической» основой является маоизм, отрицающий, по существу, объективность экономических законов социализма и обусловленность ими экономической политики государства, была и остается, несмотря на вносимые в нее коррективы, плодом той мелкобуржуазной фантастики, о которой в свое время говорил В. И. Ленин в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме».

Великодержавные амбиции и пограничная политика пекинского руководства

Е. Д. Костиков

Основные направления и принципы великодержавной внешней политики Китая сформировались много веков назад под непосредственным влиянием идеологии конфуцианства. Отношения Китая с соседними странами строились на представлении о величии и центральном положении Китая, о превосходстве китайского народа над всеми народами мира. Так, еще в глубокой древности, в эпоху Хань, в одном из посланий императора вождям сюнну отмечалось: «Хань правит с помощью силы и верности, возглавляя все государства. Все живущие под Солнцем и Луной являются его слугами»¹.

Этот культ «Срединного государства», центра «Поднебесной», возник в силу того бесспорного исторического факта, что уже два тысячелетия назад на территории Китая сложилась жизнеспособная цивилизация, оказавшая большое влияние на развитие многих соседних народов, стоявших на более низкой ступени общественного и культурного развития. В глазах китайцев, из поколения в поколение воспитывавшихся на конфуцианских канонах, все соседние народы, не приобщенные к конфуцианской цивилизации, были «варварами».

В древности и средневековье Китай никогда не находился в длительном непосредственном контакте с равными ему цивилизациями. Это и способствовало формированию не только убеждения в величии, превосходстве, совершенстве и уникальности Китая, но и привычки считать народы сопредельных стран, подвергавшихся непосредственному воздействию его цивилизации, своего рода «кандидатами в китайцы». Подобные представления становятся мало-помалу чертами психологии правящих кругов Китая. Великий китайский революционный демократ Сунь Ят-сен отмечал в этой связи, что «Китай очень высоко оценивал свои собственные достижения и ни во что не ставил другие государства. Это вошло в привычку и стало считаться чем-то совершенно естественным»².

Но Китай не был единственным творцом истории в дальневосточном регионе. Неоднократно он сам попадал под господство государств, образованных по соседству с Китаем некитайскими, «варварскими» народами (кидани, чжурчжэни, монголы, маньчжуры). В целом можно сказать, что вплоть до XIX века Китай поддерживал разные формы отношений главным образом лишь со своими непосредственными соседями, то есть со странами, с которыми Китай имел общую границу.

¹ Цит. по: Л. Н. Думан. «Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даишеской системы». — Сб. «Китай и соседи в древности и средневековье». М., 1970, стр. 42.

² Сунь Ят-сен. Избр. произв. М., 1964, стр. 250.

Далеко не всегда эта граница представлялась такой, какой ее привыкли видеть сегодня. Иногда рубежи распространения юрисдикции Китайской империи напоминали обычную ныне пограничную линию — когда границы совпадали с естественными рубежами. В других же случаях граница представлялась полосой неопределенной ширины. Часто в этой полосе существовали даже небольшие государства, находившиеся в вассальной зависимости от Китая, а чаще от Китая и сопредельного государства, между которыми они располагались. Такого рода двойная вассальная зависимость в большинстве случаев гарантировала полную независимость этого номинального вассала. Характерным примером двойной вассальной зависимости могут служить многочисленные качинские государства, располагавшиеся между Китаем и бирманским королевством Ава. Английские резиденты в Бамо (Верхняя Бирма) сообщали, например, что качинские вожди получали почетные звания, знаки отличия и соответствующие права на управление их землями как от губернатора Юньнани, так и от короля Авы. Приезжая в Бамо, они носили и то и другое, но не как свидетельство своего положения, а просто как украшения³.

Что касается Китая, то здесь имелись два аспекта пограничного вопроса.

С одной стороны, с точки зрения конфуцианских канонов, в понятие «Поднебесная» входил не только Китай, но и земли, заселенные не китайскими народностями, «варварами», которые в силу своего «варварства» являлись вассалами «Сына Неба», то есть китайского императора. С глубокой древности вся «Поднебесная» делилась на ряд так называемых «областей подчинения» — фу⁴. Таким образом, с официальных позиций, с которых и писались все династийные хроники и исторические записки, границы — это либо рубеж между «цивилизованным» Китаем и «варварской» периферией, либо рубежи между различными «варварскими» народами — вассалами императора. И те и другие моменты не имели особого значения, поскольку то были внутренние рубежи «Поднебесной» — владения «Сына Неба».

С другой стороны, граница имела сугубо практическое значение, отделяя земли, с которых получалась «дань», от земель, с которых собирались налоги. Вместе с тем, как бы ни старались официальные власти «не заметить» набегов соседей — «вассалов» на собственно китайскую территорию, они вынуждены были принимать меры для пресечения этих набегов и защиты границ страны. Однако защищались границы только собственно Китая, а не тех земель, которые считались в Китае «китайскими владениями».

Именно с этой целью в глубокой древности была воздвигнута Великая стена. Экспансионистская политика императоров раздвинула границы страны, изменились и формы защиты границы. При династии Цинь, когда китайское государство было поглощено империей маньчжуров, для защиты границ возводятся «ивовый палисад» на северо-востоке, заставы-крепости на западе и юго-западе, постоянные и подвижные пикеты на северо-западе.

Меры по укреплению, точнее, по систематизированию охраны своих границ отнюдь не означали отсутствия экспансионистских побуждений у правителей Китая. Лучшим памятником правлению того или иного императора, той или иной династии издревле считалось присоединение к Китаю (именно присоединение, включение в имперскую административ-

³ D. Woodman. The Making of Burma. London, 1962, p. 277.

⁴ Подробнее об этом см. Л. И. Думан. Указ. соч., стр. 24—25.

ную систему) новых территорий. Этим объясняется существующее в Китае и поныне почитание захватнической политики У Ди, Канси, Цзянь Луна и других.

Историки КНР, например Лю Да-нянь, ставят в заслугу Канси, ведшего непрерывные войны с целью расширения своей империи, тот факт, что в годы его правления Китай превратился в мощное государство с «обширной территорией»⁵.

Созданная завоевателем Китая Хубилаем монгольская Юаньская империя присоединила к территории империи значительные земли на севере, северо-западе и на юго-западе, разгромив государства, расположенные на территории современной провинции Юньнань. Минская династия — последняя национальная китайская династия, при которой завершилось формирование национальной территории Китая, — потеряла некоторые из присоединенных Юанями земель, в частности Тибет, Восточный Туркестан, Монголию. В период наибольшего расцвета могущества Минского Китая его северная граница проходила по Великой стене⁶. Пришедшая на смену Минам маньчжурская Цинская династия в результате длительных захватнических войн включила в состав своей империи, помимо своей вотчины — Маньчжурии, Китай, Монголию, территорию Джунгарского ханства, Восточный Туркестан, пыталась захватить часть русского Приамурья, Шанские государства на севере Бирмы, установила сюзеренитет над странами Индокитая и Кореей⁷.

Не лишен интереса тот факт, что китайские националисты разных эпох, гневно осуждая иноземные династии за подавление и дискриминацию ханьцев, целиком и полностью признают их легитимность в вопросах внешнеполитических, в частности в конкретном вопросе расширения пределов китайского государства, присоединения к нему новых земель.

В сегодняшнем Китае захватническая политика императоров, в частности ранних Цинов, именуется «объединением страны». Более того, Цинам ставится в заслугу то, что именно они якобы содействовали «стиранию национальных границ» между народностями, включенными в состав Дайцинской империи в результате кровавых походов маньчжуро-китайских войск. Современный китайский историк Лю Да-нянь в статье «О Канси» пытался даже доказать, что эта захватническая политика «отвечала коренным интересам широких народных масс», а потому «рассматривать объединение всей страны, осуществленное Канси, просто как территориальную экспансию или покорение других национальностей — значит соглашаться со взглядами местного буржуазного национализма...»⁸. Эта точка зрения нашла свое отражение и в официальной позиции правительства КНР, выраженной, например, в так называемом «Документе МИД КНР» от 8 октября 1969 г. Завоевание Цинами Джунгарии, сопровождавшееся поголовным истреблением населения, трактуется в этом документе как «усмирение (подчеркнуто мною. — Е. К.) Цинской династией Джунгарии»⁹.

Имперскую внешнюю политику средневекового Китая можно характеризовать двумя основными моментами. Во-первых, стремлением расширить территорию империи, присоединить к ней новые земли, то есть экспансионизмом. Этот момент не является чем-то необычным для международных отношений средневековья. Совершенно специфическим яв-

⁵ «Лиши яньцзю», 1961, № 3, стр. 7.

⁶ Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966, стр. 46.

⁷ Вопрос о сюзеренитете осматривается историками упомянутых стран.

⁸ «Лиши яньцзю», 1961, № 3, стр. 7—8.

⁹ «Жэньминь жибао», 9.X.1969.

ляются, во-вторых, настойчивые и небезуспешные попытки китайских императоров добиться хотя бы видимости главенствующего положения Китая в мире, пусть лишь по форме, но обязательно соответствовавшей конфуцианской синоцентристской модели мира. Характерный пример подобного подхода — отношение Китая к Каунгтонскому договору (1770 г.) с Авой (Бирмой). Этот договор, положивший конец военному конфликту между двумя странами, предусматривал установление между обоими государствами абсолютно равноправных отношений¹⁰, но Китай, потерпевший поражение в этом столкновении, всегда рассматривал его лишь как подтверждение Бирмой своего вассального положения и обязательства по-прежнему платить дань императору¹¹.

Периоды усиления государства, расширения его пределов чередовались с периодами упадка, сужения его границ под натиском внешних сил, утраты каких-то территорий. Поэтому можно говорить о том, что в процессе этих перемен, в полном соответствии с постулатами конфуцианства о необходимости сохранения существующего положения, сложился основной принцип традиционной внешней политики Китая. Он заключался в требовании «восстановления» всякой «территориальной потери».

Тот факт, что эти земли были когда-то в контакте с Китаем, давал с точки зрения китайских властей основание рассматривать их «своими». Отсюда возник и своеобразный метод доказательства принадлежности этих земель Китаю и аргументирования необходимости воссоединения «утраченных» земель ссылкой на исторический прецедент¹². Любопытно при этом отметить, что китайскими считались не только те земли, которые действительно являлись интегральными частями Китая, как, скажем, территории нынешних колониальных анклавов Гонконга (Сянган) и Макао (Аомыня), но и те, через которые когда-то проходила императорская армия, либо которые посещались китайскими торговцами¹³.

* * *

Низведение Китая до положения зависимого государства во второй половине XIX века заставило передовую часть китайского общества искать пути к тому, чтобы защитить страну от полного закабаления. Но даже эта наиболее передовая часть китайского общества, полностью находясь под влиянием старой «традиционной» идеологии, была далека от того, чтобы отказаться от синоцентристской модели мира, построенной конфуцианцами. Прежде всего это нашло отражение в подходе лидеров национализма к вопросу о характере отношений Китая со своими непосредственными соседями, издревле, как уже отмечалось, считавшимися его вассалами, чем-то вроде «почти китайской» территории.

Так, один из теоретиков и руководитель движения за реформы в Китае Кан Ю-вэй писал: «Иностранцы наступают на нас со всех сторон. После того как были захвачены острова Люцю и потеряны Аннам и Бирма, наши крылья обрезаны и внутренние районы нашей страны (подчеркнуто мною.— Е. К.), наш живот и сердце, открыты для нападений извне»¹⁴. Отсюда следует, что Кан Ю-вэй считал перечисленные страны

¹⁰ Д. Дж. Е. Холл. История Юго-Восточной Азии. 1958, стр. 289.

¹¹ Чжан Фэн-ци. Вопросы внешних сношений провинции Юньнань. Шанхай, 1937, стр. 49 (на кит. яз.).

¹² Чжан Чэн-сунь. Китайско-английские отношения в связи с проблемой юньнань-бирманской границы. Бэйпин, 1937, стр. II (на кит. яз.).

¹³ Там же, стр. 72—73.

¹⁴ Цит. по: С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй. М., 1959, стр. 58—59.

как минимум окраинными, «внешними районами» Китая, а не независимыми, суверенными государствами.

Подобный подход позднее выявился и у некоторых лидеров революционно-демократического республиканского крыла национальной буржуазии. Именно с этих позиций рассматривают китайские буржуазные историки Хуа Ци-юнь, Син Пэн-цзюй и другие провозглашение независимости Таиланда, Непала, Монголии, приравнивая эти события к захвату Англией Бирмы, Францией Индокитая, Японией Кореи¹⁵.

Идеологи реформаторов и революционных демократов, а в значительной степени и лидеры всех политических движений в последующие годы отождествляли понятие спасения Китая от угрозы порабощения его империалистами с понятием восстановления престижа страны, ее былого могущества и главенствующего положения в мире. Причем последнее стремление имело очень широкий смысловой диапазон.

Если Сунь Ят-сен выступал лишь за то, чтобы Китай, покончив с вековой отсталостью, «мог бы расправить крылья и гордо стоять»¹⁶, то есть стать в ряд великих держав, то Кан Ю-вэй был настроен куда более воинственно и агрессивнее. В одном из его стихотворений, например, звучит откровенная апологетика шовинизма и экспансионизма. Кан Ю-вэй в нем мечтал о том времени, когда «мы пройдем через пять континентов и всюду будет реять знамя желтого дракона»¹⁷.

Перемены, принесенные революцией 1911 г., не изменили традиционных представлений правящих кругов Китая о существовании основных задач внешней политики страны. Однако ни правительство Юань Ши-кая, ни милитаристские клики, ни пришедшее им на смену гоминьдановское правительство не имели ни сил, ни средств для возобновления территориальной экспансии прошлых династий.

Позднее лидер гоминьдана Чан Кай-ши, говоря об экспансии империализма в Китае в конце XIX — начале XX века, писал, что «...свежа была память о трагической потере (подчеркнуто мною.— Е. К.) островов Рюкю (Люцю), Гонконга, Формозы, Пескадорских островов, Индокитая, Бирмы и Кореи, когда наша страна встала перед угрозой окончательного раздела»¹⁸.

Чтобы восстановить территорию страны в пределах Дайцинской империи периода ее расцвета, гоминьдан хотя и не имел возможностей, но такую задачу не снимал с повестки дня своей политики. В те годы в Китае была изобретена новая форма выдвижения территориальных притязаний. Впоследствии в трудах иностранных авторов она получила название «картографическая агрессия»¹⁹. Суть ее заключалась в том, что на публикуемых правительственными учреждениями картах Китая его государственные границы обозначались не так, как они зафиксированы в международных документах, а так, как хотели бы их видеть правители Китая.

Такие карты начали появляться после 1925 г., когда вслед за подъемом патриотического и националистического движения в Китае идеологи национализма обратили первостепенное внимание на террито-

¹⁵ Хуа Ци-юнь. Границы Китая. Шанхай, 1932, стр. V—VI (на кит. яз.); Син Пэн-цзюй. История Китая за последние 100 лет. Шанхай, 1938, часть III, главы II и III, стр. 113—168 (на кит. яз.).

¹⁶ Сунь Ят-сен. Указ. соч., стр. 122.

¹⁷ Sophia H. Chen Zen (ed.). Symposium on Chinese Culture. Shanghai, 1931, p. 308.

¹⁸ Chiang Kai-shek. China's Destiny and Chinese Economic Theory. N. Y., p. 58.

¹⁹ H. Hinton. China's Relations with Burma and Vietnam. N. Y., 1958, p. 40.

альный вопрос. В этой связи можно упомянуть, например, карту в работе буржуазного китайского историка Хуа Ци-юня «Границы Китая»²⁰. По Хуа Ци-юню, границы империи в Цинский период простирались от реки Или на западе, Хингана на севере, Сахалина на востоке и на юге до островов Южных морей, причем «Корея на северо-востоке, казахи, буряты, хакасы, Бухара и Афганистан в Средней Азии, Непал, Сикким, Бутан, Бирма и Аннам — все они защищали рубежи Китая...»²¹.

Карта «территориальных потерь» Хуа Ци-юня и его концепция по погранично-территориальному вопросу, отражающая взгляды правителей Китая, получили поддержку со стороны некоторых лидеров Коммунистической партии Китая, и прежде всего Мао Цзэ-дуна. В ряде своих статей и бесед с корреспондентами Мао Цзэ-дун высказал некоторые положения, свидетельствовавшие о том, что в территориальном вопросе он стоит на позициях традиционной великодержавной внешней политики.

Так, например, в одной из бесед с американским журналистом Э. Сноу в Яньане в 1936 г. Мао Цзэ-дун высказал мысль о том, что после победы революции в Китае Монголия автоматически и по своей воле **вернется** в состав Китая²². А тремя годами позже в статье «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» Мао Цзэ-дун, говоря о результатах вторжения в Китай империалистических сил, писал: «Наносся Китаю военные поражения, империалистические державы захватили многие зависимые от Китая государства и часть его территории. Япония захватила Корею, Тайвань, Рюкю, острова Пэнху и Порт-Артур; Англия захватила Бирму, Бутан, Непал и Гонконг; Франция захватила Аннам; а такая небольшая страна, как Португалия, захватила наш Аомынь»²³.

Однако это заявление не было воспринято серьезно, пока шла анти-японская война. Вся его значимость стала ясной лишь после прихода к власти в Китае группы Мао Цзэ-дуна.

В 1950 г. появилось первое издание настенной карты Китайской Народной Республики²⁴. Эта карта интересна тем, что участки границ Китая в районе Памира, в Гималаях и с Бирмой обозначены либо как «неустановленные», либо не так, как они определены международными договорами. Появление этой карты вызвало дипломатические протесты соседей Китая, в частности Бирмы. Однако в тот период правительство КНР уклонилось от определения своей позиции по этому вопросу, сославшись на то, что народное правительство просто-напросто переиздало старую карту, подготовленную еще гоминьдановскими властями²⁵.

С этим объяснением можно было бы согласиться, но повторная публикация карт с теми же «погрешностями» вынудила соседей Китая обратить внимание на этот вопрос²⁶.

²⁰ Хуа Ци-юнь. Указ. соч., стр. 50.

²¹ Там же, стр. 5.

²² E. Snow. Red Star over China. N. Y., 1937, p. 102.

²³ Мао Цзэ-дун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. Дунбэй, 1949, стр. 8 (на кит. яз.). Во всех последующих изданиях статьи это место было изменено и выглядело так: «Наносся Китаю военные поражения, империалистические державы не только захватили многие государства, расположенные вокруг Китая и ранее находившиеся под его покровительством, но и отняли или «арендовали» у Китая части китайской территории. Например, Япония захватила остров Тайвань, острова Пэнху и «арендовала» Порт-Артур; Англия захватила Гонконг; Франция «арендовала» Гуанчжоувань» (Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3. М., 1953, стр. 145).

²⁴ «Карта Китая», изд-во «Ясян юй дисюэ шэ». Пекин, VIII. 1950.

²⁵ D. Woodman. Op. cit., p. 523.

²⁶ См.: Атлас провинций КНР. Шанхай, 1951. Карты № 1, 31, 47, 49; Атлас КНР. Пекин — Шанхай, 1957. Карты № 5—6, 7—8, 44—45, 70—71, 72—73; Новый атлас мира (карманное издание). Шанхай, 1954. Карты № 2, 3, 7, 9, 12.

В 1954 г. в Пекине была издана работа Лю Пэй-хуа «Краткая история современного Китая», к которой прилагалась карта, отображавшая все «территориальные потери» Китая после Опiumных войн²⁷. Появление этой карты не оставило никакого сомнения в действительном отношении маоцзэдуновского руководства к целям и задачам традиционной внешней политики.

Карта Лю Пэй-хуа в принципе соответствует карте в работе Хуа Ци-юня «Границы Китая». Но есть между ними и существенные различия. Хуа Ци-юнь считает нужным отметить на своей карте, в какой степени зависимости от Центрального правительства Китая находился тот или иной из «утраченных» районов. Лю Пэй-хуа же полагает, что этот вопрос не имеет существенного значения.

Весьма симптоматично обозначение на этих картах Монголии. Ни та, ни другая карта не упоминают о существовании суверенной Монгольской Народной Республики. Но если Хуа Ци-юнь все же отмечает на своей карте Монголию, объединяя ее, правда, с Внутренней Монголией, то Лю Пэй-хуа включает МНР в состав Китая, даже не упоминая о ее существовании.

Кстати говоря, именно вопрос о Монголии явился пробным камнем для маоистской группировки в практическом осуществлении задач великодержавной внешней политики в территориальном вопросе. После победы китайской революции Монголия сама не «вернулась» в состав Китая, как это предполагал Мао Цзэ-дун, и он решил форсировать события, воспользовавшись для этого приездом в Пекин в 1954 г. советской партийно-правительственной делегации. Мао Цзэ-дун спустя 10 лет в беседе с делегацией Социалистической партии Японии сказал, что он «потребовал у них (советских руководителей) **возвращения** (подчеркнуто мною.— Е. К.) Внешней Монголии, но они ответили отказом»²⁸.

В руках группы Мао Цзэ-дуна метод «картографической агрессии» уже не выглядит столь безобидно. В 1955 г., вскоре после Бандунгской конференции, на которой премьер Чжоу Энь-лай заверял афро-азиатские страны в отсутствии у Китая каких бы то ни было экспансионистских замыслов²⁹, китайскими солдатами была атакована из засады колонна бирманских войск³⁰. В августе 1959 г. китайские солдаты из засады напали на индийский пограничный патруль в Гималаях³¹. В 1960 г. последовало нападение китайцев из засады на непальских пограничников³². 1962 г. ознаменовался вторжением китайских войск в спорные районы на китайско-индийской границе. Наконец, в 1969 г. произошел ряд кровопролитных инцидентов на советско-китайской границе, причем во всех случаях китайские солдаты действовали по одной и той же хорошо отработанной схеме нападения из засады³³.

Все эти вооруженные инциденты произошли на тех территориях, которые на китайских картах отмечены как «утраченные», или на тех участках границы, которые на китайских картах указывались как «неустановленные».

²⁷ Лю Пэй-хуа. Краткая история современного Китая. Пекин, 1954, стр. 253 (на кит. яз.).

²⁸ «Гайко: дэнхо», (Токио), 1969, № 10, стр. 22.

²⁹ «Сборник документов по внешней политике КНР (далее — Сборник документов)», Пекин, 1958, вып. 3, стр. 248, 251.

³⁰ «The Nation» (Rangoon), 31.VII.1956.

³¹ R. Sanghvi. India's Northern Frontier and China, Bombay, 1962, p. 16—17.

³² «The Hindustan Times», 30.VI.1960.

³³ См., например: «Правда», 4.III.1969.

При более детальном рассмотрении этих событий бросается в глаза отказ Пекина от обсуждения по обычным дипломатическим каналам спорных территориальных вопросов, когда эти вопросы еще не приобрели остроты и могут быть урегулированы быстро и безконфликтно. Вопрос же о спорной границе, решаемый с самого начала с помощью оружия, приобретает, естественно, чрезвычайную остроту и влияет на весь комплекс отношений двух стран, а иногда и на международную обстановку в целом.

Вместе с тем перечисленные вооруженные инциденты отнюдь не означали начала территориального спора. Его начало следует усматривать в многократной публикации в Китае карт с изображением его границ в соответствии с представлениями о них правителей Китая. Сами же эти инциденты означали начало нового этапа в пограничной политике КНР³⁴ — перерастание «картографической агрессии» в агрессию обычную.

Таким образом, к середине 60-х годов стало ясно, что группа Мао Цзэ-дуна вопреки теории и практике международного права отказалась фактически признать договоры, фиксирующие границы Китая. Пекин тем самым ставил вопрос о тех территориях, которые при «исправлении» границ могут или должны быть «возвращены» Китаю. Именно «возвращены», ибо, если исходить из карты Лю Пэй-хуа, сегодняшний Китай со всех сторон окружен «утраченными» территориями, в разное время якобы отторгнутыми от него.

Вопрос о «возвращении» территорий ставился Пекином в такой последовательности: в 1954 г. речь шла о 1,5 млн. кв. км монгольской территории, в 1956 г. — 70 тыс. кв. км бирманской, в 1959 г. — 130 тыс. кв. км индийской и, наконец, в 1964 г. — 1,5 млн. кв. км советской территории³⁵. По самому грубому подсчету, общая площадь территорий, на которые маоисты в течение последних 20 лет выдвигали претензии, составляет 3,2 млн. кв. км, что равно $\frac{1}{3}$ площади самого Китая (9,9 млн. кв. км), или площади Индии и Бангладеш, вместе взятых (3,18 млн. кв. км).

В своих пограничных спорах правительство Китайской Народной Республики широко использует аргументацию, приводившуюся властями Цинского Китая, ссылаясь лишь на то, что такой-то район в прошлом всегда принадлежал Китаю. Иными словами, маоистское руководство, пытаясь выполнить цели и задачи традиционной имперской внешней политики, использует и традиционную аргументацию, основанную на принципе исторического прецедента. Особенно это хорошо видно на примере отношения пекинского руководства к вопросу о пограничном споре Китая с Бирмой.

Как известно, Китай в XIX веке претендовал на обширные территории на севере Бирмы и по восточному берегу реки Салуин. Цинское правительство обосновывало свои претензии на эти земли тем, что племена, населяющие эти районы, всегда входили в состав тусы, управляемых губернатором Юньнани³⁶. В подтверждение этого тезиса приводились сведения о том, что местные вожди утверждались губернатором Юньнани и получали от него титулы и звания, принятые в Китае, что эти райо-

³⁴ Под понятием «пограничная политика» имеется в виду совокупность специальных внешнеполитических акций, непосредственно связанных с погранично-территориальным вопросом.

³⁵ Вопрос о территориальных претензиях Китая к Советскому Союзу был впервые поднят Мао Цзэ-дуном в беседе с делегацией СПЯ 10.VII.1964. См. «Правда», 2.IX.1964.

³⁶ Ч ж а н Ч э н - с у н ь. Указ. соч., стр. 137.

ны посещались китайскими чиновниками и т. д.³⁷. Каких-либо серьезных документальных подтверждений тому, что Китай осуществлял действенный контроль над этими районами, не приводилось.

В первом официальном документе КНР по спорному вопросу о китайско-бирманской границе — в докладе премьера Чжоу Энь-лая на IV сессии ВСНП 1-го созыва 9 июля 1957 г. — было упомянуто лишь о том, что инциденты, происшедшие на границе в прошлом, явились результатом английской агрессии против Китая³⁸. Однако под этим подразумевалось, что они произошли на китайской территории и «спорные районы» являются китайскими.

Китайско-бирманский пограничный спор был первым из серии подобных споров КНР. В процессе развития конфликтной ситуации на этой границе, последующей переписки и переговоров с бирманской стороной пекинская дипломатия испытывала различные тактические методы и приемы своей пограничной политики. Судя по последующим событиям, оптимальным, видимо, был признан «традиционный» метод аргументации, подкрепленный силовым — в прямом смысле этого слова — давлением.

В пограничном споре с Индией китайская сторона также широко использовала ссылки на этнографию, географию, лингвистику и т. д., которые должны были подкреплять основной довод о том, что все «спорные районы» исторически принадлежат Китаю, что в прошлом там создавались административные органы китайских властей и с населения этих районов Китаем взимались налоги и т. д.³⁹

Наконец, в возникшем ныне споре о принадлежности островов Сэнто или Сэнкаку (китайское название Дяоюйдао, или Дяоюйтэй) основным аргументом китайской стороны является ссылка на то, что еще в Минский период (1368—1644 гг.) эти острова входили в «систему морской обороны страны»⁴⁰.

Наличие же только исторических аргументов, а они имеются и у противной стороны, означает, что для нахождения обоюдоприемлемого решения пограничного и тесно связанного с ним территориального спора нужна спокойная, кропотливая работа по выявлению всего комплекса сведений, могущих помочь сторонам в достижении соглашения. Однако, как показывают факты, Пекин не желает серьезно рассматривать аргументацию противной стороны, отвергает ее априори и объявляет «с начала и до конца» неверной, фальсифицированной, антикитайской и т. д. При этом китайская дипломатия не считает нужным соблюдать элементарные нормы, принятые в обычной практике международных отношений.

Подобное отношение дало полное основание английскому синологу Ч. Фитцджеральду сделать вывод о том, что в современном Китае полностью сохранились конфуцианские синоцентристские представления, исходя из которых толкователем истины может быть только правитель Китая. Толкование китайских руководителей, несмотря ни на что, всегда правильно, а истина всегда совпадает с их точкой зрения⁴¹.

В связи с этим нелишне, пожалуй, вспомнить, что еще в ноябре 1937 г. в одном из своих выступлений Мао Цзэ-дун говорил: «У нашего народа многотысячелетняя история, у него есть свои особенности, он со-

³⁷ D. Woodman. Op. cit., p. 277.

³⁸ Сборник документов. Пекин, 1958, вып. 4, стр. 343—344.

³⁹ «К вопросу о китайско-индийской границе». Пекин, 1962, стр. 10—12.

⁴⁰ «Жэньминь жибао», 31.XII.1971.

⁴¹ C. P. Fitzgerald. The Chinese View of Their Place in the World. London, 1964, p. 41.

здал множество ценностей... Мы должны обобщить все наше прошлое — от Конфуция до Сунь Ят-сена, — должны вступить во владение всеми этими ценностями...»⁴²

Сегодня уже не приходится сомневаться в том, что маонистская группировка, отобрав все отрицательное и реакционное из опыта истории китайского народа, широко использует его в своей практической деятельности.

Как и много веков назад, «китайских школьников учат, что Китай — центр мира, что их империя была основана Небом, что все иностранцы — варвары и что эти варвары могут спасти себя лишь в том случае, если они признают превосходство вождя Поднебесной, всемогущего вождя человечества»⁴³. Эта мысль пронизывает и «установочные» статьи, появившиеся недавно в журнале «Хунци», в которых делается попытка «пересмыслить» с синоцентристских позиций вопросы исторического развития стран и народов мира⁴⁴.

Пекинская дипломатия сегодня взяла на вооружение многие методы и тактические приемы из арсенала дипломатов Цинской династии и гоминьдановского режима. Среди них далеко не последнее место занимает разработанный гоминьдановцами метод «картографической агрессии», уже многократно применявшийся маонистами. Несколько месяцев назад Пекин вновь продемонстрировал свое стремление использовать его и впредь. Издательство «Диту чубаньшэ» выпустило новый «Атлас мира»⁴⁵, повторивший «неточности» прежних картографических изданий.

Публикация этого атласа еще раз свидетельствует о том, что в погранично-территориальном вопросе дипломатия Мао Цзэ-дуна не намерена считаться с международными договорами и соглашениями по пограничным вопросам и в основном придерживается позиций, заимствованных ею у своих политических предшественников.

Все эти факты показывают, что нынешнее руководство Китайской Народной Республики сохраняет преемственность пограничной политики Цинского Китая, гоминьдановского режима, в основе которой лежат великодержавные имперские амбиции.

⁴² Мао Цзэ-дун. Избр. произв. М., 1953, т. 2, стр. 364.

⁴³ «Le Monde», 26.XI.1963.

⁴⁴ См., например, «Хунци», 1972, № 4, стр. 16—21; № 5, стр. 18—24; № 6, стр. 33—40; № 7, стр. 5—11.

⁴⁵ «Атлас мира». Пекин, 1972, карты № 4, 38.

После визита премьера Танаки в Пекин

Ю. Д. Дмитриев

Договоренность о нормализации японо-китайских отношений, достигнутая во время визита премьер-министра К. Танаки в Пекин в сентябре 1972 года, была расценена буржуазной японской печатью как важнейшая веха в развитии послевоенной дипломатии Японии, открывающая новый этап внешней политики страны — «независимой», «многосторонней», «многополюсной» и т. д. Подобные оценки разделяло и японское правительство. Это стало очевидно, когда премьер-министр заявил в программной речи на 70-й внеочередной сессии парламента, что «с нормализацией японо-китайских отношений внешняя политика Японии вышла на мировой простор».

Сейчас, когда в мире усиливаются тенденции к разрядке международной напряженности, когда стремления к упрочению мира и к укреплению международной безопасности играют все более важную роль в мировой политике, действительное проведение Японией более многосторонней, то есть в большей степени учитывающей реальную обстановку, политики могло бы внести существенный вклад в развитие этих процессов.

Какие же изменения произошли во внешней политике Японии после японо-китайских переговоров на высшем уровне в Пекине? Правда, с тех пор прошло не так много времени, чтобы новая политика, если она действительно существует, окончательно определилась. Однако некоторые действия кабинета Танаки после восстановления отношений с Китаем дают возможность говорить о вполне определенных тенденциях.

На прежних рубежах

Подводя итоги визита премьер-министра Танаки в Китай, японская печать утверждала, будто он подорвал основы созданной после второй мировой войны структуры межгосударственных отношений капиталистических стран на Дальнем Востоке. «Восстановление японо-китайских отношений означает выход Японии из сан-францисской системы, — указывала газета «Асахи», — то есть представляет собой начало самостоятельной дипломатии Японии»¹. Подобным же образом высказывались и другие японские газеты, а «Санкэй симбун» писала даже о фактическом развале этой системы². Такое единодушие наводило на мысль о том, что пресса была соответствующим образом ориентирована.

¹ «Асахи», 29. IX. 1972.

² «Нихон кэйдзай», 4. X. 1972; «Номнури», 1. X. 1972; «Санкэй симбун», 2. X. 1972.

Сан-францисская система, основой которой явился мирный договор с Японией, заключенный в Сан-Франциско в сентябре 1951 года, была детищем послевоенной политики США в отношении Японии. Неотъемлемым ее элементом был японо-американский договор о гарантии безопасности, подписанный одновременно с мирным договором. Договор о гарантии безопасности стал юридическим оправданием сохранения на территории страны американских военных баз и вооруженных сил после завершения оккупационного периода. В дополнение к нему США заключили аналогичные договоры с марионеточными режимами на Тайване и в Южной Корее. В такой обстановке мирный договор, заключенный Японией с Тайванем, а также последующий японо-южнокорейский договор оказались непосредственно связанными с сан-францисской системой.

Все эти договоры на долгие годы определили направление и рамки внешней политики Японии, которая, как выразился министр иностранных дел М. Охира, «обемни ногами увязла глубоко в сан-францисской системе»³. Пересмотр «договора безопасности» в 1960 году не поколебал эту систему, которая в дальнейшем была еще больше укреплена. Так, в совместном коммюнике о переговорах президента Никсона и премьер-министра Сато в ноябре 1969 года было записано, что Токио считает безопасность в районах Корейского полуострова и Тайваньского пролива «жизненно важной» для безопасности Японии. Фактически это означало распространение действия японо-американского «договора безопасности» на Тайвань и Южную Корею.

Японо-американский «договор безопасности» широко использовался для превращения Японии в базу снабжения агрессивной войны США в Индокитае, что в немалой степени препятствует проведению подлинно самостоятельной и многосторонней внешней политики, о необходимости которой стали часто говорить в Токио после пекинских переговоров.

Факты, однако, показывают, что вопреки приводившимся выше оценкам японской печати сан-францисская система по-прежнему остается фундаментом внешней политики Японии. Этой проблеме уделил много внимания министр иностранных дел Охира в лекции о переговорах в Пекине, с которой он выступил в начале октября 1972 г. на заседании Общества по изучению международного и внутреннего положения страны. Он подчеркнул, что японское правительство приступало к решению вопроса о нормализации отношений с Китаем, не сомневаясь в том, что сан-францисская система будет сохранена. Успешное завершение переговоров с Китаем Охира объяснил именно тем, что Япония опиралась на эту систему, а Китай «высказал понимание» этого факта, «не заостряя на нем внимания»⁴.

Тезис о лояльном отношении Пекина к сан-францисской системе, которая еще сравнительно недавно считалась направленной против Китая, повторялся руководителями японской дипломатии и в дальнейшем. Так, во время пребывания в Токио министра иностранных дел ФРГ В. Шееля его проинформировали о визите премьер-министра Танаки в Китай. В частности, М. Охира сказал Шеелю, что нормализация японо-китайских отношений произошла быстро, поскольку Китай проявил «понимание» положения, в которое поставлена Япония сан-францисским мирным договором.

³ «Майнити», 7. X. 1972.

⁴ Там же.

Пожалуй, наиболее наглядно внешнеполитический курс правящих кругов Японии после переговоров в Пекине выразился в отношении к дальнейшей судьбе японо-американского «договора безопасности». Оппозиционные партии, неизменно выступавшие за его аннулирование, в последнее время стали еще более решительно настаивать на своем требовании. В частности, коммунисты и социалисты считают, что отказ от «договора безопасности» был бы реальным вкладом Японии в разрядку международной напряженности. Однако правительство показало, что оно и впредь намерено сохранять этот договор. С этой целью в Вашингтон был направлен министр иностранных дел, чтобы заверить Соединенные Штаты в неизменности японо-американских отношений после переговоров между главами правительств Японии и Китая. Во время беседы с Никсоном глава МИД Японии информировал американского президента о том, что японское правительство и в дальнейшем будет проводить политику, направленную на сохранение отношений сотрудничества с США на основе «договора безопасности»⁵.

Характерно, что одним из главных обстоятельств в пользу сохранения «договора безопасности» было благожелательное отношение китайского руководства к японо-американскому союзу. «Наша политика сохранения договора безопасности не была препятствием для переговоров о нормализации в Пекине», — заявил на пресс-конференции сразу же по окончании переговоров М. Охира⁶. Позже «Нью-Йорк таймс» писала, ссылаясь на «сотрудников госдепартамента, знакомых с докладом о поездке Танаки в Пекин»: «Китай дал понять, что он «молчаливо» мирится с существованием японо-американского договора безопасности»⁷.

Разумеется, подтверждение верности Японии союзу с Соединенными Штатами преследовало не просто формальные цели, поскольку он налагал определенные обязательства, которые приходилось выполнять. Еще перед поездкой премьер-министра Танаки в Пекин председатель Президиума ЦК Компартии Японии К. Миямото, полемизируя с теми, кто утверждал, что после восстановления японо-китайских дипломатических отношений «договор безопасности» якобы превратится в «пустой звук», обращал внимание на все более активное использование его Соединенными Штатами в целях содействия агрессивной войне в Индокитае⁸.

Последующие события подтвердили справедливость этих опасений. В середине октября 1972 г. японское правительство разрешило транспортировку по территории страны американских танков, отремонтированных на военных базах США в Японии, и их последующую отправку во Вьетнам, несмотря на массовые выступления в стране против содействия американской агрессии в Индокитае. Правящие круги Токио всячески стремились оправдать это решение необходимостью выполнения обязательств по «договору безопасности».

Подобная мотивировка вызвала резкое осуждение со стороны оппозиционных партий. Депутат парламента от КПЯ М. Ивама на заседании комиссии по делам кабинета министров палаты советников подверг критике решение правительства, назвав его «соучастием в агрессии против Вьетнама», «конкретным примером претворения в жизнь договора безопасности»⁹.

⁵ «Асахи», 19. X. 1972.

⁶ «Japan Times», 1. X. 1972.

⁷ «New York Times», 20. X. 1972.

⁸ «Акахата», 22. IX. 1972.

⁹ «Акахата», 18. X. 1972.

Действия правительства в вопросе о транспортировке американских танков, его вмешательство в компетенцию органов местного самоуправления и отмена их постановлений были критически встречены широкой общественностью страны, усилили требования ликвидации американских военных баз на японской земле. Проведившийся в ноябре 1972 г. газетой «Токио симбун» опрос общественного мнения показал, что в оценке «договора безопасности» точка зрения правительства расходится с мнением народа: всего лишь 12,1 процента опрошенных поддержали этот договор¹⁰.

Даже деятели правящей партии не могли игнорировать подобных настроений, именно поэтому почти половина кандидатов ЛДП в ходе кампании по выборам в палату представителей фактически выступала либо за пересмотр, либо за ликвидацию договора.

Тем не менее верность военно-политическому союзу с США продолжает по-прежнему оставаться основой внешнеполитического курса официального Токио. В ноябре 1972 г. правительство разрешило Соединенным Штатам использовать порт Йокосука в качестве постоянной базы авианосцев седьмого американского флота. Этот шаг, способствовавший усилению американского военного «присутствия» на Дальнем Востоке, в то же время еще глубже вовлек Японию в стратегические планы американской военщины.

После формирования второго кабинета Танаки М. Охира, сохранивший свой пост министра иностранных дел, вновь откровенно высказался за сохранение союза с США на том основании, что якобы «пересмотр японо-американского договора безопасности создаст опасность усиления напряженности, как во внутривнутриполитическом плане, так и в международном плане».

Новая тактика в пределах старой схемы

Стремление правящих кругов Японии сохранить в своих интересах сан-францисскую систему проявилось и в их подходе к вопросу о Тайване. Формально сразу же после опубликования японо-китайского совместного коммюнике министр иностранных дел Японии М. Охира заявил, что японо-тайваньский договор «утратил смысл своего существования и поэтому прекратил действие»¹¹. В тот же день чанкайшнстское правительство разорвало отношения с Японией.

Однако в течение двух месяцев после официального разрыва отношений в Токио и Тайбэе продолжали функционировать тайваньское и японское посольства, которые вели подготовку к поддержанию «экономических и культурных связей» в условиях отсутствия дипломатических отношений. К тому моменту, когда посольства официально прекратили свою деятельность, в Японии и на Тайване были созданы «неправительственные» организации, призванные заниматься вопросами двусторонних отношений якобы на «частной» основе.

О подлинном характере подобного рода «частных» связей можно судить хотя бы по опыту японо-китайских отношений. В течение ряда лет, когда между Японией и КНР не существовало официальных дипломатических отношений, в столицах обеих стран тем не менее действовали торговые представительства, созданные в соответствии с «неправительственным» соглашением. Однако всем было известно, что в этих

¹⁰ «Токио симбун», 24.XI.72.

¹¹ «Japan Times», 30. IX. 1972.

«частных» представительствах с обеих сторон работали чиновники министерств иностранных дел и других правительственных ведомств.

Очевидно, в Токио рассчитывают использовать в новых условиях старую схему взаимоотношений с Китаем, поменяв соответственно местами Пекин и Тайбэй, заменив неофициальные связи дипломатическими отношениями, и наоборот. Японские монополии не хотят терять свои сто миллионов долларов, вложенные в экономику Тайваня, не хотят отказываться от выгодной торговли с этим островом, оборот которой превышает миллиард долларов в год, то есть больше, чем торговля Японии со всем Китаем.

Как же относится руководство КНР ко всем этим действиям Японии, которые фактически означают гальванизацию теории «двух Китаев»? Ведь в подписанном в Пекине совместном китайско-японском заявлении совершенно определенно говорилось о том, что «правительство Японии в полной мере понимает и уважает» позиции правительства Китая, согласно которой Тайвань является неотъемлемой частью Китайской Народной Республики. Между тем и после нормализации японо-китайских отношений Япония поддерживает с Тайванем связи, способствующие сохранению на острове нынешнего режима, и это не вызывает никакой реакции со стороны Пекина, который раньше весьма болезненно реагировал на усиление японских позиций на Тайване.

Все это наводит на мысль о том, что нынешние действия Японии в отношении Тайваня были предварительно обсуждены на переговорах в Пекине. Подобный вывод подтверждается и некоторыми заявлениями участников этих переговоров. Например, во время пребывания в Вашингтоне Охиры, ездившего туда для того, чтобы информировать правительство США о японо-китайских переговорах, он заявил на пресс-конференции, что на переговорах в Пекине японская сторона поставила китайскую сторону в известность о своем намерении сохранить широкие торговые и культурные контакты с Тайванем, и китайцы не возражали против этого. Более того, он подчеркнул также, что «новые отношения с Китаем не затрагивают обязательства его правительства принимать участие в обороне Тайваня, как это оговорено в японо-американском договоре безопасности»¹².

В этой связи следует вспомнить совместное коммюнике, опубликованное в ноябре 1969 года, о переговорах президента Никсона и премьер-министра Сато, в котором подчеркивалась «жизненная важность» безопасности в Тайваньском проливе для безопасности Японии, вызвавшее гневную реакцию Пекина. В китайских документах неоднократно говорилось о том, что этот пункт американо-японского совместного заявления свидетельствует об «агрессивных намерениях американского империализма и японского милитаризма в отношении Китая». Теперь же подтверждение этой позиции не вызвало никаких протестов со стороны Пекина. Видимо, там рассчитывают в дальнейшем использовать тайваньскую проблему как один из козырей в сложной игре, которую китайское руководство затеяло теперь с США и Японией.

В свою очередь японские правящие круги после достижения договоренности о нормализации отношений с Китаем принялись наверстывать упущенное на других направлениях, причем в первую очередь были приняты меры по наращиванию военной мощи Японии. Еще правительство Сато разработало так называемый «четвертый пятилетний план развития вооруженных сил» на 1972—1976 гг., и его осуществление должно было бы начаться с 1 апреля 1972 года. Однако слабость позиций

¹² «New York Times», 20. X. 1972.

кабинета Сато в парламенте и в стране заставила его воздержаться от утверждения этой программы, против которой решительно выступали оппозиционные силы.

В первые месяцы после формирования правительства Танаки оно тоже предпочитало не поднимать этот вопрос, опасаясь, что широкая программа вооружения Японии вызовет резкую критику внутри страны и за ее пределами. В частности, по утверждению «Асахи», «окончательное решение по плану обороны было отложено из-за опасений, что оно может повлиять на предполагавшееся японо-китайское сближение»¹³.

После переговоров в Пекине от прежней медлительности не осталось и следа. Разработка проекта «четвертого пятилетнего плана развития вооруженных сил» была завершена форсированными темпами и уже 9 октября 1972 г., то есть через десять дней после опубликования японо-китайского совместного заявления, этот план был утвержден правительством.

Столь резкое изменение тактики правительства в вопросе о вооружении страны сразу же обратило на себя пристальное внимание. Не остались тайной и мотивы этого шага. «Правительство спешит с рассмотрением четвертого пятилетнего плана развития вооруженных сил потому, что на переговорах в Пекине китайская сторона отнеслась с пониманием к позиции Японии по данному вопросу, — указывала «Иомиури» еще до утверждения военной программы кабинетом. — Правительство считает, что в такой обстановке оно может преодолеть противодействие оппозиционных партий»¹⁴. Газета «Джапан таймс», ссылаясь на некоего «представителя, близкого к руководителям правительства», отмечала, что за «жесткой позицией премьер-министра Танаки в вопросах обороны стоит взаимопонимание, достигнутое им и министром иностранных дел Охирой с китайским премьером Чжоу Энь-лаем и другими руководителями в отношении японской политики сохранения договора безопасности и постепенного увеличения японских сил самообороны»¹⁵.

Официальные японские представители пытались опровергать, что на переговорах в Пекине шла речь о вооружении Японии. Однако министр иностранных дел Индонезии А. Малик после беседы со специальным послом К. Айти, передавшим информацию японского правительства о восстановлении японо-китайских отношений, заявил на пресс-конференции, что, как ему стало известно, во время переговоров К. Танаки с Чжоу Энь-лаем японский премьер-министр в предварительном порядке сообщил о возможности увеличения военного бюджета Японии. В дальнейшем японская печать цитировала высказывания Чжоу Энь-лая на этих переговорах о том, что «такая большая страна, как Япония, не могла бы обойтись без сил самообороны» и что «он не может понять» позицию невооруженного нейтралитета, которую отстаивает Социалистическая партия Японии¹⁶.

Когда газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала сообщение о том, что во время переговоров в Пекине Чжоу Энь-лай обещал премьер-министру Танаке военную помощь Китая на случай мифической «советской агрессии против Японии» (это сообщение появилось 14 декабря 1972 г.), официальные круги в Токио и Пекине немедленно выступили с опровержением. Вместе с тем никто не опроверг свидетельства американской

¹³ «Асахи», 7. X. 1972.

¹⁴ «Иомиури», 2. X. 1972.

¹⁵ «Japan Times», 9. XI. 1972.

¹⁶ Там же.

газеты относительно того, что Чжоу Энь-лай приветствовал «разумный рост» вооруженных сил Японии.

Курс на дальнейшее вооружение Японии встретил осуждение общественности страны потому, что он противоречит духу времени, задачам разрядки напряженности и укрепления мира в Азии. Отражая эти настроения, «Асахи» писала: «Японское правительство не смогло дать никакого убедительного ответа на важный для большинства японцев вопрос, почему Японии, имеющей мирную конституцию, следует принять и выполнять нынешний гигантский план развития вооруженных сил, общая сумма расходов по которому в два раза больше суммы, израсходованной на предыдущий план»¹⁷.

Весьма показательным было также и то, что китайское руководство, еще в недавнем прошлом резко осуждавшее на словах «возрождение японского милитаризма», после восстановления отношений с Японией прекратило всякую критику в связи с наращиванием ею военной мощи.

Таким образом, восстановление японо-китайских отношений не изменило основ внешнеполитической ориентации Японии. Планируя развитие отношений с Китаем, правящие круги Японии стремятся в качестве противовеса сохранить союз с США и укрепить свои позиции путем наращивания вооружений. Со своей стороны китайское руководство, горя нетерпением вовлечь Японию в орбиту своей великодержавной, антисоветской политики, закрывает глаза на эти тенденции, делая вид, будто они уже не угрожают интересам китайского народа.

Законные опасения

Китайско-японское сближение в результате договоренности о нормализации отношений между двумя странами вызвало резонанс во всем мире, но этот резонанс был особенно сильным в странах Юго-Восточной Азии, народы которых не забыли агрессию японского милитаризма и знают о великодержавных, гегемонистских устремлениях пекинских лидеров. По выражению газеты «Джапан таймс», «шок» от японо-китайских переговоров в странах Азии и Тихого океана был сильнее, чем от визита Никсона в Китай¹⁸.

О беспокойстве азиатских стран свидетельствовало, в частности, сообщение корреспондента «Асахи» в Джакарте, который следующим образом подытожил различные высказывания, которые он слышал в Индонезии и в соседних с ней странах после переговоров в Пекине: «До сих пор баланс сил в районе Юго-Восточной Азии поддерживался благодаря противоборству Японии и Китая. Но не начнут ли теперь эти два государства, восстановив свои отношения и «взявшись за руки», проявлять новую силу влияния в южном направлении?»¹⁹. Бангкокская газета «Нэйши» писала, что в результате японо-китайского сближения «лишь начинается новая игра сил с новым балансом, и мало кто может сказать, как все это будет продолжаться»²⁰.

«Действительно, — отмечала газета «Джапан таймс», — страны Азии и Тихого океана могут видеть в улучшении китайско-японских отношений возможный союз между Китаем с его огромными людскими

¹⁷ «Асахи», 10. X. 1972.

¹⁸ «Japan Times», 11. X. 1972.

¹⁹ «Асахи», 17. X. 1972.

²⁰ Цит. по «Japan Times», 2. X. 1972.

ресурсами и мощной военной силой и Японией с ее развитой экономической мощью и высоким технологическим уровнем. Понятно, что они могут увидеть в таком развитии потенциальную угрозу самому их существованию, если нажим будет обращен в их направлении»²¹.

Учитывая военное, экономическое, политическое и стратегическое значение азиатских стран для Японии (на долю этих стран приходится 30% внешнеторгового оборота Японии, а капиталовложения японских монополий в регионе ЮВА превышают миллиард долларов!), в Токио решили принять меры, чтобы смягчить возможные отрицательные последствия переговоров в Пекине для японских позиций в Азии. 11 октября 1972 г. премьер-министр Танака заявил на пресс-конференции, что японо-китайские отношения никоим образом не будут сказываться на отношениях Японии со странами Юго-Восточной Азии.

Через несколько дней специальные послы японского правительства были направлены в страны Юго-Восточной Азии, чтобы разъяснить их руководителям позицию Токио после установления им новых отношений с Китаем. Американская газета «Вашингтон пост», расценив эту акцию как «поспешно осуществленную, не характерную для Японии политическую инициативу», так определила ее цели: «Нынешние задачи Японии в Азии, по-видимому, заключаются главным образом в том, чтобы заставить своих соседей, что она не утратила интереса к ним, хотя и приобрела нового торгового партнера»²².

В Японии также имелась тенденция представлять дело таким образом, будто проблемы, возникшие между нею и азиатскими странами в результате нормализации отношений с Китаем, носят чисто торгово-экономический характер, что их можно решить путем обещаний о предоставлении новой экономической помощи, расширения товарооборота и т. д. Однако сам факт срочного направления специальных послов «в страны, где выражается беспокойство относительно возможных путей дальнейшего развития японо-китайских отношений»²³, а также высказанные этим послам со стороны правительств азиатских государств опасения в связи с усилением милитаризации Японии после ее сближения с Китаем свидетельствовали о более глубоком характере охватившего Азию беспокойства.

Разъясняя правительствам азиатских стран политику Японии после восстановления отношений с Китаем, специальные послы Токио ссылались на японо-китайское совместное заявление, в частности на тот его пункт, который провозглашал отказ от всякого стремления к «гегемонии в Азии». Однако им мало кого удалось убедить подобным образом. Как констатировала еще раньше «Джапан таймс», «китайско-японское обещание не добиваться гегемонии в Азии может лишь способствовать усилению подозрений»²⁴. «Хорошо, если бы в действительности было так», — ответили тайландские собеседники японскому специальному послу, и этот ответ можно считать типичным для настроений, существующих в странах Юго-Восточной Азии.

Безрезультатными были и попытки правящих кругов Японии сыграть роль посредника в налаживании отношений между Китаем и странами Юго-Восточной Азии. Хотя такие предложения и делались азиатским странам, например Индонезии, они остались без ответа.

²¹ «Japan Times», 11. X. 1972.

²² «Washington Post», 15. X. 1972.

²³ «Майнити», 16. X. 1972.

²⁴ «Japan Times», 1. X. 1972.

Таким образом, специальным послом японского правительства не удалось развеять охватившее Азию беспокойство. Один из них, бывший министр иностранных дел К. Анти, посетивший пять стран Юго-Восточной Азии, по возвращении в Японию признал на пресс-конференции, что во время своей поездки он «чувствовал тревогу некоторых азиатских руководителей относительно нового международного порядка, после сближения Японии с Китаем»²⁵.

Одним из проявлений этой тревоги было распространение анти-японских настроений. Например, в ноябре в Таиланде начались анти-японские выступления, сопровождавшиеся бойкотом японских товаров. Эти выступления, участники которых протестовали против усиленного проникновения японского капитала в экономику страны, вызвали серьезные опасения в Токио, поскольку могли распространиться и на другие страны Азии, ставшие, как и Таиланд, объектами экспансии японских монополий.

Для обсуждения перспектив азиатской политики после восстановления японо-китайских отношений в ноябре 1972 г. МИД Японии созвал совещание японских послов в странах Азии и Тихого океана. Однако, выступая на этом совещании, М. Охира заявил, что «нет никакой необходимости изменять проводившуюся до сих пор азиатскую политику»²⁶.

Между тем хорошо известно, что в течение многих лет двумя основными направлениями азиатской политики Японии были: поддержка агрессивного курса правящих кругов США и постоянно нарастающая экономическая экспансия в страны этого района. Правящие круги Японии восприняли провозглашенную в 1969 году «доктрину Никсона» как удобную форму для укрепления позиций японских монополий в странах Азии и Тихого океана, и когда президент США заявил во внешнеполитическом послании конгрессу 18 февраля 1970 года, что «партнерские отношения с Японией будут ключом к успеху доктрины Никсона в Азии», в Токио не возражали, хотя и придерживались своего мнения на этот счет.

Воспользовавшись затруднениями США, погрязших в индокитайской авантюре, их японские союзники укрепили собственные позиции в Юго-Восточной Азии, прежде всего в странах с марионеточными и проимпериалистическими режимами, рассматривая их как «передовые бастионы антикоммунизма». Большая роль в укреплении японского влияния в Юго-Восточной Азии отводилась такому средству, как блок АЗПАК, созданному при активном участии Японии и по рецептам, разработанным в Токио. Именно АЗПАК был тем каналом, по которому японские правящие круги могли проводить «собственную» линию в Азии.

Естественно, что в Токио не хотят отказываться от столь важного средства распространения японского влияния на Азиатском континенте. Именно об этом говорит заявление Охиры в парламенте, что правительство не планирует ухода из АЗПАК, так как восстановление японо-китайских отношений не имеет прямой связи с деятельностью этой организации. Очевидно, правящие круги Японии намереваются усилить блоковую политику, что вряд ли будет способствовать повышению престижа страны в Азии.

²⁵ «Асахи», 17. X. 1972.

²⁶ Там же, 21. XI. 1972.

За укрепление подлинного мира и безопасности

Стремление правящих кругов Японии цепляться за старые, мягко выражаясь, изжившие себя внешнеполитические догмы наряду с чрезмерной верой в успех «многополюсных» политических маневров проявляются и в отношениях с другими странами, в том числе с Советским Союзом. Наметившаяся в первой половине 1972 года линия на улучшение отношений с Советским Союзом не получила в дальнейшем необходимого развития в обстановке «китайского бума», захлестнувшего осенью Японию. «Высказывались мнения, — писала в связи с этим «Майнити», — что курс сближения Японии с СССР при правительстве Сато был своего рода уловкой, направленной на содействие повороту Китая в сторону Японии»²⁷.

После же восстановления отношений между Китаем и Японией некоторые круги в Токио, по-видимому, решили, что создалась благоприятная обстановка для оказания нажима на Советский Союз в целях получения от него уступок в так называемом территориальном вопросе. Вероятно, с этим следует связывать и определенный реваншистский рецидив на страницах некоторых органов японской печати, утверждавших, что «возвращение северных территорий» должно быть непременным условием заключения мирного договора между СССР и Японией и даже развития советско-японского экономического сотрудничества. Это была довольно грубая попытка навязать свои условия в связи с предстоящими советско-японскими переговорами о заключении мирного договора, и она, естественно, не могла принести позитивных результатов.

В то же время те политические деятели Японии, которые подходили к отношениям с Советским Союзом с позиций реализма и здравого смысла, отдавали себе отчет в абсурдности выдвижения территориальных притязаний к СССР в принципе и в обстановке японо-китайского сближения в частности. «Как видно из договора между ФРГ и СССР, — писала, например, «Майнити», — Советский Союз придерживается принципа неизменности границ, сложившихся после второй мировой войны. Подобный внешнеполитический курс СССР, направленный на сохранение мира на основе статус-кво, имеет определенные основания»²⁸.

В ходе развернувшейся в Японии осенью 1972 г. дискуссии о том, какой должна быть многосторонняя дипломатия страны в условиях «многополюсной» мировой политики, среди других определилась и точка зрения о необходимости поддержания дружественных связей со всеми государствами, в первую очередь с соседями, а также о бесплодности курса, целью которого были бы попытки одностороннего извлечения преимуществ из отсутствия нормальных отношений между какими-либо странами. Можно процитировать одно из высказываний японской печати о необходимости формирования нового позитивного курса дипломатии, опубликованное в газете «Асахи ивнинг ньюс»: «Многополюсная дипломатия не означает извлечения преимуществ из противоборства между Китаем и Советским Союзом. С точки зрения экономического и политического положения Японии основой внешней политики должно быть создание параллельных многосторонних дружественных отношений со всеми странами»²⁹.

К развитию дружественных отношений с Японией неизменно стремится Советский Союз. В Японии получили широкий отклик высказы-

²⁷ «Майнити», 3. X. 1972.

²⁸ Там же, 16. X. 1972.

²⁹ «Asahi Evening News», 23. X. 1972.

вания Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева по вопросам советско-японских отношений, содержащиеся в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», в частности его заявления о том, что Советский Союз стоит за установление отношений подлинного добрососедства с Японией и на предстоящих советско-японских переговорах желает достигнуть взаимоприемлемой договоренности по всему кругу обсуждаемых вопросов.

Некоторые заявления японских ведущих политических деятелей показывают, что и они придают важное значение отношениям с Советским Союзом для внешней политики своей страны, а также для укрепления мира на Дальнем Востоке. Так, на пресс-конференции после формирования кабинета Танаки министр иностранных дел М. Охира заявил, что «гарантированный мир между Японией и Россией важен для мира в Северо-Восточной Азии»³⁰.

После своего назначения на прежний пост во втором кабинете Танаки в октябре 1972 г. М. Охира заявил в интервью агентству Киодо Цусин: «Японо-советские отношения до сих пор развиваются довольно неплохо. Достигнут значительный прогресс в экономическом сотрудничестве и других областях. Необходимо и впредь еще более углублять эти достижения, развивать отношения между двумя странами».

В последнее время все более заметной чертой международной жизни становится реалистическое отношение к действительности, что содействовало развитию политики разрядки напряженности, усилило тенденции, действующие в этом направлении. Важным вкладом в эти процессы явилась разработанная XXIV съездом КПСС Программа мира и международного сотрудничества. Активные действия Советского Союза на международной арене, направленные на ее осуществление, солидарные выступления других стран социалистического содружества решающим образом способствовали благоприятным для дела мира и безопасности народов изменениям в международной обстановке.

Само собой разумеется, что Азия не должна и не может остаться в стороне от общего процесса разрядки международной напряженности.

Странам Азии еще предстоит обсудить вопрос о том, каким должен быть мир на континенте, который реально обеспечил бы безопасность всех населяющих его народов, не посягая на свободу и суверенные права каждого из них. Несомненно, достижению этой благородной цели отвечало бы осуществление сделанного Советским Союзом еще несколько лет назад предложения об обеспечении коллективной безопасности в Азии.

Япония как одно из крупнейших азиатских государств могла бы внести важный вклад в создание новых отношений между государствами континента, основанных на мире и безопасности народов. В 70-х годах XX века не может иметь успеха беспринципное маневрирование на международной арене в надежде кого-то обмануть, не может быть места полностью скомпрометировавшей себя политике «разделяй и властвуй», и, чем скорее это будет понято, тем прочнее будут мир и безопасность народов.

³⁰ «Japan Times», 10. VII. 1972.

Национализм, пролетарский интернационализм и революционный процесс на Востоке

*Г. Ф. Ким,
доктор исторических наук*

Освободительная борьба народов Азии, Африки и Латинской Америки развивается ныне в условиях, когда колониальная система потерпела крах и национально-освободительное движение, в основном осуществив задачи первого этапа борьбы за политическую независимость, вступило в новую фазу — в борьбу за экономическую самостоятельность, которую В. И. Ленин рассматривал как более сложную задачу национального раскрепощения.

Сейчас в молодых национальных государствах на первый план стали выдвигаться проблемы внутренних социально-экономических и политических преобразований. Различные классы и политические силы в развивающихся странах стали по-разному подходить к вопросу о путях и методах дальнейшей освободительной борьбы.

В различных странах побеждают разные тенденции общественного развития в зависимости от конкретного соотношения социальных и политических сил как во внутренней, так и в международной жизни. И хотя в целом этот процесс еще не завершен, но можно разделить эти страны на следующие основные группы: те, которые избрали социалистическую перспективу и после завоевания политической независимости под руководством революционной демократии идут в русле некапиталистического развития; те, где власть после провозглашения независимости захватили элементы, которые при поддержке клерикально-помещичьих кругов стремятся утвердить капиталистический путь; и, наконец, те, которые все еще находятся в переходном состоянии, где еще решается вопрос о выборе направления дальнейшего общественного развития.

Некоторые страны Азии и Африки после завоевания национальной независимости в течение продолжительного времени пытались и пытаются решить задачи национального возрождения, избрав капиталистический путь развития. Однако, как показал исторический опыт, развивающийся национальный капитализм в молодых афро-азиатских странах не в состоянии разрешить коренные общенациональные задачи, и прежде всего насущные социальные преобразования. Поэтому не случайно в молодых государствах Азии и Африки сегодня мало таких, кто открыто называет себя сторонником капиталистического пути развития.

В тех освободившихся странах, народы которых стремятся последовательно решать антиимпериалистические, антифеодальные, общедо-

мократические задачи, национально-освободительная борьба, как это теоретически предвидел В. И. Ленин, неизбежно приобретает антикапиталистическую направленность. Ибо жизнь наглядно показала, что национальные цели возможно успешно осуществить лишь на путях решения назревших социальных проблем.

Не случайно поэтому во многих освободившихся странах появились различные доктрины, в которых присутствуют идеи социализма. Этот процесс отражает кризис буржуазных концепций национального возрождения, а с другой стороны, он показывает, что во многих странах «третьего мира» идут активные поиски форм социального прогресса, отличных от капиталистических. Марксисты-ленинцы в оценке этих доктрин исходят из конкретно-исторических условий. Только на этой основе можно правильно охарактеризовать сложные явления теории и практики современного этапа национально-освободительного движения. Однако вне зависимости от конкретных оценок этого явления в отдельных странах сам факт широкого распространения таких доктрин весьма знаменателен. Он свидетельствует о широчайшей тяге народов к социализму. Поэтому враги национально-освободительного движения изыскивают средства для компрометации и подрыва прогрессивных тенденций в странах «третьего мира», чтобы удержать последних в орбите мирового капитализма.

Ставка империалистов на буржуазный национализм

В этой острейшей политической борьбе империалисты широко используют буржуазный национализм в качестве своего главного идеологического оружия. «...В своей борьбе против сил социализма, против революционного движения, — говорил на московском Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — они делают ставку на национализм»¹.

Идеологи империализма при этом пытаются представить, что социализм является главной опасностью для идеологических ценностей «третьего мира».

В этом направлении буржуазные социологи в последние годы и ведут свои «изыскания». Суть их сводится к тому, чтобы гальванизировать реакционные стороны национализма, противопоставить его идеологии пролетарского интернационализма и тем самым парализовать революционные процессы в странах «третьего мира».

Одновременно с идеологической диверсией империализма против национально-освободительного движения резко активизировались в настоящее время левоавантюристические мелкобуржуазные элементы, взявшие на свое вооружение расово-шовинистические идеи. Ими активно ведется широкая пропаганда, направленная на обоснование «особого пути» развития афро-азиатских стран.

В спекулятивных целях они подхватывают тезисы нынешних пекинских деятелей о делении мира на «богатые» и «бедные» нации, о «коренных противоречиях между развитыми и развивающимися странами». Не случайно, что в этом вопросе «идеи Мао Цзэ-дуна» находят полную поддержку у представителей крупнейших монополий капиталистического мира. Например, Нельсон Рокфеллер заявил: «Что касается стран

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 74.

слаборазвитых в промышленном отношении, то в последние годы мы стали все больше ощущать, что самым глубоким разделением нашего земного шара может оказаться... разделение на бедных и богатых»².

Левооппортунистические мелкобуржуазные деятели также стремятся «обособить» борьбу афро-азиатских народов, оторвав ее от главного оплота революционного процесса — международного рабочего движения. Один из идеологов «революции обездоленных» Ф. Фанон в свое время, например, писал будто бы: «Третий мир ныне противостоит Европе как единая колоссальная сила. Речь идет о том, чтобы третий мир положил начало новой истории человечества... Товарищи, давайте не будем повторять путь развития Европы... Ради Европы, ради нас самих, ради всего человечества необходимо решительно изменить весь образ жизни человечества, развить новую идеологию, попытаться создать нового человека»³.

Ныне маоисты и их последователи распространяют теории о «революции цветных» в странах Азии, Африки и Латинской Америки, причем под видом «последних достижений» социалистической мысли. Перед нами, по существу, под разными соусами преподносятся различные варианты расовых, националистических теорий. Этим новоявленным «идеологам социализма» стоит напомнить, что почти 60 лет назад В. И. Ленин предельно четко поставил проблему взаимоотношений рабочего класса Запада и национально-освободительного движения. В связи с «пробуждением Востока», ростом освободительной борьбы в колониальных странах В. И. Ленин писал: «Что же? Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока? Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что новые сотни и сотни миллионов людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад»⁴.

И в самих развивающихся странах происходит не менее острая идеологическая борьба, отражающая столкновение идей и принципов, определяющих отношение различных социальных сил к проблеме ликвидации пережитков колониализма, к проведению коренных социально-экономических преобразований — словом, к окончательному выбору пути развития.

Сектантские ошибки в оценке национальной буржуазии и ее идеологии, бытовавшие в прошлом, к сожалению, нередко препятствовали творческой разработке проблем национально-освободительного движения на основе ленинского теоретического наследия. Глубокие указания В. И. Ленина о двойственной природе буржуазного национализма в странах Востока требовали и требуют серьезного анализа позиции буржуазии на всем протяжении истории национально-освободительного движения, и особенно на его современном этапе. Отношение к нему со стороны рабочего класса должно состоять, как указывал В. И. Ленин, в поддержке прогрессивных его сторон и непримиримой борьбе против его реакционных тенденций. «Поскольку буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, — писал он, — постольку мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за *свой* буржуазный национализм, мы против»⁵.

² N. Rockefeller. The Building of the West World Order. Philadelphia, 1. V. 1968.

³ F. Fanon. The Wretched of the Earth. N. Y., 1968, p. 311.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 402.

⁵ Там же, т. 25, стр. 275.

Исторической основой «законности» национализма, как это показал В. И. Ленин, является победа капитализма над феодализмом. В борьбе с феодализмом и всей его «средневековой ветошью», против империалистического угнетения наций буржуазный национализм выступает как исторически прогрессивное явление.

Однако В. И. Ленин предупреждал, чтобы «это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, — чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией»⁶. Следовательно, безусловным требованием марксизма является строгое разграничение двух сторон национализма, а также нужно четко разграничивать понятия *национального* и *националистического*.

Великодержавная политика маоистов как раз является ярким примером затемнения пролетарского сознания буржуазной, националистической идеологией, которая к тому же впитала в себя элементы феодальной концепции «превосходства» ханьской нации над всеми другими, то есть «варварскими», народами мира.

Национальный вопрос с точки зрения марксизма-ленинизма есть часть общего вопроса о социальном раскрепощении народов. Он не должен ставиться самодовлеюще, вне конкретной связи с классовой борьбой пролетариата, чтобы он содействовал решению задач пролетарской революции. Национальные требования для него подчинены интересам классовой борьбы. Поэтому борьба пролетариата за победу социалистической революции теснейшим образом сочетается с демократическими движениями различных форм, с национально-освободительным движением угнетенных наций. Все они, вливаясь в единое русло борьбы против империализма, образуют единый антиимпериалистический фронт. В тесном единении всех антиимпериалистических сил В. И. Ленин видел залог успешной борьбы пролетариата и угнетенных народов колониальных стран за свое национальное и социальное освобождение.

Многие буржуазные социологи нередко стремятся представить в качестве главной идеи, чуть ли не основной движущей силы нашего времени — национализм. При этом национализм в их рассуждениях выступает как внеисторическое, абстрактное понятие. Пытаясь внести раскол в ряды борцов против империализма, буржуазные социологи свои усилия направляют главным образом на ослабление и на разъединение естественного союза международного рабочего и национально-освободительного движения. Однако нельзя надуманными схемами, даже самыми изощренными, опровергнуть идею единства антиимпериалистических сил, подтвержденные историческим опытом. В этой связи стоит обратиться к конкретным фактам истории и выявить отношение международного рабочего класса к освободительному движению угнетенных народов.

Национально-освободительное движение и рабочий класс

В дооктябрьский период империализм огнем и мечом поработал народы Азии и Африки. Отдельные, порой даже крупные антиколониальные выступления угнетенных народов (вспомним «боксерское» восстание в Китае, сипайское — в Индии) жестоко подавлялись объединенными полчищами иноземных карателей.

⁶ Там же, т. 24, стр. 132.

Сразу же после Октябрьской революции угнетенные народы в лице молодого Советского государства обрели оплот в своей борьбе за национальное освобождение. Несмотря на чрезвычайные трудности, находясь в огненном кольце интервенции и внутренней контрреволюции, Советское государство по личному указанию В. И. Ленина оказывало дружественную поддержку антиимпериалистической борьбе народов Китая, Монголии, Афганистана, Турции и других стран. Именно в этих условиях происходил прорыв цепей колониализма на ряде его участков.

В тот период наступление против колониализма не могло стать всеобщим, так как соотношение мировых политических сил было еще в пользу империализма. Советский Союз, будучи единственной социалистической страной, имел ограниченные возможности для поддержки национально-освободительного движения, хотя делал для этого все возможное (отправка в Китай военных и политических советников, материальная и военная помощь Турции, совместные боевые действия Советской Армии с монгольскими революционными отрядами, политическая поддержка Афганистана и т. д.).

Генеральное наступление на колониализм началось после второй мировой войны, когда образовалось содружество социалистических стран и мировая социалистическая система стала решающей силой современности. В результате тесного взаимодействия международного рабочего движения и его главного детища — мировой системы социализма с национально-освободительной борьбой за сравнительно короткий срок (10—15 лет) рухнула система колониализма.

«За 55 послеоктябрьских лет мир преобразился неузнаваемо, и можно смело утверждать, что ни одно крупное прогрессивное изменение в социальных отношениях не произошло без влияния Октябрьской революции. В ходе революционного процесса, начатого Октябрем, под знаменем коммунизма объединились народы стран, образовавших мировое социалистическое содружество; на развалинах колониальных империй созданы национальные государства, многие из которых встали на путь демократических преобразований, приняли социалистическую ориентацию»⁷.

Эти процессы вызывают бурную реакцию со стороны сил мировой империалистической буржуазии.

Империализм, чтобы сохранить последние колониальные бастионы, пускает в ход самые жестокие средства, о чем свидетельствуют война американского империализма во Вьетнаме и события на Ближнем Востоке. Но ему не удастся предотвратить окончательную гибель колониализма. Народы Азии и Африки хорошо понимают, какую роль в крушении системы колониализма сыграли международный рабочий класс и мировая система социализма. Хорошо известно, что империализм не добровольно убрался с «насиженных мест». Он вынужден был это сделать под натиском объединенных сил мирового антиимпериалистического фронта.

Успехи антиимпериалистической борьбы народов, приведшие к краху колониальной системы, огромны. Однако завоеванием политической независимости народы Азии и Африки добились только «первой» независимости, ибо колониализм не выкорчеван в важнейшей сфере — социально-экономической жизни. Поэтому сама логика жизни заставляет народы Азии и Африки продолжать национально-освободительную

⁷ «Дорогой Октября — к победе коммунизма». Доклад тов. К. Т. Мазурова на торжественном заседании, посвященном 55-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. — «Правда», 7.XI.1972.

борьбу за «вторую» независимость, т. е. за достижение экономической самостоятельности.

В свое время В. И. Ленин остро критиковал буржуазных идеологов за то, что они «толкуют о национальном освобождении... оставляя в тени экономическое освобождение. А на деле именно это последнее есть главное»⁸. Нынешняя борьба этих народов за «вторую» независимость развернулась на гигантском фронте, втянувшем в свой водоворот сотни и сотни миллионов людей. В этот сложный процесс вовлечены многомиллионные массы, все классы, политические партии; в ходе его развития выявляются острые социальные противоречия и конфликты.

Главной осью политической борьбы, развернувшейся в каждой освободившейся стране, является выбор пути дальнейшего развития. Перед независимыми странами на повестке дня стоит основной вопрос: как ликвидировать вековую социально-экономическую отсталость и в сравнительно короткие сроки преодолеть барьер, разделяющий развитые и развивающиеся страны. Требования национального освобождения и предоставления независимости — т. е. главные лозунги антиколониального этапа борьбы афро-азиатских народов, являющиеся стержнем буржуазного национализма на нынешнем этапе, когда национально-освободительное движение в целом осуществило эти задачи, — утрачивают свою былую силу как основной лозунг борьбы.

Это положение подчас оспаривается под тем предлогом, что в реальной жизни афро-азиатского мира нередко мы наблюдаем обострение национального вопроса.

Действительно, в ряде районов Азии и Африки происходят на этой основе конфликты. Они, во-первых, связаны с достижением политической независимости, завоеванием государственного суверенитета, поставившим на повестку дня вопрос о национально-государственном строительстве. Вследствие многонационального характера большинства стран Азии и Африки и различий в уровнях социально-экономического и политического развития отдельных наций, народностей и племен вокруг практического решения указанного выше вопроса не могли не возникнуть острейшие трения и противоречия.

Во-вторых, они связаны с тем, что главный центр освободительной борьбы переместился сейчас в сферу социально-экономических преобразований. Различные народности, находящиеся на неодинаковом уровне социально-экономического развития и исторически занимавшие неодинаковое положение в системе внутренних экономических взаимосвязей данного государства, по-разному понимают задачи экономического развития и социальных преобразований.

В таких случаях трения по экономическим проблемам не обязательно принимают кардинальный характер выбора пути развития. Они могут вестись и по поводу самого характера и содержания капиталистической эволюции. Интересы более развитой буржуазии одной нации или народности приходят в столкновение со стремлением аристократических, племенных, бюрократических лидеров другой нации или народности сохранить свои привилегии. Тогда обе силы апеллируют к «своим» этническим массам, выдвигая националистические лозунги.

Вполне очевидно, что за всякими «национальными» требованиями стоит вполне определенный социальный интерес, хотя и маскируемый националистическими лозунгами.

Наконец, это обострение национального вопроса связано с самим характером этнических процессов. Они отличаются динамичностью и

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 187.

незавершенностью. Во многих странах сосуществуют все три главные стадии этнического процесса: складывание племен в народности, формирование наций из народностей, внутренняя консолидация уже сложившихся наций. Таким образом, существует исторически сложившаяся неравномерность этнического развития, которая естественно рождает национальное неравноправие, а стало быть, может служить источником национальных конфликтов.

Следовательно, реальная действительность афро-азиатских стран такова, что национальный вопрос в самом широком смысле этого понятия был и остается объектом напряженной политической борьбы. Стало быть, положение о постепенной утрате буржуазным национализмом значения, как основного лозунга социального прогресса народов Азии и Африки, должно быть воспринято с учетом указанных факторов. Скорее всего, этот кризис буржуазного национализма более или менее явно обозначился в странах капиталистического развития, где стоящая у власти национальная буржуазия активно стремится подавить прогрессивные идейные течения, и прежде всего пролетарскую идеологию.

Сейчас речь идет о путях ликвидации тяжелого наследия колониального прошлого, что возможно только с осуществлением широких социально-экономических преобразований, направленных на обновление всей структуры общественного устройства. Опыт показывает, что радикальное их решение невозможно в социальных рамках капитализма. Огромный рост антикапиталистических тенденций в молодых национальных государствах как раз отражает этот социальный поворот современных национально-освободительных революций.

Тов. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду указывал: «Главное состоит в том, что борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических»⁹.

Именно поэтому среди трудящихся масс и прогрессивных слоев национальной буржуазии усиливается интерес к опыту стран социалистического содружества. Исторический опыт мирового развития и реалистическая оценка итогов, первых успехов и неудач стран «третьего мира» после завоевания ими независимости показали неоспоримое преимущество социализма. В программных документах и в выступлениях руководителей ряда новых государств были выдвинуты перспективы развития по пути глубоких социально-экономических преобразований. Социалистическая ориентация стала общей политической, экономической и идеологической платформой большой группы развивающихся стран. А это, во-первых, еще более укрепляет связь национально-освободительного движения с лагерем социализма на основе общей борьбы против империализма и поддержки радикальных социально-экономических преобразований в развивающихся странах и, во-вторых, создает новые интернациональные связи между государствами, вставшими на путь социального прогресса.

Таким образом, на современном этапе происходит качественно новое усиление интернационализации мирового революционного процесса. Применительно к национально-освободительному движению оно вызвано следующими важнейшими обстоятельствами. Прежде всего неизмеримо расширились возможности мировой социалистической системы в оказании разносторонней поддержки национально-освободительному

⁹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 18.

движению. При этом, разумеется, нельзя эту поддержку сводить только к материальной помощи, сколь значительной бы она ни была.

Уже самим фактом своего существования социалистические страны сковывают главные силы империализма, резко ограничивая его возможности в осуществлении агрессивных акций против молодых национальных государств. Социалистические страны силой примера, своим богатейшим опытом государственного, хозяйственного и культурного строительства оказывают огромное влияние на государства «третьего мира», ищущие наиболее рациональные формы общественного развития.

Появление передовых отрядов национально-освободительного движения в лице стран, вступивших на путь углубления союза между социализмом и освободившимися странами. Мы живем в такое время, когда союз международного рабочего класса и национально-освободительного движения, предначертанный великим Лениным, становится решающим фактором в борьбе народов за национальную независимость и социальный прогресс.

Кризис буржуазного национализма

Говоря о новом этапе национально-освободительного движения, когда подавляющее большинство народов Азии, Африки и Латинской Америки завоевало политическую независимость и, таким образом, добилось «суверенности наций», необходимо рассмотреть некоторые вопросы, связанные с оценкой буржуазного национализма в этих новых изменившихся условиях. Возникает вопрос: в какой мере буржуазный национализм сохраняет свои прогрессивные черты в нынешней борьбе афро-азиатских народов за национальную независимость и социальный прогресс?

На первом этапе антиколониальной борьбы за достижение политической независимости национализм в целом сыграл, несомненно, большую прогрессивную роль. При этом разные классы вкладывали в понятие «национализм» свое содержание. Если буржуазия имела в виду использовать его не только для борьбы против иноземного ига, но и против интернациональной идеологии пролетариата, то трудящиеся массы вкладывали в него наряду с антиимпериалистическими требованиями глубокое патриотическое содержание. На нынешнем этапе, когда национально-освободительные революции уже приступают к решению социальных проблем, все более обнаруживается ограниченность буржуазного национализма, его неспособность стать идейным знаменем социального прогресса.

В этой связи можно сказать, что в странах, где в результате завоевания национальной независимости утвердилось господство национальной буржуазии, постепенно назревает кризис буржуазного национализма. Выход из этого кризиса реакционное крыло национальной буржуазии все настойчивее ищет посредством союза с империалистической буржуазией, которая все чаще рассматривается не столько как противник, сколько как партнер по капиталистическому обогащению. В этом отношении весьма показательна позиция крупной индийской буржуазии, группирующейся вокруг так называемого «Синдиката». В более широком плане идеология национальной буржуазии, выполнив свою исторически прогрессивную роль в борьбе за национальную независимость, на этапе социального прогресса все больше обнаруживает свою ограниченность перед лицом новых задач.

В основе наметившегося кризиса идеологии буржуазного национализма лежит неспособность лидеров национальной буржуазии осуществить насущные задачи современных национально-освободительных революций, т. е. последовательной реализации их общедемократической программы. Следовательно, на современном этапе резко обнаруживается противоречие между объективно назревшими потребностями доведения до конца национально-освободительной революции, осуществления коренных социально-экономических преобразований и неспособностью (нежеланием) во многих случаях со стороны правящих кругов национальной буржуазии осуществить эти задачи.

Вот почему в настоящее время в странах «третьего мира» намечается или уже наметился процесс возникновения переходных идеологических концепций.

В результате эволюции буржуазного национализма, как показывает опыт ряда стран, рождаются новые идеологические концепции, которые не только не защищают капитализм, но, напротив, подвергают его критике и отстаивают программу некапиталистического развития. Хотя эти концепции далеко не всегда последовательны, они тем не менее отражают демократические и прогрессивные устремления революционной мелкобуржуазной демократии. В отдельных странах (Сирия, Ирак) революционная демократия отвергает антикоммунизм реакции и идет на сотрудничество с другими прогрессивными силами, и в первую очередь с коммунистическими партиями. Это свидетельствует о наметившейся тенденции к единству действий левонационалистических и коммунистических партий, к попыткам революционных демократов найти новые идеологические платформы.

Под огромным, все возрастающим воздействием мировой социалистической системы, когда идеи социализма овладевают сознанием широчайших масс, когда переход от капитализма к социализму составляет основное содержание современной эпохи, революционная демократия в освободившихся странах выдвигает общедемократическую программу, преодолевающую в известной мере ограниченность буржуазного национализма. Такая программа выходит за пределы буржуазного национализма; она, как правило, предусматривает конкретные формы и методы углубления национально-освободительной революции, осуществления целого комплекса демократических преобразований в направлении некапиталистического пути развития.

Этот прогрессивный процесс усиления идеологии революционной демократии с постепенным осознанием великого значения научного социализма и исторической роли рабочего класса открывает широкие перспективы для распространения и утверждения в сознании трудящихся Азии и Африки идей пролетарского интернационализма.

Проводимые революционными демократами социально-экономические преобразования объективно, независимо от их субъективных устремлений, расчищают почву для усиления влияния рабочего класса на ход общественного развития. В этом и состоит основа возможной эволюции идеологии революционной демократии в сторону постепенного восприятия идей международного сотрудничества прогрессивных сил. Особенно это проявляется в осознании революционной демократией необходимости союза национально-освободительного движения со странами социализма и международным рабочим движением.

Следует, конечно, учитывать, что теория и практика политических деятелей, действующих под знаменем идеологических концепций переходного типа, сохраняя в целом историческую прогрессивность, полна глубоких внутренних противоречий.

Объективно исторические процессы, происходящие в развивающихся странах, неуклонное сужение сферы и степени воздействия буржуазно-националистических сил создают благоприятные условия для развертывания здесь активной пропаганды, творческого применения и развития революционной теории в соответствии с конкретными условиями, национально-историческими традициями и социально-экономическими особенностями этих стран. Такой ход событий как раз и предвидел В. И. Ленин, выразивший уверенность в том, что пролетариат, «применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах...», сумеет «...применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство...»¹⁰.

Все это выдвигает важные задачи перед коммунистическими партиями стран Азии и Африки. Правильное определение диалектики национального и интернационального в революционном процессе этих стран — задача довольно сложная, поскольку грань между ними, как говорил Ленин, «очень тонка». Важнейшим критерием интернациональной политики коммунистов было и остается указание В. И. Ленина: «Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах»¹¹.

Следовательно, основным мерилом интернациональной политики коммунистов служат их конкретные действия, направленные на развитие революционного движения как в собственной стране, так и в других странах.

С этой точки зрения выглядит совершенно несостоятельной схема относительно обязательного наличия «национализма большой нации». В своей работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации» В. И. Ленин предупреждал коммунистов о возможности возникновения как рецидивов великодержавного шовинизма, так и местного национализма в первые годы существования Советского государства, когда осуществлялась сложная ломка старых и строительство новых международных отношений. Но никогда и ни при каких обстоятельствах Ленин не мог говорить о якобы «присущем» большим нациям национализме, ибо это противоречит самим основам марксизма-ленинизма, признающим полное равенство больших и малых народов.

Вся долгая история КПСС и других марксистско-ленинских партий учит, что только под знаменем пролетарского интернационализма, в единстве всех революционных отрядов можно добиться решающих успехов в мировой антиимпериалистической борьбе.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 329.

¹¹ Там же, т. 31, стр. 170.

Противоречивые обоснования противоречивой политики

*Ф. М. Бурлацкий,
доктор философских наук*

События последнего времени все более настоятельно обнаруживают необходимость углубленного анализа философско-теоретических истоков маоизма. Эта необходимость вызывается по меньшей мере следующими обстоятельствами.

Во-первых, стал фактом определенный (быть может, временный) отход руководства КПК от лозунгов и практики периода «культурной революции». Нынешний период характеризуется некоторыми изменениями в экономической и социальной политике внутри страны, более гибкими методами функционирования режима личной власти в Китае.

Во-вторых, стали фактом определенные сдвиги в области внешней политики руководства КПК. Сейчас для нее характерна большая гибкость и дифференцированность при сохранении прежних националистических целей. В противовес прошлым заявлениям руководство КПК лихорадочно ищет пути улучшения отношений с капиталистическими странами за счет отношений со странами социализма и развивающимися государствами. Борьба руководства Китая против СССР и других стран социализма ныне ведется в еще более изощренных и коварных формах.

В-третьих, нельзя игнорировать и то, что маоизм извлекает определенные уроки из опыта своих неудач внутри страны и на мировой арене. При всей нетерпимости и амбициозности китайских руководителей они вынуждены так или иначе учитывать то впечатление, которое производит на международное рабочее и национально-освободительное движение глубокая и серьезная критика их позиций со стороны КПСС и других партий. Активное и последовательное разоблачение политического курса Мао Цзэ-дуна и его группы, а также очевидные негативные результаты собственного опыта вынуждают маоистов вносить изменения не только в практическую деятельность, но и в теорию.

Об истоках маоизма

Необходимо прежде всего четко разграничивать социально-политические и философские взгляды в маоизме. Нам приходилось в свое время писать о соотношении маоизма и марксизма¹, имея в виду главным образом характеристику маоизма как социально-политического течения мелкобуржуазного и националистического направления. Сейчас

¹ См. Ф. Бурлацкий. «Маоизм или марксизм?». Изд-во «Политическая литература». М., 1967.

хотелось бы более основательно разобрать так называемые «философские» высказывания Мао Цзэ-дуна.

В одной из последних своих работ Мао Цзэ-дун признал, что он долгое время придерживался неправильных взглядов. В брошюре «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», выпущенной в 1957 году, он писал: «У меня прежде были различные немарксистские взгляды, марксизм я воспринял позже. Я немного изучил марксизм по книгам и сделал первые шаги в идеологическом самоперевоспитании, однако перевоспитание все же главным образом происходило в ходе длительной классовой борьбы»².

Можно поверить на слово Мао Цзэ-дуну: вряд ли он когда-либо серьезно изучал произведения К. Маркса. Но дело не только в этом, а в том, что с самого начала он игнорировал многие важнейшие теоретические и политические выводы марксизма. Например, Мао Цзэ-дун никогда не понимал по-настоящему, какую роль в революции должен играть рабочий класс. Он никогда не понимал значения демократии внутри партии и в целом в стране как в период революции, так и в период строительства социализма. Он никогда не понимал главную мысль К. Маркса о существовании объективных экономических законов, в соответствии с которыми можно решать как хозяйственные, так и социальные задачи.

Постепенно, исподволь Мао Цзэ-дун стал насаждать свои доморощенные взгляды, а также «идеи», позаимствованные из троцкистских, анархистских и других источников, и заменять ими марксистско-ленинские традиции в КПК.

Если говорить в целом о соотношении маонизма и марксизма-ленинизма, то оно может быть в определенной мере уподоблено тому, каким было соотношение бакунизма и марксизма в XIX веке, троцкизма и ленинизма в XX веке. И подобно тому, как троцкизм долгое время действовал в рамках социал-демократизма, так и маонизм, по крайней мере до последнего времени, действовал в рамках мирового коммунистического движения.

Наиболее ретивые приспешники Мао, такие, как Чэнь Бо-да, ставят ему в заслугу то, что он произвел «китаизацию» марксизма. Понятие «китаизация», кстати говоря, вполне отвечает духу исторических традиций страны, которая стремилась переделать на свой лад любые привнесимые извне теории.

Что же понимают под «китаизацией марксизма»? По существу, речь идет не о творческом применении марксистско-ленинской теории к условиям китайской действительности, а о препарировании самих основ научного коммунизма.

В одной из своих ранних статей Мао Цзэ-дун писал: «Мы должны впитывать все то, что может нам сегодня пригодиться. Однако со всем иностранным следует обращаться, как с пищей, которая сначала разжевывается во рту, перерабатывается в желудке и кишечнике, смачивается слюной, желудочным и кишечным соком, а затем разделяется на отбросы, которые устраняются, и экстракт, который усваивается; только тогда пища становится полезной для нашего организма. Подобно этому, нам не следует проглатывать все иностранное целиком, без разбора»³.

Оставим на совести автора «физиологические» сравнения. И посмотрим, что же Мао Цзэ-дун позаимствовал у марксизма, а что отверг.

² Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М., 1957, стр. 26.

³ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 3. М., 1953, стр. 270.

Менее всего его интересовала теоретическая база марксизма — диалектический материализм. Мы не найдем у Мао Цзэ-дуна никаких мало-мальски серьезных попыток не только разработки, но и популярного изложения проблем философии естествознания, теории познания, логики и т. п. Это относится и к теоретическим основам Марксовой политической экономии. Мао Цзэ-дун никогда не задавался целью с фактами и цифрами в руках проанализировать современный капитализм или развитие капитализма в самом Китае. Экономика и экономический анализ всегда составляли «белое пятно» у Мао и маоистов. Теорию классовой борьбы и революции они и не пытались связать с экономическими законами общественного развития. Пренебрежение подлинной теорией, т. е. глубинным знанием действительности, неизбежно вело руководителей КПК к крайне упрощенным, схематичным и вульгаризаторским представлениям о проблемах современного мира.

Что касается исторического материализма, то в произведениях Мао Цзэ-дуна мы находим, как правило, две-три излюбленные темы: вопрос о роли практики как критерия истины, вопрос о противоречиях в общественной жизни и некоторые другие, которые толкуются поразительно однобоко и вульгарно.

Теория строительства социализма в Китае всегда рассматривалась Мао Цзэ-дуном умозрительно, без какого-либо анализа экономической структуры китайского общества. Из его работ не видно, чтобы он вполне отдавал себе отчет в существовании объективных законов перехода от капитализма к социализму. Напротив, он уповал и уповаает на волевые, насильственные, административные методы преобразования общества. Это, разумеется, отражалось и на характеристике самих идеалов социализма, которые выводятся не из потребностей высокоразвитого общественного производства, не из классовых интересов наиболее передовой социальной силы — пролетариата, а из представлений, состоящих из мешанины самых различных, подчас противоречивых взглядов.

Конечно, были в его работах и правильные высказывания. Пока Мао Цзэ-дун не претендовал на роль «ведущего теоретика» в освободительном движении, он охотно заимствовал не только отдельные мысли, но и целые обширные высказывания из трудов классиков марксизма-ленинизма. И тем не менее все его работы, в том числе ранние, показывают, что он никогда прочно не стоял на почве марксизма, а в последние годы открыто порвал с научной теорией.

В пору, когда формировались его взгляды, в Китае имели большое распространение различного рода анархистские теории. Они оказали на Мао Цзэ-дуна весьма существенное влияние, как это явствует из прежних и нынешних его работ. Следует указать и на такой источник, как троцкизм, откуда маоисты постоянно черпают антиленинские идеи в борьбе против КПСС и других коммунистических партий. Когда читаешь о «победе над империализмом путем развертывания гражданской войны в мировом масштабе», о «скачках», о «военизации труда» при переходе к социализму, о «буржуазном перерождении СССР» и т. п., нетрудно распознать троцкизм в самом неприкрытом виде.

Сопоставления многих высказываний Мао Цзэ-дуна с идеями и установками эсеров, вероятно, могли бы дать немалую пищу для размышлений о мелкобуржуазных корнях маоизма. Вспомните, например, такие характерные для эсеров теории о «героях и толпе», о главенствующей роли крестьянства в народной культуре и революционном движении или их примитивные рассуждения о капитализме, непонимание роли пролетариата как решающей революционной силы и многие другие. Конечно, в этом, как и в иных, случае речь не идет о каких-то

прямых заимствованиях. Речь идет о том, что по своей социальной природе маоизм близок к тем или иным мелкобуржуазным течениям, которые действовали в освободительном движении в разные периоды его развития.

Наряду со всем этим у Мао Цзэ-дуна можно встретить и такие высказывания, которые очень похожи на изречения китайских мыслителей прошлого (например, рассуждения о противоречиях, как смеше дня и ночи, зимы и лета, света и тени, и тому подобные наивности). Обращает на себя внимание и постоянное стремление облечь выдвигаемые идеи в традиционную форму изречений: «пять хорошо и три плохо», «три года борьбы — 10 000 лет счастья» и т. п. В Китае существует издавна мистическое отношение к числам. И Мао Цзэ-дун использует это в качестве приема для изложения своих установок и лозунгов.

Составленный из обрывков различных идей, выросших как на китайской почве, так и на почве освободительного движения в других странах, маоизм, конечно, ни в какой степени не может претендовать на какую бы то ни было последовательность и всесторонность. Напротив, читая Мао Цзэ-дуна, мы то и дело наталкиваемся на разительные противоречия, несоответствия, алогизмы.

Диалектика и метафизика

Особую свою заслугу в теории Мао Цзэ-дун видит в разработке и даже развитии марксистского учения о противоречиях как источнике движения в природе и обществе. В советской печати не раз рассматривалась наиболее известная работа Мао Цзэ-дуна на эту тему — «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа». Рассмотрим, в каком направлении эволюционировали взгляды автора в 60-х годах.

Возьмем в качестве примера его высказывания по философским вопросам накануне и в ходе «культурной революции», которые содержат наиболее откровенное изложение нынешних позиций Мао Цзэ-дуна⁴.

Общезвестно, с какой настойчивостью и даже назойливостью возвращается Мао Цзэ-дун к тезису о противоречиях, рассматривая любые проблемы — экономические, политические, международные — и даже самые незначительные практические вопросы. В общем, ничего плохого в этом не было бы: ведь учение о единстве и борьбе противоположностей, по выражению В. И. Ленина, составляет ядро диалектики. Беда только в том, как толкует Мао Цзэ-дун эту философскую категорию.

«Учение Маркса о единстве противоположностей, — замечает Мао Цзэ-дун, — получило в нашей стране в 1953 году очень большое развитие». И дальше параллельно идут ссылки на китайский опыт, на Конфуция и других древних китайских мыслителей, на работы Мао Цзэ-дуна.

Но ведь есть диалектика и диалектика. Понимание противоречивости явлений в природе и обществе было характерно уже для древних мыслителей, в том числе китайских. В эпоху Возрождения, и в особен-

⁴ Сведения об этих высказываниях, характеризующих выступление Мао Цзэ-дуна главным образом на пленумах ЦК и перед активами партийных и государственных работников, проникли на страницы хунвэйбинских газет «Хунвэйбин чжаньбао», «Дунфанхуи» и др.

См. книгу А. М. Румянцева «Истоки и эволюция идей Мао Цзэ-дуна». Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы. М., 1972, стр. 16 и след.

ности в период буржуазной революции, прогрессивная теоретическая мысль не только восстановила представление о борьбе противоположных начал в природе и обществе, но и распространила эту идею на сферу социальных отношений, указала на классовую борьбу как неизбежный спутник и источник общественного развития. Гегелевская диалектика, базируясь на достижениях человеческой мысли прошлого, в то же время означала крупный шаг вперед на пути создания цельного представления о законах движения в мире. Марксистская диалектика, как известно, представляет собой не только высшую ступень в философии, но и принципиально новое учение, соединившее в единую систему знания все законы диалектической жизни на прочной базе материализма. Поэтому, исследуя маоизм, нам необходимо дать ответ на вопрос, какая диалектика стоит за его назойливым повторением тезиса о борьбе противоположностей как основном законе общественной жизни.

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь работу Мао Цзэ-дуна,— это резкое сужение пространственного поля материалистической диалектики и всех законов марксистской теории познания. Автор, по сути дела, берет только одно — противоположности. Мы не находим, или почти не находим, в его работах ни сколько-нибудь серьезного анализа, ни даже ссылок на идею развития, детерминизма, отрицания отрицания, теорию эволюции и т. д. Такое сужение материалистической диалектики, сведение ее до единого закона, не может не приводить к упрощенному представлению о мире и вульгаризации в теории. Но дело не только в этом. Само толкование закона единства и борьбы противоположностей выдает непонимание Мао Цзэ-дуном как раз марксистской трактовки этого закона.

В упомянутой работе Мао Цзэ-дун пишет: «„Краткий философский словарь”⁵ специально направлен против меня. В нем говорится, будто утверждать, что жизнь переходит в смерть, есть метафизика, а утверждать, что война и мир взаимно переходят друг в друга, — значит допускать ошибку. Кто же прав в конце концов? Живое всегда появляется из мертвого. Сын превращается в отца, отец превращается в сына, женщина превращается в мужчину, мужчина превращается в женщину. Непосредственное превращение невозможно. Однако разве рождение в результате брака мальчиков и девочек не превращение такого рода? Взаимные превращения угнетателей и угнетенных и составляют отношения между буржуазией, помещиками, с одной стороны, и рабочими, крестьянами — с другой».

Весьма типичные для Мао Цзэ-дуна высказывания о диалектике, их примитивность едва ли нуждаются в особых комментариях. Но посмотрите, с какой последовательностью идет подмена марксизма чуждыми ему взглядами. Марксизм говорит о борьбе и единстве противоположностей. А Мао Цзэ-дун делает упор на взаимном превращении одной противоположности в другую как законе развития. Но ведь смерть не превращается в жизнь, а жизнь не превращается в смерть. Это разные качественные состояния. Мужчина не превращается в женщину в результате рождения у него дочери. Он остается мужчиной, хотя и служит источником появления новой жизни.

Еще хуже обстоит дело, когда эти наивные размышления о превращении противоположных начал переносятся на общественную жизнь.

⁵ Имеется в виду «Краткий философский словарь» под ред. М. Розенталя и П. Юдина, изд. 4-е. М., Госполитиздат, 1957, который в 1958 г. был переведен на китайский язык и издан в КНР. — Прим. ред.

Мао Цзэ-дун пишет о превращении бывших угнетенных в угнетателей. В таком духе им толкуются социальные революции и диктатура народных масс. Но разве в этом смысл социальной революции? Пролетариат вовсе не стремится к тому, чтобы поменяться местами с буржуазией и помещиками и в свою очередь превратиться в угнетателей. Его цель — уничтожение всякого угнетения и эксплуатации. Когда же выдвигается такая цель, о которой толкует Мао Цзэ-дун, а именно цель превращения пролетариата и крестьянства в угнетателей, происходит деформация структуры власти и перерождение политического режима, что мы и наблюдаем в современном Китае.

«Война переходит в мир, мир переходит в войну, — говорит Мао Цзэ-дун, — мир является обратной стороной войны, когда не ведутся военные действия — это мир... Война — это специфическая форма политики. Это продолжение политики: политика — это тоже своего рода война». Отсюда следует, что никакие изменения в социальной жизни народа не могут ничего изменить в характере этой закономерности. Появление социалистических стран, согласно такой логике, не вносит ничего нового в международные отношения: здесь также возможны и мир, и война как форма превращения мира в свою противоположность. Мировая социалистическая система независимо от степени своего могущества также не в состоянии оказать существенного влияния на систему международных отношений, где по-прежнему сохраняются две возможности, а точнее сказать, если следовать Мао Цзэ-дуну, две неизбежности — мир и война.

Сколько ни повторяй слова «превращение противоположностей», диалектиком не станешь.

«У всех вещей есть начало и конец. Имеется только две бесконечности: время и пространство, — утверждает Мао Цзэ-дун. — Бесконечность образуется из того, что имеет конец. Все вещи без исключения постепенно развиваются, постепенно изменяются». Однако на самом деле все это происходит совсем не так. Бесконечность — это качественно иное явление, которое не образуется из конечных явлений. И она не имеет начала и конца, хотя человеческому уму, ограниченному во времени, это трудно себе представить.

Подмена тезиса о борьбе противоположностей утверждением о неизбежности превращения одной противоположности в другую сочетается у Мао Цзэ-дуна с неправильным истолкованием самого понятия противоположностей, которое он толкует метафизически, абсолютно, как полное взаимное отрицание, как «да» и «нет». Между тем, согласно К. Марксу, абсолютно само наличие противоречий, а не сущность противоречивых субстанций. Имеются качественные отличия в характере самих противоречий и в природе, и в обществе. Вода и лед противоположны и в то же время имеют один и тот же состав элементов. А вода и огонь также противоположны, но имеют различный состав элементов. Поэтому возможно взаимное превращение воды и льда и невозможно превращение воды в огонь. (Мы приводим столь же элементарные примеры, как и Мао Цзэ-дун, чтобы сделать наглядным ошибочность и примитивность самих основ его мировоззрения.)

Очевидно качественное несходство противоречий в общественной жизни. Одно дело — противоречия между угнетенными и угнетателями, другое дело — противоречия в среде угнетателей и в среде угнетенных. Вся история общественной жизни показывает нам широчайшую палитру оттенков, характеризующих источники социальных противоречий и пути их преодоления. Но этого-то как раз и не видит Мао Цзэ-дун. Для него противоречия между социализмом и капитализмом и между социализ-

мом и коммунизмом — явления одного порядка, подверженные одним и тем же закономерностям, т. е. взаимным превращениям одного в другое на основе одних и тех же законов борьбы в одних и тех же формах и т. п.

«В Советском Союзе не говорят о противоречиях между руководителями и руководимыми. Если нет борьбы противоположностей, то нет мира, нет развития, нет жизни, нет ничего. Постоянные разговоры о сплоченности, и только о ней, — это как пруд со стоячей водой, это полное равнодушие. Нужно разбить базу старой сплоченности, пройти через борьбу и сплотиться на новой основе. Что лучше — пруд с мертвой водой или нескончаемый бурный поток реки Янцзы? И все так: партия, классы, народ. Сплочение — борьба — сплочение».

Бурный поток Янцзы, несомненно, впечатляющее зрелище. Но наряду с бурными горными реками есть равнинные реки, более спокойные, наряду с реками существуют моря и озера с еще более спокойным состоянием воды. Это объективное явление, характеризующееся разными свойствами. И разве задача состоит в том, чтобы придать Тихому океану бурное течение реки Янцзы? Нужно видеть качественное различие противоположных явлений в природе и обществе и считаться с этим как с фактом.

Лозунг «сплочение — борьба — сплочение» в последние годы стал одним из наиболее излюбленных в политической практике маоистов. Внутри Китая с этим связаны все катаклизмы «культурной революции», а на международной арене — попытки раскола мирового коммунистического движения. Все это изображается как неизбежность, вытекающая из самих законов существования и функционирования общества и его социальных институтов. Но вот простой вопрос — борьба с кем и во имя чего? Сплочение с кем и на какой основе? Абстрактная схема Мао Цзэ-дуну не способна дать вразумительный теоретический ответ на эти вопросы. Ее ссылки на неизбежность превращения одной противоположности в иную никем не могут быть приняты всерьез.

Разумеется, в рамках любого, даже самого прочного единения имеются элементы несплоченности, в том числе противоположных начал и тенденций. Но почему это должно вести их к расколу и через раскол к новому виду сплочения? Имеются иные формы преодоления противоположностей и достижения единства, выработанные не на основе абстрактного теоретизирования, а самим опытом действительной борьбы коммунистического движения за укрепление своего единства, за преодоление разногласий во имя разрешения противоположностей высшего порядка — между рабочим классом и буржуазией, социализмом и капитализмом, мировой системой социализма и международным империализмом. Иными словами, есть противоречия и противоречия, и не видеть этой разницы — все равно что рисовать все многообразие мира двумя красками — белой и черной.

Мао Цзэ-дун не различает понятий «противоположность» и «противоречие». Но не каждое противоречие означает противоположность, противостояние, антагонизм. Различие между полами, о котором часто толкует Мао Цзэ-дун, отнюдь не означает, что мужчина и женщина всегда находятся в состоянии антагонизма и ожесточенной борьбы. Противоречия между социальными группами в рамках рабочего класса коренным образом отличаются от противоположностей между рабочим классом и буржуазией. Противоречия между руководителями и руководимыми в условиях социализма совершенно не равнозначны взаимоотношениям между представителями политической элиты и массами в ус-

ловнях капитализма. Противоположность двух видов собственности, частнокапиталистической и социалистической, не равнозначна противоречиям между двумя видами социалистической собственности — общенародной и кооперативно-колхозной. Эти примеры легко можно умножить. Отождествление Мао Цзэ-дуном противоречий с противоположностями чревато неправильными выводами не только в теории, но и в политике.

Диалектика и политика

Теперь проследим, как выглядит это смешение противоположностей и противоречий при анализе Мао Цзэ-дуном категорий социальной жизни. «В отношении общественного строя, — пишет он, — на этапе социализма одновременно существуют две формы собственности, что тоже является единством противоположностей. Коллективная собственность содержит элементы всенародной социалистической собственности. Ее основа — коллективная собственность, но она содержит и элементы всенародной коммунистической собственности». На самом же деле кооперативно-колхозная собственность все более сближается со всенародной собственностью, причем и та и другая имеют социалистический характер и при всех отличиях не являются противоположными.

«Мир, особенно классовое общество, — рассуждает далее Мао Цзэ-дун, — наполнен противоречиями. Некоторые говорят, что в социалистическом обществе можно «найти» противоречия. Я думаю, что этот подход неверен. Дело не в том, что можно найти или не найти противоречие, а в том, что общество наполнено противоречиями... Посмотрите, ведь каждый атом наполнен противоречиями, находящимися в единстве. Есть единство противоположностей между ядром атома и электронами. А внутри ядра атома имеет место единство противоположностей между протонами и нейтронами. Среди протонов в свою очередь имеются протоны и антипротоны, среди нейтронов есть нейтроны и антинейтроны. Короче говоря, повсюду существует единство противоположностей».

Оставим на совести автора его рассуждение по поводу атомного ядра. Важно другое — в этом высказывании мы видим пример смешения противоречий и противоположностей. При этом, говоря о классовом обществе, Мао Цзэ-дун использует понятие противоречия, а говоря о социалистическом обществе, постоянно пользуется понятием противоположностей, что по меньшей мере нелогично даже с точки зрения его собственных взглядов.

Особенно далек Мао Цзэ-дун от марксизма, когда он толкует понятие единства, представляющего собой существенный элемент закона единства и борьбы противоположностей. О единстве он вообще упоминает крайне редко, мимоходом и с большой неохотой. Но в действительности противоположности не могут существовать вне единства, ибо утрачивается смысл самой этой категории — взаимозависимости, взаимодействия, взаимопроникновения. Борьба противоположностей возможна только в рамках некоего единства. Вне этих рамок противоположностей нет. Есть просто не связанные друг с другом явления. Противоположности имеются там, где есть связанность, взаимодействие, взаимопроникновение. Между тем Мао Цзэ-дун, следуя логике превращения одной противоположности в другую, игнорирует понятие единства между ними. Он замечает только, что единство временно, преходяще, и, отделившись таким образом от этой категории, тут же переходит к излюбленной теме противоречий.

Говоря о капиталистическом обществе, Мао Цзэ-дун даже не пытается составить представление о природе единства присущих этому обществу противоположных начал. Мы не найдем никаких высказываний по этому поводу в его работах. Как будто такой проблемы и не существует. Но такая проблема существует, причем не только в теории, но и в политической практике коммунистических и рабочих партий капиталистических стран. Не ответив на вопрос о характеристике единства социальных противоположностей при капитализме, о механизме, скрепляющем это единство, о самих «скрепах», невозможно выработать тактику раскачивания этого единства и взрыва его изнутри. В поле зрения философов-коммунистов, размышляющих над этими проблемами, неизбежно оказываются такие социальные институты и категории, как государство, партии, культура, мораль, право, экономические интересы, национальные интересы, этническая общность и многое другое. Сам характер экономической структуры общества изучается не иначе, как под углом зрения единства противоположных начал.

Аналогичный «нигилизм» Мао Цзэ-дун проявляет и применительно к условиям социализма, международного коммунистического движения. По сути дела, и здесь он игнорирует понятие единства или толкует его в релятивистском духе. Вот, например, что он пишет о применимости марксистско-ленинской теории к условиям Китая: «Сочетание всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции — это материализм. Первое и второе представляют собой единство противоположностей, т. е. диалектику. Почему слепо копируют чужое? Именно из-за того, что не разбираются в диалектике. Советский Союз имеет свои, советские методы; советский опыт — это одна сторона, практика Китая — другая сторона. Здесь единство противоположностей. Что касается советского опыта, то надо отобрать из него хорошее, положительное и следовать ему, а неудачному, отрицательному в нем не следовать. Изолированный подход к советскому опыту, без учета китайской практики не есть отбор положительного и следование положительному».

И здесь мы вновь видим не что иное, как полное смешение понятий. Во-первых, истинный марксизм-ленинизм не равнозначен советскому опыту, а складывается из опыта СССР и других стран социализма, всего международного рабочего и коммунистического движения. Во-вторых, какие основания считать советский опыт и китайский опыт единством противоположностей? На первом этапе китайской революции и строительства социализма китайский опыт опирался на пример преобразований в Советском Союзе, хотя и не копировал его слепо. И только впоследствии под влиянием маоизма началось противопоставление китайского и советского опытов. И в-третьих, главное — сочетание общей теоретической истины с конкретными условиями вовсе не означает объединения противоположных начал. Общее не противостоит единичному, а проявляется в нем, так же как дерево не противостоит лесу, а многократно повторяется и варьируется в нем.

В этих высказываниях Мао Цзэ-дуна мы видим зародыш его отхода от общей истины марксизма-ленинизма и противопоставления опыта Китая опыту СССР и других социалистических стран, что столь явственно обнаружилось в ходе «культурной революции» и после нее. Так, диалектическая «игра ума», умноженная на конкретный политический замысел, деформирует на деле марксистское представление о единстве и борьбе противоположностей. «Диалектика, — пишет он, — это рассмотрение вопросов в единстве противоположностей, поэтому такое рассмотрение является всесторонним. Жизнь и смерть, война и мир явля-

ются противоположностями, противоречиями. Между ними существует внутренняя связь. Поэтому временами данная противоположность может становиться также единством».

Стало быть, единство может носить только временный характер, для Мао Цзэ-дуна это не более чем момент в состоянии противоположностей. Но сами взаимоотношения между противоположностями невозможны без борьбы в рамках определенного единства, в рамках системы структуры, где существуют и сталкиваются противоположные начала.

Весь прагматизм и узость маоистской «диалектики» особенно ярко проявляются, когда Мао Цзэ-дун толкует о формах и методах преодоления противоположностей, путях перехода из одного качественного состояния в другое. Мы остановимся на трех его тезисах: о создании противоречий, о волнообразном развитии и о скачках.

Итак, о создании противоположностей. Согласно Мао Цзэ-дуну, есть два метода создания противоположностей. «В одном случае противоположность существует в обществе с самого начала, например «правые» существовали всегда. Дать ей волю или не давать — это вопрос политики. Мы решительно даем ей волю, допускаем широкое высказывание мнений, даем выход для того, чтобы представить ее в качестве противоположной стороны, чтобы поднять трудящихся на полемику с ней, на борьбу и сопротивление ей с целью ее ликвидации».

Эта сентенция, основанная на глубокомысленном постулате о методе создания противоположностей, очень напоминает обыкновенную политическую провокацию. Это пример искусственного создания проблемы или углубления реально существующих проблем не в целях их решения, а для того, чтобы загнать их лишь внутрь. Наглядным примером такого создания противоположностей была борьба против «правых» в 1957 году. Выдвижение лозунга «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все школы», как теперь уже совершенно очевидно, имело, согласно замыслу Мао Цзэ-дуна, задачей спровоцировать выступление не только враждебных, но и критически настроенных представителей интеллигенции, чтобы затем нанести удар по всему этому слою и подавить в самом зародыше критический дух. Только в обстановке морального террора и остракизма можно было провозгласить линию «скачков» в экономике, которая не выдерживала элементарного экономического анализа с точки зрения согласования возможностей и намеченных планов.

Приведем еще одну сентенцию в этом же роде. «Мы оптимисты, мы не боимся раскола. Раскол — это естественное явление. Расколы, являющиеся делом рук Чэнь Ду-сю, Ло Чжан-луна, Чжан Го-тао, Гао Гана, были нам помощью. Дважды возникавшие линии Ван Мина, трижды появлявшиеся в ходе гражданской войны левоуклонистские линии воспитали нашу партию. Все эти многочисленные противоположности имели положительную сторону. Разумеется, искусственно создавать чэнь ду-сю и гао ганов тоже нет необходимости. Они могут появиться лишь в определенном климате. И в этом нет ничего страшного. Их надо побеждать».

Подобная политика легла и в основу «культурной революции», которая привела к расколу Коммунистической партии Китая сверху до низу. Верно, что Мао Цзэ-дуну удалось достигнуть определенных политических целей, которые он ставил, — упрочить режим личной власти, господствующее положение маоизма в партии и стране, разделаться с политическими противниками, насадить атмосферу националистического угара в Китае. Но выиграли ли от этого партия и китайский народ? Дело социализма? Вот в чем вопрос. Политика искусственного создания противоречий оказалась губительной с точки зрения интересов китайского общества.

Тезис о создании противоречий сыграл самую худую роль и в попытках маоистов расколоть мировое коммунистическое движение. Мы помним, как китайскими руководителями постоянно искусственно нагромождались все новые и новые противоречия, раздувались споры, вначале сравнительно частные, а затем по все более важным, принципиальным моментам и, наконец, по коренным вопросам стратегии и тактики мирового коммунистического движения. Многие противоречия действительно были созданы искусственно. Интересы единства мирового коммунистического движения были принесены в жертву авангардистским претензиям китайского руководства, претензиям самого Мао Цзэ-дуну на роль ведущего теоретика в марксизме-ленинизме в нашу эпоху.

Не менее знаменательна трактовка маоистского тезиса о волнообразном движении как форме преодоления противоречий. Этот тезис представляет собой альтернативу марксистской теории эволюции, которую Мао Цзэ-дун вообще отвергает. Сама эволюция, судя по всему, представляется ему теорией не марксистской, а буржуазной, либеральной, оппортунистической. Употребляя к месту и не к месту слово «революция», играя им, как пинг-понговым шариком, Мао Цзэ-дун склонен в то же время в некоторых случаях, особенно когда дело касается развития экономики Китая, прибегнуть к такому эрзацу, как «волнообразное движение». «Еще не успела сойти одна волна, — заявляет он, — как поднимается новая волна. Это есть единство противоположностей — быстрого и медленного. Волнообразное движение вперед в условиях генеральной линии, «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше, экономнее» — это единство противоположностей, а именно единство ослабления и напряжения, единство противоположностей — труда и досуга. Если будет только напряжение и труд, то это будет односторонностью. Как можно только все нажимать и нажимать на работу и совсем не отдыхать! Во всяком деле ослабление надо чередовать с напряжением... Напряженный труд и передышка представляют собой единство противоположностей».

Все эти словеса могли бы показаться дурным сном, если бы они не были спроецированы на практику экономической и социальной жизни Китая. Китайскому народу в последнее десятилетие, действительно, если и дают передышку, то только для того, чтобы глотнуть воздух, а потом снова включают в стремительную гонку, которая не подкрепляется ни хорошей организацией, ни научно разработанными планами, ни заинтересованностью, ни другими формами стимулирования. Не успела схлынуть волна скачков в экономике, как ей на смену пришла новая волна — «коммунизации». Не успели провести некоторое упорядочение после провала «коммунизации», как страну снова захлестнула волна «культурной революции». Сейчас китайский народ пользуется небольшой передышкой после этой волны, которая дезорганизовала многие сферы в экономике, стоила жизни и свободы сотням тысяч людей и деформировала политическую структуру страны и общественного сознания.

Какой будет следующая волна? Решения IX съезда КПК, в которых говорится о «подготовке на случай войны и голода» и о «новом скачке», показывают, что китайский народ не оставят в покое, его снова будут подхлестывать очередной кампанией, заставляя скакать все более резко, бездумно, не зная куда и зачем.

В тесной связи с этим стоит маоистская интерпретация теории перманентной революции. «Кооперативы должны развиваться волнообразно, — глубокомысленно заявлял Мао Цзэ-дун, — чтобы, пока одна волна не спала, ей на смену поднималась новая волна. И так, волна за волной,

надо двигаться вперед. Между двумя волнами спад, между двумя горами долина. Руководя, надо действовать рулем, применяться к изменяющимся обстоятельствам. При неблагоприятном положении надо немедленно «тормозить».

В определенный момент сдерживать фантазию людей необходимо, когда она особенно сильно разыграется. Некоторые спрашивают, нужны ли сомнения, нужны ли правила и ограничения. Конечно, нужны. Нужны и правила, и ограничения, нужны и сомнения. Даже Чжу Бацзе⁶ имел три правила и пять запретов. Перерывы, остановки, торможение, закрытие шлюзов — все это необходимо. Метод такой: когда у людей начинает задираться хвост, перед ними надо ставить новую задачу. Например, сейчас, когда мы проводим оценку качества работы, нужно, чтобы у людей не было времени зазнаться». В решениях IX съезда КПК прямо содержатся ссылки на теорию перманентной революции как внутри китайского общества, так и на международной арене.

Судя по этим высказываниям, Мао Цзэ-дун не отдает себе отчета в специфичности и разнообразии методов и форм революционных преобразований общества на разных исторических этапах и в разных социальных условиях. Более всего он тяготеет по своей мелкобуржуазной природе к военно-административным решениям. Поэтому для него свержение власти гоминьдана — это революция; аграрная реформа — тоже революция; «коммунизация» — тоже революция, преобразования в идеологии и культуре — тоже революция; раскол коммунистического движения — тоже революция; борьба против КПСС и Советского государства — тоже революция; ну и сближение с США, вероятно, тоже часть перманентной революции. Иными словами, любая политическая линия рассматривается им, или по крайней мере толкуется, под углом зрения углубляющейся перманентной революции. На самом деле это связано не с осуществлением определенных революционных задач и целей, а с формами и методами проведения в жизнь любых политических установок. Эти формы и методы носят военно-бюрократический характер, что внешним образом обставляется очень «революционно»: бунтарское движение масс, манифестации, массовые репрессии, военные инциденты на границах, крикливые кампании в печати, демонстрация словесного радикализма и т. д.

Кульминацией маоистского представления о противоречиях является толкование «скачка» в общественном развитии. Вот уже действительно где теоретическая фантазия Мао Цзэ-дуна не знает предела. Он пишет: «Скачок представляет собой наиболее коренной закон Вселенной. Рождение человека — это скачок, смерть человека — тоже скачок. Если умрет Чан Кай-ши, то все мы будем аплодировать, если умрет Даллес, то мы тоже не будем проливать слез. Однако гибель нового, новых явлений (например, поражение русской революции 1905 года, потеря нами опорных баз на юге страны) — это всегда плохо. Конечно, плохо, скажем, когда град и буря губят всходы; это влечет за собой трудности с дополнительным посевом. Мы, коммунисты, исходим из того, что вещи изменяются. Так называемый скачок вовсе не похож на то, что было прежде. За 7 лет догнать Англию, затем еще 8 лет догонять Америку, т. е. за 15 лет догнать Америку, — это скачкообразное изменение».

⁶ Свинья Чжу Бацзе — персонаж классического романа У Чэн-эня «Путешествие на Запад» (XVI в.).

Как мы видим из этого и других высказываний, лейтмотив экономической теории маоизма — лихорадочный поиск путей, форм и методов, которые позволили бы в кратчайшие исторические сроки, используя любые средства, вырваться вперед, ликвидировать экономическую отсталость страны, с тем чтобы создать экономическую базу для своих гегемонистских устремлений. Нам нужно реалистически, с научной объективностью признать, что это представляло и представляет собой главную цель экономической теории маоизма, если мы хотим разобраться во всех перипетиях экономической политики китайского руководства с его метаниями из крайности в крайность, с быстрой сменой принципов и лозунгов хозяйствования, с полной неразборчивостью в средствах и методах — ценой усиления эксплуатации трудящихся масс, «коммунизации» и «военизации» труда, безудержного и безответственного экспериментирования. Стремление китайского народа в короткие исторические сроки преодолеть экономическую отсталость не может не вызвать ничего, кроме самого глубокого понимания и сочувствия. Нельзя не понять и неизбежности напряжения всех сил народа, полного решимости пройти за несколько десятилетий расстояние, на преодоление которого другим народам потребовалось несколько столетий. Но трезво мыслящие философские и политические умы обязаны направить этот энтузиазм по строго запроектированным каналам, с тем чтобы он дал максимальный экономический и социальный эффект. А у Мао Цзэ-дуна мы видим нечто обратное. Его идея скачка в экономике есть паразитирование на этом энтузиазме, далекая от серьезного анализа экономических проблем.

Философская категория скачка, предполагающего изучение качественного состояния на основе вполне определенных количественных накоплений, была превращена им в левацкую установку на перескакивание через исторически необходимые этапы. Вследствие такой политики народный энтузиазм и революционный пафос — все оказалось напрасным. Принесенные народом жертвы результатов не дали и не приблизили Китай ни на шаг к современному уровню промышленно развитых стран.

Такая теория могла быть порождена только настроениями максимализма, мелкобуржуазной истерии и отчаяния. Не случайно Мао Цзэ-дун написал следующие слова: «Ленин часто говорил, что у страны есть выбор — победить или погибнуть. Ленин не скрывал такой возможности. Народная республика⁷ не должна отрицать такую возможность. У нас нет атомной бомбы; если враг захватит Пекин, Шанхай, Ухань, то мы будем вести партизанскую войну, отступим на 10, на 20 лет, вернемся к яньаньскому периоду. Поэтому мы должны активно готовиться, добиваться получения за 3—4 года нескольких десятков миллионов тонн стали, создать индустриальную базу, чтобы быть крепче, чем мы сейчас».

Но В. И. Ленин говорил это в момент самого отчаянного положения революции и Советской республики. Что касается Мао Цзэ-дуна, то он говорит подобные слова в период нормального, спокойного развития Китая, в период, когда народная власть упрочилась, когда Китай имел возможность опереться на политическую и экономическую поддержку СССР и других стран социализма. Откуда же такая истеричность? Откуда это стремление в течение одной человеческой жизни решить все проблемы, которые накапливались в Китае на протяжении тысячелетий?

⁷ То есть КНР.— *Ред.*

Идет это, скорее всего, от худших мессианских устремлений харизматической власти, привыкшей играть ва-банк судьбами миллионов людей.

Ориентируясь на скачки в общественном развитии, Мао Цзэ-дун в то же время постоянно критикует опыт экономического и социального развития СССР, обвиняя его в односторонности. «Главное в том, — говорит Мао Цзэ-дун, — что они (имеется в виду СССР) шли «на одной ноге». Это, по его мнению, проявилось в пренебрежительном отношении к легкой промышленности и сельскому хозяйству, в установке исключительно на планирование в ущерб развитию товарного производства, а в социальных отношениях — в упоре на «технику и технические кадры», в «неправильном сочетании сиюминутных интересов народа с его долгосрочными интересами», в отрицании значения политики и интересов масс. Все это, по его мнению, и означает «идти на одной ноге». Этому Мао Цзэ-дун старается противопоставить принцип всестороннего диалектического подхода и всестороннего гармоничного развития народного хозяйства.

Такая позиция на первый взгляд может показаться убедительной. По видимости своей, она исходит из комплексного подхода к руководству народным хозяйством и ориентирует на учет всех участков экономического процесса — всех без исключения отраслей экономики, роста производительных сил, развития производственных отношений и удовлетворения интересов государства, народных масс, каждого коллектива, личности и т. п.

Но на самом деле за этим кроется полное непонимание реальных проблем, возникающих в ходе социалистического строительства, проблем, которые могут быть на деле исследованы не с позиций комплексного (всестороннего) подхода, а с позиций системного анализа, рассматривающего экономику как систему взаимодействия и внутри себя, и с внешней средой, с политикой и с социальными целями общества, с развитием классовых отношений, внешней политикой и т. п. Как раз в рамках такого системного подхода можно найти ответы на вопросы экономического строительства в каждый данный исторический период, в каждом данном конкретном условиях, во всех их взаимосвязях и опосредованиях. В рамках такого подхода можно дать серьезный разбор исторических достижений, а также и трудностей и ошибок, допускаявшихся в ходе экономического строительства в той или иной стране социализма.

Гармоничное развитие экономики — несомненно, прекрасная вещь. Беда только в том, что экономически отсталая страна, которая ставит перед собой задачу в исторически короткие сроки преодолеть отсталость и выйти в передовые, страна, к тому же вынужденная проявлять особую заботу об укреплении оборонной промышленности в силу международной обстановки, такая страна стоит перед жестким выбором: куда направить свои основные средства и усилия — в сельское хозяйство и легкую промышленность с тем, чтобы, накопив средства, затем поднять тяжелую и оборонную промышленность, или, наоборот, в тяжелую и оборонную промышленность с тем, чтобы решить определенные политические и социальные задачи, а впоследствии подтянуть сельское хозяйство и легкую промышленность.

Нельзя не заметить, что по собственной инициативе Мао Цзэ-дуна развертывался процесс насильственной деформации экономики в самом Китае. Политика «скачков» и «коммун» ни в малейшей степени не отвечала установке на всестороннее, гармоничное и пропорциональное развитие экономики. Напротив, она служила прямой антитезой этой

установке. Можно предположить, что сентенции Мао Цзэ-дуна (высказанные им во второй половине 1959 года) в пользу всестороннего подхода к развитию экономики как раз и были попыткой отмежеваться от крайностей политики «скачков» и «коммун», отрицательные последствия которых уже в ту пору вполне обнаружались и подвергались критике на пленумах ЦК КПК.

И еще несколько слов в завершение анализа социальной философии Мао Цзэ-дуна. Его искаженное представление о марксистской диалектике особенно губительно сказывается на понимании законов развития социалистического общества и перерастания его в коммунистическое. «После завершения переходного периода, — заявляет Мао Цзэ-дун, — после полного уничтожения классов, если говорить лишь о внутреннем положении нашей страны, политика полностью перейдет в сферу отношений внутри народа. Идеологическая борьба, политическая борьба и революция будут продолжаться, более того, они не могут не продолжаться. Закон единства противоположностей, закон количественных и качественных изменений, закон утверждения и отрицания существовали и существуют вечно и всюду. Однако характер борьбы и революции будет отличен от прошлого, это не будет классовая борьба, а будет борьба внутри народа между передовыми и отсталыми, борьба между передовым и отсталым в собственном устройстве, борьба между передовым и отсталым в науке и технике. Переход от социализма к коммунизму является борьбой, революцией. Вступление в коммунизм будет борьбой, революцией. Вступление в коммунистическую эпоху непременно пройдет много этапов развития. И отношения перехода от этапа к этапу неизбежно будут представлять собой своего рода отношения перехода количественных изменений в качественные. Различные внезапные изменения, скачки — тоже своего рода революции, они будут проходить через борьбу».

Пустая игра в «диалектические» слова и стремление любой ценой обосновать излюбленный тезис о неизбежности «скачков» сыграли злую шутку с Мао Цзэ-дуном в подходе к коренной философской и социально-политической проблеме социалистических стран — о путях перехода от социализма к коммунизму. Прежде всего мы видим, что за всеми этими словесами нет никакого реального содержания. Что будет с государством при переходе к коммунизму, с товарными отношениями, с двумя видами собственности, с классами и социальными слоями, с партией и другими массовыми организациями, какой должна быть сейчас политика, чтобы содействовать этому переходу, — над этим автор, по-видимому, и не задумывается.

Не понимает он и качественных различий между законами переходного этапа от капитализма к социализму и перехода от социализма к коммунизму. Верно, что переход к коммунизму будет знать много этапов — эта истина была обоснована еще Лениным и нашла свое воплощение в документах КПСС и других коммунистических партий. Выдвинутая на XXIV съезде КПСС идея развитого социалистического общества — это и есть глубокий теоретический и политический ответ на вопрос об этапах перехода к коммунизму. Но не верно, что переход от этапа к этапу будет связан со скачками и так называемыми революциями, как утверждает Мао Цзэ-дун, что скачки эти будут носить внезапный, стихийный или произвольный характер. При социализме как раз вопреки этому впервые открываются возможности не только прогнозировать, но и планировать экономические и социальные изменения без катаклизмов, без разрывов в цепи постепенного, поступательного восхождения ко все более зрелым и высшим формам жизни. И главное,

чего не понимает Мао, — то, что социализм есть длительный этап самостоятельного развития человеческого общества, со своими новыми законами, отвечающими новому типу производственных и социальных отношений; что социализм должен исчерпать весь заложенный в нем потенциал прогресса и тем обеспечить условия для перехода на более высокую, коммунистическую ступень, являющуюся его прямым продолжением, а не полным отрицанием.

Перед Китаем стоят сейчас совсем иные социальные задачи — задачи переходного периода от капитализма к социализму с учетом всей специфики страны. Китай испытывает острую нужду в коренном подъеме производительных сил и постепенном приобщении к современным достижениям науки и техники. Перед ним стоит задача подъема сельского хозяйства на новый индустриальный уровень для обеспечения продовольствием быстро растущего населения, а промышленности — сырьем. Перед ним стоит задача коренного сдвига в области образования и культуры, особенно культуры управления, и множество других сложных и ответственных задач, характерных для переходного периода. Маонизм, как подтверждает жизнь, не только не решает насущные проблемы развития КНР, но и противодействует их решению, подрывает народную власть, определенную конституцией КНР. Именно в этом и проявляется антимарксистская сущность теории и практики маонизма.

Борьба за социалистическое развитие Китая и Советский Союз

А. Г. Кручинин

Социализм после победы Великой Октябрьской социалистической революции стал практической целью борьбы не только пролетариата метрополий, но и трудящихся масс обширной колониальной периферии империализма.

Мысль о возможности перехода отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, была высказана В. И. Лениным уже летом 1920 года на II конгрессе Коминтерна. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что для реализации такой возможности решающее значение имеет помощь борющимся народам со стороны международного пролетариата, и в особенности пролетариата, взявшего власть в свои руки. «Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей»¹.

Более чем полувековой опыт строительства социализма в многонациональном Советском Союзе, классический пример скачка от феодализма к социализму, совершенного Монгольской Народной Республикой, переход на социалистический путь народов Китая и других стран Азии, некапиталистическое развитие ряда государств Африки и других континентов — все это неопровержимые свидетельства не только безусловной правильности ленинского тезиса, но и последовательного проведения его в жизнь Коммунистической партией Советского Союза, международным коммунистическим движением.

Советское государство неизменно оказывало поддержку революционным силам разных стран в борьбе за национальное и социальное освобождение. Это можно видеть и на примере борьбы патристических и социалистических сил в Китае. Связи их с Советским Союзом были установлены вскоре после Октябрьской революции и развивались чрезвычайно интенсивно вплоть до начала 60-х годов.

Вопросам китайской революции большое внимание уделял В. И. Ленин. Его труды по национально-колониальным проблемам легли в основу стратегии и тактики КПК. Коминтерн, наиболее авторитетным и активным членом которого была КПСС, сыграл огромную роль в разработке важнейших проблем революционного движения в Китае, в том числе проблем строительства партии, гегемонии рабочего класса, места крестьянства в революции, роли единого антиимпериалистического фронта.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

создания революционных баз в сельской местности, создания китайской Красной армии. Огромным вкладом в развитие и укрепление социалистических сил в Китае, по признанию китайских коммунистов, явились содержащиеся в документах КПСС положения по вопросам революционной борьбы китайского народа в 20—30-х годах. Эти положения относились к таким кардинальным вопросам, как вопрос о движущих силах китайской революции, о ее особенностях на разных этапах, о неизбежности вооруженной борьбы в стране, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и т. д.

* * *

Рассматривая историческую роль СССР в борьбе за социалистическое развитие Китая, необходимо остановиться на некоторых наиболее существенных фактах, отражающих роль КПСС в становлении и развитии коммунистического движения в Китае, на фактах поддержки Советским государством революционных освободительных сил этой страны.

Известно, что ключевым вопросом развернувшейся в начале 20-х годов борьбы в руководстве КПК был вопрос о едином антиимпериалистическом фронте, о сотрудничестве с руководимой Сунь Ят-сеном национально-революционной партией гоминьдан, представлявшей тогда собой крупную прогрессивную силу в Китае.

Правильная точка зрения по этой проблеме в рядах КПК была выработана вскоре после Съезда народов Дальнего Востока (январь—февраль 1922 г.). Китайская делегация была на съезде одной из самых многочисленных. Съезд выразил поддержку решениям II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам и высказался за сотрудничество коммунистов с национально-революционными партиями². Часть китайской делегации была принята В. И. Лениным, который разъяснил, что китайская революция на том этапе имела буржуазно-демократический характер и поэтому требовала от пролетариата широкого объединения с другими революционными силами Китая³.

КПСС и Советское государство своей политикой дружбы и активной поддержки в отношении демократического правительства, созданного Сунь Ят-сеном на юге Китая, практически показывали китайским коммунистам пример решения вопроса о едином антиимпериалистическом фронте, но уже в международном плане. Сотрудничество с СССР и КПСС во многом способствовало эволюции гоминьдана влево. Состоявшийся в январе 1924 года I съезд этой партии одобрил выдвинутые Сунь Ят-сеном три основные политические установки — союз с СССР, союз с Компартией Китая и поддержка борьбы крестьянских и рабочих масс страны⁴.

Эффективная политика СССР в поддержку национально-революционных сил Китая, а также разъяснительная работа советников из Советского Союза в гоминьдане и представителей Коминтерна в КПК помогли в конце концов китайским коммунистам преодолеть сектантские настроения. К началу 1924 г. единый национальный антиимпериалистический фронт в Китае получил четкое организационное оформление. КПК тогда насчитывала всего 500 членов, и понятно, что заинте-

² Г. З. Соркин. Съезд народов Дальнего Востока. «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 83.

³ Ван Ши, Ван Цяо, Ма Ци-бин, Чжан Лини. Краткая история КПК. Шанхай, 1959, стр. 29—30 (на кит. яз.).

⁴ «Сунь Ят-сен 1866—1966. К столетию со дня рождения. Сборник статей, воспоминаний и материалов». М., 1966, стр. 25.

ресованность гоминьдана в сотрудничестве с ней предопределялась огромным значением той помощи, которую СССР оказывал антиимпериалистическим силам в Китае.

Единый фронт с гоминьданом обеспечивал коммунистам весьма благоприятные условия для развертывания своей деятельности среди трудящихся города и деревни, для расширения своих рядов. В ходе начавшейся революции 1925—1927 гг. коммунистическое движение в Китае быстро набирало силу. К V съезду, состоявшемуся в апреле 1927 г. в КПК насчитывалось около 58 тыс. членов, более половины которых составляли рабочие⁵. Кроме того, китайский комсомол в то время, по данным разных источников, насчитывал от 35 до 50 тыс. человек⁶.

Быстрый рост рядов КПК и ее влияния, широкий размах движения масс и радикализация их требований вызывали все большую тревогу у национальной буржуазии, выразителем интересов которой был гоминьдан, что и толкнуло ее на предательство дела революции, привело летом 1927 г. к разрыву между гоминьданом и КПК. Гоминьдановцы обрушились на коммунистическое движение в стране, организации рабочего класса и крестьянства с жестокими репрессиями и в 1929 г. разорвали советско-китайские отношения.

Сложная обстановка, возникшая в Китае в связи с поражением революции 1925—1927 гг., требовала особенно четкой ориентировки КПК, выработки обоснованной, соответствующей новым условиям политической линии. С этой целью и был созван VI съезд партии, проходивший в июне—июле 1928 г. в Москве при участии специальной делегации Исполкома Коминтерна. Съезд отверг имевшее место в руководстве КПК мнение о том, что революция в Китае начинает непосредственно перерастать в социалистическую, что в стране наблюдается не спад, а подъем движения масс. В резолюциях съезда выдвигалась задача развертывать антиимпериалистическую борьбу и подчеркивалась тесная связь классовой борьбы рабочих и крестьян с делом освобождения Китая от иностранного господства. Съезд принял курс на создание власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов как формы демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, на развитие крестьянского движения и партизанской борьбы под лозунгами аграрной революции с перспективой создания крепкой регулярной рабочей-крестьянской Красной армии⁷.

В течение 1928—1935 гг. международное коммунистическое движение в лице Коминтерна, Коммунистическая партия Советского Союза многое сделали для того, чтобы помочь КПК преодолеть левацкие уклоны, явления авантюризма и национализма, верно сориентироваться в изменяющейся обстановке.

После «Великого похода» с юга на северо-запад страны партия и китайская Красная армия, понеся огромные потери, остро нуждались в передышке для пополнения своих сил⁸. Все более острым становился

⁵ «Ленинская политика СССР в отношении Китая». М., 1968, стр. 67.

⁶ См. там же, стр. 67 и Б. А. Митбрейт. Очерки истории Коммунистического Союза молодежи Китая. М., 1961, стр. 47.

⁷ «Программные документы компартий Востока». М., 1934, стр. 29—30.

⁸ К 1937 г. в КПК оставалось не более 40 тыс. членов (Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. М., 1953, т. 4, стр. 306). Китайская Красная армия, как фактор военно-политической обстановки в стране, практически утратила свое значение. Если до начала «Великого похода» в ней было несколько сот тысяч бойцов, то после похода насчитывалось, по данным разных источников, от 5 до 30 тыс. бойцов. (См. «Ленинская политика СССР в отношении Китая», стр. 83.)

и вопрос о политической линии КПК в условиях усиливавшейся агрессии Японии против Китая.

Советский Союз использовал все возможности, чтобы остановить начавшуюся в 1931 г. захватом Маньчжурии вооруженную экспансию японского империализма на Дальнем Востоке. Он выступил инициатором восстановления дипломатических отношений с Китаем, предложил последнему заключить пакт о ненападении, а затем и договор о взаимопомощи, выступил с предложением о создании системы коллективной безопасности на Дальнем Востоке, заключил соглашение о взаимопомощи с МНР.

Предпринятые в 1935 г. Японией вооруженные акции по захвату северных провинций Китая выдвинули на первый план задачу сплочения китайского народа для отпора агрессору. Тактика КПК, рассчитанная в тот момент на ведение борьбы в двух направлениях — против японской агрессии и против гоминьдановского режима, — приходила в противоречие с требованиями реальной обстановки. И вновь, как в 20-х годах, международное коммунистическое движение и КПСС оказали решающую помощь китайским коммунистам-интернационалистам в разработке тактики единого антияпонского фронта, в преодолении сопротивления авантюристических элементов в руководстве КПК, которые настаивали на продолжении гражданской войны.

От выбора правильной позиции в отношении единого фронта тогда прямо зависела будущность КПК как политической партии, способной играть существенную роль в судьбах Китая, возглавлять борьбу за развитие страны по социалистическому пути.

Принципиальные решения VII конгресса Коминтерна (август 1935 г.), указавшего на исключительное значение антимпериалистического единого фронта в колониальных и полуколониальных странах в связи с возрастающей активностью сил агрессии и войны, легли в конце концов в основу принятой КПК практической линии в вопросе о создании широкого антияпонского фронта в Китае.

Нельзя не подчеркнуть, что между борьбой СССР за пресечение японской агрессии против Китая и успехами борьбы КПК за создание единого антияпонского фронта была самая тесная связь и прямая зависимость. Уже в первой половине 30-х годов стало очевидно, что западные державы склонны оставить Китай один на один с Японией. Это полностью подтвердилось летом 1937 г., когда последняя начала широкое вторжение во внутренние провинции Китая. Обращение к Советскому Союзу за помощью в этих условиях стало для гоминьдановского правительства неизбежным, равно как и его согласие на оформление единого фронта с КПК.

На эту зависимость давно обратили внимание многие специалисты по Китаю на Западе⁹. О ней, в сущности, еще до 1937 г. откровенно говорили гоминьдановские деятели. Так, по заявлению генерала Ли Ду, северные генералы стояли за «единый фронт с КПК, но при условии, что этот фронт приведет к увеличению силы и даст уверенность в поддержке СССР»¹⁰.

Условия единого фронта уже в первые два-три года его существования дали возможность КПК превратиться в крупную политическую силу, увеличить мощь контролируемых ею армий. К 1940 г. она насчи-

⁹ См., например, D. J. Dullin, *Soviet Russia and the Far East*. New Haven, 1948, p. 138; M. E. Cameron, T. H. D. Mahoney, J. E. McReynolds, *China, Japan and the Powers*. New York, 1960, p. 409—410; M. Edwards, *Asia in European Age*. London 1961, p. 167.

¹⁰ См. «Ленинская политика СССР в отношении Китая», стр. 85.

тивала примерно 800 тыс. членов, а подчиненные ей армии — около 500 тыс. бойцов¹¹.

Совершенно очевидно, что бурное развитие коммунистического движения в годы антияпонской войны прямо и непосредственно стимулировалось той в высшей степени своевременной и эффективной помощью которую Советский Союз оказывал борющемуся китайскому народу. Рост КПК также определялся огромным авторитетом СССР, укреплявшимся в патриотических силах китайского народа под влиянием последовательной политики Советского правительства в защиту Китая, широкой советской помощи поставками оружия, участия советских волонтеров в войне против японских захватчиков. Известно, что, помимо многочисленной группы военных советников и инструкторов, Советский Союз направил в Китай сотни летчиков-волонтеров, практически обеспечивавших на советских же самолетах воздушную поддержку китайским армиям и защиту китайских городов от варварских налетов японской авиации с осени 1937 до 1941 года.

Даже в тяжелейшие для себя годы Великой Отечественной войны Советский Союз продолжал оказывать действенную поддержку освободительной борьбе китайского народа. «В течение восьмилетней войны сопротивления Китая, — писал в 1951 г. маршал Не Жун-чжэнь, — мощные вооруженные силы Советского Союза, постоянно охранявшие дальневосточные границы, сковывали миллионную Квантунскую армию японских разбойников, которую называли «цветом императорской армии», что в значительной мере облегчало тяготы войны сопротивления Китая»¹².

И наконец, решающая роль СССР в разгроме милитаристской Японии явилась не только вкладом в освобождение Китая, но фактом чрезвычайной важности и значения для будущей победы социалистических сил в Китае. Под защитой советских войск, находившихся на Северо-Востоке Китая с августа 1945 по май 1946 г., КПК создала в этом районе обширную и надежную опорную базу. Здесь ее вооруженные силы смогли переформироваться, оснаститься вооружением, захваченным советскими войсками при разгроме Квантунской армии. Благодаря этому в начавшуюся осенью 1946 г. гражданскую войну революционные силы Китая вступили несравненно более могучими, чем они были в конце антияпонской войны. Оказывая всевозможную моральную и материальную помощь этим силам в борьбе против реакционного гоминьдановского режима, Советский Союз в период 1946—1949 гг. сделал все, чтобы предотвратить вооруженную интервенцию империализма в Китай. В этой связи можно отметить, что советские войска, находившиеся в районе Порт-Артур—Дальний и после 1946 г., непосредственно прикрывали главную опорную базу революции — Северо-Восточный Китай — от вооруженного вторжения с моря. Именно отсюда, с Северо-Востока, граничащего с СССР и имевшего с ним оживленные связи, именно из этого района, являвшегося индустриальным сердцем Китая, так сказать его «городом», развернулось решающее наступление Народно-освободительной армии, завершившееся изгнанием чанкайшистов из континентального Китая, созданием Китайской Народной Республики, ставшей сразу же частью мирового социалистического лагеря.

* * *

¹¹ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. М., 1953, т. 4, стр. 306.

¹² См. Б. А. Бородин. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне. М., 1964, стр. 189—190.

Образование КНР — государства, во главе которого встала коммунистическая партия,— главный итог развития коммунистического движения, роста и укрепления социалистических сил в старом Китае. В этом итоге сконцентрировались и результаты всей активной и многообразной более чем тридцатилетней деятельности КПСС и Советского государства, направленной на поддержку освободительной борьбы китайского народа, полно и глубоко отразилась историческая роль СССР в борьбе за социалистическое развитие Китая.

Вторая половина 40-х — начало 50-х годов были трудным и сложным периодом для стран мировой социалистической системы. Резкое расширение географических рамок этой системы еще далеко не означало пропорционального увеличения ее мощи, поскольку в нее вошли сравнительно слабо развитые в экономическом отношении страны, хозяйство которых к тому же было сильно разрушено и дезорганизовано второй мировой войной. Эти годы были годами обострения «холодной войны», откровенного атомного шантажа со стороны Соединенных Штатов. Это было время, когда Советский Союз, прилагая колоссальные усилия для скорейшей ликвидации последствий разрушительной войны, одновременно осуществлял сложную и требующую огромных материальных затрат программу обеспечения ядерного равновесия между миром капитализма и миром социализма. Вместе с решением этой жизненно важной для судеб всего дела социализма и коммунизма задачи СССР оказывал разностороннюю помощь странам народной демократии в восстановлении их хозяйства и укреплении обороноспособности, а также разнообразную моральную и материальную поддержку народам, боровшимся за свое освобождение, в том числе китайскому народу.

После образования Китайской Народной Республики Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, без колебаний взял на себя дополнительные обязательства по увеличению помощи молодому государству. Бесспорно, что помощь со стороны Советского Союза явилась важнейшим фактором успешного перехода Китая на социалистический путь развития.

Переход Китая на путь строительства социализма прежде всего требовал всемерного укрепления нового государства как важнейшего орудия созидания нового общества и защиты его от посягательств внутренней и внешней реакции. В этой связи чрезвычайное значение для КНР имело укрепление ее международного положения, в частности увеличение способности к самозащите за счет собственных сил и за счет поддержки извне. Первым признав КНР и заключив с ней союзнический договор, Советский Союз тем самым взял на себя обязательство вместе с социалистическими силами Китая защищать избранный китайским народом путь развития.

Значение для Китайской Народной Республики ее военно-политического союза с СССР вскоре раскрылось в годы агрессии американского империализма против КНДР в 1950—1953 гг., когда возникла серьезнейшая опасность и для самого китайского государства. По просьбе правительства КНР Советский Союз не только продлил пребывание своих войск в договорном районе Порт-Артур—Дальний, но и направил для защиты Северо-Восточного Китая несколько отборных авиадивизий, надежно прикрывших небо над индустриальным сердцем КНР¹³.

Советско-китайский договор явился важнейшим фактором, который помешал правящим кругам США перебросить огонь войны с Корейского полуострова на континентальный Китай. Это прямо признавал тог-

¹³ См. М. С. Капица. КНР: два десятилетия — две политики. М., 1970, стр. 36.

дашний президент США Г. Трумэн: «Если бы мы решили распространить войну на Китай, то должны были ожидать возмездия. Бэйпин и Москва как идеологически, так и в соответствии с договором являлись союзниками. Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, мы должны были ожидать русское вмешательство»¹⁴.

Огромное значение советско-китайского союза для защиты социализма в Китае вновь наглядно проявилось в период тайваньского кризиса в августе — сентябре 1958 г. Спровоцированный авантюристическими кругами в руководстве КНР, этот кризис создавал реальную угрозу не только Китаю, но и миру во всем мире. Советский Союз сорвал попытки империализма использовать откровенный авантюризм маоистского крыла в китайском руководстве для вооруженных наскоков на КНР.

Тесное сплочение с СССР, опора на него в международных делах в 50-е годы обеспечивали социалистическим силам благоприятные условия для того, чтобы КНР неуклонно превращалась в мощный фактор мира на Дальнем Востоке и во всем мире, в интегральную часть мировой системы социализма, в активного участника ее многообразного противоборства с мировым капитализмом. В союзе с СССР и другими социалистическими странами КНР уверенно укрепляла свой международный престиж, повышала свою роль во всемирном антиимпериалистическом фронте.

Социалистические страны последовательно вели борьбу за восстановление законных прав КНР в различных международных организациях, против империалистической дискриминации ее на международной арене.

Задача укрепления нового китайского государства как важнейшего орудия строительства и защиты социализма в КНР решалась не только на путях стабилизации и укрепления его международного положения путем установления военно-политического союза с могучим Советским государством. СССР способствовал также укреплению обороноспособности молодой республики, оказывая ей широкое содействие в модернизации и перевооружении армии, в создании авиации, военно-морского флота, в закладке основ современной оборонной промышленности. В Народно-освободительной армии, в военных учебных заведениях КНР на протяжении многих лет работали большие группы советских военных специалистов. Среди более 400 крупных промышленных предприятий, в строительстве, расширении и реконструкции которых Советский Союз обязался оказать Китаю помощь в соответствии с соглашениями, заключенными в 1950—1959 гг., насчитывалось более 100 объектов оборонной индустрии¹⁵. Советская сторона не только помогала строить эти предприятия, но и передала Китаю необходимую документацию по производству современной боевой техники¹⁶.

Сразу же после образования КНР перед КПК крайне остро встал вопрос о создании эффективного аппарата государственного управления, способного обеспечить умелое руководство народным хозяйством.

При содействии опытных советских специалистов в Китае в короткий срок была создана стройная система управления народным хозяйством. И уже в июле 1951 г. был составлен первый единый годовой план экономического развития. Передача советского опыта в ходе внедрения планового начала и социалистических принципов хозяйствования в управлении экономикой осуществлялась самым широким образом — от министерств до крупных предприятий. Важную роль в этом сыграла

¹⁴ См. М. С. Капца. Эскалация вероломства. М., 1970, стр. 6.

¹⁵ «Ленинская политика СССР в отношении Китая». М., 1968, стр. 201.

¹⁶ «Опасный курс». Выпуск второй. М., 1971, стр. 226.

совместное управление смешанными советско-китайскими обществами по добыче нефти, цветных металлов, ремонту и строительству судов, эксплуатации авиалиний и КЧЖД. Эти предприятия стали школами социалистического хозяйствования, подготовки управленческих кадров и специалистов-техников. Их опыт широко использовался в соответствующих отраслях экономики КНР.

В то же время актуальной задачей являлось восстановление и развитие экономики КНР, скорейшее подведение с помощью индустриализации под утверждавшиеся в стране социалистические производственные отношения прочной материально-технической базы. При выполнении этой задачи СССР принял непосредственное участие в строительстве 256 крупных промышленных предприятий, отдельных цехов и объектов. О важном месте, которое эти предприятия занимали в народном хозяйстве КНР, в свое время прямо говорили многие китайские государственные деятели. «...Предприятия, запроектированные и построенные у нас при помощи Советского Союза,— отмечал член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР Ли Фу-чунь, долгие годы руководивший плановой работой в стране,— действительно являются воплощением всего совершенного и всего лучшего, чем располагает Советский Союз. Эти предприятия — костяк нашей промышленности, костяк не только по объему, но и по уровню современной передовой техники...»¹⁷

Если говорить об удельном весе этих предприятий в производстве соответствующей продукции, то даже в 1960 г. (когда Пекин давал резко завышенные данные о росте промышленной продукции) он составлял в общем выпуске чугуна 30%, стали около 40, проката свыше 50, грузовых автомобилей 80, тракторов более 90, паровых и гидравлических турбин 55, электроэнергии 25, алюминия 25%¹⁸. Но дело не только и даже не столько в крупных объемах и удельном весе продукции предприятий, построенных при содействии СССР, в общем ее производстве в КНР. Главное состоит в том, что Советский Союз сыграл важнейшую роль в создании основы для целостной системы индустрии в стране.

Важно при этом подчеркнуть, что по мере развития собственной экономики СССР брал все новые обязательства по оказанию содействия КНР в развитии ее промышленности. Достаточно сказать, что в общей сложности при участии Страны Советов в Китае к 1967 г. планировалось ввести в строй мощности по производству стали в 30 млн. т, чугуна 28 млн. т, проката 25 млн. т¹⁹.

Воздействие Советского Союза на ход индустриализации Китая осуществлялось также по линии торговых соглашений, по линии финансово-экономической помощи и по линии подготовки кадров.

До 1961 г., помимо фактических краткосрочных кредитов по торговым операциям, Советский Союз предоставил КНР на льготных условиях долгосрочные кредиты в размере 1816 млн. инвалютных рублей²⁰.

Торговля с СССР была для Китая широким каналом поступления товаров, необходимых для промышленного строительства и экономического развития. Машины и оборудование составляли почти 50% советского экспорта в КНР. При этом в экспорте оборудования удельный вес комплексного оборудования для технологических линий, цехов и целых предприятий, например, в 1957 г. составил 77%²¹. Удельный вес

¹⁷ Сб. «Ленинская политика СССР в отношении Китая». М., 1968, стр. 202.

¹⁸ Там же, стр. 203.

¹⁹ Там же, стр. 201.

²⁰ М. А. Сусл ов. О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения. М., 1964, стр. 53.

²¹ «Внешняя торговля», 1959, № 10, стр. 7.

Советского Союза во внешней торговле КНР, который в 1953—1957 гг. составлял 57,1%, и структура советского экспорта ярко отражали стремление советской стороны максимально способствовать экономическому росту нового Китая, укреплять материальную основу социалистического развития этой страны.

«Учиться у СССР!» — этот лозунг в период интенсивного движения КНР по социалистическому пути в 1950—1957 гг. был самым популярным среди китайских трудящихся. Учиться — значит использовать в социалистическом строительстве многообразный опыт первого и самого развитого социалистического государства. Этот опыт несли миллионам китайских трудящихся советские специалисты, свыше 10 тысяч которых длительные сроки работали в разных районах Китая, на стройках, на предприятиях, в высших учебных заведениях, в научно-исследовательских институтах. Этот опыт несли в свою страну и китайские граждане, учившиеся, стажировавшиеся в СССР и приезжавшие для изучения достижений советской науки и техники, советской системы управления хозяйством. В течение 1950—1962 гг. производственно-техническое обучение на предприятиях Советского Союза прошли более 8 тыс. китайских рабочих, техников, инженеров. За это время окончили советские вузы свыше 11 тыс. китайских студентов и аспирантов. Около 1 тыс. научных работников КНР стажировались в институтах и лабораториях АН СССР. Более 1,5 тыс. китайских инженеров, техников, ученых побывали в СССР с целью ознакомления с его научно-техническим опытом²².

Подготовка кадров высшей квалификации, всемерное стимулирование прогресса науки являются важнейшим средством общественного развития в наше время, когда наука становится непосредственно производительной силой. Именно поэтому Советский Союз так усиленно помогал Китаю в решении этих вопросов. При участии советских специалистов в КНР в короткий срок была реформирована и поднята на современнейший уровень практически вся система высшего образования, в частности было подготовлено более 19 тыс. преподавателей для вузов, что составило почти четверть имевшихся в 1959 г. в стране кадров такой квалификации²³.

На протяжении почти десяти лет обучение в вузах Китая осуществлялось по советским программам, на основе советской методологии, а также по советским учебникам. Используя достижения советской системы подготовки кадров высшей квалификации, КНР в 50-х годах добилась больших успехов в обеспечении различных отраслей народного хозяйства национальными кадрами, что прямо и непосредственно способствовало решению задач социалистического строительства.

Не менее ярким свидетельством огромной помощи Советского Союза является безвозмездная передача Китаю многочисленной научно-технической документации, позволявшей вести строительство промышленных и других объектов на самом высоком техническом уровне, развертывать научные исследования на базе последних достижений советской науки.

В течение 1950—1960 гг. КНР получила от Советского Союза 24 тыс. комплектов такой документации, в том числе 1400 проектов крупных промышленных предприятий²⁴. 95% ее было полностью использовано в ходе экономического строительства в КНР²⁵.

²² «Опасный курс». Выпуск второй, стр. 225.

²³ «Вопросы истории», 1969, № 5, стр. 38.

²⁴ «Мировая социалистическая система хозяйства». М., 1967, т. 4, стр. 156.

²⁵ Там же, стр. 156.

Об уникальной по размаху, по силе воздействия на ход социалистического строительства в КНР советской помощи не раз говорили сами китайские руководители, печать Китая. Так, в февралье 1959 г. «Жэньминь жибао» писала: «Помощь Советского Союза экономическому строительству нашей страны как в количественном отношении, так и по своим масштабам, не имеет прецедента в истории»²⁶.

В совокупности все основные направления сотрудничества Советского Союза с КНР, все направления советской помощи этой стране ясно выражали стремление КПСС, Советского государства и народа всемерно и наиболее эффективно способствовать скорейшему превращению Китая в могучее социалистическое государство, обладающее необходимой обороноспособностью, развитыми индустрией, сельским хозяйством, наукой и культурой, т. е. достижению той цели, которую Коммунистическая партия Китая поставила на своем VIII съезде в 1956 г.²⁷ и выполнение которой было сорвано маонистами.

Антикоммунисты, а вслед за ними и маонисты, разжигая антисоветизм в Китае, широко используют домыслы о том, что якобы «глобальные интересы советского коммунизма», т. е. на деле пролетарская интернационалистская линия КПСС и Советского государства, противоречат национально-государственным интересам Китая. Между тем вся история отношений СССР с китайским государством, с революционными силами Китая неопровержимо свидетельствует о том, что ни на одном этапе этих отношений позиция советской стороны не приходила в противоречие с подлинными национальными интересами китайского народа.

Строительство социализма — единственный путь подлинного национального возрождения народов, в том числе и китайского. Кстати, и сами маонисты не решаются отвергать открыто эту истину. Спрашивается: каким образом громадная, уникальная по масштабам и многообразию помощь СССР в создании основ социализма в КНР могла противоречить национально-государственным интересам китайского народа? Каким образом им могла противоречить бескорыстная братская помощь Советского Союза в деле укрепления обороноспособности КНР?

Разумеется, во всем этом нет никаких реальных противоречий. Но они действительно существуют и являются острыми, если говорить о других вещах, а именно о великодержавных гегемонистских устремлениях маонистов, с одной стороны, и об интересах социалистических стран, в том числе Китая, — с другой, интересах, которые неизменно и последовательно отстаивали и отстаивают КПСС и Советское государство.

Классовый характер этого действительно существующего противоречия не может скрыть и то обстоятельство, что маонисты изначально выступают под пролетарскими, социалистическими лозунгами и в этом смысле поныне остаются «громче всех крикунов». Известно, что антисоциалистические силы далеко не всегда ведут борьбу против социализма с позиций откровенного антикоммунизма. В современную эпоху, когда социализм стал знаменем времени, часть этих сил все более охотно выступает против социализма, так сказать, «с еще более социалистических позиций». Свое наступление на социализм в Китае маонисты, например, развернули в конце 50-х годов под лозунгами борьбы за ускорение развития страны, за быстрейший переход к коммунизму. Прикрываясь «ультралевыми» фразами, группа Мао Цзэ-дуна систематически и настойчиво вела дело к подрыву связей социалистических сил

²⁶ Цит. по: «Ленинская политика СССР в отношении Китая», М., 1968, стр. 203.

²⁷ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», М., 1956, стр. 509.

КНР с Советским Союзом и мировым социализмом, именно тех связей, которые, согласно многократно подтвержденному жизнью ленинскому тезису о путях перехода отсталых стран к социализму, как раз и являются гарантией успешного осуществления такого перехода.

Начав в конце 50-х годов с призывов «не оглядываться на каждом шагу на СССР», искать свои принципиально новые, более совершенные и универсальные пути к коммунизму и, естественно, не найдя их, маоисты в конце концов не придумали ничего лучшего, чем прибегнуть к бесконечному повторению клеветнического измышления о том, что-де Советский Союз пытался и пытается «разрушить дело строительства социализма» в Китае²⁸, что он создает «угрозу» безопасности китайского государства. Логика борьбы повела маоистов еще дальше — к раскрытию мелкобуржуазно-националистической сущности их позиции. Они объявили социалистические страны переродившимися. Для так называемых «критиков» социализма «слева» это отнюдь не новый прием. Такое уже не раз случалось в прошлом. Подобную же трансформацию претерпела в свое время, например, позиция троцкистов, которые и поныне остаются злейшими врагами международного пролетариата, активными пособниками антикоммунизма.

Несмотря на сравнительно длительное хозяйничанье маоистов в Китае, борьба за социалистический путь развития страны продолжается. Совместно с мировым социализмом, с международным коммунистическим движением ее ведут здоровые силы, сохранившиеся в КПК. Созданные в 50-х годах основы социалистического общества, вовлечение в борьбу за его построение сотен миллионов людей, их приобщение к новым порядкам, к новым отношениям, блага, которые трудящиеся получали в ходе социалистического строительства, — все это само по себе является важнейшим фактором в продолжении борьбы против маоистского отступления от социалистического пути развития Китая. Время от времени прорывающаяся наружу подспудная борьба внутри самого нынешнего китайского руководства прямо отражает непримиримое противоречие между заложенными в стране основами социализма, стремлением трудящихся масс продолжать движение по социалистическому пути, с одной стороны, и попытками маоистов увести КНР от этого пути — с другой.

Если под этим углом зрения рассматривать усилия Советского Союза, на протяжении длительного времени всемерно способствовавшего переходу Китая на социалистический путь, то будет очевидно, что братская помощь советского народа социалистическим силам Китая отнюдь не пропала даром. Ее историческая роль в судьбах социализма в Китае была и остается огромной. Грядущее торжество социализма в КНР будет неразрывно связано как с этой помощью, так и с продолжающимися усилиями КПСС и Советского государства, направленными на отстаивание социалистического пути развития китайского народа.

* * *

Неизменная линия СССР на оказание поддержки прогрессивным силам Китая, на развитие добрососедства и дружбы с китайским народом, с китайским государством была и остается мощным, постоянно действующим фактором, предопределившим неизбежную историческую тенденцию сплочения китайского народа с советским, со всеми революционными силами современности. Однако в условиях, когда нынешнее пекинское руководство занимает штрейкбрехерскую позицию в отношении революционных сил современности, осуществляет политику, идущую

²⁸ «Жэньминь жибао», 7. VIII. 1971; «Гуаньмин жибао», 9. VIII. 1971.

вразрез с коренными социальными и национальными интересами трудящихся Китая, в эту линию органически входит принципиальная идеологическая борьба с маоизмом. Курс на восстановление добрососедских отношений с КНР и борьба против реакционной позиции и политики китайского руководства, находясь в неразрывном диалектическом единстве, в высшей степени полно отвечают классовым целям международного пролетариата, интересам отстаивания социалистического пути развития Китая. Это со всей очевидностью подтверждается дальнейшим усилением процесса сплочения социалистических, антиимпериалистических сил мира, отражением которого явились созыв и успешное проведение Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г. Это подтверждается вынужденными маневрами Пекина, его отказом от лозунгов и экстремистских крайностей периода «культурной революции», очевидной неспособностью маоизма дать эффективные решения для любых действительно жизненно важных внутренних и международных проблем Китая.

Как и в прошлом, так и теперь судьбы социализма в этой стране неразрывно связаны с единством и сотрудничеством ее социалистических сил с мировым социалистическим содружеством, международным коммунистическим движением, с Советским Союзом и КПСС. Собственный опыт китайских трудящихся, китайских коммунистов вновь и вновь говорит о том, что подрыв этого единства с неизбежностью ведет их к поражениям, отодвигает торжество социализма на китайской земле. И из этого горького опыта они не могут не извлечь уроков.

Здесь уместно будет напомнить произнесенные на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 г. слова Мао Цзэ-дуна о том, что «...после Октябрьской революции правительство любой страны, если оно откажется жить в дружбе с Советским Союзом, лишь нанесет ущерб подлинным интересам народа своей страны»²⁹.

Таким образом, более полутора десятков лет назад Мао Цзэ-дун сам вынес позорный приговор своей нынешней антисоветской позиции, сам признал, что эта позиция только наносит ущерб подлинным интересам китайского народа.

Возрастающая роль международной солидарности в борьбе рабочего класса различных стран за социализм является в наше время непреложным фактом. И любая недооценка этого факта коммунистами той или иной страны чревата тяжелыми последствиями для их движения, о чем убедительно свидетельствует нынешняя обстановка в КНР. Поэтому и выход из нее может быть найден социалистическими силами Китая только на путях решительной борьбы за восстановление и развитие тесных связей и всестороннего сотрудничества с международным коммунистическим движением, со всеми социалистическими странами, и в первую очередь с КПСС и Советским Союзом.

Советские коммунисты, советский народ глубоко убеждены в том, что революционные силы Китая в конце концов сумеют отбросить противостоющую политику Пекина в отношении Советского Союза. Эта убежденность вновь получила ясное отражение в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, посвященном пятидесятилетию СССР: «И мы верим — объективные интересы народов обеих наших стран, законы истории в конечном счете возьмут верх над субъективными политическими извращениями, и советско-китайская дружба будет восстановлена»³⁰.

²⁹ «Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов». М., 1959, стр. 365.

³⁰ «Правда», 22. XII. 1972.

Апология пекинского гегемонизма

*К. В. Кукушкин,
кандидат исторических наук*

Китайское руководство рассматривает Советский Союз, социалистическое содружество как главное препятствие на пути к установлению своей гегемонии над миром. Исходя из этого внешнеполитический курс нынешних китайских руководителей носит прежде всего антисоветский, антисоциалистический характер. Его главными элементами в настоящее время являются установки на борьбу против Советского Союза и мировой социалистической системы, против международного коммунистического и рабочего движения, на раскол и подчинение своим интересам национально-освободительного движения, на привлечение стран «третьего мира» в качестве резерва в борьбе Пекина против первой страны победившего социализма, на использование для осуществления шовинистических целей маоистов противоречий между мировой системой социализма и империализмом.

Снова китаецентризм

Известно, что попытки всех реакционеров «теоретически» обосновать претензии на мировое господство, как правило, начинались с создания на расистской, шовинистической основе различных фальсифицированных версий всемирной истории. Примером подобной фальсификации, служащей оправданию великоханьских шовинистических устремлений нынешнего китайского руководства, являются статьи некоего Ши Цзюня об изучении всемирной истории, опубликованные в органе ЦК КПК журнале «Хунци»¹.

Анализ этих статей показывает, что их автор задался целью полностью извратить и исказить ход мирового исторического развития, перечеркнуть главные объективные итоги человеческого прогресса, сконструировать вымышленную, нереальную схему современного мира, в которой Китаю принадлежало бы место «центра мироздания».

В этом «конструировании» мира автор не оригинален. Еще у феодальных правителей древнего Китая существовало особое представление о вселенной, согласно которому они считали свою страну «центром земли», единственным очагом человеческой цивилизации, сплошь окруженным варварами. Такое представление о Поднебесной в те времена

¹ «Об изучении всемирной истории». — «Хунци», 1972, № 4, стр. 16—21;
«Еще раз об изучении всемирной истории». — «Хунци», 1972, № 5, стр. 18—24;
«Изучать историю империализма». — «Хунци», 1972, № 6, стр. 33—40;
«Понимать историю национально-освободительного движения». — «Хунци», 1972, № 11, стр. 68—73.

служило для китайских императоров — «Сынов Неба» — «обоснованием» их захватнической политики в отношении соседних стран и народов.

Таким образом, взгляды вышеназванного Ши Цзюня на мир, хотя он и является нашим современником, по существу, не отличаются от мировоззрения китайских феодалов. Из его писаний мы узнаем, например, что на земном шаре существует, оказывается, только одна социалистическая страна — «наш социалистический Китай»². И все. Даже Албанию — союзницу Пекина, упомянутую в одной из статей, — автор не назвал социалистической страной. Он, по-видимому, считает, что с глобальной всемирно-исторической точки зрения неоправданно размениваться на подобные «мелочи». Будучи до конца последовательным шовинистом, Ши Цзюнь просто не может допустить существования каких-либо других социалистических стран, кроме Китая. Последний объявляется им «главным центром» революционного движения в мире. Одним росчерком пера он сводит на нет всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, приводя клеветнические домыслы о том, что наша страна якобы «окончательно свернула с пути Октябрьской социалистической революции»³. По его мнению, в современную эпоху только одна «великая победа великой китайской революции»⁴ привела к утверждению социалистического общественного строя.

Китай провозглашается Ши Цзюнем заодно и идеологическим центром мира. Именно в этой стране, как уверяет автор статей в журнале «Хунци», «председатель Мао... унаследовал, отстоял и развил ленинскую теорию империализма»⁵, «унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм»⁶ и т. д. и т. п.

Так создается миф об исключительной всемирно-исторической миссии Китая, так, по существу, «теоретически» обосновываются претензии нынешних великоханьских шовинистов на мировую гегемонию.

Геополитика вместо марксизма

Рисуя фантастическую картину мира, Ши Цзюнь, естественно, не может оперировать объективным материалом. Поэтому в его геополитической схеме не нашлось места ни социалистическому содружеству, ни Советскому Союзу, строящему коммунизм, ни международному коммунистическому и рабочему движению. Эти важнейшие факторы мирового прогресса в современную эпоху он уже сегодня объявляет «несуществующими».

«Ликвидацию» мирового социалистического содружества Ши Цзюнь начинает с Советского Союза. Приемы, которые он использует при этом, типичные для маоистской пропаганды — подлог, клевета, ложь, фальсификация. Так, Советский Союз — родина Октября, первая в мире страна, проложившая путь человечеству к социализму, спасшая народы мира от фашистского рабства, оказавшая решающую поддержку китайской революции, мощный бастион мира и социального прогресса народов в современную эпоху — объявляется Ши Цзюнем «социал-империалистической державой»⁷. В качестве «аргумента» он выта-

² «Хунци», 1972, № 4, стр. 16.

³ «Хунци», 1972, № 5, стр. 22.

⁴ Там же.

⁵ «Хунци», 1972, № 6, стр. 33.

⁶ «Хунци», 1972, № 4, стр. 20.

⁷ «Хунци», 1972, № 5, стр. 20.

скивает на свет давно обветшалые троцкистские «идейки» о каком-то «буржуазном перерождении советской власти», «о реставрации капитализма», а также избитые измышления империалистической пропаганды о том, что Советский Союз якобы «унаследовал империалистические традиции царской России» и стремится «снова создать великую колониальную империю»⁸ и т. д. и т. п.

Совершив откровенный подлог, автор программных статей маоистов без тени смущения ставит Советский Союз на одну доску с царской Россией, с английской колониальной империей и, наконец, с американским империализмом.

С такой же легкостью он «аннулирует» все другие социалистические страны, кроме Китая. Намеренно не называя конкретно ни одной из этих стран, Ши Цзюнь скопом «зачисляет» их в разряд «колоний» Советского Союза. Он упорно стремится протащить «идею» из арсенала империалистической пропаганды о том, что прочно связанные с СССР социалистические страны якобы либо утратили свою политическую и экономическую независимость, либо находятся под угрозой «советского порабощения». Поэтому все важнейшие институты политического, экономического и военного сотрудничества Страны Советов с другими странами социализма, возникшие на объективной основе — их социально-экономической и политической общности, — объявляются Ши Цзюнем «коварными приемами империализма»⁹.

Согласно логике Ши Цзюня, Китай остается социалистической страной, потому что его руководители разорвали дружественные отношения с Советским Союзом; другие же страны социализма, поскольку они укрепляют дружбу с СССР, не могут считаться социалистическими.

Таким образом, первым «историческим открытием» Ши Цзюня является «исчезновение» одной из социальных систем — мировой системы социализма. Но это, по сути дела, означает, что автор вычеркивает из всемирной истории целую эпоху — революционный процесс крушения мировой системы империализма и становления мировой системы социализма, исторический процесс, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Тем самым Ши Цзюнь фактически отрицает и китайскую революцию, переход китайского народа на социалистический путь развития, что является составной частью этого объективного хода всемирной истории.

Абсурдность «всемирно-исторических изысканий» Ши Цзюня очевидна. Важен другой вопрос. Зачем автору понадобилось отрицать главный объективный итог всемирно-исторического развития — мировую систему социализма?

Дело в том, что китайские социал-шовинисты, захватившие власть в стране, не решаются открыто объявить народу, что острее их внешнеполитической стратегии направлено против оплота мирового социализма — Советского Союза. Такое признание было бы равносильно их политической смерти. Поэтому они всеми силами стремятся обмануть китайский народ, заставить его поверить в миф о «социал-империализме», о его «угрозе Китаю» и т. д. Для этого Ши Цзюнем и была избрана форма «экскурса» во всемирную историю. Вкрапывая самую фантастическую ложь о СССР в материалы, характеризующие агрессивную политику царского самодержавия, английских колонизаторов, американского империализма, он рассчитывает на то, что неискушенный читатель может проглотить с «наживкой» и «крючок».

⁸ «Хунци», 1972, № 5, стр. 20.

⁹ См. «Хунци», 1972, № 6, стр. 39—40.

Отрицая существование мировой системы социализма, китайские пропагандисты пытаются сегодня скрыть от своего народа крайне неблагоприятный для пекинских руководителей объективный факт: их изоляцию в социалистическом содружестве, в международном коммунистическом движении. Подавляющее большинство стран социализма и марксистско-ленинских партий решительно осудили политику Пекина как враждебную марксизму-ленинизму и социализму. Китайские лидеры, оказавшись, по существу, одни против решающих революционных сил современности, не смогли ничего лучшего придумать, как объявить, что таких сил (мирового социализма и международного коммунистического движения) вообще «не существует».

Мотивируя столь необычным образом свой разрыв с мировой социалистической системой, международным коммунистическим движением, в Пекине явно дают понять империализму, что маоисты непосредственно заинтересованы в активизации его борьбы против Советского Союза и других стран социализма. Более того, руководство Китая готово по мере сил помогать ему в этом деле.

Доктрина «господства двух сверхдержав»

Целям подталкивания империализма к борьбе с мировым социализмом служит и так называемая доктрина «господства двух сверхдержав» — Советского Союза и США, — взятая китайскими руководителями напрокат у империалистических геополитиков. Сам факт такого заимствования достаточно убедительно говорит о стремлении Пекина найти общий язык с империалистами.

Ши Цзюнь потратил много усилий, пытаясь «теоретически обосновать» эту доктрину, обрядить ее в китайское платье. Объявив Советский Союз «социал-империалистической державой» и поставив его тем самым на одну доску с американским империализмом, автор статей стремится «доказать», что появление «двух сверхдержав» — якобы закономерный результат процесса неравномерного развития империализма.

Итак, вопреки выводу марксистско-ленинской теории о том, что начиная с победы Великой Октябрьской социалистической революции происходил распад империалистической системы и становление мировой системы социализма, Ши Цзюнь считает, что ничего подобного не было. Согласно его воображаемой схеме мира, и сегодня, оказывается, существует общая система империализма, господствующее положение в которой принадлежит «двум мировым сверхдержavam» — Советскому Союзу и США.

На первый взгляд китаизированная доктрина «господства двух сверхдержав» кажется крайним выражением китайского гегемонизма, то есть будто китайские руководители в равной мере выступают сегодня как против Советского Союза, так и против США. Иными словами, они вроде бы собираются открыть борьбу на два фронта: против сильнейшей страны социалистического содружества и против самого мощного государства империалистического лагеря.

Такое представление было бы ошибочным. «Американский» компонент этой доктрины носит в известной мере маскировочный характер. Главное назначение этой доктрины заключается в том, чтобы скрыть антисоветскую, антисоциалистическую подоплеку подрывных акций Пекина на международной арене, закамуфлировать тот факт, что сейчас маоисты считают своим врагом «номер один» Советский Союз, который китайской пропагандой объявлен «более опасным», нежели

любой империализм¹⁰. Маоисты именуют такого рода политику «революционной двойственной тактикой».

Ши Цзюнь с помощью доктрины «господства двух сверхдержав» дает «теоретическое» обоснование и «исторически оправдывает эту политику китайских шовинистов, которую он выдает за некую «революционную линию председателя Мао во внешних сношениях». Так, клеветнически обвиняя Советский Союз в «стремлении к империалистической гегемонии в мире», он надеется тем самым оправдать пекинскую политику сближения на основе антисоветизма с США, с европейскими империалистическими странами агрессивного блока НАТО. Утверждая же, что Советский Союз стремится «создать великую колониальную империю», Ши Цзюнь тем самым рассчитывает обелить курс Пекина на раскол социалистического содружества, на подстрекательство к борьбе скрытых антисоциалистических, антисоветских элементов; он пытается оправдать политику провоцирования правящих кругов развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки на враждебное отношение к Советскому Союзу и другим социалистическим странам, стремится обмануть народы, борющиеся за национальную независимость, столкнуть их с верного пути борьбы с действительными врагами — империалистическими державами, и прежде всего с американским империализмом, на опасную дорогу конфронтации с их естественным союзником и другом — Советским Союзом.

В противовес марксистско-ленинской характеристике социальной картины современного мира как противоборства объединенных сил мировой социалистической системы, международного рабочего движения, национально-освободительного движения с лагерем империализма Ши Цзюнь предлагает собственную геополитическую схему мира, соответствующую интересам пекинской стратегии антисоветизма. Точнее говоря, он фабрикует такую схему расстановки сил в мире, которую желали бы видеть китайские руководители, а именно: Китай в союзе со странами «первой промежуточной зоны» (Азия, Африка и Латинская Америка) и «второй промежуточной зоны» («основные капиталистические государства Запада и Востока») ¹¹, с одной стороны, и насколько возможно изолированный Советский Союз — с другой.

Антисоветский блок под вывеской «национально-освободительного движения»

Антисоветская, антисоциалистическая стратегия Пекина проявляется также в особом толковании автором статей в журнале «Хунци» задач и характера национально-освободительной борьбы на современном этапе.

В противоположность марксистско-ленинскому определению характера современной классовой борьбы в мировом масштабе как антагонизма между социализмом и империализмом Ши Цзюнь, опираясь на доктрину «господства двух сверхдержав», выдвигает чуждую марксизму и вполне приемлемую для идеологов капитализма надклассовую формулу борьбы «народов всего мира и большого числа малых и средних государств против двух гегемонов» (СССР и США.— К. К.) ¹², и прежде всего против Советского Союза. Эта формула означает от-

¹⁰ «Жэньминь жибао», 1. X. 1972.

¹¹ См. «Хунци», 1972, № 11, стр. 72.

¹² Там же, стр. 39.

кровенное классовое предательство, переход китайских руководителей в лагерь врагов мирового социализма. Она призвана идеологически оправдать политику блокирования китайских шовинистов со всеми реакционными, враждебными социализму силами в мире.

Провозглашая эту антимарксистскую формулу, Ши Цзюнь хочет «доказать», что главной формой борьбы в современном мире является якобы национально-освободительное движение. Однако то, что он вкладывает в это понятие, ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет. Марксисты-ленинцы рассматривают национально-освободительное движение как мощную антиимпериалистическую революционную силу, как естественного союзника мирового социализма и важный резерв мировой пролетарской революции. Ши Цзюнь же, напротив, рассматривает национально-освободительное движение как резерв Пекина в борьбе против Советского Союза и мировой социалистической системы.

Не американский империализм, а Советский Союз объявлен автором из журнала «Хунци» главным объектом национально-освободительной борьбы в современную эпоху. «Советский Союз вышел на мировую арену как социал-империалистическое государство,— клеветет Ши Цзюнь,— ...он вынашивает иллюзорные планы создания великой колониальной империи... которая охватила бы Европу, Азию, Африку и Латинскую Америку»¹³. Постоянно ставя в своих формулировках Советский Союз перед американским империализмом, автор тем самым подчеркивает антисоветскую направленность стратегии Пекина. Более того, Ши Цзюнь дает понять, что борьба народов против американского империализма постепенно уходит в прошлое, поскольку последний «уже разоблачен народами мира и повержен со своей вершины»¹⁴. Практически же это не просто уступка китайских руководителей империализму, но и выражение готовности участвовать совместно с любыми империалистическими партнерами в борьбе против Советского Союза под флагом так называемого национально-освободительного движения.

В качестве субъектов такого «национально-освободительного движения» Ши Цзюнь называет основные империалистические государства Европы и Азии («вторая промежуточная зона»), афро-азиатские и латиноамериканские развивающиеся страны, народы, еще находящиеся в колониальной зависимости («первая промежуточная зона»). Таким образом, бывшие метрополии, империалистические государства, сохраняющие еще колонии, а также страны, отстаивающие свою независимость, и даже поныне угнетенные нации — все, оказывается, составляют «движущие силы» «национально-освободительной борьбы» и могут «создать самый широкий единый фронт»¹⁵. Не случайно Ши Цзюнь избегает давать классовую социальную характеристику такого «единого фронта». Как бы ему ни хотелось, но он не может назвать его «антиимпериалистическим», так как важное место в нем отводится именно империалистическим странам. Другими словами, под вывеской «национально-освободительного движения» пекинские шовинисты протаскивают идею антисоветского, антисоциалистического единого фронта.

Открытая апелляция к империализму, готовность пойти на политический союз с ним свидетельствуют о том, что китайские руководители оказались в изоляции от главных революционных сил современности: мировой социалистической системы, международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительного движения. Само-

¹³ «Хунци», 1972, № 11, стр. 71.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 73.

званные лидеры «мировой революции» остались фактически одни. Подлинно революционные силы мира решительно выступают против пекинских раскольников, серьезно ограничивая их подрывную деятельность в мировом освободительном процессе.

Маонстам сегодня ничего не остается делать, как создавать видимость того, что их якобы поддерживают народы и страны так называемого «третьего мира», то есть развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Поэтому неслучайно именно этому «миру» уделяется больше всего места в «исторических изысканиях» Ши Цзюня. Но при внимательном прочтении всего, что им написано по этому поводу, приходишь к выводу: речь идет не столько о том, чтобы доказать, что будто бы «третий мир» поддерживает политику Пекина, сколько убедить развивающиеся страны в принадлежности к их числу Китая. Признайте нас за своих — вот лейтмотив Ши Цзюня.

Этой цели служат, в частности, многократные заявления пекинских руководителей, приводимые в статье Ши Цзюня, о том, что «Китай и абсолютное большинство государств Азии, Африки и Латинской Америки принадлежат к «третьему миру»¹⁶, а также о том, что у Китая с народами стран этого «мира» не только «общие исторические судьбы», но сегодня и «общие задачи».

Автор изо всех сил стремится убедить читателей, что единственным союзником и последовательным защитником интересов стран «третьего мира» является Китай. В действительности же политика, которую навязывает Ши Цзюнь народам стран «третьего мира», является предательством коренных интересов трудящихся этих стран и самого Китая. Иначе подобную политику квалифицировать нельзя, поскольку автор из журнала «Хунци» под видом доктрины господства в мире «двух сверхдержав» протаскивает тезис о якобы исторической необходимости и неизбежности борьбы «третьего мира» против Советского Союза и мировой социалистической системы. Таким путем Ши Цзюнь подводит «идеологическую» основу под попытки Пекина трансформировать исторически обусловленные антиимпериалистические настроения народов развивающихся стран в антисоветизм, иными словами, использовать их антиимпериалистические позиции, их национализм в целях разжигания вражды к Советскому Союзу.

Совершенно ясно, что провоцировать народы «третьего мира» на вражду к мировой социалистической системе могут лишь те, кто хочет сделать их легкой добычей империализма. В развивающихся странах хорошо понимают, что в современной обстановке мощь Советского Союза и всего социалистического содружества, сковывающего основные силы международной реакции и агрессии, создает особенно благоприятные условия для свободного и независимого развития государств «третьего мира». Поэтому планы пекинского руководства превратить развивающиеся страны в своих союзников в борьбе против СССР и других социалистических государств исторически бесперспективны и нереальны.

Основа пекинской стратегии

На чем же в конечном итоге основывается пекинская стратегия борьбы за мировую гегемонию?

Маоисты прежде всего рассчитывают мобилизовать людские и материальные ресурсы Китая на подготовку к борьбе против Советского

¹⁶ «Хунци», 1972, № 4, стр. 19.

Союза и других стран социалистического содружества. Они надеются, что их усилия в самом Китае и на международной арене в конечном итоге смогут изменить соотношение сил в мире в пользу империализма и подтолкнут последний на активизацию борьбы против мировой системы социализма и ее основы — СССР. Таким образом, главный стратегический расчет Пекина строится на вооруженном столкновении двух мировых социальных систем. При этом Китай, по мнению пекинских «стратегов», должен использовать мировой конфликт, чтобы под занавес выступить в качестве решающей силы.

Генеральная задача «всемирно-исторических изысканий» Ши Цзюня, следовательно, заключалась в «теоретическом», «идеологическом» и «историческом» оправдании конечных целей китайских руководителей.

Однако автор этих «изысканий» понимал, что открыто пропагандировать прежний тезис китайских руководителей о неизбежном вооруженном столкновении мира социализма с империализмом он не может, поскольку в этом случае ему придется признать, что социалистический Китай входит в общий фронт социалистического содружества, а это противоречило бы всем его «теоретическим» построениям. Кроме того, пропаганда этого тезиса в современных условиях крайне непопулярна. Социалистические страны, все марксистско-ленинские партии, все прогрессивные революционные силы осудили и разоблачили провокационную сущность пекинской «теории» о фатальной неизбежности войны между двумя мировыми социальными системами.

Марксистско-ленинские партии, исходя из объективного анализа соотношения сил двух социальных систем, миролюбивых и агрессивных сил на земном шаре и перспектив их развития, сделали вывод о реальной возможности предотвращения новой мировой войны. Этот вывод отражает коренные интересы и стремления абсолютного большинства человечества.

Сегодня и правительства империалистических держав вынуждены признавать принцип мирного сосуществования стран с различными социальными системами в качестве объективного критерия международных отношений. Китайским руководителям, чтобы вывести КНР из недавнего состояния международной изоляции, также пришлось заявить, что они придерживаются в своей внешней политике этого принципа.

Ши Цзюнь, отражая истинные настроения Пекина, намеренно обходит молчанием проблему мирного сосуществования, потому что она, естественно, требует признания решающего воздействия мировой социалистической системы на развитие международной обстановки.

Свой тезис о неизбежности мирового конфликта между Советским Союзом и США он протаскивает, как говорится, с «черного хода». Объявив Советский Союз «социал-империалистической державой», автор «зачислил» его в империалистическую систему, подверженную присущим ей законам развития. Посредством такого подлога Ши Цзюнь пытается заставить читателей принять на веру свое главное «открытие»: «социал-империализм, коль скоро он является империализмом... то неизбежно должен следовать законам империализма...»¹⁷.

Полностью отождествив Страну Советов с американским империализмом, Ши Цзюнь провозглашает, что противоречия между ними носят якобы «империалистический характер» и заключаются в непримиримой борьбе «двух мировых сверхдержав за мировое господство»¹⁸. Для

¹⁷ «Хунци», 1972, № 6, стр. 34.

¹⁸ «Хунци», 1972, № 5, стр. 20, 21.

«подкрепления» своей навязчивой фантазии о неизбежном мировом конфликте «двух сверхдержав» Ши Цзюнь беззастенчиво извращает ленинское положение о том, что «стремление заново поделить мир в соответствии с «капиталом» и «реальной силой» является неизбежным законом империализма»¹⁹.

* * *

Мы привели все эти «образчики» словесных упражнений автора статей из журнала «Хунци», чтобы наглядно продемонстрировать то, что он выдает за «учение председателя Мао», которое якобы является дальнейшим «развитием ленинского учения об империализме». Вся эта софистика маоистов, лишенная реального объективного содержания, в корне враждебна и чужда марксизму-ленинизму.

Ленинская теория империализма научно обосновала историческую закономерность победы социализма над империализмом. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, становление мировой социалистической системы — неопровержимые объективные доказательства революционной, творческой, всемирно-исторической созидательной силы ленинизма. Маоизм же ставит перед собой полностью противоположные марксизму-ленинизму цели — «доказать» якобы «историческую закономерность неизбежной гибели»²⁰ Советского Союза и мировой социалистической системы. Подобные попытки не новы: империалистическая, и особенно в свое время фашистская, пропаганда издавна занималась такими «доказательствами». Тот факт, что и пекинские руководители взялись за это дело, доказывает лишь одно — их открытый переход в лагерь империалистической реакции, в стан врагов Советского Союза и мирового социализма.

Статьи журнала «Хунци», о которых шла речь, по существу, излагают шовинистическую программу деятельности китайских руководителей на международной арене. «Историческое» оформление этой программы должно по замыслу ее составителей подчеркнуть долговременный, неизменный характер стратегического курса Мао Цзэ-дуна и его сторонников, курса на борьбу против Советского Союза, мирового социализма, на завоевание Китаем мировой гегемонии. Эти статьи представляют собой попытку закрепить в сознании китайского народа идеологию маоизма и его исходные позиции — великоханьский шовинизм и антисоветизм.

В то же время нельзя не заметить, что подобные «всемирно-исторические изыскания» явно продиктованы опасениями пекинских правителей тем, что китайский народ в конечном итоге сможет раз и навсегда отбросить «идеи Мао-Цзэ-дуна», его курс во внутренней и внешней политике и повернуть страну на путь социалистического развития в тесном содружестве со всем мировым лагерем социализма. В пользу такого будущего поворота Китая говорит не только сама история китайской революции, успешное строительство основ социализма в первый период существования КНР, но и история и перспективы развития мировой социалистической системы, главных революционных сил современности.

Объективный всемирно-исторический процесс неодолим. Попытки всех реакционеров повернуть мировой социальный прогресс вспять, как свидетельствует история, неизменно оканчивались их крахом. Такая же участь постигнет и нынешних великоханьских шовинистов.

¹⁹ «Хунци», 1972, № 6, стр. 35.

²⁰ Там же, стр. 40.

Истоки китайского милитаризма

*Г. В. Ефимов,
доктор исторических наук*

Роль армии и ее лидеров в политической жизни Китая начала приобретать особое значение в середине XIX века. Охватившее огромную территорию страны Тайпинское восстание вскрыло неспособность существовавшей военной системы не только к обороне страны от внешних врагов (это достаточно ясно показала история первой англо-китайской войны), но и к борьбе против собственного народа. Цинское правительство вынуждено было воззвать о помощи к китайским феодалам, шэньши; их умоляли о создании отрядов самообороны в помощь армии.

Китайские сановники в лице Цзэн Го-фаня, Ли Хун-чжана, Цзо Цзун-тана, Ху Линь-и и др. взяли организацию подавления восстания в свои руки. Они справедливо полагали, что если они это не сделают, то крестьянская война может закончиться крушением правящего режима в целом.

Хунаньская армия Цзэн Го-фаня, Хуайская армия Ли Хун-чжана и Чуская армия Цзо Цзун-тана с помощью иностранных наемников задушили войну тайпинов.

Руководители этих армий, особенно Ли Хун-чжан, стали виднейшими государственными деятелями страны. Они завоевали признание маньчжурского режима своей беспощадностью в подавлении народных движений. От них политически и берет свое начало китайский милитаризм.

Есть много аспектов проблемы генезиса милитаризма в Китае, но мы ограничимся выделением главной, на наш взгляд, черты: его направленностью против народных движений в XIX веке, против революционной борьбы в XX веке. Милитаризм политически, по сути дела, это система обеспечения власти правящей верхушки антинародного режима. С возрастанием роли милитаризма видные военные лидеры стремились сосредоточить всю полноту власти в государстве, но так как это оказалось сплошь и рядом задачей непосильной, то по крайней мере в провинции или в группе провинций.

В конце XIX — начале XX века с формированием так называемой Новой армии крупнейшей военной силой в системе китайских войск стала бэйянская армия и бэйянская клика милитаристов, главой которой был Юань Ши-кай — протеже Ли Хун-чжана. О роли, которую сыграла в истории Китая бэйянская клика милитаристов, можно судить по следующим данным: четыре генерала — Юань Ши-кай, Фын Го-чжан, Сюй Ши-чан, Цао Кунь — были президентами республики, Дуань Ци-жуй был премьер-министром, военным министром и занимал специально придуманную должность в 1924—1926 гг. верховного главы государства, другие генералы были генерал-губернаторами, крупными военачаль-

никами, министрами¹. Пятнадцать лет (1912—1927 гг.) бэйянская клика контролировала значительную часть Китая и центральное правительство.

Историческая роль бэйянской милитаристской клики можно определить однозначно: это была крайне реакционная, антинародная группировка, применявшая всевозможные средства и методы для подавления революционного и национально-освободительного движения, послушное орудие политики империалистов.

Наиболее характерным деятелем бэйянской клики был ее создатель Юань Ши-кай.

* * *

В западной историографии в последнее время часто подчеркивают, что Юань Ши-кай стал президентом в 1912 г. и «отцом милитаризма» (father of the warlords) не в силу каких-либо своих особых талантов, а из-за «стечения обстоятельств», стечения событий². В этих рассуждениях есть рациональное зерно: Юань Ши-кай ни в чем не поднимался выше уровня традиционного китайского политического деятеля, политического манипулятора и интригана, верящего только в силу оружия и денег. Юань Ши-кай был весьма изворотлив и коварен, его беспринципность в политике была доведена до совершенства: способность сегодня поклоняться одному богу, а завтра хладнокровно отказываться от всего того, чему поклонялся вчера, безжалостные и коварные расправы с противниками, готовность идти и подниматься вверх по трупам — всем этим Юань Ши-кай владел в совершенстве. Поэтому он становился особенно нужен господствующей верхушке Китая, когда требовался человек, не брезгающий средствами в расправе с теми, кто «потрясал основы».

«...Авантюристом, изменником и другом реакции» охарактеризовал Юань Ши-кай В. И. Ленин³.

И в самом деле в 1898 г. Юань Ши-кай предал реформаторов, в 1900 г. беспощадно расправлялся с ихэтуанями, в 1911 г. стал главным душешителем Синьхайской революции, затем, вдохновленный перспективой стать президентом (а там, быть может, и новым императором!), изменил династии. В 1913 г. наемный убийца застрелил гоминьдановского лидера Сун Цзяо-жэня. Причастность Юань Ши-кай к этому делу не вызывает сомнения! В том же году он, нарушив все клятвы и присяги, устанавливает собственную диктатуру, опирающуюся на бэйянскую клику милитаристов.

I съезд гоминьдана довольно сдержанно оценивал роль Юань Ши-кай во время Синьхайской революции: «Юань Ши-кай, глава северных милитаристов, нередко вступал в сговор с империалистическими державами, на него опирались все контрреволюционные силы, такие, как военщина и чиновничество. И этому человеку революционеры уступили политическую власть в стране!»⁴

Во всех действиях Юаня при всем внешнем различии времени и обстоятельств есть очень четкие общие черты: это ненависть ко всему

¹ См. Powell, Ralph L. The Rise of Chinese Military Power 1895—1912. Princeton, 1955, p. 79—80.

² Powell, Ralph L. The Rise of Chinese Military Power, p. 73; E. Young, Yuan Shin-k'ai's Rise to the Presidency, p. 419—442. — «China in Revolution: The First Phase 1900—1913». Ed. M. C. Wright, Yale University Press, 1968.

³ В. И. Ленин. Отсталая Европа и передовая Азия. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 167.

⁴ Манифест первого съезда гоминьдана. Сунь Ят-сен. Избр. произв., стр. 400.

тому, что угрожает власть имущим и неизменная готовность служить и прислуживать империалистическим державам. Китайский милитаризм, порожденный внутренними причинами — социальными и политическими, — неизменно становился проводником политики империалистов. Противоречия между различными империалистическими державами отражались в борьбе милитаристских клик внутри страны. И в ней Юань Ши-кай пользовался самым большим благоволением держав, притом, в общем-то, даже почти всех держав. И это объяснимо: он стал центральной фигурой подавления революции 1911—1913 годов.

* * *

В истории борьбы китайских милитаристов против революционного движения, против революционеров есть событие, лишь упоминавшееся в нашей литературе: это расправа в 1912 г. Юань Ши-кай с двумя революционерами — Чжан Чжэнь-у и Фан Вэем⁵. Между тем методы расправы, обстановка, значение этой казни для последующего хода событий заслуживают внимания. На этом примере с большой силой раскрываются подлые приемы борьбы китайской военщины, отнюдь не ограниченные частным случаем 1912 г.

История убийства революционеров неразрывно связана с именем еще одного милитариста — Ли Юань-хуна. Конечно, в биографии Ли Юань-хуна нет таких грязных и кровавых страниц, как в истории Юань Ши-кай. Он был кадровым военным, дослужил до генеральского чина, пользовался известной популярностью в частях Новой армии в Хубэе, где, как известно, было сильно влияние революционных организаций. Это и определило то, что когда началось Учанское восстание, то руководители заставили Ли Юань-хуна стать во главе революционных войск. В этом наряду с прочим проявилась слабость революции.

Ли Юань-хун в революционной организации не состоял. Он был верным слугой династии. В разгар революционных боев он струсил и поначалу энергично сопротивлялся своему назначению на главный революционный пост, но в конце концов назначение принял. Ли Юань-хун понял раньше Юань Ши-кай, что судьба династии решена и что пытаться спасти ее равносильно самоубийству. Ли Юань-хун объявил себя республиканцем, но остался типичным милитаристом, чуждым революции и народу. В дальнейшем все его усилия были направлены против углубления революции, к сговору с Юань Ши-каем, к расправе с массовым движением.

В Хубэе после учреждения республики острая политическая борьба продолжалась. Подлинные революционеры не могли смириться с торжеством Юань Ши-кай и полностью перешедшим на его сторону Ли Юань-хуном. Казнями и репрессиями отвечал Ли Юань-хун на революционные выступления в Хубэе. Одним из таких острых конфликтов политической действительности Китая в середине 1912 г. и было дело Чжан Чжэнь-у и Фан Вэя.

* * *

Чжан Чжэнь-у прошел характерный для многих китайских революционеров путь. Он получил военное образование в Японии, где и вступил в ряды Объединенного союза (Тунмынхуэй), затем возвратился на

⁵ Е. А. Белов. Учанское восстание. М., 1971, стр. 214—215; В. Н. Никифоров. Синьхайская революция, в кн.: «Новейшая история Китая». М., 1972, стр. 36.

родину, в Хубэй, где и стал вести революционную работу в армии⁶. В Хубэе и Хунани накануне революции действовали, как известно, две революционные организации: Литературное общество и Общество совместного прогресса. Обе организации в общем разделяли программу Объединенного союза (за исключением принципа уравнивания прав на землю) и признавали руководство Сунь Ят-сена в качестве «цзунли» — лидера, но организационная связь между хубэйскими революционными организациями и руководством Объединенного союза была очень слабой.

Накануне Учанского восстания Литературное общество и Общество совместного прогресса договорились о совместных действиях и подготовили состав будущего правительства. Имя Чжан Чжэнь-у упоминается в нем в качестве будущего заместителя министра финансов⁷. Практически Чжан Чжэнь-у не пришлось работать в этой области. Ему суждено было военное поприще.

В дни Учанского восстания, когда в силу ряда причин ни назначенный ранее главнокомандующий Цзян И-у, ни начальник штаба Сунь У не могли выполнять своих обязанностей⁸, руководство военными силами взял в качестве военного министра революционного правительства Чжан Чжэнь-у⁹. Ли Юань-хун же в это время скрывался и отказывался взять на себя командование.

Чжан Чжэнь-у еще ранее занял непримиримые позиции в отношении Ли Юань-хуна. В дни восстания, видя в Ли Юань-хуне опасную фигуру, контрреволюционного милитариста, он настаивал на его казни¹⁰. Последний, конечно, не простил этого Чжан Чжэнь-у. Так завязался между ними узел принципиальных противоречий и вражды, который Ли Юань-хун сумел разрубить десятью месяцами позже.

После того как Ли Юань-хун вступил в командование революционной армией и стал главой временного республиканского правительства, Чжан Чжэнь-у сохранил высокий воинский пост заместителя начальника военного управления в звании генерала.

Вскоре между Чжан Чжэнь-у и Ли Юань-хуном произошел новый конфликт принципиального характера. Он относится к ноябрю 1911 г. — времени первых контактов между Юань Ши-каем и Ли Юань-хуном. Чжан Чжэнь-у в категорической форме отвергал возможность переговоров о мире с Юань Ши-каем¹¹.

Чжан Чжэнь-у многое сделал для победы революции, чуждался беспринципных сделок, и к нему тянулись все революционно-демократические силы. Он стал в глазах Ли Юань-хуна опаснейшим врагом.

Первое крупное волнение в учанских войсках произошло 28 февраля 1912 г.; оно носило ярко выраженный патриотический характер и было направлено против клики Юань Ши-кай¹²; в июле в Учане

⁶ Japan Times Weekly Edition, 18. VIII. 1912.

⁷ Ян Юй-жу. Синьхай гэмин сяньчжу цзи (Зачинатели Синьхайской революции). Пекин, 1957, стр. 51.

⁸ Цзян И-у скрылся от репрессий, начавшихся днем ранее восстания в связи с взрывом бомбы на конспиративной квартире в Ханькоу, Сунь У был ранен во время взрыва.

⁹ «Синьхай гэмин», т. 5, стр. 212 (отрывки из «Записки о хубэйской революции» Чжан Нань-сяня).

¹⁰ См. Vidyа Prakash Dutt, — «China in Revolution», p. 409. Автор ссылается на книгу Цао Я-бо «Учан гэмин чжэньши» (Подлинная история Учанской революции). Шанхай, 1930.

¹¹ Ли Шу. Политическая жизнь Китая в период революции 1911 года. М., 1956, стр. 106.

¹² «Синьхайская революция 1911—1913 гг. Сборник документов и материалов». М., 1968, стр. 231—235.

был раскрыт новый заговор¹³, в августе имел место бунт солдат 3-й дивизии.

Ли Юань-хун считал, что главным инициатором всех заговоров был Чжан Чжэнь-у.

В нашем распоряжении нет материалов, которые позволяли бы проследить прямую связь между организацией этих заговоров и Чжан Чжэнь-у, но несомненно, что Ли Юань-хун особенно опасался его деятельности. Поэтому он решил уничтожить своего опасного врага.

Однако Ли Юань-хун не решался расправиться с Чжан Чжэнь-у в Учане, боясь, что это вызовет народное возмущение. Он послал Чжан Чжэнь-у вместе с его единомышленником Фан Вэем в Пекин. Тогда же он направил Юань Ши-каю телеграмму с просьбой казнить Чжан Чжэнь-у и Фан Вэя. После приезда Чжан Чжэнь-у в Пекин в его честь 14 августа был устроен банкет с участием военного министра. На обратном пути с банкета в гостиницу он был арестован и без суда и следствия в ночь на 16 августа расстрелян вместе с Фан Вэем. Разразился политический скандал. Юань Ши-кай издал декрет, в котором пытался оправдаться в своих действиях. В текст декрета была включена телеграмма Ли Юань-хуна, гласившая следующее:

«Чжан Чжэнь-у, который начал свою карьеру в качестве учителя элементарной школы, оказывал услуги республиканцам и получил высокое звание помощника начальника военного управления, хотя он достиг высокого положения на службе республики, но он оставался гордым и беспокойным человеком, препятствовавшим чиновникам проявлять их власть, и стремился устраивать заговоры... Когда в Учане дважды были солдатские бунты, он возбуждал офицеров воспользоваться этим случаем, чтобы восстать против правительства, к счастью, офицеры его не послушали... А в последнее время он осмелился соединиться с местными разбойниками и бунтовщиками, чтобы вызвать волнение против нас (подчеркнуто мною.— Г. Е.). Вот до чего он неблагодарен, этот варвар!.. Но если этот злой человек не будет уничтожен, в нашей республике никогда не будет мира. Так как я не могу более питать к нему любви, то я прошу Вас, великий президент, убить этого великого преступника вместе с другим, неким Фан Вэем, его сотоварищем, и вернуть сюда ко мне всех других офицеров и чиновников, которые сопровождали его в Пекин, которых я по-прежнему люблю»¹⁴.

В декрете Юань Ши-кай было также сказано, что телеграмма от Ли Юань-хуна, вице-президента и хубэйского дуду, датирована 13 августа. «По нашему мнению, — говорилось в декрете, — Чжан Чжэнь-у, который был сначала хорошим, а после испортился, вместе со своим сообщником Фан Вэем заслуживает казни»¹⁵.

Ли Юань-хун признавал свои «ошибки», вызвавшиеся в «бездействии власти», т. е. в том, что он раньше не расправился с Чжан Чжэнь-у.

Весть о расправе с Чжан Чжэнь-у и Фан Вэем породила многочисленные протесты. Даже Национальная ассамблея, закившая в «текущих делах», проявила несвойственную ей активность. Три бурных заседания

¹³ «Синьхайская революция 1911—1913 гг. Сборник документов и материалов». М., 1968, стр. 235—236.

¹⁴ «Китай и Япония», № 100, 18. VIII. 1912 («L'Echo de Chine», № 4497, p. 35). Hsüeh Chün-tu, Huang Hsing and the Chinese Revolution. Stanford, 1961, p. 139.

¹⁵ «Китай и Япония», там же, стр. 36.

были посвящены беспримерному преступлению правителей республики. Их обвиняли в неслыханном, варварском попрании только что установленных основных прав граждан республики. Ассамблея не удовлетворилась представленными объяснениями мотивов казни и требовала отставки кабинета министров, угрожая в противном случае сложить депутатские полномочия. Впрочем, эти воинственные заявления не имели каких-либо последствий.

Руководство Объединенного союза в Пекине, конференция республиканской партии выступили с осуждением убийств без суда и следствия. Они требовали расследования обстоятельств дела. Конечно, и эти требования остались гласом вопиющего в пустыне. Кто мог расследовать причины казней, когда они были результатом сговора Юань Ши-кай с Ли Юань-хуном?!

16 августа Юань Ши-кай провел тайное совещание министров, на котором было решено (в связи с волнениями в Пекине, порожденными казнью революционеров без суда и следствия) вывесить объявления с объяснением причин казни, усилить наряды полиции, разослать агентов тайной полиции и принять меры к предупреждению волнений в войсках¹⁶.

Ли Юань-хун и Юань Ши-кай были вынуждены выступить с новыми лживыми объяснениями и наскоро изготовленными обвинениями Чжан Чжэнь-у в растрате денег, с ссылками на государственную тайну и пр. Но через все их домыслы и измышления красной нитью проходит страх перед фактом большого влияния Чжан Чжэнь-у в войсках. «Вместо охраны порядка и спокойствия в стране,— говорилось в новой телеграмме Ли Юань-хуна, — Чжан Чжэнь-у и его сообщники начали составлять заговоры против правительства. Они вошли в сношения с подозрительными людьми, которые получили свободный доступ в казармы, и совершенно деморализовали войска... Естественным последствием этой пропаганды явился бунт в войсках, расположенных в провинции Хубэй... Вообще он не брезговал никакими низкими средствами в деле достижения своих личных интересов. Он отказался от нового назначения и основал в Шанхае газету с вредным направлением для правительства»¹⁷.

Сопоставляя противоречивые сведения о содержании политической деятельности Чжан Чжэнь-у и Фан Вэя, нельзя найти достаточно убедительного материала для того, чтобы поверить в версию о существовании заговора.

Наиболее верное объяснение заключается, на наш взгляд, в том, что Юань Ши-кай и Ли Юань-хун решили расправиться со своими политическими противниками, у которых были возможности в известных условиях для выступления против сложившегося реакционного режима. Горючего же материала в Учане и Ханькоу было предостаточно. т. к. волнения там носили систематический характер.

В «Очерке военных бунтов в Китае», составленном по донесениям русских военных агентов, указывается: «В Учане со времени объявления республики и до настоящего времени (июнь 1913 г. — Г. Е.) беспорядки вспыхивали несколько раз, причем в отличие от большинства беспорядков в других пунктах Китая возникали исключительно на политической почве»¹⁸.

¹⁶ «Шунтянь шибао», 18. VIII. 1912. — АВ ЛО ИВАН, ф. 42 (Пекинская миссия). д. 32, л. 346—349.

¹⁷ «The Japan Chronicle», 29. VIII. 1912.

¹⁸ «Синьхайская революция», стр. 279.

Чжан Чжэнь-у и Фан Вэй, видные деятели революционной демократии, стали жертвами наступательной политики блока победивших либералов-реакционеров Ли Юань-хуна и Юань Ши-кай.

Юань Ши-каю удалось справиться с волною возмущения, порожденной казнью. Этому объективно способствовали сами лидеры Объединенного союза. Весть о казни пришла в Шанхай, когда Сунь Ят-сен и Хуан Ши готовились к поездке в Пекин. События в столице вызвали серьезные сомнения и прямые возражения со стороны соратников Сунь Ят-сена и Хуан Сина о целесообразности поездки. Под угрозой могла оказаться жизнь революционных лидеров.

И тем не менее поездка Сунь Ят-сена состоялась, а визит Хуан Сина был лишь отсрочен на три недели. Коль скоро сами лидеры республиканцев, несмотря на расправу, учиненную в Пекине над двумя революционерами, сочли возможным поехать в столицу и вести переговоры с Юань Ши-каем, то это, естественно, приглушило волну протеста. Потребовалось полгода для того, чтобы Сунь Ят-сен уяснил подлинное лицо предателя республики Юань Ши-кай.

* * *

Казнь за пекинской стеной двух хубэйских революционеров — Чжан Чжэнь-у и Фан Вэй — стала определенным рубежом в политике Юань Ши-кай и бэйянской клики милитаристов: китайская контрреволюция переходила от обороны к наступлению. Северные милитаристы брали курс на ликвидацию республиканских институтов. Но это один аспект событий. Другой заключается в том, что Юань Ши-кай вместе с Ли Юань-хуном и другими милитаристами, сосредоточивая усилия на борьбе с революционерами, одновременно решали задачу подавления других милитаристов. Отношения милитаристов между собой уместно уподобить паукам в банке: они были готовы сожрать друг друга.

Ли Юань-хун, с точки зрения Юань Ши-кай, должен быть парализован. Публикуя телеграмму Ли Юань-хуна о Чжан Чжэнь-у и Фан Вэй, Юань Ши-кай поступил весьма остроумно: он дискредитировал Ли в глазах его сограждан и коллег по руководству армией. Другие офицеры с достаточным основанием могли предполагать теперь любую подлость со стороны Ли Юань-хуна. В последующие месяцы Юань Ши-кай систематически укреплял позиции бэйянских войск против хубэйских. Он несколько раз приглашал Ли Юань-хуна в Пекин, но тот под разными предлогами отклонял любезные приглашения Юаня. В декабре 1913 г. генерал Дуань Ци-жуй прибыл в Ханькоу и потребовал приезда Ли Юань-хуна в Пекин. Ему пришлось повиноваться¹⁹. Больше в Хубэй он не вернулся.

Юань Ши-каю, однако, не удалось решить проблему подчинения всего Китая. Когда обозначился спад революционной волны, а затем в 1913 году революция окончательно потерпела поражение, власть на местах на юге, на юго-западе забрали в свои руки новые милитаристы. Падение и смерть Юань Ши-кай еще более усилили распад центрального аппарата государственной власти.

Новые общественные классы — буржуазия, пролетариат в силу своей слабости, нерешительности, а у пролетариата и в силу низкого уровня классового самосознания, отсутствия своей политической пар-

¹⁹ Biographical Dictionary of Republican China, vol. II, p. 345.

тии — не смогли создать новую систему власти, демократическую систему. В этих условиях пышным цветом и расцвел милитаризм.

Милитаристы — бэйянские, жилийские, мукденские и им подобные — сохранили и приумножили методы борьбы, сложившиеся при Юань Ши-кае, в том числе подкуп, насилие, политические убийства, интриги, предательство.

От казни Чжан Чжэнь-у и Фан Вэя тянется прямая нить к убийству Сун Цзяо-жэня, а затем к казни Ли Да-чжао, расправам без суда и следствия с коммунистами.

Закономерно, что власть генералов, никем и ничем не контролируемая, в условиях полного уничтожения демократических институтов — парламента, системы выборов, запрещения политических партий — породила самые беспринципные формы борьбы и действия, где любые вопросы решались только силой оружия.

Господство милитаристских группировок означало дальнейшее расширение и развитие провинциального сепаратизма, который не удалось преодолеть и гоминьдановской власти в 1927—1949 гг.

Хорошо известно, что и в истории Коммунистической партии Китая роль военных группировок националистического толка временами приобретала главенствующее значение, когда армия становилась орудием политической борьбы, и притом важнейшим.

Господство милитаристских кланов, их борьба наложили отпечаток на всю историю Китая в XX веке.

Из истории народов Памира

*Б. И. Искандаров,
доктор исторических наук,
директор Института истории
Академии наук Таджикской ССР*

История горных долин Памира в течение многих десятилетий привлекает внимание исследователей. Здесь, на «крыше мира», ученые — историки, лингвисты, этнографы — искали ключ к разрешению многих проблем древней истории Средней Азии, Северной Индии и Восточного Туркестана. В науке в течение длительного времени имела хождение гипотеза о том, что долины Памира были областью первоначального обитания индо-иранских племен, областью, откуда эти племена позднее начали расселяться в Среднюю Азию и Иран, а также в районы Северной Индии.

Ныне эта гипотеза оспаривается многими исследователями, однако не подлежит сомнению, что Памир был одним из важнейших узлов этногенеза, где еще в глубокой древности происходили сложные процессы взаимообогащения различных культур. Об этом свидетельствуют археологические раскопки, проведенные за последние годы советскими учеными на Восточном и Западном Памире. Так, например, раскопки стоянки Ошхона, расположенной на высоте 4200 м, показали, что около 10 тыс. лет назад сюда пришли мезолитические охотники, которые в течение ряда лет сезонно жили в этих суровых и негостеприимных местах. Остатки этой культуры, названной маркансуйской, археологи нашли во многих районах Памира. Изучение орудий маркансуйской культуры убеждает, что носители ее пришли на высокогорье либо из Ферганы, либо из южного Таджикистана. Ряд технических признаков их орудий указывает на принадлежность маркансуйской культуры к большому кругу постпалеолитических культур, входящих в сибирско-монгольскую провинцию.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что на Восточном Памире имеются следы жизни кочевых скотоводов эпохи бронзы (Куртеке, Кокуйбель и др.), которые пришли сюда в конце второго тысячелетия до н. э. Здесь найдены бронзовые наконечники стрел и керамика, сходная с керамикой андроновской культуры, хорошо известной в долинах Тянь-Шаня и Алая, а также на необозримых просторах Казахстана.

Три тысячи лет назад на территории нынешнего Мургабского района жили люди, материнская культура которых во многом была сходна с синхронной культурой соседних районов, в частности Ферганы. Экспедиции А. Н. Бернштама и Б. А. Литвинского раскопали на этой территории около 350 могил. В могилах ими были найдены хорошо сохранившиеся благодаря сухости воздуха человеческие скелеты (иногда по несколько скелетов в могиле), большое количество различных предметов быта, оружия и украшений. Анализ всего этого материала позво-

лил дать не только хронологическое определение раскопанных могил, но и с абсолютной достоверностью установить происхождение населения, проживавшего на этой территории.

На основании последних археологических данных можно сделать вывод о том, что древнее памирское население относилось к европеоидной долихокранной (длинноголовой) расе средиземноморского происхождения. Кроме того, совокупный анализ письменных источников — древнегреческих, древнеперсидских, древнеиндийских и др. — показывает, что здесь жили сакские племена, принадлежавшие к конфедерации саков-хаунаварга (или амюргиев). Это известно из древнекитайских источников. Анналы Ханьской династии (Цяньханьшу) повествуют о том, что здесь проживало население «сэ», т. е. саков.

Итак, на территории Восточного Памира начиная с VI—V вв. до н. э. проживали сакские племена, которых античные авторы часто именовали скифами.

Различные находки, особенно древнее оружие, достаточно полно характеризуют своеобразную культуру саков. Памирские сакские племена в своем вооружении использовали бронзу (наконечники стрел), но в большей степени железо (кинжалы, секиры и т. д.). Формы оружия памирского населения близки, а порой идентичны оружию скифов, сарматов и других кочевников, говоривших на иранских языках. Такое оружие изображено на каменных барельефах, золотых чашах и т. д. Набор «памирского» вооружения первого тысячелетия до н. э. говорит о том, что культура памирского населения исторически была связана со среднеазиатской и являлась частью ее.

Очень интересным свидетельством распространения сакских племен на Памире являются наскальные рисунки, датированные серединой первого тысячелетия до н. э. Они встречаются во многих местах Бадахшана (Лянгар-Кишт, Даршай, Выбист-Дара, Чартым и т. д.). Основным сюжетом выбитых на скалах изображений является горный козел — нахчир. Среди тысяч изображений этого животного хорошо выделяется группа рисунков, отличающихся большим изяществом исполнения. Они близки по стилю к образцам «скифского звериного стиля», хорошо известного в металле, дереве и аппликациях. Реже встречаются у сакских племен композиционные рисунки. Среди последних преобладают сцены охоты. Охотники у саков вооружены небольшим, характерно изогнутым луком. Уникальной по своей теме является сложная композиция, найденная в труднодоступном районе Северо-Аличурского хребта на реке Ак-Джилга. В центральной ее части изображены четыре боевые колесницы, запряженные лошадьми.

Судя по сохранившимся словам сакского языка, сакское население Памира и других областей Средней Азии говорило на одном из древнеиранских языков. Территориально область распространения сакских племен охватывала не только Среднюю Азию, но и территорию современного Синьцзяна, где были обнаружены рукописи на хотано-сакском языке.

В отличие от древнего периода истории Памира, богатого памятниками, средневековье в науке до последнего времени являлось белым пятном. Первым признаком, указывающим на существование средневековых памятников на Памире, оказались руины древних рудников. Так, например, в средневековых письменных источниках (Бируни — X в.) довольно часто упоминались бадахшанские лалы (благородные шпинели), место их добычи и способы нахождения. Подробный анализ письменных источников по истории бадахшанских лалов был дан М. Е. Массоном. В 1962 и в 1964 гг. были проведены археологические

экспедиции, которые изучили древний рудник Кух-и-Лал (правый берег р. Пяндж), расположенный в районе современного кишлака Кух-и-Лал. Полученные экспедицией материалы и анализ письменных источников дали возможность проследить историю месторождения Кух-и-Лал с IX до конца XIX в. и установить, что месторождение Кух-и-Лал являлось в древности основным районом добычи благородной шпинели.

Средневековые авторы, в частности аль-Истахри (X в.), сообщают, что в Вахане были также богатые серебряные рудники, о которых более подробно стало известно в результате археологических раскопок последних лет в долине Базар-Дарьи (левый приток р. Мургаб), начатых в 1964 г., в долине Западного Пшарта (правый приток р. Мургаб) на Восточном Памире, обследование района древнего рудника Токуз-Булак, а затем в верховьях р. Гунта (район р. Базар-Дарьи — левого притока р. Гунт). Собранные научные данные при исследовании этих районов дают право в настоящее время утверждать о существовавшей на Памире в X—XII вв. целой горнодобывающей области.

По тем материалам, которыми мы располагаем в настоящее время, на Памире в X—XII вв. существовало три взаимосвязанных района, в которых была сконцентрирована добыча серебра:

- 1) Верховья р. Гунт — долина Токуз-Булака,
- 2) Долина р. Базар-Дарьи,
- 3) Долина р. Западный Пшарт и его притоки.

В каждом из вышеперечисленных районов встречаются древние поселения рудокопов, остатки плавильных печей, шлаковые отвалы и древние выработки. В долине р. Базар-Дарьи, кроме этих памятников, открыто еще и поселение городского типа — городище Базар-Дара, где великолепно сохранились следы средневековой материальной культуры. Они дают возможность всесторонне охарактеризовать быт, условия жизни древних рудокопов Памира, их культурные и торговые связи. По имеющимся научным данным, эта часть Памира была теснейшим образом связана с Западным Памиром, представляющим собой сельскохозяйственный район, но где одновременно велись поиски и переработка руд, содержащих серебро. Поиски все новых и новых месторождений серебра уводили средневековых горняков Западного Памира все дальше на восток, в пределы Восточного Памира, где ими были освоены долины Базар-Дарьи и Западного Пшарта. Раскопки кладбищ в этих районах свидетельствуют о том, что население этих районов, подобно современным таджикам, принадлежало к европеоидной расе. Это подтверждает еще один факт: раскопки большого поселения — городка рудокопов, ремесленников и торговцев X—XII вв. в районе хребта Базар-Дара (Мургабский район), где были обнаружены сохранившиеся до наших дней письменные документы на арабском и таджикском языках. Население города было таджикским, а сам городок назывался Самаркандак — Малый Самарканд. Найденные здесь изделия из керамики и косточки инжирного персика, родиной которого является Фергана, свидетельствуют о его широких связях с Ферганской долиной. Все это свидетельствует о том, что Восточный Памир и в средние века, как и в древности, был теснейшим образом связан со Средней Азией.

Исторические факты показывают, что не только жители Памира, но и Восточного Туркестана на протяжении длительного времени находились в экономической, этнографической и культурной связи с остальными районами Средней Азии.

В XI—XII вв. Восточный Туркестан вместе со всей Средней Азией, как известно, входил в состав Караханидского государства. Позднее, в XIII—XIV вв., после монгольского нашествия, он вошел в состав

Джагатайского государства. История свидетельствует, что, когда решалась судьба народов Средней Азии или же Восточного Туркестана, все они единым фронтом выступали против своих поработителей. С вторжением в начале VIII в. арабских завоевателей связи между Восточным Туркестаном и Средней Азией еще более расширились, так как население этого района стало исповедовать ислам. Духовенство в Восточном Туркестане стало пользоваться таким же влиянием, каким оно пользовалось в соседних среднеазиатских районах. Оно укрепило свое положение с появлением института ходжей, считавшихся сейидами — потомками Мухаммеда, приехавшими в Восточный Туркестан из Бухары. Переезд ходжей в Восточный Туркестан относится к середине XV в. Позднее здесь возникли две религиозные секты, которые назывались «Ишкния» и «Исакния», впоследствии они стали именоваться «белогорской» и «черногорской». Секты постоянно враждовали между собой. Эту вражду легко использовали в своих интересах внешние враги Восточного Туркестана, особенно ойраты Джунгарии, а позднее маньчжуро-китайцы.

Маньчжурские войска еще в конце XVII в. пытались захватить Восточный Туркестан, но натолкнулись на сильное сопротивление местного населения, которому помогли в отражении агрессии маньчжурской династии другие народы Средней Азии. Вплоть до первой половины XVIII в. Восточный Туркестан был независимым государством от правившей в Китае маньчжурской династии, войска которой появлялись на его территории чаще всего в целях разбоя и грабежа.

Говоря об этом периоде, необходимо отметить возникновение в XVI в. к северу от Восточного Туркестана политического объединения ойратов, которые у соседних мусульманских народов получили наименование калмыков, хорошо известных в тот период и в России. Вытесненные из Джунгарии оставшиеся там народы, они стали непосредственными соседями Восточного Туркестана, куда совершали неоднократные набеги, наносившие экономике страны большой урон.

В этой обстановке во второй половине XVIII в. маньчжурский император Цянь-лун, осуществляя экспансионистскую имперскую политику, направил под начальством своего генерала Чжао Хоя огромное войско против калмыков. Маньчжуро-китайские войска устроили страшную резню, в ходе которой погибло около одного миллиона калмыков. И только около 10 000 из них спаслись бегством в пределы России¹.

Именно с этого времени фактически и началось наступление китайских войск в направлении Восточного Туркестана, а затем и Восточного Памира.

Генерал Фу Дэ, помощник маньчжурского генерал-инспектора края, первоначально натолкнулся на активное сопротивление со стороны местного населения, но силы были слишком неравны. Захватчики беспощадно расправлялись с местным населением, ведущим борьбу за свою свободу. Феодальная же верхушка из числа кашгарских и яркендских ходжей, не имея сил для сопротивления, вместе со своими приверженцами бежала в направлении восточной части Памира. Преследуя их, Фу Дэ прошел через высокогорья Восточного Памира между озерами Булункулем (Болора) и Иссык-Кулем (Ишыккул) и подошел к самому лагерю ходжей. Ночные залпы цинских войск из ружей и малых полевых орудий навели в стане сторонников ходжей панический страх. Маньчжуро-китайцы ворвались в лагерь. Началась рукопашная схватка.

¹ Ласточкин. «Военно-географический обзор: Восточный Туркестан — Кашгария», Ташкент, 1911, стр. 82.

длившаяся до рассвета. Как подчеркивает исторический источник, ходжам и большей части населения из числа их приверженцев удалось бежать в направлении Бадахшана.

Фу Дэ тогда направил письмо бадахшанскому эмиру Султан-шо, в котором требовал выдать ходжей. Султан-шо первоначально пытался отказать Фу Дэ. Он заверял цинского генерала в том, что ему совершенно было неизвестно о событиях, происходивших в Восточном Туркестане, что он, согласно закону своей религии, сам постарается наказать ходжей, если те окажутся виновными, и вскоре действительно один из ходжей «умер» от раны, другой же был обвинен в оскорблении Султан-шо и казнен. Его голову вместе с детьми и женами отправили Фу Дэ с уверенным в почтении к маньчжурскому императору.

Но на этом цинский двор не успокоился. Он потребовал у Султан-шо труп последнего ходжи. Султан согласился. Труп ходжи был варварски изувечен, а череп его для устрашения был показан в клетке жителям Пекина².

Именно к этому периоду и относится появление версии о якобы принадлежности Памира, особенно его восточных районов, Цинской империи. Единственным доказательством для оправдания этой версии властями Китая приводится надпись, которую сделал генерал Фу Дэ на одном из камней во время преследования населения Восточного Туркестана, последовавшего за ходжами в район Яшиль-Куля. Он написал на камне, что прошел через этот район и что этот район, следовательно, подчиняется Цинской империи, хотя доподлинно известно, что Фу Дэ сразу же вернулся обратно в Восточный Туркестан, а памирское население оставалось независимым. Подобный прием пограничной политики пекинских правителей являлся традиционным. Китайские императоры объявляли своими те земли, через которые хотя бы однажды проходили их военные отряды. С такими фактами соседствующие с Китаем государства встречались на всей истории отношений с ним, и они вряд ли могут быть признаны в качестве аргумента.

* * *

Восточный Памир считался в средние века частью Баханского и Шуганского владений. Население Восточного Памира длительный исторический период придерживалось ферганской ориентации и находилось в теснейшей связи с западными районами Памира.

В XVI в. на Восточном Памире и в Каратегине появляются киргизские племена. В XVII—XVIII вв. киргизы поселяются и в Синьцзяне, где они захватывают на длительное время власть и являются грозой для захватнической армии Цинской империи.

В XIX в. киргизы попадают в зависимость от Кокандского ханства, граница владений которого уходила далеко в глубь западных районов Памира и даже Восточной Бухары. По определению известного исследователя припамирских стран Б. Громбчевского, граница Кокандского ханства с Дарвазом шла по хребту бассейна р. Муксу от верховьев Оби-Хингоу, Ванча и Язгуляма, далее она поворачивала по водоразделу Гупта и Язгуляма и доходила до кишлака Дабаста в районе Шугнана. Затем граница шла на восток до урочища Лангар-Кишт, где пересекала р. Памир и доходила до западного берега озера Сары-Куль (Виктория) и далее до селения Сорхада, упираясь в Гиндукуш и Барогиль.

² К. Риттер. Землеведение. География стран Азии. СПб., 1873, стр. 395.

Эта граница с древнейших времен разделяла владения Кокандского ханства с Шугнаном и Ваханом.

Как утверждают факты, правительству Коканда подчинялось и владение Сары-Куль и город Таш-Курган, являвшийся с незапамятных времен столицей Сарыкульского владения. Население Сары-Куль состояло в основном из таджиков и киргизов. Как при господстве калмыков в Восточном Туркестане, так и после него Сары-Куль являлся самостоятельным владением. С ростом могущества Кокандского ханства в конце XVIII — начале XIX в. он вошел в его сферу влияния. Этому во многом способствовали родственные отношения жителей этого района с остальной частью припамирских княжеств, многие из которых уже находились под непосредственным влиянием Кокандского ханства.

«Сарыкульский округ, — писал исследователь этого района, — вместе с Памиром составляли вассальное владение Кокандских ханов и управлялись особыми чиновниками, направленными со стороны Коканда. Правда, эти наместники нередко объявляли себя независимыми и благодаря неприступной местности некоторое время пользовались своей независимостью, но при первой же возможности восставшие снова ощущали на себе могущество своего северного сюзерена»³.

По тем же сведениям последним правителем в Сары-Куле был сын Бабаш-бека по имени Алаф-шо. Потомок старинного рода Бабаш управлял страной самостоятельно и был независимым правителем Сары-Куля.

Маньчжурские власти не интересовались Сарыкульским владением. Первые маньчжуро-китайские войска появились в Сары-Куле у урочища Чакыр-огыл в долине р. Муж в 1881 г. во главе с генералом Тунга, преследовавшим одного из претендентов на престол правителя Восточного Туркестана — Хаким-хана-тюре. Во второй раз они появились в 1883 г. при подходе к Сары-Кулю русской научной экспедиции во главе с Путятой.

С присоединением основных районов Средней Азии к России администрация Туркестанского края, занятая организацией управления новыми районами, не имела возможности точно определить границы владений бывшего Кокандского ханства. Воспользовавшись этим, цинские патрули, не без подстрекательства английских агентов, постепенно начали проникать в прилегающие к Памиру район Сары-Куль и горную часть Западной Кашгарии, ранее входившие в состав Кокандского ханства.

Присоединение Средней Азии к России и дальнейшее продвижение русских войск к Памиру вызвало бурю негодования среди правящих кругов Англии. Желая не допустить дальнейшего продвижения русских в направлении британских колоний в Индии, англичане начали стремительно двигаться к Гиндукушу, с тем чтобы окончательно захватить многочисленные мелкие феодальные владения и присоединить их к остальной части своей империи. Так, например, полковник Дюранд в своем письме правителю Канджута писал, что Канджут должен быть подчинен англичанам. Сафдер Али-хан, глава Канджута, категорически отказался пустить английские войска на территорию своего княжества. В ответ на отказ англичане начали сосредоточивать в этом районе свои войска. 21 января 1891 г. из Гильгита к Чальту был направлен английский отряд в количестве 1500 человек.

³ Зайченко (капитан). Памир и Сары-Куль. Очерки возникновения последовательного развития современного положения Памирского вопроса. Ташкент, 1903, стр. 23.

На другой день англичане захватили Чалыт и двинулись к Канджуту. Поражение Сафдар Али-хана привело к окончательному захвату этого района английским империализмом.

Используя в качестве предлога наступление англичан на Гиндукуш, сишьзянский губернатор, намереваясь захватить Памир, в свою очередь отдал приказ маньчжурскому военачальнику об отправке в местность Сума отряда. Формально в обязанность этого отряда входило постоянное наблюдение за движением английских войск на Памире, но на самом деле цель этой акции заключалась в том, чтобы установить свой контроль над этим районом.

Чтобы разрешить назревшие противоречия на Памире, царское правительство весной 1892 г. решило отправить военный отряд на Памир и вступить в переговоры с правительством Китая и Англии относительно разграничения края.

В переговорах по памирскому вопросу представители России предлагали более кардинальные решения памирского вопроса, однако цинские власти Китая каждый раз находили «причину», чтобы отложить его решение. Естественно, что такая позиция цинских властей осложняла и без того напряженную обстановку в данном районе, которая была вызвана экспансионистской политикой трех империй — Китая, Англии и России. На переговорах 1894 г. о разграничении края Россия и Китай договорились «не переходить за пределы позиций, которые они занимают на Памире по Сарыкульскому хребту». Эта линия границы существует и до настоящего времени.

Население Памира при вторжении на него маньчжурских отрядов не раз поднимало восстания против чужеземного ига. Маньчжуры незаконно взымали с местного населения подати, реквизировали лошадей и продукты, заставляли в условиях безлесных районов Восточного Памира заготавливать для армии дрова. Многочисленные восстания в данных районах подавлялись маньчжуро-китайскими войсками с особой жестокостью, и неслучайно поэтому началось массовое бегство коренного населения Памира в пределы других районов Средней Азии, участились случаи подачи прошений местным населением на имя представителей русских властей о добровольном присоединении к России. Население оккупированных районов Западного и Восточного Памира видело в помощи со стороны России одну из гарантий успешной борьбы против маньчжуро-китайского ига и английских колонизаторов.

Присоединение значительной части киргизского населения Восточного Памира и таджиков западных его районов к России сыграло прогрессивную роль: историческая судьба угнетенных народов Памира теснейшим образом связывалась с судьбой русского и других народов нашей Родины, стоявших на пороге великих революционных свершений, принесших им полное национальное и социальное освобождение.

Интернациональная помощь рабочему классу Китая (1920—1922 гг.)

А. И. Картунова.
кандидат исторических наук

Возникновение и развитие организованного рабочего движения в Китае в новейшее время было объективно закономерным следствием социального и экономического бесправия китайских рабочих и обострения классовых противоречий между эксплуатируемыми и эксплуататорами¹.

Что же касается внешних предпосылок, то, хотя советские и прогрессивные зарубежные историки справедливо считают, что организованное рабочее движение в Китае началось лишь после Октябрьской революции и под ее могучим влиянием, вопрос об интернациональной помощи со стороны международного коммунистического и революционного рабочего движения через Коминтерн и Профинтерн все еще изучен недостаточно, главным образом из-за скудости источников.

Введение в научный оборот новых данных, почерпнутых из материалов и документов Центрального партийного архива ИМЛ, свидетельствующих о том, как Коминтерн и Профинтерн, исходя из принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, оказывали помощь в становлении рабочего профсоюзного движения в Китае, помогает воссоздать основанную на документах конкретную, правдивую картину такого рода помощи. А это в свою очередь может способствовать, с одной стороны, разоблачению маоистских националистических концепций, всячески умаляющих роль Коминтерна и Профинтерна в развитии китайской революции, а с другой — разоблачению фальсификации буржуазной историографии, подменяющей исторические закономерности китайской революции рассуждениями о «пронсках Москвы», об «экспорте революции».

* * *

Планомерная интернациональная помощь китайскому рабочему классу в организации его классового профсоюзного движения началась с 1920 года.

¹ Внутренние предпосылки возникновения и развития рабочего движения в Китае довольно подробно освещены в работах советских и прогрессивных китайских исследователей. Г. Войтинский. Достижения и перспективы рабочего и национального движения в Китае. — «Коммунистический Интернационал», 1926, № 2; Т. Маидаля. Рабочее движение Китая. М.—Л., 1928; Кара-Мурза Г. С. Китай в 1918—1924 гг. — «Историк-марксист», 1939, № 5—6; Дэн Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952; Н. П. Виноградов. Рабочее движение в Китае накануне образования единого национального антиимпериалистического фронта. — «Вопросы истории», 1952, № 10; Лю Ли-кай, Ван Чжэнь. Рабочее движение в Китае в 1919—1927 гг. (на кит. яз.). Пекин, 1956; «Материалы по истории профсоюзного движения Китая» (на кит. яз.). Пекин, 1958, № 1—2, и другие материалы.

В результате гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией в 1920—1922 гг. в Сибири и на русском Дальнем Востоке национально-революционные и радикально-демократические организации Японии, Кореи, Китая и Монголии оказались оторванными от Коминтерна и Профинтерна.

Однако некоторая работа по ознакомлению с положением в этих странах и установлению связей Коминтерна и Профинтерна с представителями национально-революционных организаций и радикальных кругов этих стран осуществлялась во Владивостоке, Чите, Иркутске и других городах Сибири и русского Дальнего Востока.

Наличие на территории этого обширного района весьма многочисленного китайского и корейского населения требовало к себе внимания Сибирского областного бюро ЦК РКП(б) и Дальбюро ЦК РКП(б)².

Кроме того, из Китая различными путями прибывали в города Сибири и Дальнего Востока представители революционных кругов в поисках связи с русскими коммунистами. Они обращались за советом и помощью в постановке пропагандистской и организационной работы в их стране. Верные интернациональному долгу, российские коммунисты не могли не откликнуться на просьбы представителей китайских революционеров. Такая помощь оказывалась через Секцию восточных народов (Секвостнар) Сиббюро ЦК РКП(б), созданную в Иркутске в середине июля 1920 г. и приступившую к работе в августе того же года.

Уполномоченным Сиббюро ЦК РКП(б) по восточной работе был Н. К. Гончаров. Секция восточных народов подчинялась непосредственно Сиббюро ЦК РКП(б). Однако в январе 1921 г. по предложению Сибирского ревкома Коминтерн решил сосредоточить дальневосточную работу в особом секретариате, а также созвать съезд народов Дальнего Востока. До официального создания специального секретариата Коминтерна, о чем речь будет ниже, всю восточную работу вела Секция восточных народов. С самого начала в адрес Коминтерна регулярно направлялись подробные отчеты о деятельности секции.

Китайский отдел секции проводил большую работу среди китайцев, проживавших в Сибири и на русском Дальнем Востоке, и устанавливал связи с представителями радикальных революционных и демократических кругов Китая.

В апреле 1920 г. владивостокское отделение Дальбюро РКП(б) направило в Китай группу советских коммунистов во главе с Г. Н. Войтинским (Зархин). Из мемуарной литературы известно, что в группу Г. Н. Войтинского входили еще два человека — И. К. Мамаев и Ян Мин-чжай. Эта версия прочно вошла в советскую историографию. Однако, как сообщали в своем докладе от 21 декабря 1920 г. в Коминтерн М. Бронштейн [работал в президиуме Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б)] и заведующий китайским отделом секции М. Абрамсон, И. К. Мамаев в эту группу не входил. Последний вместе с М. Абрамсоном вскоре после отъезда группы Г. Н. Войтинского в Китай выехал в Харбин для налаживания антияпонской пропаганды в связи с оккупацией японскими интервентами Приморской области. О И. К. Мамаеве достоверно известно, что в сентябре 1920 г. он все еще находился в Харбине и подчинялся Секции восточных народов.

² Дальбюро РКП(б) создано в марте 1920 г., летом того же года преобразовано в Дальбюро ЦК РКП(б). Подробно см.: П. С. Кольцов, А. С. Степанов, Роль ленинской внешней политики в борьбе за победу Советской власти на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1972, № 4.

Одновременно с группой Г. Н. Войтинского из Харбина в Тяньцзинь выехал коммунист Стаянович (Минер) — рабочий, владевший французским языком. Так было положено начало контактам международного коммунистического движения с рабочим движением в Китае.

До этого работа в Китае велась отдельными русскими эмигрантами — профессором Тяньцзиньского университета С. А. Полевым (коммунист), профессором Пекинского университета и фактическим редактором издававшейся в Пекине французской социалистической газеты «Journal de Peking» А. А. Ивановым, старыми социал-демократами Е. А. Ходоровым (являлся редактором владивостокской газеты «Далекая окраина», позже — заведующим «РОСТА», «ДАЛЬТА» в Китае), А. Ф. Огоревым и другими.

В мае 1920 г. во Владивосток из Шанхая прибыл представитель Всекитайского союза учащихся низших, средних и высших учебных заведений Яо Цзо-бин. Представители местного отделения Дальбюро ЦК РКП(б) обсуждали с ним вопросы о возможной помощи китайскому революционному движению, о создании революционной прессы, об оказании содействия китайским студентам, стремящимся приехать в Советскую Россию.

Группа Г. Н. Войтинского была подчинена Секции восточных народов и выполняла ее директивы, как и другие представители, командированные из Сибири и русского Дальнего Востока в страны Дальнего Востока (в частности, в Монголию).

Главные усилия этой группы были направлены на то, чтобы действовать консолидации радикальной китайской интеллигенции в марксистские кружки и группы. В ее задачи входило также оказание организационной и идеологической помощи китайскому пролетариату (через местных коммунистов) в создании классовых рабочих профсоюзов, в пропаганде идеи о необходимости установления связи китайских марксистов с рабочим движением, ознакомление с целями и задачами возглавляемого Сунь Ят-сеном гоминьдана.

Осенью 1920 — зимой 1921 г. у Г. Н. Войтинского с Секцией восточных народов установилась регулярная связь.

Согласно докладу Г. Н. Войтинского от 17 августа 1920 г., к тому времени в Шанхае было организовано Ревбюро из пяти человек: Ли Дачжао и других, в том числе Г. Н. Войтинского. Шанхайское революционное бюро, считавшееся Центральным, имело три секции: издательскую, информационно-агитационную и организационную. Подобные же бюро к осени 1920 г. были созданы в Пекине, Тяньцзине, Гуанчжоу. В пекинском бюро работу вели С. А. Полевой и Стаянович.

Издательская секция в Шанхае располагала собственной типографией, а в Пекине благодаря содействию некоторых профессоров использовала типографию Пекинского университета.

В это время в Китае было напечатано более 16 переводных и оригинальных брошюр и листовок, в том числе «Манифест Коммунистической партии», «Кто такие коммунисты?», «Что дала Октябрьская революция?», «О движении коммунистической молодежи в России», «Просвещение в Советской России», «Конституция РСФСР», «Понятие о профсоюзах» и другие.

С 15 августа того же года в Шанхае стал выходить рабочий еженедельник «Лаодун цзе» («Рабочий мир»). Всего вышло 19 номеров. Его редакторами являлись Ли Хаи-цзюнь и Ли Чен-ин. Еженедельник сыграл значительную роль в пробуждении классового сознания шанхайского пролетариата.

Шанхайская информационная секция организовала русско-китайское информационное бюро в Шанхае с отделением в Пекине. Возглавлял информационное бюро Ян Мин-чжай. Она снабжала материалами 31 китайскую газету. Это были статьи из коммунистических журналов и газет компартий различных стран Запада и из журнала «Коммунистический Интернационал».

Организационная секция вела работу среди студентов, стараясь направить их деятельность на связь с рабочими и солдатами. Была проведена значительная работа по объединению революционного студенчества в единый союз социалистической молодежи. В результате 17 августа 1920 г. в Пекине состоялась конференция студентов Пекина, Тяньцзиня, Ханькоу и Нанкина, завершившаяся созданием Союза социалистической молодежи Китая. Представители Союза вошли в Шанхайское революционное бюро. Благодаря этому бюро получило возможность непосредственно влиять на движение студенчества и нацеливать его на революционную работу среди рабочих.

В задачи организационной секции Шанхайского бюро входило также создание профсоюзов и центральных бюро профсоюзов в промышленных центрах страны.

Как стало ясно из более поздней информации (июль 1921 г.), под этими центральными бюро профсоюзов подразумевались рабочие бюро, которые создавали школы профессиональной грамоты. В них планировалось готовить кадры профработников из «китайской рабочей массы».

Фундамент этой работы был заложен китайскими революционерами с помощью группы Г. Н. Войтинского. В декабре 1920 г. в Чите было сформировано Дальневосточное бюро Международного совета профессиональных и производственных союзов (Межсовпроф)³. В его задачи входило создание «Центрального бюро и местных органов профсоюзов, находящихся за рубежом Дальневосточной Республики». Это бюро должно было «подобрать кадры популярных на местах и достаточно хорошо инструкторованных в профессиональном движении работников, которым можно было бы доверить организацию комитетов пропаганды на местах».

В свою очередь эти комитеты должны были установить связи «со всеми профессиональными объединениями или теми их восточными типами, которые могут быть взяты в орбиту революционного профдвижения».

Дальневосточное бюро Межсовпрофа с момента создания решило развернуть работу прежде всего в Благовещенске, Хабаровске, а в Китае — в Шанхае и Нанкине. Как показали последующие события, Межсовпроф сосредоточил главные усилия на оказании помощи в организации рабочих профсоюзов, в подготовке местных кадров профработников как в самом Китае через создаваемые рабочие школы, так и путем командировок (на первых порах преимущественно студентов) в Москву, в Профинтерн. Много внимания уделялось постановке рабочей печати в Китае.

³ Межсовпроф создан в июле 1920 г. после подписания представителями профсоюзов Советской России, Италии, Испании, Франции, Болгарии, Югославии и Грузии Декларации об образовании временного Международного совета профессиональных союзов (Межсовпроф). Не будучи избранным на международном конгрессе руководящим органом, Межсовпроф являлся как бы инициативным ядром для создания Профинтерна, последний и был создан на его I конгрессе в июле 1921 г. (См.: «Отчет Международного совета красных профессиональных и производственных союзов за период от 15. VII. 1920 г. по 1. VII 1921 г.», М., 1921, стр. 20—22).

Вскоре по образцу «Лаодун цзе» в том же 1920 г. стал выходить в Пекине еженедельник «Лаодун нинь» («Эхо труда»). Выход первого номера был приурочен к годовщине Октябрьской революции. Издавала этот еженедельник пекинская марксистская группа. Гуандунский кружок начал выпускать еженедельное издание «Лаодун шэн» («Голос труда»). Эти первые три печатных органа, издававшиеся для рабочих, хотя и выходили непродолжительное время⁴, сыграли известную роль в пробуждении классового самосознания китайских рабочих, в мобилизации их на организацию рабочих профсоюзов.

Представители Дальневосточного бюро Межсовпрофа вели работу не только в Шанхае, но и в Харбине, Ханькоу, Чифу.

Во второй половине 1920 и в первой половине 1921 г. ими была оказана значительная помощь китайским коммунистам в организации первых рабочих профсоюзов современного типа и создании школ для рабочих и рабочих клубов как центров для подготовки кадров профсоюзного движения⁵.

Постановлениями ИККИ от 15 января и ЦК РКП(б) от 5 января 1921 г. Секция восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) как учреждение ликвидировалась. В Иркутске было учреждено Представительство Коминтерна на Дальнем Востоке в форме секретариата (Дальневосточный секретариат Коминтерна — ДВСК). Уполномоченным Коминтерна на Дальнем Востоке был назначен Б. Шумяцкий. Теперь работа Коминтерна в странах Дальнего Востока осуществлялась через ДВСК.

Подготовительная работа, проведенная совместно с китайскими коммунистами — представителями Секции восточных народов, а затем Дальневосточного секретариата Коминтерна и Международного совета профессиональных и производственных союзов, явилась важным этапом в интернациональной помощи китайскому рабочему классу по созданию Всекитайского рабочего секретариата⁶, будущего легального органа КПК, в разработке программы его действий.

Представитель Дальневосточного бюро Межсовпрофа в Китае считал, что имеются возможности для легальной работы бюро и издания им своего органа под каким-либо «скромным заголовком». Предполагалось, что печатный орган будет издаваться еженедельно в количестве 2—3 тыс. экземпляров, поскольку рабочие массы неграмотны и главная ставка делалась на устную пропаганду.

Другой вид деятельности, который планировался для будущего всекитайского органа профсоюзов, — подготовка кадров профработников и пропагандистов из китайской рабочей массы. Для этого намечалось открыть школы профессиональной грамоты в 10 основных промышленных центрах Китая⁷. В первую очередь намечалось открыть четыре школы — в Шанхае, Гуанчжоу, в железнодорожном и в горно-рабочем центрах. В школах, кроме изучения китайского языка, планировалось преподавание основ политической экономии, истории и практики рабочего движения, профдвижение и другие. Была проведена

⁴ «Лаодун цзе» был закрыт весной 1921 г. по распоряжению французского консула в Шанхае; пекинский еженедельник закрыло пекинское правительство также весной 1921 г., а гуанчжоуский перестал выходить примерно в то же время из-за отсутствия средств. См. «Борьба за русский Дальний Восток (сборник материалов для полнотработников)», под редакцией Б. Шумяцкого. М., 1922, стр. 159.

⁵ См.: Дэн Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952, стр. 25—28.

⁶ Всекитайский рабочий секретариат известен в советской историографии так же, как Всекитайский секретариат профсоюзов.

⁷ Пекин, Гуанчжоу, Шанхай, Ханькоу, Учун, Чифу, Чансньюнь, Тяньшань, Нанкин, Фушунь.

необходимая подготовительная работа — подобраны преподаватели китайского языка и специальных предметов, разработана общая программа школ.

Перед школами ставилась задача не только выполнять функции воспитательных учреждений, но и одновременно быть ячейками по созданию профсоюзов на месте. По планам организаторов будущего Всекитайского рабочего секретариата эти школы должны были стать чем-то вроде местных органов секретариата, работающих под его руководством и по его директивам.

Одновременно на территории ДВР шла подготовка кадров организаторов профсоюзной работы из числа китайцев и корейцев. Кроме того, представитель Межсовпрофа в Китае подбирал с помощью китайских коммунистов наиболее активных рабочих и радикально настроенных студентов для поездки в Читу и Москву с целью подготовки из них профсоюзных работников.

Официальное решение о создании Всекитайского рабочего секретариата должен был принять I съезд КПК. В подготовке съезда помощь китайским коммунистам оказывал Г. Н. Войтинский, а затем, уже в его отсутствие, прибывшие в июне 1921 г. в Шанхай уполномоченный Коминтерна Г. Маринг⁸ и представитель Дальневосточного секретариата Коминтерна для осуществления связей с революционными организациями Китая, Японии и Кореи Никольский (Василий).

23 июля 1921 г. в Шанхае открылся I съезд Компартии Китая. На открытии съезда присутствовали 13 делегатов от семи марксистских кружков и групп, насчитывавших всего 53 человека. Причем в упомянутых кружках и группах не было ни одного рабочего.

В работе съезда приняли участие Г. Маринг и Никольский⁹. Они сделали на съезде сообщения. В отчете о I съезде КПК, озаглавленном «Конгресс Коммунистической партии Китая», говорится, что в своей речи на съезде представитель Коминтерна «советовал нам обратить особое внимание на создание рабочей организации». Цю Лаожень в упомянутой его статье сообщает, что вслед за Марингом «с сообщением о работе и задачах Профинтерна выступил Никольский»¹⁰. Видимо, это обстоятельство и дало основание считать Никольского представителем Профинтерна. Мы же со своей стороны полагаем, что прибывший в Иркутск 23 марта 1921 г. представитель Дальневосточного бюро Межсовпрофа, о котором говорилось выше, достиг договоренности о сотрудничестве этой организации с ДВСК. И видимо, выезжая в Китай в апреле того же года, Никольский получил задание выполнить поручение Профинтерна на I съезде КПК.

Китайским коммунистам была оказана практическая помощь в организации профсоюзного и рабочего движения в Китае под руководством Коммунистической партии и опоры партии на рабочий класс¹¹.

«Основная задача нашей партии, — говорится в «Первом решении о целях Коммунистической партии Китая, 1921 г.», — образование производственных союзов. В каждой местности, где имеется больше чем одна отрасль промышленности, должен быть организован производственный союз; там же, где нет крупной промышленности, а имеется одна

⁸ Г. Маринг ехал в Китай через Европу, а затем через Суэцкий канал, Сингапур и Гонконг. В Шанхай прибыл 3 июня 1921 г.

⁹ См.: Цю Лаожень. «До и после создания Коммунистической партии Китая» — «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 2 стр. 122.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Чен Пан-цю. Воспоминания о I съезде Компартии Китая. — «Коммунистический Интернационал», 1936, № 14, стр. 97.

или две фабрики, могут быть образованы фабричные союзы, соответствующие условиям данной местности»¹². Профессиональные союзы могли быть организованы при наличии не менее 200 человек. При этом в союз следовало откомандировать не менее двух членов компартии.

Перед партией ставилась задача «насаждать в союзах дух классовой борьбы», избегать превращения партии «в игрушку в руках других партий». Что касается ремесленных союзов, то съезд принял решение срочно направить несколько коммунистов для скорейшей реорганизации этих союзов.

В «Первом решении о целях Коммунистической партии Китая, 1921 г.» рабочие школы рассматривались в качестве одного из этапов «на пути организации производственных союзов». I съезд КПК принял решение о необходимости основания таких школ во всех отраслях промышленности, в частности «должны быть образованы «транспортные рабочие подготовительные школы», «текстильные рабочие подготовительные школы» и т. д.

Управление рабочих школ и школьные советы должны были состоять исключительно из рабочих. «Учителя, приглашенные партией, могут присутствовать на заседаниях школьного совета». Съезд считал, что «основная линия» школ должна состоять в повышении сознательности рабочих и внушении необходимости образования профессиональных союзов.

Что касается перспектив развития этих школ, то в решении отмечалось, что они постепенно должны «преобразовываться в центры рабочих органов; в противном случае они будут закрываться или реорганизовываться партией в зависимости от обстоятельств».

Для более целесообразной постановки исследовательской работы в учреждениях по изучению профессиональных организаций съезд рекомендовал распределить ее между несколькими группами, каждая из которых занималась бы своим вопросом. Результаты этих исследований намечалось периодически публиковать. Особое внимание, подчеркивалось в решении съезда, должно уделяться вопросу национального китайского рабочего движения.

Съезд также принял решение о том, что в случае необходимости КПК направит своего уполномоченного представителя в Дальневосточный секретариат в Иркутске. (С марта 1921 г. временным китайским секретарем в ДВСК являлся Чжан Тай-лэй.)

В другом документе съезда КПК, названном «Первой программой Компартии Китая, 1921 г.», были сформулированы стратегические цели и задачи партии. Целью партии I съезд намечал установление диктатуры пролетариата и построение бесклассового общества. Ставка при этом делалась исключительно на пролетариат. С его помощью намечалось «свергнуть власть капиталистических классов, реконструировать общество до тех пор, пока не будут ликвидированы его классовые различия». В программе отсутствовало указание о союзниках рабочего класса. Более того, рабочий класс ставился в изолированное положение от других политических и социальных сил страны. В этом документе содержалось заявление о том, что КПК «порывает всякую связь с желтым классом интеллигентов и другими аналогичными партиями».

Решения II Конгресса Коминтерна по национально-колониальному вопросу, в частности о сотрудничестве компартий стран Востока с на-

¹² Текст решения см.: Chen Kung-po. The Communist movement in China, No. 7, 1960, Appendix 2, p. 108.

ционально-революционными партиями в целях завоевания национальной независимости, не нашли отражения в решениях I съезда КПК.

Из-за своей малочисленности КПК решила все свои силы посвятить организации классовых рабочих профсоюзов или, как говорится в документах съезда, «организации фабричных рабочих». Особое внимание обращалось также на их «просвещение в духе коммунизма». Последнее обстоятельство мотивировалось необходимостью пополнения рядов КПК выходцами из среды рабочего класса, так как партия состояла почти исключительно из интеллигентов.

Ориентация КПК на безотлагательное установление связей с рабочим классом и развитие профсоюзного и рабочего движения имела положительное значение. Вместе с тем в решениях I съезда КПК по рабочему вопросу выявились сектантские тенденции, такие, как непонимание вопроса о союзниках рабочего класса в антиимпериалистической, буржуазно-демократической и социалистической революциях. Это явилось отражением недостаточно высокого теоретического уровня первых китайских коммунистов.

Один из членов временного Центрального бюро КПК, избранного на I съезде, Чжан Го-тао, по решению съезда был поставлен во главе Всекитайского рабочего секретариата¹³. Кроме Чжан Го-тао, в него вошло еще 6 человек, в том числе Дэн Чжун-ся, Ли Ци-хань, Ли Лисань и другие¹⁴.

Согласно решению I съезда КПК, Всекитайский рабочий секретариат профсоюзов осуществлял деятельность под контролем временного Центрального бюро КПК, но в своей работе был вполне самостоятелен.

Всекитайский секретариат профсоюзов получил окончательное организационное оформление 11 августа 1921 г. и 16 августа выпустил манифест, обращенный к китайским рабочим. В нем сообщалось об образовании, целях и задачах этого нового органа¹⁵.

После создания Всекитайского рабочего секретариата Дальневосточное бюро Профинтерна прекратило самостоятельную работу в Китае и решило «передать все начатые дела и связи Секретариату». Свое внимание бюро сосредоточило на оказании помощи в организации профсоюзного движения в других странах Дальнего Востока.

Кроме Всекитайского рабочего секретариата, одновременно было организовано отделение ВРС в Пекине, которое должно было вести профсоюзную работу в Северном Китае. В задачи этого отделения входило создание двух школ для подготовки из рабочих профработников, высшей школы по подготовке лекторов для рабочих школ профработников и организации Бюро по переводу профессиональной литературы на китайский язык.

Создание Всекитайского рабочего секретариата стало событием огромного значения в истории развития профсоюзного и рабочего движения Китая. Секретариату принадлежит заслуга в организации клас-

¹³ Чжан Го-тао — член КПК с 1921 г. На I съезде КПК избран членом временного Центрального бюро КПК, на II и IV съездах — членом ЦК КПК, на V и VI съездах — членом ЦК КПК. В 1938 г. исключен из партии.

¹⁴ Ли Ци-хань — один из организаторов и руководителей профсоюзного движения в Китае. По решению I Всекитайского съезда профсоюзов (май 1922 г.) организовал в Шанхае отделение Всекитайского рабочего секретариата и являлся его руководителем. В 1927 г. убит гоминьдановцами.

¹⁵ Текст манифеста впервые был опубликован в № 1 еженедельника «Лаодун чжоукань», органе Всекитайского рабочего секретариата, а также в нелегальном партийном органе «Гунчаньдан», № 6, датированном 7 июля, но в действительности вышедшем в свет в конце августа — начале сентября 1921 г.

Видимость перемен и реальные факты

М. Г. Теплицкий

Сейчас, когда возможно подвести итоги минувшему году, уже не вызывает сомнений тот факт, что в течение 1972 г. официальный Китай всеми мерами стремился продемонстрировать миру якобы происходящие в стране существенные перемены в области культуры.

Однако реальные факты китайской действительности прошлого года убеждают в том, что о каких-то существенных переменах в культуре говорить нет оснований, хотя действующая по директивам пекинского руководства пропаганда не жалела сил и средств, чтобы создать их видимость.

Каковы же эти факты? Что заставляло руководство КНР вносить в 1972 г. коррективы в определенную политику в отношении культуры, не меняя, однако, сути этой прежней политики?

Отвечая на эти вопросы, сделаем хотя бы краткий экскурс в совсем недавнее прошлое. И прежде всего вспомним, какова была атмосфера в культурной жизни страны накануне 1972 года.

То было время, когда пекинское руководство, осуществляя свой великодержавный, шовинистический

курс, намеченный IX съездом КПК, по-прежнему раздувая антисоветизм и проявляя явную враждебность к мировому коммунистическому и рабочему движению, всгало на путь поисков «союзников» и «друзей» в империалистическом лагере. В Китай приезжало все больше и больше иностранных «гостей» — дипломатов, журналистов, промышленников и просто «делегаций». Эти «гости», разумеется, были хорошо осведомлены о том, какому беспощадному разгрому была подвергнута культура в годы пресловутой «культурной революции». Мировое общественное мнение давно уже было шокировано бесчинствами хунвэйбинов в 1966—1967 гг., расправами над многими известными представителями китайской литературы, искусства, науки. Обстановка вынуждала пекинских руководителей принять меры к тому, чтобы сгладить эти мрачные впечатления мировой общественности от «культурной революции», показать миру и наяву продемонстрировать иностранным «гостям», что теперь, на рубеже 1971—1972 гг., якобы открываются перспективы полнокровной культурной жизни.

В то же время следует иметь в виду и тот факт, что, несмотря на непрерывные кампании против интеллигенции, пекинское руководство к 1972 г. вовсе не устранило оппозиционного отношения к мао цзэдуновскому режиму, вовсе не ликвидировало в стране «инакомыслия», не развеяло у значительной части населения Китая (особенно молодежи) пессимизма, усталости, разочарованности и безразличия ко всему, что происходило в стране. Сама жизнь заставляла пекинских лидеров в конце 1971 г. пересмотреть жесткие установки «культурной революции» и предпринять хот

бы небольшие шаги к разрядке тяжелой, гнетущей напряженности, царившей в Китае. Как показывают факты, напряженность так и не была преодолена. Однако на рубеже 1971—1972 гг. в силу всех этих причин пекинская пресса сделала ряд заявлений, обративших на себя внимание общественности как в Китае, так и за рубежом.

Так, «Жэньминь жибао» (совершенно не в духе «культурной революции») сенсационно сообщила о том, что «необходимо читать произведения классиков марксизма, научно-техническую и историческую литературу», «развивать социалистическое литературно-художественное творчество», «поставить старое на службу современности, зарубежное — на службу Китаю». «Пусть расцветают сто цветов!» — призывала «Жэньминь жибао» так, словно это был не конец декабря 1971 г., а весна 1956 г., но тут же оговаривалась: «Отбрасывать старое, создавать новое!»¹.

Все эти лозунги, сформулированные в духе «Выступлений» Мао Цзэ-дуна в Яньани в 1942 г., давно уже, казалось, скомпрометировали себя как явно демагогические: ведь и до «культурной революции» (и даже в отдельные периоды «культурной революции») они не снимались с повестки дня, хотя в различные отрезки времени в зависимости от политической обстановки и зигзагов «борьбы двух линий» в руководстве КПК трактовались то так, то этак, порою сегодня подтверждая то, что вчера еще ими же отвергалось.

Как же маонистская пропаганда истолковала эти лозунги в конце 1971 года и в 1972 году?

«Со времени IX съезда КПК, — писала «Жэньминь жибао», — под воздействием пролетарского курса председателя Мао в области литературы и искусства, под руководством парторганизаций и ревкомов всех степеней, на основе широчайшего распространения образцовых

революционных спектаклей бурно развивается и процветает массовое по своему характеру движение революционно-художественного творчества». Отличительной особенностью этого движения «Жэньминь жибао» сочла «сочетание работы авторов — выходцев из рядов рабочих, крестьян и солдат и писателей-профессионалов»².

Из этих слов было нетрудно сделать вывод, что прежние лозунги и на сей раз означали совсем не то, что содержат непосредственно в своих формулировках. На самом деле «поставить старое на службу современности», по «Жэньминь жибао», означало использовать кое-какие традиционные формы искусства, как это было сделано по требованию Цзян Цин при создании в годы «культурной революции» так называемых «революционных спектаклей», — и не более; «поставить зарубежное на службу Китаю» означало примерно то же самое и опять-таки ставилось в зависимость от «революционных спектаклей».

Но что мог в условиях 1972 г. означать лозунг «пусть расцветают сто цветов»?

«Культурная революция», как известно, свела на нет завоевания социалистической культуры Китая, достигнутые после 1949 г., растоптала революционные традиции китайской литературы, искусства, складывавшиеся в течение многих лет после движения «4 мая» 1919 года. Она подвергла разгрому творческие союзы и организации работников культуры, наложила запрет на литературу и искусство — национальные и зарубежные, классические и современные. С той поры в Китае перестали выходить многие литературные и критические журналы, долгие годы не издавались книги — романы, рассказы, сборники стихотворений. Их были призваны заменить цитатники с изречениями Мао Цзэ-дуна, печатавшиеся миллионными тиражами.

¹ «Жэньминь жибао», 16. XII. 1971.

² Там же.

В литературно-художественной и культурной жизни Китая, таким образом, давно уже воцарилась застой, и лозунг «пусть расцветают сто цветов», вновь провозглашенный газетой «Жэньминь жибао» в конце 1971 г. и повторяемый в 1972 г., могли лишь напомнить о загубленных «цветах», которые, не будь «культурной революции», действительно могли бы буйно цвести на китайской земле.

Однако пекинская пропаганда старалась подкрепить правомерность такого лозунга хотя бы формальными средствами. И вот в книжных магазинах Пекина, на удивление и китайской публике, и «гостям» столицы, иностранцам, на прилавках появились книги, на которых не стояло имени Мао Цзэ-дуна. Это, конечно, было удивительным событием после пятилетнего книжного голода, когда торговля ограничивалась исключительно продажей по низким ценам томов и цитатников «великого кормчего». На одной из таких книг стояло имя Го Мо-жо, а ее заголовком — «Ли Бо и Ду Фу», — казалось, говорил о том, что отвергнутые «культурной революцией» классики китайской литературы как будто бы снова «реабилитированы», что их современный исследователь, президент Академии наук Китая Го Мо-жо, отрекшийся в 1966 г. от всех своих научных и литературных трудов, снова приступил к прежней работе. Однако этот труд ни в коей мере не подтвердил лозунга «пусть расцветают сто цветов»: он лишь еще раз проиллюстрировал нигилистическое, проникнутое духом вульгарного социологизма отношение маоистов к национальному литературному наследию, явившись, по сути дела, продолжением хунвэйбиновщины в литературе, облеченной на сей раз в респектабельную, «научную» форму.

Появились в книжных магазинах и некоторые классические романы: «Троецарствие», «Речные заводи», «Сон в красном тереме». Однако, как сообщали в то время иностран-

ные наблюдатели, и книга Го Мо-жо, и классические романы почему-то не находили спроса у китайского покупателя, а раскупались лишь иностранцами. Цена этих книг была неизмеримо выше цен трудов Мао Цзэ-дуна и едва ли была по карману рядовому китайскому читателю.

О каком же «расцвете ста цветов» могла идти речь? Разумеется, лишь о таком, когда наряженное в простую форму, чисто внешне претендующее на художественность, то или иное «произведение» литературы или искусства всецело отражало бы дух и букву «идей Мао Цзэ-дуна» и служило единственной цели — пропаганде этих «идей». Великий китайский писатель Лу Синь в свое время писал, что всякая художественная литература является пропагандой, однако не всякая пропаганда может называться художественной литературой именно потому, что главным критерием последней является художественность. То, что выдавалось Китае в 1972 г. за «художественную литературу и искусство», представляло из себя не более чем одну форму пропаганды, весьма далекую от художественности. Взять, к примеру, «образцовые спектакли», в том числе и поставленный в 1972 г. спектакль «Песнь реки Дракона»: что они из себя представляют как произведения искусства?

Ведь «образцовыми» эти спектакли наречены только за то, что в них нашла свое полное воплощение «стетическая доктрина» Мао Цзэ-дуна, которая характеризуется полным отсутствием правдивости в изображении жизни, сверхидеализацией героев, надуманностью, заданностью и схематизмом конфликтов, конечно же, подавляющим все и вся культуром его личности, его «идей».

О каком «расцвете ста цветов» могла идти речь, например, в литературоведении, в изучении литературного наследия, если и в этой области над исследователем, как дамочкой меч, висели «указания» из «Вступлений» Мао Цзэ-дуна в Яньэ

в 1942 г., малейший отход от которых расценивается ныне в Китае как преступление?

Вот как трактовал вопрос об отношении к культурному наследию журнал «Чайнииз Литрече»: «Феодализм в Китае продолжался несколько тысячелетий, и в феодальном искусстве были антифеодальные произведения. Однако это не означает, что в нашу социалистическую эпоху мы можем без разбора использовать все это искусство. Итак, с одной стороны, мы должны отличать все занимающее феодальное, буржуазное искусство от прекрасного народного искусства — произведений, содержащих в себе определенные демократические и революционные элементы. С другой стороны, мы должны отчетливо представлять себе, что произведения, сыгравшие прогрессивную роль в истории, выражают вместе с тем определенные идеи буржуазной демократии, индивидуализма или буржуазного гуманизма, которые в корне противоречат пролетарской идеологии эпохи социализма. Анализируя классовую сущность подобных произведений, мы должны также провести четкую разграничительную линию между ними и нашим пролетарским искусством»³.

Как бы ни прикрывался журнал всевозможными софистическими построениями, всеми этими «с одной стороны», «с другой стороны», наличием отказа от наследия и в теории, и на практике.

В этой же статье журнала встречаются упоминания о каких-то созданных за последние тридцать лет «хороших или сравнительно хороших произведениях искусства», в которых «выведены героические образы рабочих, крестьян и солдат, успешно переданы думы и чаяния масс и показаны революционные сражения нашей великой эпохи». Однако в качестве единственного примера, призванного подтвердить это широковещательное утверждение, опять-таки называются

«образцовые революционные спектакли», якобы «отвечающие требованиям нашей эпохи».

Далее же журнал провозглашает: «В искусстве следует отбрасывать старое, чтобы творить новое, а не создавать новые произведения старого типа», «у нас должны быть наши собственные китайские формы, популярные в народе. Иными словами, мы должны отвергнуть старые феодальные и буржуазные вещи и создавать новое, социалистическое и коммунистическое искусство».

Отрицание всего ранее созданного в искусстве идет рука об руку с нигилистическим отрицанием таланта у творческих работников. Так, в частности, утверждается, что достаточно, мол, лишь овладеть «идеями Мао Цзэ-дуна» — и можно преуспеть в создании новых произведений социалистической литературы и искусства, «отличающихся новой художественной формой и новым художественным содержанием».

Отрицание маоистами культурного наследия проявлялось в их отношении к творчеству основоположника современной китайской литературы Лу Синя.

Общезвестно, какую огромную роль сыграл Лу Синь в становлении и развитии китайской художественной литературы XX века, богатой реалистическими традициями, проникнутой гуманизмом, духом революционности и интернационализма. Еще при жизни писателя его произведения распространялись далеко за пределами Китая, став достоянием мировой литературы. Ныне же их можно встретить в любой стране, а в Китае «Жэньминь жибао» предупреждает, что нужно лишь «с выбором читать кое-что из публицистики Лу Синя»⁴.

В течение 1972 г. этот призыв неоднократно повторялся; о Лу Сине было написано большое количество статей, его имя буквально мелькало на страницах китайской печати.

³ «Chinese Literature», 1972, No. 8.

⁴ «Жэньминь жибао», 16. XII. 1971.

Но, увы, большинство произведений великого писателя так и не высвободились из воздвигнутой «культурной революцией» литературной тюрьмы.

Хотя это и так, пекинская пропаганда изображала Лу Синя «верным учеником и последователем Мао Цзэ-дуна», убежденным проповедником его «идей», непреклонным борцом «за осуществление революционной линии председателя». Ложь эта, разумеется, была рассчитана на простаков, не знавших, что Лу Синь, пришедший к концу своей жизни к марксизму и умерший в 1936 г., ни о каких «идеях Мао» слыхом не слыхивал и никогда не был, как это пытаются представить пекинская пропаганда, «леваком» в политике, антигуманистом в творчестве и нигилистом по отношению к мировому культурному наследию.

Вот, например, подборка из пяти воспоминаний о Лу Сине, помещенная в журнале «Чайниз Литрече»⁵. В них, в частности, речь заходит о встрече писателя с Чжэнь Гэном — командиром китайской Красной Армии, и о том, как Лу Синь якобы восторгался «мудрым руководством председателя Мао в Великом походе». Да, Лу Синь действительно послал телеграмму в связи с Великим походом, в которой выражал любовь и преклонение перед отважными бойцами и командирами китайской Красной Армии. «На вас возлагают свои надежды Китай и человечество» — писал он. Но при чем тут Мао Цзэ-дун? Разве был в этой телеграмме хотя бы намек на его «мудрое руководство»? Неужто (как это описывает Ши И-го в воспоминании «Думая о Яньяни») при упоминании имени Мао Цзэ-дуна лицо Лу Синя «озаряла радостная улыбка»? Все это, как и прочие писания нынешней китайской прессы о Лу Сине, явная ложь, призванная убедить читателя в том, что Лу Синь якобы был проводником «идей Мао Цзэ-дуна».

Разумеется, эти «воспоминания» были грубо сфабрикованной фальшивкой, призванной изобразить Лу Синя верноподданным Мао Цзэ-дуна. Той же цели служила помещенная в этом же журнале статья Ли Си-фаня «Творчество во имя революции. Оценка публицистики Лу Синя».

Ли Си-фань, один из немногих профессиональных литературоведов, имя его упоминается не в качестве предаваемого анафеме, как автора литературоведческой статьи. Он был известен в середине 50-х годов благодаря своим публицистическим выступлениям, выдержанным в догматическом маоистском духе, во время дискуссии классическом романе XVII века «Сон в красном тереме». С начала «культурной революции» он исчез, а сейчас вновь появился на арене.

Ли Си-фань не делает секрета из того, с какой целью написана статья «Творчество во имя революции». «Поскольку фельетоны Лу Синя», утверждает он, — были главным оружием в борьбе против классового врага, председатель Мао не требовал от всех революционеров серьезно изучать публицистику Лу Синя». О Лу Сине — авторе широкоизвестных рассказов и повестей «Дневник сумасшедшего», «Подлинная история А-кью» и других крупных художественных произведений — Ли Си-фань умалчивает, лишь бегло упоминая о том, что «литературную деятельность Лу Синя начал с написания рассказов, отличавшихся социальной проблематикой».

В статье Ли Си-фаня излагаются общезвестные факты из жизни Лу Синя, но написана она так же, как пишутся теперь в Китае многочисленные статьи о Мао Цзэ-дуне, — отрыве от действительности и людей, окружавших писателя, вопреки исторической правде. Деятельность Лу Синя упорно связывается с именем Мао Цзэ-дуна. «Под руководством Лу Синя и в тесном взаимодействии с вооруженной борьбой, р

⁵ «Chinese Literature», 1972, No. 9.

ководимой председателем Мао, — пишет Ли Си-фань, — забурлило левое литературное движение...», и автора не смущает, что, как это доподлинно известно, Мао Цзэ-дун к Лиге левых писателей Китая никакого отношения не имел.

Что касается окружения Лу Синя в 30-е годы, то, по Ли Си-фаню, писатель, оказывается, во всех начинаниях был абсолютно одиноким. Так, рассказывая о его борьбе с буржуазными эстетическими теориями и их адептами в Китае, Ли Си-фань в угоду культу личности Мао Цзэ-дуна полностью замалчивает роль в этой борьбе боевого друга и соратника Лу Синя, выдающегося китайского революционера-марксиста Цюй Цю-бо, ошельмованного во время «культурной революции».

Между тем из многочисленных и достоверных источников хорошо известно, что Лу Синь в своей борьбе никогда не был одинок. Его всегда окружали достойные, любимые и уважаемые им люди — коммунисты, революционеры, писатели. Известно также о самых тесных связях и взаимодействии руководимой Лу Синемлевой лиги с Международным объединением революционных писателей (МОПР), лично с М. Горьким и советской литературой.

Так однобоко, фальсификаторски «осваивают» маоисты творческое наследие великого китайского писателя Лу Синя, спекулируя его именем во имя прославления Мао Цзэ-дуна и его «идей».

* * *

Как и в предыдущие годы, «образцовые постановки» в 1972 г. выполняли свою роль в качестве средств пропаганда концепций, лозунгов и политических установок Мао Цзэ-дуна. Весьма слабые в художественном отношении, лишенные интереса к человеческой личности, они, по существу, не представляют никакой эстетической художественной ценности. Пьесы «Красный фонарь», «Шацзябан», «Захват горы Вэйху-

шань», «Налет на полк Белого Тигра», спектакли «Женский красный отряд» и «Седая девушка» лишь иллюстрируют лозунг Мао Цзэ-дуна «Винтовка рождает власть». А пьесы «Порт» и «Песнь реки Дракона» призваны служить наглядной, далекой от подлинного искусства иллюстрацией демагогического требования Мао Цзэ-дуна: «Никогда не забывать о классовой борьбе». Главная героиня пьесы «Порт» Фан Хай-чжэнь, например, в одной из арий вдохновенно поет о безграничном энтузиазме, рожденном в результате изучения указания Мао о том, что «о классовой борьбе надо говорить из года в год, из месяца в месяц, изо дня в день».

Таким образом, независимо от различных лозунгов, воплощенных в том или ином спектакле, все они пронизаны общими политическими установками, вытекающими из курса пекинского руководства, которыми определяется жизнь страны: культ Мао и его «идей», милитаризация Китая, утверждения об исключительности китайской нации и ее особой миссии в развитии современного мира, насаждение в китайском народе антисоветизма и т. д. На усиление именно этих черт направлены бесконечные доработки и переработки спектаклей, имевшие место и в 1972 году.

Вот, к примеру, образ Ли Юй-хэ — главного героя пьесы «Красный фонарь». «Жэньминь жибао» от 12.V.1970 г., оценивая обновленный вариант пьесы, писала: «Еще более выпукло показана безграничная любовь главного героя к великому вождю председателю Мао». В этом китайская печать усматривает важное воспитательное значение образа. Из рассуждений критика вытекает, что отсутствие этой черты (безграничной преданности Мао) в любом человеке автоматически лишает его каких бы то ни было достоинств и грозит зачислением в ряды врагов. Между тем реплики Ли Юй-хэ — это штампованные фразы, лозунги, выдержанные в духе маоист-

ской пропаганды. Образ героя совершенно безлик. Он не несет на себе отпечатка конкретного времени и с легкостью может кочевать по разным периодам китайской революции, из пьесы в пьесу. Он действует фактически в одиночку. Потому-то в пьесе «Красный фонарь» не ощущается связи с жизнью организаций КПК периода антияпонской борьбы, не раскрыта организаторская роль партии коммунистов, роль китайского пролетариата в мобилизации народных масс на борьбу с иноземными захватчиками.

Во всех без исключения «образцовых постановках» живая человеческая личность подменена безжизненной схемой. Круг мыслей, чувств, переживаний персонажей, включая и главных героев, полностью сведен к одному знаменателю — к «идеям Мао Цзэ-дуна». Мыслить они имеют право только так, как велит Мао, их чувства и переживания опять же определяются его «идеями», любовь и ненависть — его же рецептами, и их проявление допускается только в плоскости «классовой борьбы». Таким образом, не человеческая личность во всей ее сложности, многообразии и красоте стоит в центре спектаклей, а безжизненная схема.

По таким обязательным рецептам созданы, в частности, пьесы «Порт» и «Песнь реки Дракона». Их доступность обеспечивается крайней простотой и одноплановостью сюжетов, примитивностью конфликтной ситуации. Благополучная развязка, счастливый конец, как в сказке, запланированы в них заранее. Все трудности, лишения, зло остаются в прошлом, настоящее светло и оптимистично. Будущее рисуется в розовой дымке, оно заманчиво, как вечное блаженство для верующего. Главный положительный герой предвосхищает события благодаря «идеям», которым он бездумно предан. В этом секрет его непогрешимости. Для него характерна фантастическая вера в Мао Цзэ-дуна. Разъяснение «идей Мао Цзэ-дуна» не входит в задачи героя, поэтому они не комментиру-

ются, не становятся объектом спора или размышлений, а просто цитируются. Кроме преданности Мао, обязательными чертами героя являются отречение от личной жизни, поимание счастья как самопожертвования. И наконец, прозорливость. Центральный герой пьесы и «звездики» общего механизма, и в то же время супермен: удивительнейшим образом он все предвидит, например предостерегая массы и от стихийных бедствий и от происков «классовых врагов». Отрицательные персонажи в списке действующих лиц вынесены в конце, где о них прямо говорится — «классовый враг». Способ изображения отрицательных героев — карикатура, гротеск. Стиль этих пьес бравурно-патетический. И если в сентиментально-слезливых тонах выдержаны обязательные сцены воспоминаний о тяготах прошлого, то цитаты Мао Цзэ-дуна герои пьес произносят, как правило, в момент ожесточенной схватки с врагом или забравшись на высокую скалу и приняв скульптурную позу.

Таковы «образцовые спектакли», демонстрировавшиеся в китайских театрах в 1972 году. Они, собственно говоря, остались прежними и вряд ли несут на себе хотя бы намек на какое-то новшество. Зато необычным после шестилетнего застоя литературного творчества выглядят такие жанры, как роман, рассказ.

Китайская печать, широко рекламируя появление романов и рассказов как некое качественно новое явление в литературе, ни словом не обмолвилась о традициях художественной прозы, идущих и от классики, и от новой литературы лусиневского направления. Талантливые китайские прозаики 30—50-х годов — Мао Дунь, Ба Цзинь, Чжао Шу-ли, Чжоу Ли-бо и другие — давно уже объявлены «буржуазными авторитетами», а их произведения — «черными ядовитыми травами». О них китайская печать не вымолвила ни слова. Что же касается новых книг образца 1972 г., то они, судя по рассуждениям прессы, родились, так сказать,

на голом месте, являются исключительным явлением, не связанным ни с прошлой национальной, ни с мировой литературой, — своего рода открытием, ни на что не похожим, ни с чем не сравнимым.

Однако ничего исключительного мы не найдем на страницах этих претендующих на «эпохальную» роль книг. Более того, их художественный уровень неизмеримо ниже того, какого достигла китайская литература в 50-х годах, и примерно соответствует уровню «образцовых спектаклей». По содержанию же они представляют собой всего лишь иллюстрации к той или иной «идее» Мао Цзэ-дуна.

Вот, к примеру, роман некоего Чжэн Цзя-чжи «Госхоз Цзяннань». Заголовок этот кажется многообещающим, ибо жизнь китайских тружеников-крестьян действительно волнующая тема, дающая большой простор для творчества, для художественного реалистического отражения действительности. Увы, это относится только к заголовку, поскольку цель автора состояла вовсе не в том, чтобы правдиво и художественно отображать действительность, а в том, чтобы отразить призывы Мао Цзэ-дуна: «никогда не забывать о классовой борьбе»; «правильно разрешать противоречия внутри народа». Для подтверждения «мудрости» этих призывов автор выводит «бедняков и низших середняков», речь которых густо сдабривается изречениями из маоцзэдуновских сочинений; а также — «реакционеров», «ревизионистов», «плохих, отсталых элементов» и прочих «врагов», которые решили помешать сбору урожая в госхозе. Последние выведены злодеями, демонами, неизвестно откуда свалившимися на территорию госхоза, чтобы как можно больше навредить добрым, счастливым, прекраснодушным, вечно преклоняющимся перед «председателем» «беднякам и низшим середнякам». Разумеется, «демоны» терпят крах, но торжествуют скорее не крестьяне, а «идея Мао

Цзэ-дуна» — «не забывать о классовый борьбе», — воплощенная в образе идеального маоиста Чэнь Хуа.

Возьмем другой пример — рассказы из сборника «Посевы», озаглавленные «Половина населения» и «Рис в продажу». Оба они наглядно иллюстрируют маоцзэдуновский призыв «не бояться трудностей, не бояться смерти». В первом опровергается «буржуазный взгляд» на то, что физические возможности женщины нельзя равнять с физическими возможностями мужчин, и доказывается, что, одухотворенные «идеями Мао Цзэ-дуна», женщины могут выполнять любую, даже самую трудоемкую работу. Главное для женщин, считает автор рассказа, — хорошенько уяснить, что не надо бояться трудностей и смерти. Такая же проповедь заключена и во втором рассказе, где призыв «быть экономным и бережливым» вынуждает персонажей добровольно голодать и мерзнуть и при этом испытывать счастье от прикосновения к портрету или цитатнику «красного солнышка».

В некоторых рассказах усиленно рекламируется призыв Мао Цзэ-дуна к молодежи навечно переселяться из городов в отдаленные сельские районы, в них проповедуются мелкобуржуазные взгляды о крестьянстве как носителе пролетарской идеологии. Так, например, в рассказе «О тех, кто выращивает рассаду» старый крестьянин Гэн-ва указывает бывшему хунвэйбину, что молодежь «должна принять из рук крестьян наследие пролетарской революции». Деревенский активист Гэн-ва, идеальный маоист из крестьян, гордится тем, что ему поручено «перевоспитывать» грамотную городскую молодежь, и видит в этом «доказательство доверия председателя Мао к крестьянам».

Темы романов и рассказов настолько же разнообразны, насколько разнообразны изречения Мао Цзэ-дуна из цитатника и его очередные указания: «служить народу», «ухватиться за революцию, способство-

вать производству», «учиться у Дачжая», «помогать армии и любить народ», «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям» и многие другие.

Что можно сказать о художественном уровне этой «прозы»? Только то, что ее авторы просто бессильны осмыслить события, создать не стандартные, а оригинальные, запоминающиеся образы и характеры. Аргументация подменяется здесь императивными построениями и провозглашением маоистских истин. Должностная определенность героев фиксируется с помощью строго отобранных стереотипов («морщинистый лоб», «седина», «молодой» или «преклонный возраст», «сильные, натруженные руки» и тому подобное). Язык героев сплошь состоит из газетных штампов или цитат. Робкие отступления и пейзажные зарисовки никогда не нарушают общего стиля повествования. Вот, к примеру, отрывок из рассказа «Через дамбу — в Чжунчжоу», иллюстрирующего, главным образом, призыв Мао «армия учится у народа». «Смеркалось. В озере цвели лотосы, распространяя восхитительный аромат. В воде отражался золотой закат. Как прекрасны горы и воды нашей отчизны! Но, как говорится, занятому человеку не до красот природы. Полные страстного желания достичь поставленной цели, мы не были расположены к любованию озером. Наши стальные руки мощно гребли». Видимо, здесь комментарии действительно излишни!

А вот произведения поэтов из сборников «Новые песни на поле боя», «Звуки песен летят в Пекин». По-прежнему основное место в них отведено песням «Алеет Восток», «В открытом море не обойтись без кормчего» и им подобным, восславляющим «великого кормчего». То же самое можно сказать и о сборнике поэта Ли Ина «Деревня финиковой рощи».

Ли Ин — военный служащий, печатавший свои стихи еще в конце 50-х — начале 60-х годов в журнале

«Шикань» («Поэзия») и других периодических изданиях КНР. После продолжительного молчания в годы «культурной революции» поэт, пройдя через «перевоспитание» в деревне, вновь получил возможность творить. Однако его «поэтическое творчество» так же далеко от жизни народа, как высоко над народом вознесся Мао Цзэ-дун. Все его стихи — это излишние (от имени крестьян) безграничной любви к Мао Цзэ-дуну, «который ведет нас солнечной дорогой социализма» («Отзвуки смеха»). В стихотворных строках Ли Ина и разоблачение «ревизионистской линии в области образования», и прославление «революционной линии председателя Мао» («Через фруктовый сад»), и призыв молодежи навечно поселиться в деревне («По дороге в уезд», «Бродячие врачи», «Домой в отпуск») — словом, те же темы, что и в прозе, подсказанные цитатником и лозунгами дня. И хотя безымянный автор краткой рецензии на сборник Ли Ина утверждает, что благодаря закалке, полученной поэтом во время «культурной революции», его стихи стали свежей и выразительней, согласиться с этим никак нельзя. Стихотворения Ли Ина, как и вся прочая книжная продукция КНР в 1972 г., являются далекой от жизни, антихудожественной в своей сути, пропагандистской иллюстрацией политики маоистского руководства. Эти стихи, как и романы, повести и рассказы, выглядят серыми и маловыразительными.

В 1972 г. в КНР «возродился» и еще один вид «литературы» — книжки-картинки. Недавно вышла одна из них — «Сунь У-кун трижды вступает в схватку с Духом белой кости». Эта книжка-картинка выпущена как иллюстрация к стихотворению Мао Цзэ-дуна («В рифму Го Мо-жо»), в котором, используя персонажи романа XVI в. «Путешествие на Запад», он противопоставил маоистов всем инакомыслящим и неразумным. Китайская критика квалифицировала появление этой

книжки «в период развернутой критики ревизионизма и движения «за исправление стиля» как явление, имеющее «реальный политический смысл». «Дух белой кости, — разъясняет «политический смысл» этих слов газета «Гуанмин жибао», — следует ассоциировать со всякой нечестью, оппортунистами всех мастей, полными тайных черных замыслов, которым противостоит отважный Сунь У-кун».

Так, отталкиваясь от стихотворения самого Мао Цзэ-дуна, книжка ставит знак равенства между ним и популярным персонажем, легендарным «царем обезьян».

В культурной жизни КНР минувшего года обращает на себя внимание выставка изобразительного искусства. Демонстрировавшиеся на ней более трехсот произведений (традиционная живопись «гохуа», гравюра по дереву, живопись маслом, рисунки тушью и гуашью и т. д.), в общем, свидетельствуют о незаурядных способностях и талантах их создателей, о живучести и неодолимости прекрасных национальных традиций живописи, которой всегда гордился китайский народ. Но и тут с глубоким сожалением приходится констатировать тот факт, что над изобразительным искусством тяжелым бременем нависают все те же «идеи Мао Цзэ-дуна», вынуждающие мастеров художественного творчества приносить в свои произведения глубоко чуждые этому искусству сюжеты, зачастую невольно приводящие к разры-

ву между ярко окрашенной в национальные тона формой и навязанным свыше примитивным пропагандистским содержанием.

* * *

Итак, внес ли 1972 год что-либо новое в культурную жизнь Китая?

Как мы убедились на приведенных выше некоторых примерах, новое в основном состоит в том, что в отличие от предыдущих пяти с лишним лет рамки культурной жизни, ограниченные прежде лишь так называемыми «восемью революционными спектаклями», несколько расширились, изредка появляются имена некоторых писателей-профессионалов, артистов, художников. Однако произошли ли какие-либо изменения в содержании литературы и искусства? Нет, этого не случилось, ибо «расцвет ста цветов подразумевает полное, всепоглощающее подчинение художественных форм исключительно целям и нуждам маоистской пропаганды; искусство не повернулось лицом к народу, оно по-прежнему не говорит правду о его жизни, а навязывает образы «нержавеющих винтиков» и «послушных буйволов».

Как показал минувший год, делать оптимистические прогнозы и предположения сейчас не приходится. Надо полагать, подобное положение будет сохраняться до тех пор, пока китайская культура не освободится от тяжелого ярма маоистской идеологии.

Обвинители и защитники поэта Су Ши

К вопросу о судьбе национального литературного наследия в Китае

И. С. Голубев

В течение 50-х и первой половины 60-х годов среди других насущных проблем, стоявших в центре внимания китайского литературоведения, был сложный, вызывавший острые дискуссии вопрос: как правильно оценивать те или иные произведения классической литературы, созданные в течение многих веков выдающимися китайскими поэтами и писателями?

Китайские литературоведы-марксисты тех лет (Фэн Сюэ-фэн и другие), основываясь на ленинских положениях о преемственности и критическом усвоении наследия прошлого, доказывали пагубность нигилистического и примитивного подхода к национальной классической литературе критиков «левого» толка, требовавших отбирать из древнего художественного творчества лишь то, что служит сиюминутным пропагандистским потребностям. В 50-х годах в китайской прессе было опубликовано немало статей и научных работ, в которых отчетливо звучало требование бережно и разносторонне подходить к классической литературе как к величайшему национальному сокровищу, как к бесценной летописи времен, ярчайшему свидетельству духовного богатства китайской нации, наконец, как к большому вкладу китайского народа в мировую культуру. Именно поэтому критики-марксисты выступали против всякого рода тенденциозного толкования творчества древних художников слова, требовали научного его анализа, основанного на историческом материализме, на марксистско-ленинской эстетике. Ставился вопрос и о широком понимании гуманизма, патриотизма, народности литературы, о правильном научном толковании связи между художественным творчеством и мировоззрением мыслителей, поэтов, художников прошлого, об оценке их творчества с учетом историче-

ских условий, специфических особенностей общественной жизни и самого общественного уклада, на фоне которого проходили их жизни.

Благодаря деятельности честных и вдумчивых ценителей национальной классической литературы в середине 50-х годов в Китае были сделаны первые решительные шаги по возрождению и популяризации классики. Читатель жадно потянулся к новым изданиям выдающихся мастеров художественного творчества прошлого — книгам, снабженным подробными комментариями, справочными материалами, статьями. Эти книги давали возможность не только понимать древний язык, но и вникать в самую глубину блестящих творений древности, слава о которых давно уже разносилась за рубежи Китая, открывали мир прекрасного искусства, несущего добро, благородные идеи гуманизма и патриотизма, мудрость человеческой мысли, никогда не блекнущую красоту природы.

Создавалось отрадное впечатление, что наконец-то в Китае на деле предпринимаются усилия к тому, чтобы донести до народа принадлежащие ему культурные ценности, бывшие прежде достоянием эксплуататорских классов, передать национальное наследие в руки трудящихся.

Однако с 1957 г., особенно после кампании против так называемых «правых элементов», началось новое ожесточенное наступление маоистской «критики» на все сферы художественного творчества, в том числе и на классику. Оно продолжалось вплоть до начала «культурной революции», повергнувшей, как известно, в прах достижения китайского литературоведения предыдущих лет.

В этой статье мы хотим на конкретных примерах проиллюстрировать, как складывалась судьба национального литературного наследия после 1956 г., почему «культурная революция» предала его анафеме. Небезынтересно будет вновь перелистать страницы ряда статей китайских критиков тех лет хотя бы об одном из многих представителей столь богатой талантами древней литературы Китая. Наш выбор пал на творчество великого поэта Су Ши (Су Дун-по, 1037—1101 гг.).

Это не случайность. Важен здесь в первую очередь тот факт, что сборники стихов Су Ши («ши» и «цзы»), вышедшие в Китае в конце 50-х годов, вызвали множество откликов в китайской прессе, вылившихся в настоящую дискуссию о критериях отбора ценного материала из литературы прошлого для служения нашей современности.

В период с 1957 по 1962 г. в печати Китая было опубликовано, по неполным данным, свыше пятидесяти исследовательских и критических статей, научных заметок, посвященных творчеству Су Ши и проблеме правильного подхода к классическому наследию.

В силу этого взятое нами как частный пример творчество Су Ши и его оценка в Китае в 50-х — 60-х годах могут красноречиво свидетельствовать о борьбе двух противоположных линий в китайском литературоведении: маонистской, ингилистически интерпретирующей литературное наследие, и антимаонистской, основывающейся на марксистско-ленинском отношении к культурным сокровищам прошлого.

* * *

Су Ши как в Китае (конечно, до «культурной революции»), так и в мировом литературоведении отнесен к плеяде самых крупных представителей китайской классической поэзии.

Оценивая Су Ши как художника слова, китайский литературовед, работник издательства «Народная литература» Чэн Эрдуань отмечал, что поэт умел «тонко и остроумно подходить к родному языку и в то же время заговорил так, как не говорили до него, стал писать так, как его современники еще писать не научились... Эмоциональный подъем его стихов оказался подобным морскому прибою; острота мысли — подобной «секире девяти цветов» и «мечу семи драгоценностей». С появлением таких стихов над Янцзы взошла новая, самая крупная после Ли Бо и Ду Фу звезда китайской поэзии»¹.

Су Ши родился в 12-м месяце (по лунному календарю) 3-го года правления императора Северосунской династии Жэньцзунуа, то есть восьмого января 1037 г.² У него было два имени — Цзы-чжань и Хэ-цзун. На сорок седьмом году жизни Су Ши поселился в округе Хуанчжоу, где купил участок неспаханной земли площадью около 10 му у подножия горы и на ее склоне («восточный склон» по-китайски — «дун-по»).

С тех пор Су Ши стал пользоваться прозвищем Житель восточного склона — Дун-по Цзюй-ши,³ или, как он известен в литературе, Су Дун-по.

Су Ши принадлежал к знатному роду, его отец Су Сюнь был высокопоставленным чиновником, известным писателем и политическим деятелем того времени. Брат Су Ши — Су Чэ (или Су Цзы-ю) и его сестра Су Сяо-мэй были известны в сунском обществе как незаурядные стихотворцы и мастера публицистических трактатов.

В раннем детстве наставником Су Ши был даосский проповедник, а с шести лет он стал посещать школу в родном селе, что находилось в уезде Мэйчжоу (ныне в провинции Сычуань). Когда его отец был вызван в столицу по служебным делам, воспитание ребенка целиком перешло в руки матери — урожденной Чэн. Это была высокообразованная женщина, прекрасно знавшая древнекитайскую историческую и философскую литературу. Она пробудила в мальчике чувство преклонения перед «великими предками» — поэтами и философами, привила ему любовь к древней литературе — от «Шицзиня» до Хань Юя (768—824 гг.).

Первой чиновничьей степеню — цзин-ши — Су Ши добился в 22 летнем возрасте. На экзаменах в столице Бяньцзине (ныне Кайфэн) он поразил экзаменаторов блеском своего поэтического таланта. Впоследствии при поддержке знаменитого поэта Оуян Сю (1007—1072 гг.) Су Ши стал быстро подниматься по чиновничьей лестнице и в 1065 году получил высокую должность при дворе императора Ин-цзуна.

В 1071 г. Су Ши, войдя в группировку Сыма Гуана⁴, резко выступил против законов Ван Ань-ши. Он был отстранен от службы в столице и направлен в округ Хуанчжоу. С этого времени у поэта началась жизнь опального чиновника. Его то повышали, то снова понижали в должностях, посылали то в одну, то в другую провинцию и округа — подальше от столицы. В третьем месяце второго года правления Юань-фэн (1081 г.) Су Ши было предъявлено обвинение в том, что он «обманывает императорский двор, преисполнен самодовольства, возлагает вину на новые законы за стихийные бедствия — засуху и наводнения, — а также за наличие разбойников»⁵. Поэт был доставлен в столицу, судим и препровожден в тюрьму. К счастью (видимо, благодаря хлопотам брата Цзы-ю), пребывание в тюрьме было

¹ Су Ши. Избранные стихотворения. Пекин, 1957, стр. 263.

«Секира девяти цветов», «Меч семи драгоценностей» — образные сравнения из древней китайской мифологии, олицетворяющие магическую силу, несокрушимость.

² Во многих изданиях Су Ши в Китае и за рубежом дата рождения Су Ши ошибочно определена 1036 годом.

³ Называя себя Цзюй-ши (житель, обитатель), Су как бы подчеркивал, что он устранился от государственной службы.

⁴ Сыма Гуан — крупный политический деятель Сунского Китая XI века, выдающийся историк, автор исторического свода «Цзычжи туцзянь». Возглавлял так называемую «старую группировку» при императорском дворе, выступавшую с консервативных позиций против системы новых политических и экономических законов, проводимых Ван Ань-ши. Подробно об этом см. кн. З. Г. Лапина. Политическая борьба в средневековом Китае. М., 1970.

⁵ Су Ши. Избранные стихотворения. Пекин, 1957, стр. 196.

Поэтом он неоднократно попадал в опалу⁹.

Такое объяснение политической позиции Су Ши в общественном движении XI в., конечно, было весьма поверхностным; именно за этот пробел в статьях Чэн Эр-дуна и ухватилась впоследствии критика.

* * *

12 декабря 1960 г. (почти через 3 года после выхода в свет сборника «Избранные стихотворения Су Ши») газета «Гуанмин жибао» поместила рецензию критика Цзян Цзю на работу, сделанную Чэн Эр-дуном по составлению и комментированию сборника.

В этой рецензии бросались в глаза следующие строки: «Выступления Су Ши на стороне старой группировки против новых законов являются показателем его отсталости, представляют собой защиту интересов крупных помещиков».

Как уже говорилось, Чэн Эр-дун действительно слишком бегло упомянул о месте Су Ши в реформаторском движении. Однако определение этого места, данное Цзян Цзю, тоже представляется весьма упрощенным и излишне категоричным.

Не надо забывать того факта, что Су Ши понимал принципиальную необходимость преобразований в стране и имел на этот счет свои предложения (равномерное распределение населения — «цзюнь хукоу», упорядочение налоговой системы, отмена привилегий)¹⁰.

Хотя эти меры и не были столь радикальными, как законы Ван Ань-ши, они, однако, вовсе не характеризуют Су Ши только как защитника интересов крупных феодалов.

Почему же Су Ши выступил против законов реформатора?

Его расхождение с Ван Ань-ши по многим экономическим и политическим вопросам особенно остро проявились во время изменений в экзаменационной системе при дворе. Экономические преобразования требовали многочисленной армии их проводников на местах — чиновников. Стремясь как можно быстрее создать такую армию, Ван Ань-ши убедил императора упростить экзаменационную систему, свести к минимуму круг обязательных для чиновника знаний, сделать приобретение чиновничьих должностей более доступным. Споры нет, эти нововведения оздоровили прежнюю экзаменационную систему, сделали возможным выход на политическую арену представителей низших слоев феодального класса, приближали образование к практическим нуждам страны. Но Су Ши увидел в снижении тре-

бовательности к экзаменуемым оскорбление подлинных, с его точки зрения, ученых. Это и явилось первоисточком его консерватизма в реформаторском движении.

Вот как выражал поэт свое возмущение изменениями в экзаменационной системе в своем знаменитом трактате, «фу», «Да возродятся прежние экзаменационные правила», посланном лично императору и Ван Ань-ши:

«Как можно, сужая рамки древней мудрости для приспособления ее к узким нынешним целям, достичь совершенства? Как можно при этом считать, что крупным ученым надо заняться переделыванием классиков?»¹¹

Занимая крайне консервативную позицию в отношении новой системы формирования армии чиновников для проведения реформ, Су Ши был прав только в одном — в своем обличении карьеристов, пользовавшихся упрощением дворцовых экзаменов в корыстных целях. И действительно, это была теневая сторона в общем прогрессивного нововведения Ван Ань-ши. Впоследствии сам реформатор стал жертвой придворных интриг и был вынужден уйти в отставку и покинуть столицу. Тогда и родилось знаменитое стихотворение Су Ши «Укоряю сыновей»:

Всяк хочет умных вырастить детей,
На то мы называемся отцами.
Но я — лишь оттого, что был умен,
Всю жизнь свершал ошибки — что ни год.
Хочу теперь я милых чад своих
Воспитывать тупицами, глупцами —
Тогда они без бед и без труда
Достигнут сана Праведных Господ!

Ненависть к «низким» чиновникам наложила отпечаток на все творчество Су Ши. Чэн Эр-дун довольно убедительно показал это в своей статье.

«Су Ши был интеллигентом помещичьего класса, — пишет критик. — чиновником. Однако в его произведениях нашли отражение горячие симпатии к простому люду и ненависть к бюрократам. Так, например, в стихотворении «Сетование крестьянки из Учжуна» устами крестьянки поэт говорит: «Продашь быка, внесешь налог — протянешь ноги...» И кончает стихотворение горестным восклицанием: «Не лучше ли невесткой стать речного духа!»¹² В стихотворении «В шутку пишу Цзы-ю» Су Ши корит чиновника (якобы самого себя): «И не стыдно сегодня за всю мою праздную жизнь и за то, что крестьянам доставался лишь кнут от меня!» В стихотворении «Удивительная сорока» он сравнивал чиновника с ужасной «девятиглавой совой», а в «Надписи к картине Чэн Цзи-чана «Свадьба в деревне Чжу и Чэнов» есть такие строки: «А

⁹ Су Ши. Избранные стихотворения. Пески, 1957, стр. 278.

¹⁰ Подробно об этом см. кн. З. Г. Лалина. «Политическая борьба в средневековом Китае». М., 1970, стр. 179—184.

¹¹ Су Дун-по. Собр. соч. Пекин, 1957, т. 4, разд. «шифу», стр. 123.

¹² Перевод Л. Е. Черкасского.

ныне картина деревни совсем не такая: чиновник и ночью стучит («Дайте денег!») в ворота»¹³.

К словам Чэн Эр-дуна хочется добавить, что, видя чиновничий произвол, Су Ши в душе испытывал чувство стыда, когда его называли чиновником. Об этом могут свидетельствовать проникнутые глубоким раздумьем о жизни строки одного из его стихов:

Дней осталось немного,
И круг их сомкнется однажды.
Ухожу я под крышу,
Опираясь на посох рукой.
Вы меня не считайте
Каким-то чиновником важным.
Только с виду чиновник,
А в душе я совсем не такой!

Из слов Цзян Цзю создается впечатление, что Су Ши был личным врагом Ван Ань-ши. Это не так. Действительно, между ними шел долгий и принципиальный спор о пользе и вреде новых законов. Однако, несмотря на расхождения во взглядах, Су Ши глубоко уважал Цзин-гуна (часто Су Ши называл Ван Ань-ши этим неофициальным именем), не сомневаясь в искренности его побуждений, веря, что им руководит желание помочь народу. Интересно, что судьба все-таки сблизила этих родственников по духу, но стоявших на разных полюсах политической борьбы людей. На склоне лет, будучи в изгнании, Ван Ань-ши писал: «Я уже на закате, и пропасть близка, стук колес лишь услышу — и вздрогну: не смерть ли за мной?» Су Ши, приезжавший навестить Цзин-гуна, на время «отогнал» от него недуг, и оба старца договорились, что впредь будут жить по соседству, чтобы вместе коротать уходящее время — до самой смерти. Но этому не суждено было сбыться. Ван Ань-ши умер раньше, чем Су Ши собрался переехать в Цзин-лин, чтобы исполнить уговор. С грустью писал Су Ши о кончине своего великого современника:

Верхом на осле долго я добирался,
И вот — на пустынном холме оказался.
И тут господина я снова представил,
Когда он с недугом на время расстался.
Тогда уговаривал он, чтоб купил я
Три му по соседству и здесь поселился.
Девятый уж год незаметно проходит,
Как он с этой жизнью навеки простился.

* * *

Приверженность к конфуцианству вовсе не исключала критического отношения Су Ши и к деяниям предков, и к современным ему политическим деятелям. Противоречия собственным убеждениям в божественном назначении Сына Неба — императора, он,

¹³ Су Ши. Избранные стихотворения. Пекин, 1957, стр. 276.

например, адресовал ханьскому императору У-ди такие строки: «Сколь постыдно смотреть, как убийства вершит государь, а людей презирает, считая, что все оиятля. Коль хотите спросить, сколько было ненужных смертей, пусть ответят вам кости погибших и слуги двора!»

И далее: «Посудите вы сами: героем прославленным слыл Мао Лин: девять жун корились ему и его мань содрогнулись пред ним. Он смеялся над Яо и Юем, и Тан-ди, он — бессмертный святой. А ведь Пу потерял в помысленьях порочных своих демон-лис поселился на левой руке у него, хоть и уши имел, и глаза, а увидеть не мог, что он сам не такой, как улыбки не зашшая крошка-дитя»¹⁴.

Может быть, именно подобные критические заявления Су Ши по адресу правителей побудили Го Мо-жо высказать следующее соображение: «Ван Ань-ши представлял интересы народа, Сыма Гуан — клан помещиков, а Су Ши был романтиком, колебавшимся между двумя лагерями». Историк З. Г. Лапина считает такую расстановку сил наивной. Но думается, в словах «Су Ши был романтиком, колебавшимся между двумя лагерями» все-таки есть (и немалая) доля истины. Право же, колебания и противоречия сплошь и рядом наличествуют в его произведениях, и Су Ши — политик и дело сталкивается с Су Ши — поэтом-романтиком. Но он был не просто романтиком. Романтизм его творчества проник в первую очередь высоким гуманизмом, благородством и оптимизмом, верой во все побеждающую силу добра.

Многие китайские критики упрекали поэта в том, что его произведения являются чуть ли не поэтической интерпретацией даосизма и буддизма, к тому же на всех них лежит отпечаток конфуцианской идеологии. Разумеется, это слишком односторонний и упрощенный взгляд на Су Ши. Поэт был человеком своей эпохи, своего общества: не мог быть приверженцем какой-то одной идеологии, чем та, которая объективно существовала и владела самыми высокими, самыми мудрыми умами Китая. Ведь важно, казалось бы, было разрешить другой вопрос: как Су Ши — художник по-своему толкует Конфуция, Лао-цзы, Чжуан-цзы Будду? Что в Су Ши исходит от него и чего? Если бы вопрос ставился китайскими критиками так, то это невольно привело бы их к анализу его собственной философии — философии Су Ши. И тогда речь пошла бы не только о критике консерватизма Су Ши, но и о положительных чертах его философии: веры в добро, в му-

¹⁴ Су Дун-по. Собр. соч. Пекин, 1957, т. 4, разд. «шифу», стр. 120; Мао Лин — то есть император У-ди; жун, мань — древние племена, обитавшие к западу от Китая; Яо, Юй, Тан, Хуан-ди — легендарные «совершенномудрые» правители древности.

ность и творческую одаренность человека, в той неразрывную связь с природой, в бессмертные его гения.

В произведениях Су Ши это, пожалуй, главное. Так, обращаясь с назидательной беседой к своему ученику, принципу-наследнику, поэт описывает, что он испытывал, когда после долгого осеннего ненастья (древние считали это периодом пленения начала осенних темных начал *инь*) вдруг прояснилось небо и взошло солнце (которое для поэта олицетворяло все самое прекрасное и радостное): «О! В такое мгновение — словно бы я был и вдруг отрезвел; был немым я — речь вдруг обрел; разогнутая не мог — друг пошел; был я словно скиталец, вернувшийся в дом, где отец мой и брат. Господин Благородный, сие торжество разве ведомо Вам?»¹⁵

Не следует думать, что гуманизм Су Ши имел некий абстрактный характер. Рагумеется, в его поэзии мы не найдем той блестящей остроты, которая характерна для многих стихов Ду Фу и Бо Цзюй-и, направленных против социальных несправедливостей Танского государства. Су Ши, как уже говорилось выше, с большим сочувствием относился к простому народу, любил деревню, уважал труд крестьян, презирал высокомерных чиновников и ненавидел лихоимцев, сидевших на шее народа. И все же гуманизм в его поэзии наиболее выпукло проявился не в форме реалистических картин социального зла (как у Ду Фу), а во многих произведениях философского и лирического звучания, которые, по сути дела, были обращены к человеку, были стихами — раздумьями о его жизни и возводили человека со всеми его сложными мыслями и переживаниями на самую высокую ступень мироздания. Эта тема пронизывает многие произведения Су Ши, но особенно отчетливо выражена в поэме «Красная стена», о которой речь пойдет ниже. Здесь важно отметить то, что во всем земном поэт видел то «божественное», «священное», якобы «недосягаемое», что (как и в других религиях) лежало в основе даосизма и буддизма в образах «небесных миров», рая. Су Ши сумел даже противопоставить земную жизнь жизни небожителей, недвусмысленно сказав, что для человека, землянина, свой, земной мир теплее небесного. Этой мыслью пронизан его романс (шюэ) на мотив «Шуйдяогэтоу», в котором есть такие строки.

Мне б с ветром в небо вознестись —
Там башни яшмою зажглись, нефритом
 купола зажглись,
Но для земного холодна-морозна высь!

На рассуждений о справедливости природы и о царствующем в ней добре Су Ши

делал вывод, обращенный непосредственно к человеку, указывающий на его предназначение в жизни. Высоко чтя Цю Юаня, Су Ши в то же время осуждал его за самоубийство:

Что ж, уйти от отчизны, покончить с собою,
 забыв о других,
Разве это поможет потомкам, кому еще
 жить суждено?

О, увь и увь!
Все пути Совершенных Мужей
Разве были и разве бывают прямы и ровны?
Но: достаточно разве очистить себя самого,
Позабросив-забыв все заботы о мирской
 суете?¹⁶

Поэт расценивает человеческую жизнь как величайший дар и необычайно тонко чувствует ее прелесть, ее теплое дыхание, ее пленительную, акварельную свежесть. Это ощущение радости бытия, единения с природой передается и читателю, когда он обращается к волнующим коротким стихам Су Ши (т. н. «цзюэцзюй»):

Лишь добрался до этого места,
Ветер дунул и дождь закапал,
Одинокий скиталец, найду ли
Я пристанище в мире большом?
Мне достать бы облако с неба
И надеть бы его, как шляпу,
Мне б укутать себя землею.
Как простым дорожным плащом!

Для поэта самый большой праздник — встреча с природой. Поэтому, рассуждая о том, какой подарок для друга может быть самым дорогим, он пишет:

Только-только что чистый ветер
Заиграл на земле-свирели,
И луна украсила небо
Нарисованной ею рекой.
Если беден, то как для гостя
Я смогу устроить веселье?
А вот так: ухватюсь за ветер
И луну поглажу рукой!

Надо было быть подлинным поэтом, достойным продолжателем дела великих поэтов предшествующих веков, чтобы открывать столь неожиданные образы и сравнения!

Следует сказать, что Чэн Эр-дун стремился в своей статье подчеркнуть эту новизну, красоту и своеобразие поэзии Су Ши. «Сунская поэзия, — пишет он, — нова по отношению к танской, и эта ее новизна в первую очередь шла от Су Ши. Хочу сразу же привести в пример стихотворение «Лютня»:

¹⁵ Дунновэньцзи шилуэ. Пекин, 1957, т. I, стр. 15.

¹⁶ Там же, стр. 7.

Хотя и говорят, что в лютне
 Есть только ей подвластный звук,
 Ее, закрыв в своем футляре,
 Услышать разве можешь ты?
 А если музыку считают
 Твореньем музыкальных рук,
 То усладят ли слух без лютни
 К ушам прижатые персты?

Это стихотворение не раз привлекало внимание критиков в прошлом. Случайно попавшись на глаза, оно тут же объявлялось плохим и даже отвергалось под тем предлогом, что оно-де не может называться стихом. Писатель и критик Ци Юнь¹⁷ так отозвался о нем: «Эти написанные экспромтом строки вовсе не являются стихом. Составители притянули его в сборник. В тысячах древних антологий разве найдется подобный стиль?» Но как раз из-за того, что «в тысячах древних антологий» не находился подобный стиль, мы и ценим его! В нем — вся суть новизны, принесенной в поэзию кистью Су Ши». «Су Ши обладал богатством воображения, большой эрудицией и тонким вкусом — все это нашло выражение в его своеобразном искусстве, в котором образ, сравнение составляют душу стиха, нанизываются, как жемчуг, на одну нить. Этого до Су Ши не знала китайская поэзия. Вот уже более девяти веков живет за озером Сиху сравнение с легендарной красавицей Си Ши из стихотворения поэта: «Я хотел бы Сиху уподобить прекрасной Си Ши: без помады и пудры — так схожи они в естестве!» А вот строки из стихотворения «Начертал на стене храма Западных лесов»: «Не гора изменяет свой инстинный облик, изменяется место мое у подножья горы...» Кажется, тысячу, десять тысяч раз проверенная истина, а она в стихотворении Су Ши звучит как открытие!»¹⁸

Так популярно, доступным языком и яркими примерами Чэн Эр-дун убеждал читателя, что Су Ши действительно великий художник-гуманист, что он не случайно назван критиком «самой большой звездой» после Ли Бо и Ду Фу.

Это было в 1957 г.

* * *

В 1960 г. критик Цзян Цзю столь высокую оценку поэтического творчества Су Ши поставил под сомнение, акцентируя внимание читателя лишь на причастности поэта к политической группировке Сыма Гуана, тенденциозно подчеркивая лишь «реакционную», «консервативную» сторону творчества поэта, его «отсталость». В этом нашла отражение новая обстановка в Китае, последовавшая после пресловутой «борьбы против правых буржуазных элементов» и

прошедшей в период «большого скачка» кампания против уклона «раздувания древности для принижения сегодняшнего дня».

В мае 1958 г., когда в научно-исследовательских учреждениях, издательствах, институтах и школах Китая развернулась кампания против уклона «раздувания древности для принижения сегодняшнего дня», ответственный работник издательства «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» («Народная литература») Чжао Ци-вэнь обнаружил этот уклон в том, что 45 процентов всей выпущенной в свет издательством литературы представляют собой произведения китайских классиков. Чжао Ци-вэнь обнаружил такое положение «вредной деятельностью правого буржуазного элемента Фэн Сюэ-фэна»¹⁹.

Известный китайский ученый-литературовед, коммунист, близкий соратник Лу Сюня, Фэн Сюэ-фэн действительно внес большой вклад в дело возрождения и популяризации национального литературного наследия в Китае. Обвинив его в злонамеренных действиях против линии Мао Цзэ-дун, осудив как «правый буржуазный элемент», пекинские власти вместе с тем продемонстрировали и свое отрицательное отношение к распространению в стране классической литературы. В начавшейся кампании против «раздувания древности для принижения сегодняшнего дня» официальная критика обрушилась буквально на всех классиков произведения которых издавались в 50-60-е годы.

Тут возникает вопрос: в чем состоит главная причина, вызвавшая ненависть маоистов к национальной литературе прошлого? Что в конце 50-х — начале 60-х годов заставляло их применять то одни, то другие меры, чтобы помешать популяризации классики в народе, особенно среди молодежи?

Конечно, на этот вопрос не может быть однозначного ответа. И все же, думается, в первую очередь маоистов пугала и раздражала сама гуманистическая природа классики, ее концепция общественной значимости человеческой личности как первоосновы всего земного порядка развития. Говорим ли мы о Ли Бо, Ду Фу или Хань Юе, заходит ли речь о Су Ши в их произведениях, как и в произведениях многих других наиболее ярких представителей классической литературы Китая, критик интуитивно проходит мысль о собственности индивидуально «достоянии» человека.

Нет ничего удивительного в том, что классическая литература укрепляла в сознании китайских читателей дух самостоятельного знания своей собственной значимости, формировала в них собственное видение происходящего в современном обществе и в конечном счете обостряла критическое отношение к действительности. Эта литература столь понятная и близкая сердцу китайца

¹⁷ 1724—1805 гг.

¹⁸ Су Ши. Избранные стихотворения. Пекин, 1957, стр. 273.

¹⁹ «Гуанмин жибао», 31. V. 1958.

своим глубоко гуманистическим содержанием учила читателя мыслить, звала к творчеству, к анализу событий и явлений общественной жизни, пробуждала в человеке желание быть активным общественным деятелем в своей стране и, кроме того, воспитывала в людях эстетическое восприятие действительности, учила понимать красоту мира, являлась могучим средством воспитания чувств.

Все это шло вразрез с концепциями Мао Цзэ-дуна об общественной значимости человеческой личности. «Герои-винтики», «герои — послушные буйволы», бездумная, безропотная масса, поклоняющаяся одному «божеству» — вот тот «идеал народа», «идеал», который Мао Цзэ-дун намеревался «рисовать» на чистом «белом листе бумаги». И согласно этому «идеалу», рождались модели «человека эпохи Мао Цзэ-дуна» — пресловутых Лэй Фэнов, Ван Цзе и других подобных им обезличенных человеческих схем, лишенных всех чувств, кроме слепого преклонения перед «великим кормилицей».

Не удивительно поэтому, что уже в 1960 г. в документах III съезда работников литературы и искусства и в докладе Чжоу Яна на этом съезде, отражавшем маоистскую линию, подход к проблеме классического наследия был отмечен печатью нигилизма.

Классическая литература явно мозолила глаза маоистам и пугала их. Ее подтексты, ассоциации, возникавшие у читателя при сравнении событий прошлого с «сегодняшним днем», рождали «нездоровые», с точки зрения проводников «идей Мао Цзэ-дуна», настроения в народе.

И все же, несмотря на это, в 1961—1963 гг. китайские литературоведы нашли мужество в грудной обстановке отстаивать классику от вульгаризаторов. И не только отстаивать, но и черпать в ней убедительный и яркий материал для идейной борьбы с маоизмом: ведь именно в этот период активизировали свою литературную деятельность и У Хань и Дэн То²⁰.

Не обойден был подлинными ценителями литературного наследия и Су Ши. Об этом, например, можно судить по тем оценкам, которые давали многие видные литературоведы поэме («фу») «Красная стена». Она представляет собой своеобразный диалог между поэтом и его другом — «гостем». На слова «гостя»: «Опечален я: мигань — это миг! Полон зависти я: бесконечно теченье Чанцзян! Если б вечно летать мне, подобно небесным святым! Эту яркость пути если б мог я навечно объять! Знаю, было мгновенье, чтоб это постичь, и поэтому топчу мелодии музыки в скорбных ветках...» — поэт отвечает: «А доподлинно зна-

ет ли гость, что такое вода, что такое луна? Все идет чередой, как вода, как течение реки, все идет чередой, но ничто никогда не уйдет. И луна — то кругла, то ущербна, но вечно луна, и не в силах ничто увеличить, уменьшить ее. Ибо, если изменчивость ставить причиной всего, в миг единый не в силах мы вечность вселенной постичь. Если ж будем считать постоянство как первоисток, то и я, и мой гость, да все, что мы видим вокруг, — вечно все! Так зачем же завидовать тщетно теченью Чанцзян?»

«...Между тем все на свете — и там, в небесах, и на этой земле, — все имеет свое назначенье и служит ему. Если есть что-то в мире, чем мне обладать не дано, то йоты его не могу я присвоить себе. Но ведь ветер, что чист в небесах, и луна среди звезд, что светла, не от них ли и звук для ушей и еще — разноцветье для глаз? Мы возьмем их себе — и не будет препятствий тому, ибо Высшим Создателем нам во владение дан это вечный источник живой красоты! Вы и я — мы им можем владеть как хотим!»²¹

В январе 1962 г. один из крупнейших современных китайских поэтов, главный редактор журнала «Шикань» («Поэзия») Цзан Кэ-цзя, в журнале «Цзефанцзюнь вэньи» («Литература и искусство НОА») опубликовал статью под заголовком: «Этот шедевр не наскучит читать и в сотый раз (вновь перечитывая поэму “Красная стена”)».

В статье Цзан Кэ-цзя, пожалуй, досказано то, что в 1957—1959 гг., характеризуя творчество Су Ши, не решился сказать Чэн Эр-дун.

«Су Дун-по, — пишет Цзан Кэ-цзя, — один из тех древних художников слова, которых я особенно люблю. Талант его всеобъемлюще проявился как в прекрасной поэзии, так и в искусной прозе... Вполне достаточно прочесть хотя бы только его поэму «Красная стена», чтобы убедиться в этом, даже если вы не читали других его произведений».

В чем же, по мнению Цзан Кэ-цзя, главное достоинство этого шедевра?

Отвечая на вопрос, он пишет: «Взгляд «гостя» на человеческую жизнь, на вселенную нельзя рассматривать как плод раздумья лишь этого человека: здесь мы сталкиваемся с пессимизмом вообще, в общем смысле этого слова. Хозяин вскрывает несостоятельность такого пессимизма и противопоставляет ему свои взгляды... Мы сразу же порываем с навеянным рассуждением гостя пессимизмом, чувствуем твердость в душе, радость и бодрость».

Оценивая поэму Су Ши «Красная стена» как оптимистический гимн вечности жизни и всему живому в природе, Цзан Кэ-цзя вместе с тем восхищается могучей силой художественного воплощения философ-

²⁰ См. «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2, «Фельетоны Дэн То», стр. 182—189.

²¹ Дунповэньцзи шилюэ. Пекин, 1957, т. I, стр. I.

ской идеи в поэтическую форму, мастерством Су Ши — и поэта, и философа. «Пейзаж, эмоции, мысли — все слилось в органическое единство; сила художественного воплощения, образность отмечают каждую строку как истинное выражение поэзии. Взгляды автора на жизнь человека и вселенную являются здоровыми, жизнеутверждающими... Нас охватывает светлое чувство, когда мы начинаем читать поэму, мы ощущаем вокруг себя радостную атмосферу и тогда, когда откладываем прочитанную уже книгу».

Трудно что-либо добавить к этой доброй и мудрой оценке современным китайским поэтом его далекого великого предшественника!

Цзан Кэ-цзя не был одинок в своем представлении о творчестве Су Ши. Высокую оценку ему дает как прозаик и критик Хань Шао-хуа, опубликовавший 25 марта 1961 года в газете «Жэньминь жибао» статью «В лунную ночь Су Дун-по изучает каменный колокол». Разделяет мысли Цзан Кэ-цзя и газета «Фучзянь жибао» (15. III. 1962) в статье Хань Чжэнь-чжуна и Чжуан И «Светлая, благородная широта чувств». В ней, в частности, пишется: «Во время создания этого произведения Су Ши был в ссылке в Хуанчжоу. Хотя он терпел поражения на своем пути государственного чиновника, однако, в какое бы место ни забросила его недобрая судьба, каким бы тяжелым ее ударом он ни подвергался, поэт не мог проникнуться пессимизмом: его жизнь никогда не теряла своей оптимистической музыки. Пусть его рассуждения родились не без влияния Чжуан-цзы и буддийских взглядов — все равно на них лежит отпечаток той реальной общественной действительности, в которой поэту суждено было выносить тяжелые удары».

Можно было бы привести в пример и ряд других статей о творчестве Су Ши, в которых критики давали высокую оценку поэту и как создателю стихов жанров «ши» и «цы», и как автору поэм «фу».

Разумеется, такое отношение к поэзии Су Ши не проходило мимо глаз и ушей критики маоистского направления. Но свой ответный удар она решила нанести защитникам творчества Су Ши только весной 1965 г., когда до начала «культурной революции» оставалось немногим более года.

7 марта газета «Гуанмин жибао» публикует статью Ци Яо «Поговорим о «Красной стене». Читая эту статью, нетрудно догадаться, что в ней ведется полемика с Цзан Кэ-цзя, оспариваются все его мысли, касающиеся творчества Су Ши и поэмы «Красная стена». Делается это — сразу надо сказать — методом, присущим маоистской пропаганде вообще: бездоказательность, огульное поношение, доходящее до абсурда. Собственно говоря, с этого и начинается статья Ци Яо, объявившего, что и пейзаж, и эмоциональный подъем, и лиризм, т. е. все, что составляет художественное совершенство поэмы, — второстепенное,

а главное — только ее философское содержание. Расчленив таким образом произведение Су Ши на части, Ци Яо заявляет: «Читатель часто невольно втягивается в поэтический и живописный текст, не замечая, что именно при помощи этой поэтики и живописности автор изливает свою гнилую философию человеческой жизни».

Затем Ци Яо самым серьезным тоном обличает Су Ши с точки зрения современных научных воззрений на природу и человека. «Представление Су Ши об изменчивости и постоянстве, — пишет критик, — с современной точки зрения является полностью абсурдным. Это ясно даже человеку, имеющему лишь элементарные научные познания. Научкой доказано, что движение является основным свойством материи; и в материальном мире находится в вечном безостановочном движении... Как же в таком случае можно говорить, что река и горы не изменяются?.. Если мы с научной позиций отнесемся к «Красной стене», нетрудно будет обнаружить, что проломленный в ней взгляд на мир и человеческую жизнь толкает людей на отрыв от действительности, от борьбы. Это и есть «отбросы», заложенные в поэме, которыми следует развенчать и отвергнуть».

Расправившись таким образом с Су Ши, критик обрушивается и на его защитников и почитателя Цзан Кэ-цзя (не упомянув, однако, имени последнего): «Некоторые, разобравшись в путаных взглядах Су Ши на мир, не сделав конкретного анализа произведения, заявляют читателю, что его взгляды «здоровые, жизнеутверждающие».

Так с легкой руки критика-маоиста выдающееся произведение классической литературы Китая, поэма Су Ши «Красная стена», было отнесено к разряду «ядовитых трав». Статья Ци Яо заканчивается риторическим вопросом, заданным с нескрываемым возмущением: «Неужто Су Ши можно научить нас, как быть коммунистом? Этим в коем случае нельзя допустить!»

Нужно ли доказывать абсурдность подобного выпада против древнего поэта?

Совершенно ясно, что такие рассуждения находятся в вопиющем противоречии с марксистско-ленинским отношением к положительному наследию человечества. Пере-критики из армии «проводников идей Мао Цзэ-дуна» при оценке художественного произведения, созданного много веков назад, требовали от него невозможного соответствия современным научным взглядам на природу и общество. Тем самым они совершенно игнорировали тот факт, что процесс становления взглядов древних мыслителей о природе, происхождении мира и причинах его изменений развивался в борьбе элементов материалистических идей с религиозно-идеалистическими заблуждениями. Эти «критики» не понимали глубокой мысли Ф. Энгельса о том, что «сущнейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа, ка-

таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»²².

Маонистская же критика обрушивалась на классиков за то, что в свой век они не знали диалектического материализма и не представляли себе, что такое классы и классовая борьба.

Более порочный подход к культуре прошлого трудно даже вообразить!

Когда же началась «культурная революция», критики уже были не пужны: на арену вышли «бунтари» — хунвэйбины, для которых все, кроме «идей Мао Цзэ-дуна», было «дерьмо и хлам».

Но Су Ши — всемирно известный поэт. Если его сейчас «изъяли» из жизни на родной китайской земле, то лишь потому, что он не мог мириться со злом, которое видел вокруг себя, а зло — всегда зло, зло оно остается и в наше время. И все же Су Ши бессмертен. Он бессмертен уже потому, что принадлежит не только Китаю, но и всему человечеству. Су Ши никогда не будет отвергнут человечеством, а, наоборот, останется в памяти людей как великий творец, боровшийся со злом, но, к несчастью, так и не нашедший от него избавления. В этом была его трагедия, источник идейных противоречий и моральных мучений.

породивших политическую поэзию, полную гнева и ненависти к злу, поэзию, в которой отчетливо слышен голос народного страдания»²³.

Мы говорили о Су Ши, но вывод из всего, что было сказано о нем, можно распространить и на всю классическую литературу Китая, оказавшуюся врагом маоизма. Имевшие в 50-х годах место попытки приспособить ее для пропаганды «идей Мао Цзэ-дуна» давали обратные результаты. Проникнутые духом гуманизма и подлинного патриотизма, лучшие произведения китайской классики не могли обслуживать «идей», согласно которым и гуманизм, и народность в литературе идут якобы вразрез с «принципами классовой борьбы»²⁴.

Поэтому до сих пор классическое литературное наследие, созданное гением китайского народа в течение многих столетий, фактически находится под запретом, а если о нем и заходит речь, то лишь с целью «критики» древних поэтов.

Но что доказывают такие — временные — запреты, такие попытки очернить, оклеветать национальную литературу?

Лишь слабость тех, кто запрещает и очерняет, их страх перед правдивым словом, несущим народу добрые чувства и смелые мысли.

²² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 545.

²³ В. А. Кривцов. «Поэты сунского Китая», в кн. «Поэзия эпохи Сун». М., 1959.

²⁴ Об этом свидетельствует вышедшая в 1971 г. книга Го Мо-жо «Ли Бо и Ду Фу». См. «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2, стр. 190—198.

Героический Ханой

Записки журналиста

М. М. Ильинский

Я люблю Ханой — город со своим особым характером, национальными революционными традициями. Для вьетнамца Ханой звучит как синоним слова «Родина», символизирует мужество народа, отражавшего на протяжении многих столетий нашествия иностранных захватчиков.

Когда-то Ханой носил название Тханглонг, что означало город Поднимающегося дракона. Древняя легенда гласила, что здесь император Ли Конг Уану будто бы привиделся гигантский дракон, взлетающий в небо с берега Хонг Ха — Красной реки. «Это доброе предзнаменование, — решил император. — Здесь надо заложить город». Так, если верить легенде, и возник в 1010 г. Тханглонг. Только в 1831 г. Тханглонг был переименован и получил название Ханой, что означает Внутренняя река.

Город был застроен редко повторяющимися по архитектуре двух-трехэтажными зданиями, великолепно спланирован, щедро озеленен. Старые названия большинства улиц говорят о специализации их обитателей: улица Вееров, Ювелиров, Корзинщиков, Шелковая, Серебряная, Парусная... Изделия вьетнамских мастеров отличаются тонкой, действительно виртуозной работой.

Я всегда обращал внимание, сколь заботливо относятся жители Ханоя к памятникам древней архитектуры. Шедевры вьетнамского национального искусства — сколько их сохранилось в Ханое, городе 400 пагод и храмов! «Тюа мот кот» — пагода на одной колонне, построенная в XI веке в виде цветка лотоса; «Тюа хай ба Чынг» — пагода сестер Чынг, получившая такое название в честь двух сестер — Чынг Чак и Чынг Ни, поднявших восстание против китайских захватчиков в 40 году нашей эры. Самая древняя пагода в Ханое — Чан Во...

Ханойский Храм литературы. Он построен в 1070 г., в период царствования короля Ли Тхань Тона. Рядом с храмом в 1076 г. возникла Национальная академия — первое высшее учебное заведение во Вьетнаме. В 1484 г. король Ле Тхань Тон, покровительствовавший просвещению и поэзии, приказал установить в Храме литературы стелы, на которых высеклись имена и биографии величайших ученых Вьетнама. До сих пор сохранились 82 стелы.

В Храме литературы и Национальной академии преподавали крупнейший мыслитель средневекового Вьетнама Тю Ван Ан, в XVIII веке — историк Нгуен Нгисем, отец величайшего вьетнамского поэта Нгуен Зу, ученый-энциклопедист Ле Куи Дон.

Памятник победы при Донг Да. Каждый год весной жители Ханоя приходят сюда, празднуя крупнейшую победу вьетнамского оружия в XVIII веке. В 1788 г. маньчжурский император Цянь Лун двинул двухсоттысячную армию против повстанческой армии «тэйшонов», во главе которых стоял крестьянский полководец Нгуен Хюэ. Со своей стотысячной армией Нгуен Хюэ совершил стремительный переход с Юга страны к Ханю и разгромил у холма Данг Да маньчжурские войска.

Хо Хоан Кием — озеро Возвращенного меча. Рядом с озером высится пагода Черепахи. Как гуси, по преданию, некогда спасли Рим, так и черепахи, по вьетнамским легендам, стали верными «стражами» страны. В XV веке полчища китайских захватчиков вторглись и оккупировали землю Вьетнама. Рыбак Ле Лой поднял восстание. Но его войска не могли одолеть захватчиков. И тогда из озера выплыла гигантская черепаха, которая вручила Ле Лою меч-победитель. И войска Ле Лоя разбили армию китайских феодалов. Победу герой праздновал в Тханглонге (Ханое). Как утверждает легенда, когда Ле Лой плыл на лодке по живописному озеру в центре города, неожиданно всплыла гигантская черепаха, та самая, что подарила мужественному воину меч. И Ле Лой вернул черепахе священное оружие, чтобы она хранила его на случай новых испытаний, которые выпадут на долю вьетнамского народа. С тех пор озеро в центре Ханоя и носит название Возвращенного меча.

Посередине озера на небольшом островке висит пагода Нефритовой горы. Такое название пагода получила из-за островка, напоминающего камень нефрит. Островок связан с берегом изящным подвесным мостом, который был построен в 1885 г. и носит название Тхе хук, что означает Солнце, отдыхающее на мосту.

На берегу озера Возвращенного меча всегда многолюдно. До позднего вечера гуляют влюбленные. И может быть, некоторые надеются увидеть живущую в озере огромную черепаху, которая будто бы выползает из воды два-три раза в году. Ханойцы утверждают, что того, кто первым увидит черепаху, ожидает счастье.

* * *

В Ханое на площади Бадинь 2 сентября 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам — первое государство рабочих и крестьян в Юго-Восточной Азии. И вряд ли кто из вьетнамцев старшего и среднего поколения не помнит, откуда пришла первая угроза молодой республике. 28 августа 1945 г. США, используя в своих интересах части чанкайшистов, доверили китайской реакции очистить территорию Вьетнама на север от 16-й параллели от японских войск, но в действительности, как отмечается в «Краткой истории партии трудящихся Вьетнама», Чан Кай-ши играл роль марионетки империалистов США и стремился осуществить их коварные замыслы — уничтожить партию, разгромить Фронт Вьетминь, помочь внутренней реакции свергнуть народное правительство и создать марионеточное правительство, которое было бы их лакеем.

Сейчас, когда я перелистываю вновь ханойские дневники, понимаю, почему этот город стал мне столь близким, впрочем как и многим другим советским людям, работавшим во Вьетнаме в тяжелое время постоянных налетов авиации США. Вот некоторые из записей.

* * *

Ханойцы — люди особого склада: смелые, энергичные, хладнокровные, глубоко оптимистичные. Терпение — это, пожалуй, одна из основных национальных черт вьетнамцев. Борьба против японских милитаристов, чанкайшистов, первая война Сопrotивления с французскими колонизаторами, нелегкий восстановительный период и, наконец, война с воздушными пиратами США наложили свой отпечаток на формирование характера молодых ханойцев. Сегодня ханойцев можно встретить и глубоко в джунглях, и в высокогорных районах, и среди защитников Виньляня, что лежит на 17-й параллели, там, где проходит демаркационная линия, разделяющая Вьетнам на Север и Юг. Словом, ханойцы всегда там, где труднее и опаснее всего.

Я нередко слышал в различных уголках Вьетнама: «Он из Ханоя». Эта фраза служит во Вьетнаме, пожалуй, своеобразным паролем, наивысшей оценкой боевых и человеческих качеств солдата. И конечно, я не раз обращал внимание на то, что сами ханойцы не представляют, насколько они мужественны. Передо мной лицо молодого шофера. Я не успел тогда спросить его имя. Во время одного из налетов сбитый ракетой американский самолет рухнул в самом центре Ханоя. На улице рядом с пылающими обломками стервятника стоял бензовоз.

— В убежище! Сейчас взорвется! — крикнул прохожим шофер, а сам остался за рулем машины. Мгновение между жизнью и смертью. И человек выиграл это мгновение. Спас, возможно, десятки жизней ханойцев. Вечером того же дня я видел вновь этого паренька у озера Возвращенного меча. Он дарил девушке ярко-красные цветы. И если бы кто-нибудь сказал пареньку: «Ты смелый человек», он, видимо, лишь скромно улыбнулся бы и ответил: «Я из Ханоя».

* * *

Седой человек в темных очках с бамбуковой тростью. Он всегда приходил к 5 часам вечера в небольшое кафе, которое расположено на берегу озера Возвращенного меча. Официантка брала его под руку, подводила к одному и тому же столику, стоявшему под раскидистым деревом сау. Старик неизменно благодарил ее мягкой доброй улыбкой, садился и поворачивался в сторону Нефритовой пагоды на озере. Он мог сидеть так часами. Один. Не говоря никому ни слова. А когда над городом опускался вечер, старик вставал и, медленно ощупывая дорогу своей бамбуковой палкой, уходил к улице Барабанов.

Я много месяцев наблюдал за этим незнакомцем. И однажды спросил официантку, кто этот седой человек.

— Дедушка Лыонг. Он ослеп в 1945 году во время боев за Ханой на Шелковой улице.

Сейчас в ДРВ мало кто помнит, что эту улицу защитники Ханоя в 1946-м называли улицей Баррикад. Бойцы сражались здесь на баррикадах, одевали красные галстуки, которые были символом верности, клятвой спасти и освободить столицу. Среди этих бойцов был и дедушка Лыонг.

Несколько дней спустя я встретил старика на улице Барабанов. Дотронулся до его локтя и предложил:

— Если вы в кафе — я провожу.

— Спасибо,— ответил Лыонг. Он повернулся ко мне. Я впервые разглядел его лицо — в глубоких морщинах, со шрамом у бровей, прикрытым синими очками.

— Я узнал вас, я слышал ваш голос. Вы тот иностранец, что часто бывает в кафе у озера,— сказал он.

Мы шли медленно по улице Барабанов, затем по Шелковой, обогнули озеро Возвращенного меча. У кафе нас встретила знакомая официантка.

— Сегодня вы заменили меня. Помните его столик?

Лыонг занял свое место. Он долго молчал, а потом сказал:

— Вы прошли со мной, видимо, думая, что я одинок. Вы неправы. Я никогда не бываю одинок. Сражаясь за свободу Вьетнама, в далеком 1945-м на баррикаде у Шелковой улицы погибли два моих сына и дочь. Была расстреляна жена, тяжело ранен и я. Но что могут значить мои раны? Мы отстояли Ханой, наш город, наше сердце. И люди Ханоя, те, кто сейчас вокруг нас, всегда со мной. Они в моем доме, на улицах свободного и гордого Ханоя. И я счастлив. Вы понимаете, почему я счастлив?

Я понимал Лыонга. Мы просидели вместе до заката.

* * *

В старину на моей улице, что находится на берегу небольшого ханойского озера, была маленькая деревушка, в которой жила семья старого Као, рассказывал мне писатель То Хоай, председатель ханойского отделения Ассоциации литературы и искусства. От него-то я и услышал рассказ о том, как «тэй» в год Петуха взяли Ханой («тэй» — так называли вьетнамцы французских колонизаторов. Год Петуха — десятый год двенадцатилетнего лунного цикла вьетнамского календаря. Здесь 1883 г.). Его отец и дед погибли в бою с врагом в крепостном рву у Южных ворот.

Во время войны Сопротивления «тэй» вновь захватили Ханой. Здесь были сконцентрированы главные силы колонизаторов, и в районе улицы, где жил тогда Као, находились основные военные и колониальные учреждения французов. Именно тут было важно для вьетнамских патриотов создать постоянно действующий надежный партийный аппарат. Если колонизаторами во главе города был поставлен мэр, то у революции тоже был свой городской руководитель, близкий любому рабочему человеку, — секретарь городского комитета партии.

И как ни старалась полицейская охранка напасть на его след, он был неуловим. Простые люди Ханоя защищали и укрывали его. Однажды агенты французской тайной полиции ворвались в дом Као, где в то время скрывался секретарь горкома партии Чан Ви. Было 12 часов, и Као собирал на стол, расставляя тарелки с рисом. Полиция провела документы у всех находившихся в доме, потом полицейский, у которого Чан Ви вызвал подозрения, стал допытываться:

— А это кто такой?

Као ответил:

— Это мой брат, приехал меня навестить.

Обычно, если явочная квартира революционеров попадала под подозрение полиции, нужно было ее срочно менять.

Однако на этот раз поступили иначе. Секретарь горкома остался в том же самом доме. В стенном шкафу приспособили для него убежище, в котором он мог не только работать, но и спать ночью. Вот так стенной шкаф в доме Као превратился в своеобразную канцелярию горкома партии.

С тех пор минули многие годы. Но ханойцам после начала разрушительной воздушной войны США против ДРВ вновь пришлось отстаивать родной город. Там, где упала у моста Лонгбьен первая бомба, стоит постамент из розового гранита. Он стоит как память о погибших здесь людях, как призыв к бдительности.

* * *

Каждое утро, когда я выходил из корпункта «Известий», который был расположен в самом центре Ханоя на улице Тон Тхат Тхип, видел, как на перекрестке невысокий мальчуган по имени Тхао выписывал на черной грифельной доске цифры. В 1967 г. — 1500... в конце 1968 г. — уже более 3000. Эти цифры говорили о количестве сбитых американских самолетов над территорией ДРВ. В 1972 г. уже другой мальчуган старательно выводил белым и красным мелком на доске цифру 4000. Его предшественник Тхао вырос. Он и теперь нередко приходит к доске на улице Тон Тхат Тхип, но в его руках уже нет школьной сумки. Говорят, что он служит сейчас в ракетном дивизионе.

Во Вьетнаме часто можно услышать: «Самолет врага в небе — убийца. Сбейте его!» И там, высоко, где зенитный снаряд уже не может достать вражеский самолет, с противником расправляются ракеты «земля — воздух». Над всей территорией ДРВ вьет-

намские ракетчики, подготовленные с помощью советских специалистов, поразили сотни вражеских самолетов.

В глубине небольшой банановой рощи высокие земляные валы. Они чем-то напоминают редуты прошлых столетий. В центре мощное современное оружие. Ракетная установка. Грозное острие устремлено в небо.

Я подхожу к ракете, осматриваю ее мощное зеленое тело. На одном из боков красной краской выведены слова «Те тао тай Лиенсо», что означает «Сделано в СССР».

Вдруг неожиданно к нам подбегает вестовой-вьетнамец:

— Немедленно в укрытие! На подступах к Ханюю американские эскадрильи. Боевая тревога!

В блиндаже на окраине рощи, у подножия небольшой высоты, связист-сержант что-то кричал в полевой телефон. Несколько минут спустя я узнал, что американские самолеты шли на высоте трех тысяч метров. Ракеты приведены в состояние боевой готовности номер один. В единоборство с воздушными пиратами уже вступил соседний ракетный дивизион.

Я стараюсь держаться у входа в блиндаж, чтобы видеть небо. Залп, за ним другой. Огненная стрела устремилась наперерез самолету врага. Американский летчик, обнаружив ракету, делает петлю за петлей, пытаясь уйти от электронного преследования. Я наблюдаю за этой адской погоней. Серебристый треугольник самолета, а за ним раскаленная стрела ракеты. Это зрелище трудно с чем-либо сравнить. Еще мгновение, и в небе вспыхивает ярко-оранжевое облако.

— Цель поражена! — радостно кричит мне сержант.

Возмездие. Возмездие за те разрушения и горе, которые принесли агрессоры на вьетнамскую землю. В горле что-то сжимается. Ловлю себя на мысли, что вот эти беспощадно разящие, управляемые электронным мозгом и волей человека огненные молнии созданы моими соотечественниками, руками советского человека, который, выполняя свой интернациональный долг, оказывает столь большую бескорыстную помощь вьетнамскому народу.

* * *

На небольшой ханойской улице Ван Хо расположена выставка, рассказывающая о преступлениях американских агрессоров в Индокитае. В 1969 г. там «экспонировались» обезвреженные бомбы, которые сбрасывались авиацией США на Демократическую Республику Вьетнам. Это были бомбы от стокилограммовых до полутоннажных. Каждый шаг по территории выставки — это шаг по опаленной войной земле. С тех пор агрессивные действия военщины США принимали все более изощренные и усовершенствованные формы.

В 1971—1972 гг. выставка пополнилась новыми «экспонатами», рассказывал мне один из ее организаторов, член Комиссии по расследованию военных преступлений американского империализма во Вьетнаме полковник Май Лам.

С начала 70-х годов в военных кругах Индокитая бытует новый термин: «технологическая и электронная война США». Что он означает?

«Технологическая война» — это один из элементов политики «вьетнамизации», попытка Пентагона вести войну, используя не только силы марионеточных войск, но и «силы и ум роботов». Электронные и кибернетические машины должны заменить на полях сражений Индокитая американских военнослужащих. В частности, в воздушной войне. Беспилотные самолеты приходят на смену пилотируемым авиационным средствам. Они уже широко используются Пентагоном для воздушной разведки, обнаружения целей, сигнализации, оповещения штабов, отдачи приказов по нанесению бомбовых ударов.

Эти действия ведутся следующим образом. С американских самолетов разбрасываются в различных районах Индокитая тысячи небольших датчиков, которые закамуфлированы под тропические растения, камни. Эти датчики регистрируют появление людей в непосредственной близости от них, передают сигналы самолетам, которые собирают информацию, автоматически направляют ее на центральную базу ВВС США в Удоне (Таиланд). Там информация при помощи электронных машин анализируется. После этого на авианосцы 7-го флота и базы в Южном Вьетнаме и Таиланде приходят приказы нанести воздушный удар по тому или иному району Индокитая. Целая система электронных подслушивающих аппаратов, используемая Пентагоном для обнаружения целей для бомбардировок, закодирована под названием «Игл уайт» — «Белый орел».

«Технологическую войну», которая является непосредственным следствием расширения американской агрессии в Индокитае, подчеркивал Май Лам, следует рассматривать под несколькими углами зрения. «Технологическая война» Пентагона в узком смысле — это постоянное усовершенствование вооружения и оснащения авиации, использование новых видов бомб, ракет, снарядов в целях максимального физического истребления народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. В широком смысле «технологическая война» — это конкретное проявление политики геноцида, варварского уничтожения людей в угоду империалистическим интересам США в Юго-Восточной Азии.

Какие только чудовищные средства не используют США в борьбе с патриотами Индокитая, продолжал полковник. В 1971—1972 гг. агрессоры стали применять для воз-

душных ударов бомбы весом 6800 килограммов. Их военный знак В У-82/В. Взрыв одной такой бомбы уничтожает все живое на площади 707 гектаров. Человек, если он находится не в укрытии даже в полутора километрах от эпицентра взрыва, может быть тяжело ранен. Общее количество взрывчатки, обрушенной авиацией США на Индокитай с 1964 по 1971 г., составило 13 миллионов тонн, что равняется приблизительно 670 атомным бомбам, сброшенным США на Японию во время второй мировой войны.

За период с 1969 по 1972 г. в Пентагоне разработали десятки новых типов бомб, предназначенных для поражения мирных жителей. Полковник вынул из портфеля коробку, в которой лежало несколько миниатюрных мини-ловушек. Одна из этих мин, видимо из-за своей формы, носит название «зуб дракона». Мина весит всего 25 граммов. Она сделана из специального состава пластика, который не поддается обнаружению при помощи миноискателей. Для ее взрыва достаточно наступить ногой даже двухлетнему ребенку...

Авиационная мина «паук» с маркировкой ЦБУ-34/42 имеет девять расходящихся пружиц. Эти мины разбрасываются вокруг деревень, чтобы нанести урон крестьянам, работающим на полях.

О шариковых бомбах — «гуаявах» и «ананасах», названия которых возникли в связи с внешним видом бомб, напоминающим эти тропические фрукты, — известно немало. В стальной оболочке бомб размером приблизительно с кулак находится 340—360 шариков. Военная маркировка бомб «ананасов» ЦБУ-46. Самолет «Ф-105» имеет на борту 1,5—2 тысячи таких бомб. При бомбардировке плотность достигает 750 тысяч шариков на квадратный километр. Эти бомбы предназначены для уничтожения людей, не находящихся в укрытиях, застигнутых врасплох во время полевых работ или в хижинах с легкой соломенной крышей. Они применялись агрессорами при бомбардировках городов и сел ДРВ, Южного Вьетнама и Лаоса.

* * *

У каждого человека всегда есть воспоминания, связанные с домом, который по той или иной причине стал ему близким. Моим первым домом в Ханое была центральная городская гостиница «Тхонгнят» — «Единство».

Если историк начинает изучение Ханоя с памятников старины, то журналисту я бы рекомендовал познакомиться прежде всего с историей гостиницы «Тхонгнят», или, как именовали ее несколько десятилетий назад, «Метрополь». В 30-х годах здесь останавливался Чарли Чаплин, в 50-х — в одном из ее номеров заканчивал роман «Тихий американец» Грэм Грин, в 60-х — работали в «Тхонгняте» польская писательница Моника Варненска, болгарская поэтесса Блага Димитрова, известный голландский кинооператор Йорис Ивенс, калифорнийский социолог Франц Шурман, американская писательница Мэри Маккарти, австралиец Уилфред Берчетт и целая армия журналистов, постоянно аккредитованных в Ханое.

По вечерам они собирались в холле «Тхонгнята», который стал своеобразным журналистским клубом. Делились впечатлениями, полученной информацией.

Каждый раз, расставаясь с Ханоем, странное чувство охватывало меня и словно магнит влекло в «Тхонгнят». Возможно, это была просто сила привычки. Возможно, опасения пропустить какую-либо новость, возможно, желание проститься с домом, который за многие годы стал близким.

Прощай, «Тхонгнят», прощай. До новой встречи!

* * *

«В шесть часов вечера после войны ты на свиданье ко мне приходи. На площади Свердлова тебя буду ждать...» Слова этой песни звучали в редкие часы передышек между налетами на позициях ракетных и зенитных дивизионов, под соломенными крышами «бунгалов», как называли во Вьетнаме советские специалисты свои жилища, на тропках в джунглях, на крутых горных дорогах, по которым шли советские геологи. И конечно, в ханойском аэропорту Зиалам, когда улетал очередной самолет, увозя с собой тех, кто закончил свою работу в ДРВ. По обычаю, сложившемуся в Ханое, никто не уходил с бетонного полотна Зиалама до того момента, пока где-то вдали в черном ночном небе не растают прощальные огоньки самолета. А затем, как обычно, кто-нибудь запевал: «В шесть часов вечера...»

Никто не знает, как это случилось, но песня «В шесть часов вечера» стала спутником советских людей на дорогах Вьетнама. В ней выражалась уверенность в победе Вьетнама, великая сила солидарности советских людей с борьбой вьетнамского народа.

«Дело Америкэша»

В. Б. Воронцов,
доктор исторических наук

Эволюция американо-китайских отношений — процесс противоречивый, особенно если рассматривать его сквозь призму обострившейся в последние годы внутривнутриполитической борьбы в США по вопросам китайской политики. В центре дискуссий сегодня оказались проблемы, казалось бы давно преданные забвению. В США вспомнили и заговорили о «деле Америкэша». Дело это было состряпано определенными кругами США, заинтересованными в обострении холодной войны. Судебному преследованию подвергли ряд сотрудников либерального журнала «Америкэша» и лиц, связанных с ним. На подследственных возложили тяжкие обвинения, в том числе в шпионаже и разглашении государственной тайны. Поскольку к делу оказались причастны ведущие специалисты по Китаю, его содержание стало одним из важнейших — вплоть до настоящего времени — предметов дискуссий вокруг методов и средств китайской политики США.

Политика США в отношении Китая, видимо, в большей степени связана с внутривнутриполитическими делами, нежели какой-либо иной аспект американской внешней политики. В Пекине это понимают и пытаются в меру сил оказать воздействие на ход внутривнутриполитической борьбы в США.

Среди многочисленных американских гостей, посетивших в послевоенные годы КНР, можно встретить имена ветеранов-китаеведов, представлявших США в Китае в период второй мировой войны и привлеченных по «делу Америкэша». Некоторые из них — теперь величаемые в сообщениях агентства Синьхуа «американскими друзьями» — известны были в свое время симпатиями к яньаньскому режиму, они восхваляли и стремились поощрять националистические тенденции в КПК, с особой настойчивостью подчеркивали стремление Мао Цзэ-дуна идти «особым» путем, уповали, наконец, на необходимость помощи со стороны США яньаньским коммунистам. Американские дипломаты в Чунцине (Дж. Дэвис, Дж. Сервис и др.) отражали в своей деятельности далеко идущие намерения правящих кругов своей страны, желавших увидеть в послевоенном Китае сильную и дружественную США державу. Однако люди эти, конечно знающие, в период холодной войны и разгула маккартизма оказались в сложном положении. Ведущие американские специалисты-дальневосточники считают, что США заплатили дорогую цену за преследование в тяжкие маккартистские времена наиболее перспективных экспертов по Китаю. «Это был не только период (маккартизма. — В. В.) большой несправедливости по отношению к человеческой личности, — пишут они, — но и период огромного вреда, нанесенного нашим национальным интеллектуальным ресурсам и опыту, что отрицательно сказалось на ясности и точности нашего восприятия событий в Азии»¹. События в Китае прошедшего десятилетия вдохновили представителей сложившейся в довоенные и военные годы школы китаеведов на активизацию своей деятельности в мире буржуазной науки и политики.

19 июля 1971 года в беседе с членами делегации американского Комитета ученых — специалистов по Азии Чжоу Энь-лай заявил: «Во время тихоокеанской войны китайский и американский народы имели много возможностей для контактов друг с другом. Возьмите, например, меня. У меня в вашей стране много давних друзей старшего поколения. Разве ваш Комитет, среди прочих целей, не предусматривает привлечения к деятельности правительства старшего поколения азиатологов? Или же они хранят молчание?» Да, они долгое время хранили молчание. Деятельность американских китаеведов, в том числе и тех, кто не прочь был спекулировать на националистических и антисоветских настроениях в КПК, по существу, была втиснута в определенные рамки, которые определялись задачами глобального противостояния империализма единому фронту социализма и национально-освободительных движений.

¹ Jacob K. Javits, A. D. Barnett, E. O. Reishauer. The United States and China, The Next decade, N. Y., 1970, p. 138.

Усиление антисоветизма в Китае американские либералы встретили со вздохом облегчения. Последние стремятся не только реабилитировать своих коллег, подвергшихся гонениям в период маккартизма за отказ следовать доктринарскому антикоммунизму; они пытаются воздействовать на общественное мнение США, во-первых, в целях создания более благоприятного климата в деле развития китайско-американских отношений, во-вторых, своей трактовкой американского опыта дальневосточной политики они пытаются доказать это уже с точки зрения внутривнутриполитической — торжество неолиберализма — как идеологии государственно-монополистической буржуазии. Это и понятно, ведь наиболее отчаянный маккартизм проявлялся тогда, когда «охотники за ведьмами», арестами и преследованиями в госдепартаменте пытались найти ключ к предательству, как они считали, американских интересов на Дальнем Востоке.

Дискуссия в США вокруг проблем китайской политики привела к публикации огромного количества документов, связанных с историей американской политики в Китае и фигурировавших во время расследования по «делу Амерэйша»². Эти документы дают обильную пищу для размышлений об американской политике в Китае, о позиции руководителей КПК в отношении США и т. д.

В настоящей работе автор поставил перед собой задачу — рассказать не только о «деле Амерэйша», но и о людях, которые были связаны с китайской политикой США и которые расплачивались за неудачи этой политики, становясь объектом яростных нападок своих же соотечественников.

Обыск в редакции

В один из февральских дней 1945 года глава секции по делам Юго-Восточной Азии исследовательского отдела Управления стратегической службы (УСС) Кеннет Е. Уоллес, просматривая январский номер авторитетного в то время журнала «Амерэйша», решил, что один из появившихся на страницах этого печатного органа материалов весьма походит на подготовленный им недавно документ закрытого содержания.

Разведчики всполошились. Перед различными звеньями УСС была поставлена задача — выяснить, каким путем идет утечка секретных сведений. Решили начать с журнала. В полночь 11 марта 1945 года группа сотрудников УСС тайно проникла в здание редакции «Амерэйша» на 5-й авеню. Во время обыска, как показали впоследствии на расследовании сами сотрудники УСС, были обнаружены секретные по своему содержанию документы и свежие копии с них. ФБР, не раздумывая, установило тщательную слежку за сотрудниками журнала и теми, кто общался с редакцией «Амерэйша». Вездесущие агенты ФБР пошли по следу за сотрудниками дипломатического ведомства. Возникло дело.

Спор по «делу Амерэйша», если он касался методов деятельности американской охраны, отражал и отражает, безусловно, глубокое волнение сторонников академических свобод США. Но главное в этом споре, конечно, оценки положения в Китае периода второй мировой войны, деятельности КПК и гоминьдана, оценки, которые давались и даются поныне сторонниками различных, порой противоположных, средств и методов осуществления китайской политики США. Истоки нынешних дискуссий уходят в те далекие времена, когда американцы вошли в первые контакты с руководителями КПК.

В июне 1937 года группа американских журналистов устремилась в Яньань. Трое из них — Г. А. Биссон, Филипп Джаффе и Оуэн Латтимор — входили в редколлегия журнала «Амерэйша». Им предстояло преодолеть гоминьдановскую блокаду Освобожденных районов, контролируемых КПК.

Поездка членов редколлегии в Яньань и последующая информация о положении в Китае, в том числе и в Освобожденных районах, не могли не сказаться на содержании журнала «Амерэйша». И вскоре издатели обрушивают на читателя поток информации о положении в Китае. Журнал начинает все больше привлекать внимание читающей публики, его замечают и в правительственных кругах. Тираж достигает 2000 экземпляров. С первого своего появления в марте 1937 года и до последнего номера (июль 1947 г.) журнал с симпатией отзывался о движении китайских коммунистов.

Группа «Амерэйша» прошла в Яньань хотя и трудным, но проторенным путем. Американцы, побывавшие в канун войны на Тихом океане в Яньане, были различны по взглядам, характерам и побуждениям. Первым среди них стал Эдгар Сноу. Спустя

² The Amerasia papers: A clue to the Catastrophe of China, vol. 1—2, prepared by the subcommittee to investigate the administration of the internal security act and other internal security act and other internal security laws of the committee on the Judiciary United States Senate, Washington, 1970, John S. Service, The Amerasia papers, Some problems in the History of U. S. China Relations, Washington, 1971.

много лет Э. Сноу станет известен как личный друг Мао Цзэ-дуна, и на его смерть Пекин откликнется трогательным соболезнованием. Тогда же он первым — а вслед за ним и «Американа» — воздал должное субъективизму и волюнтаризму Мао Цзэ-дуна.

Среди ведущих авторов журнала «Американа» были Эванс Карлсон, Анна Луиза Стронг, Майкл Линдсей. В 1935 году капитан Карлсон был назначен в военную охрану Ф. Рузвельта. Вскоре он выехал в Китай и должен был лично в строго секретном порядке информировать президента о происходящих здесь событиях. Официально Карлсон выступал в роли наблюдателя от военно-морских сил. Прибыв в Китай, капитан сразу же направился в штаб 8-й Красной армии. В мае 1938 года он побывал в Яньане, беседовал с Мао Цзэ-дуном.

Анна Луиза Стронг, длительное время сотрудничавшая с прессой Херста, прослыла наблюдательной журналисткой. С необыкновенной легкостью она восприняла мелкобуржуазные воззрения маоистов. Анна Луиза Стронг, заявил о ней редактор «Американа» Джаффе, «никогда в действительности не понимала ни социализма, ни марксизма»³.

Большее время, чем кто-либо из иностранцев и авторов «Американа», посещавших Яньань, провел в Освобожденных районах Майкл Линдсей. Сын английского лорда, он получил блестящее образование и начал читать в Пекинском университете лекции по политическим наукам. Аргументы, находившиеся в теоретическом багаже М. Линдсея, основывались на представлении о КПК как о партии социалистов, аграрных реформаторов («Яньаньская система не коммунизм, а аграрная демократия», «Коммунизм в Китае — ничего, кроме аграрной реформы» и т. д.). КПК видит впереди, делится он с читателями «Американа», «длительный период развития в условиях существования капиталистических, демократических институтов»⁴.

В духе Линдсея высказывался и Г. Форман. К тому времени он приобрел немалый опыт корреспондентской работы, представляя на Дальнем Востоке различные американские газеты и издательские компании. Форман сумел познакомить своих сограждан с темами, которые обсуждались им в обществе Мао Цзэ-дуна. И пока дипломаты беседовали с лидерами КПК и, тщательно воспроизводя эти беседы на бумаге, строчили срочные строго секретные депеши в Вашингтон, читатель книги Формана («Доклад из Китая») знакомился с декларируемой Мао Цзэ-дуном платформой КПК. Беседа Формана с Мао весьма показательна, особенно если иметь в виду стремление представителей КПК подчеркнуть «особый», независимый от внешнего влияния (в том числе и СССР) характер коммунистического движения в Китае. «Мы не боремся за коммунизм, — заявил Мао Цзэ-дун Форману, — в общественном и политическом смысле, который имеется в виду в Советской России. В своем намерении освободить эти миллионы (крестьян. — В. В.) и повысить их жизненный уровень путем осуществления аграрной реформы мы, однако, не пойдем так далеко, как это сделали в Советской России — отобрать земли у помещиков и распределить народу... Мы модифицировали эту политику таким образом, чтобы заставить помещиков снизить арендную плату до разумных пределов, убедив их в то же время, что эта пониженная рента будет регулярно оплачиваться арендатором. В этой области мы отличаемся от Советского Союза в экономическом смысле. Политически мы также отличаемся от него, поскольку мы не призываем к диктатуре пролетариата и не планируем ее, мы не призываем к коллективизму, который подавлял бы личную инициативу, мы в действительности будем поощрять конкуренцию и частные инвестиции. При условии приемлемого соглашения мы разрешим и будем приветствовать иностранные капиталовложения в торговлю и промышленность в районах, которые мы контролируем... Мы являемся отсталой страной и поэтому нуждаемся в иностранных инвестициях... Мы стремимся ограничить возможность установления однопартийной диктатуры, которая практикуется сегодня гоминьданом»⁵. Форман прослыл среди своих коллег особенно падким на сенсации журналистом. Книжкой о Китае он еще раз подтвердил это мнение о себе.

«Американа» — читателю

Представления американцев о Китае и о Яньани формировались, таким образом, под воздействием целой серии книг, статей Э. Сноу, А. Л. Стронг, О. Латтимора, Ф. Джаффе, Г. Биссона и многих других публицистов, которые, несмотря на различия

³ Philip J. Jaffe. The strange Case of Anna Louise Strong. Survey № 53, X. 1964, p. 129.

⁴ Michael Lindsay, «The North China Front: Part II», Amerasia VII, 1944, 14. IV, p. 124—125.

⁵ Harrison Forman. Report from Red China, N. Y., 1945, p. 177—178.

в оценках деятельности КПК и причины этих различий, в большинстве своем сходились в одном — будущее в Китае за более прогрессивным движением, руководимым КПК. Позитивные оценки коммунистического движения в Китае, деятельности лидеров КПК и популяризации их взглядов на страницах журнала «Амерэйша» — явление, которое можно, видимо, объяснить прежде всего тем, что общий дух антифашистской, освободительной борьбы в мире — а в первых рядах сражений шли коммунисты — в значительной мере поднял авторитет коммунистических партий. Решающие сражения шли на советско-германском фронте, и первое в мире социалистическое государство, руководимое коммунистической партией, приняв на себя главный удар фашистского агрессора, с честью вышло из суровых испытаний, которые лишь подтвердили могущество социалистического строя. Писать в это время о деятельности коммунистов различных стран — значит поведать читателю о стойкости и героизме передовых, наиболее прогрессивных сил времени, стоявших в центре борьбы с агрессией и фашизмом, писать иначе — значит идти против течения, теряя авторитет среди умеющей ценить беспристрастность и объективность читающей публики.

Американские публицисты либерального толка с восторгом воспринимали утопические и эгалитаристские идеи, последователями которых становились многие лидеры КПК. В мышлении американского интеллигента первой половины XX века, хорошо знакомого с историей своей страны, идеи коммунизма ассоциировались с сектантскими коммунами, где духовная жизнь подчинена религиозным канонам, с опытами в США утопического социалиста Р. Оуэна, с принявшим в середине XIX века массовый характер на американском континенте фурьеристским движением.

Посетившие Яньань американцы уносили с собой разнообразные впечатления от бесед с руководителями КПК. Мао Цзэ-дун представлялся им человеком «особого склада». Нельзя было не заметить, что меньше всего его заботили специфические — из всего своеобразия революции — черты, имевшие не узконациональное, а международное значение. Он рассматривал национальное своеобразие революции в качестве главного и решающего фактора, определяющего деятельность КПК. Борьба за «национальную свободу» не обязательно (так думал не только Э. Сноу⁶) должна была бы привести к коренным социальным преобразованиям, к антиимпериализму в подлинном смысле этого слова. От глаз американских специалистов не ускользнули честолюбивые устремления лидера КПК, озабоченного перспективами личной власти, испытывавшего неприязнь к Коминтерну, к Советскому Союзу.

Сложность задач, которые стояли перед редколлегией журнала «Амерэйша», можно понять, особенно если учесть распространенную среди американских читателей индифферентность к азиатским делам.

Мир в глазах американца представлялся в то время в основном разбросанным по обе стороны Атлантики. Нельзя было не увидеть парадоксальность этого явления, рассматривая его прежде всего с точки зрения усиления влияния США в мире, связанного с еще более активным проникновением американцев на Восток, с крушением классического европейского колониализма. В это время создавалось новое, необычное, как казалось для буржуазной мысли, направление журнала «Амерэйша», который в позитивных тонах изображал коммунистическое движение в Китае.

Сравнения между положением в Освобожденных районах и в гоминьдановском Китае говорили не в пользу последнего. Передовые «Амерэйша» поведали о растущем интересе редакции к положению в Китае, к проблеме взаимоотношений между гоминьданом и КПК. В 1937—1938 гг. читатель журнала знакомился с оптимистическими высказываниями относительно перспектив единого фронта в Китае в 1939—1941 гг. КПК все в большей степени представляется авторами «Амерэйша» в качестве прогрессивной организации. После 1941 года на страницах журнала появляется критика — сначала слабая — политики чанкайшистского правительства. Но вскоре эта критика начинает сопровождаться призывами покончить с гоминьдановскими «репрессиями» в отношении всех народных движений», с блокадой Освобожденных районов. Тогда-то родилась концепция «двух Китаев». Перед глазами читателя «Амерэйша» возникла суровая картина беззаконий и коррупции гоминьдановского полицейского государства и прогрессирующего движения демократического Китая, ведущую роль в котором играла КПК. Журнал все чаще и чаще помещал заявления лидеров КПК, остро критикующих американскую политику безоговорочной поддержки Чунцина⁷. Эта позиция журнала «Амерэйша» приобрела особую актуальность для китайской политики США первых лет войны на Тихом океане.

⁶ R. Shewaker, *Americans and Chinese Communists, 1927—1945*; Ithaca and London, 1971, p. 70.

⁷ *The Communist Problem in China, Amerasia*, VIII, April 28, 1944; *Political Impasse in China, Parts I, II, III, Amerasia IX*, March 23, April 6, April 20, 1945.

Дж. Стилзуэлл визави Чан Кай-ши

Вашингтон в течение длительного времени связывал свои надежды в Китае с именем Дж. Стилзуэлла. Он начал свою карьеру в этой стране с чина младшего офицера, до войны служил военным атташе (1935—1939 гг.) при Чан Кай-ши. Дж. Стилзуэлл находился в Чунцине с 6 марта 1942 г. и занимал пост главнокомандующего союзными войсками на китайско-бирманско-индийском театре военных действий, начальником штаба Чан Кай-ши.

Иные авторы, нападая на обвиняемых по «делу Америкейша», относят Дж. Стилзуэлла к числу явных покровителей «пятой колонны» в госдепартаменте. Стилзуэлл смотрел, считает, например, Кьюбек, на давнишнего врага Чан Кай-ши — Мао Цзэ-дуня — дружественными глазами. Сторонники такой оценки деятельности американского командующего выдвигают следующую версию. «Антинационалистические», т. е. античанкайшистские, элементы в госдепартаменте последовательно пытались использовать позицию Стилзуэлла в качестве рычага для давления на госдепартамент с целью повернуть политику США от поддержки Чан Кай-ши лицом к КПК. Генерал просил о назначении в его штаб на роль советников лиц, убеждения которых были известны как античанкайшистские. Люди из окружения Стилзуэлла считали, будто только Мао Цзэ-дун сможет повести Китай по демократическому пути. Сильная группа «леваков», согласно Кьюбеку, использовала симпатии Стилзуэлла к китайским коммунистам, его антипатии к Чан Кай-ши как средство поворота американской политики в благожелательном для КПК направлении⁸. Одним из этих «леваков» стал «агент по связям» при генерале, выходец из семьи протестантских миссионеров, молодой дипломат Дж. Патон Дэвис. Стилзуэлл признавал, что знание Дэвисом китайской действительности, несомненно, принесет определенную пользу его штабу и ему лично⁹.

Не личные антипатии Стилзуэлла к Чан Кай-ши («Личная вендетта Стилзуэлла»), как это часто представляют, а противоречивость самой американской политики в Китае обусловила серьезные расхождения между американским генералом и чунцинским диктатором.

Линия Стилзуэлла, направлявшего гигантские усилия на мобилизацию ресурсов Китая, приходила в противоречие с позицией чанкайшистов: саботировали военные действия против Японии, вместе с тем не прекращали атаки на 8-ю и Новую 4-ю народные армии, тесным кольцом блокады окружили Освобожденные районы.

Идея мобилизации всех ресурсов Китая на борьбу с главным противником в войне завладела умами многих американских политиков. Чан Кай-ши пытался, действуя вопреки такому рода намерениям, направить всю американскую помощь (деньги и снаряжение) не против Японии — пусть союзники и без его участия поставят на колени общего врага! — а против оппозиционных сил, в защиту собственной диктатуры. Здесь-то и следует искать ключ к спору между Стилзуэллом и Чан Кай-ши. Этот спор принял угрожающий характер, когда встал вопрос о посылке американских наблюдателей в Яньань.

Дж. Сервис анализирует...

Экскурс Дж. Сервиса в область «идей» Чан Кай-ши вошел в наследие американского китаеведения. Насколько восторженным оказался отклик Дж. Сервиса, как и других его коллег, на провозглашенную в КПК программу строительства «новой демократии», настолько нескрываяемо враждебным было его отношение к теоретическим упражнениям Чан Кай-ши.

В марте 1943 года вышла книга Чан Кай-ши «Судьбы Китая». В своих попытках спасти свое заведомо обреченное дело чанкайшистские пропагандисты консолидировали усилия на противопоставлении теоретической платформы гоминьдана выдвинутым руководителями КПК лозунгам «новой демократии». Прежде чем в Китае станет возможным ввести какую-либо из форм, называемых на Западе демократией, предупреждал автор, страна длительное время будет нуждаться в сильном, централизованном правительстве. Тезис о прочной власти в Китае, о необходимости установления авторитарного правительства в этой стране — один из основных в другой книге Чан Кай-ши, «Китайская экономическая теория» (издана ограниченным тиражом в том же 1943 г.).

В документах Дж. Сервиса давались абсолютно противоположные оценки теории и практики основных, противостоящих друг другу в Китае лагерей. Позиция КПК, как ее трактовал молодой дипломат, предполагала индустриализацию Китая на пути капиталистического развития при опоре на иностранную помощь. Гоминьдан же выступал,

⁸ The Amerasia papers, vol. I, p. 21.

⁹ A. Kubeck, Now the Far East was lost, American Policy and the creations of Communist China, 1941—1949. Chicago, 1963, p. 212.

отмечал Дж. Сервис, за «экономический национализм и централизованный правительственный контроль, основанный на традиционной феодальной системе, при которой деревня составляла бы ведущую экономическую и военную единицу»¹⁰.

Сторонники Мао Цзэ-дуна стремились — как указывалось в документах Дж. Сервиса — представить американскому капиталу значительную долю участия в экономике страны, привлечь американские инвестиции. Политика же гоминьдана — тенденции к высокому протекционизму, особое внимание к проблемам вооружения и стратегическим путям сообщения, создание нескольких крупных современных отраслей промышленности, находящихся под контролем бюрократического капитала, широкая децентрализация мелких промышленных предприятий и т. д. — не могла привести к модернизации экономической структуры страны и стать базой для расширения торговли между Китаем и США. Дж. Сервис, анализируя свои беседы, проходившие у него с руководителями КПК, уповал на возможность подрыва господства бюрократического капитала, на более благоприятные перспективы развития частного предпринимательства в Китае (ведь в 40-х годах в руки гоминьдановского государства перешли 2/3 промышленных капиталовложений, предприятия транспорта и связи, контроль над внешней и крупной оптовой торговлей в стране).

Американский либерал, находясь под впечатлением контрастов гоминьдановского режима и Освобожденных районов, не мог предположить, что для отдельных и влиятельных лидеров КПК декларации о строительстве нового, демократического Китая были продиктованы зачастую чисто тактическими соображениями. Дж. Сервис, правда, надеялся, как он сам признавал впоследствии, уяснить, лежат ли в основе желания Мао Цзэ-дуна вступить в тесные отношения с США лишь краткосрочные тактические соображения, имеющие в виду сотрудничество с американцами в борьбе с гоминьданом. Или США могли ожидать — с чем, собственно, во многом и связана миссия американцев в Яньань — осуществления такого рода планов руководством КПК при установлении контроля компартии в Китае. Возможно, что некоторые члены руководства КПК надеялись, предполагал Дж. Сервис, на развитие Китая с активным использованием иностранных капиталовложений, на содействие в этом США. Однако их декларации могли лишь подогревать надежды американских политиков, но отнюдь не отражать реальное положение дел в стране.

Важнейший в то время фактор мировой политики — влияние идей социалистического переустройства общества — в период решающих побед первого в мире социалистического государства приобретал все большее значение для судеб китайской революции. Вместе с тем тогдашнее руководство КПК, выступая в сложном и противоречивом процессе развития китайской революции в роли активного поборника «трех народных принципов» и основных политических установок Сунь Ят-сена, использовало многие средства внутри- и внешнеполитического характера в целях укрепления личной диктатуры в партии, создания в Китае новой формы централизованного бюрократического контроля над страной. Дж. Сервис вряд ли мог предположить, что торжество волюнтаризма, представления о примате этических начал и особой роли традиций в экономической политике будет иметь место в Китае и в наши дни после захвата власти Мао Цзэ-дуном и его сторонниками.

26 ноября 1945 года Чан Кай-ши провозгласил: «Я намереваюсь лично взять на себя общее руководство экономической реконструкцией Китая». Пройдут годы — и Мао Цзэ-дун провозгласит «большой скачок», чем подтвердит в определенном смысле универсальность для практики сегодняшних китайских националистов многих положений, выдвинутых в свое время в «Китайской экономической теории» Чан Кай-ши. Систему, при которой деревня составляла бы основную экономическую и военную единицу, при которой создаются несколько современных отраслей промышленности, работающей в основном на вооружение, систему бюрократической централизации Дж. Сервис нашел в чанкайшистском Китае. И эту же систему — с некоторой модификацией — он увидит в Китае трагических дней «культурной революции».

Оценивая книгу «Китайская экономическая теория», Дж. Сервис не стеснялся в выражениях. Он говорит об ограниченности автора, об откровенно фашистской направленности книги, подмечает ее резко шовинистический настрой, великодержавные амбиции чунцинского диктатора.

Однако Дж. Сервис не избегал тенденциозности. Нельзя не заметить субъективный подход политика, заинтересованного в более выгодном свете показать — на фоне неуклюжих теоретических изысканиях Чан Кай-ши — деятельность КПК. Этим, возможно, следует объяснить нежелание увидеть в глаза совпадения взглядов Чан Кай-ши и Мао Цзэ-дуна. Ведь великоханьские претензии на расширение китайских границ были задолго до появления книг Чан Кай-ши высказаны Мао Цзэ-дуном.

Еще в 30-х годах Мао Цзэ-дун писал (в работе «Китайская революция и КПК») о том, что империалисты оторгли зависимые от Китая государства и часть его территории. Упоминались, в частности, Корея, Тайвань, Пескадорские острова, Окнава,

¹⁰ The Amerasia papers, vol. I, p. 598, 939.

острова Рюкю, Порт-Артур, Бирма, Бутан, Непал, Гонконг, Северный Вьетнам, Макао. ЕВедь именно тогда Мао заявил Э. Сноу: «Внешняя Монголия должна быть возвращена Китаю»¹¹. Не нужно было обладать особой проникательностью, чтобы увидеть общность великодержавных, националистических интересов у Мао Цзэ-дуня и Чан Кай-ши. Последний, несомненно, был одним из тех, кто мыслил категориями восстановления границ китайской империи. Мао был таким же. Многие из руководства КПК, как и гоминьдановцы в период расцвета своего влияния, поднимали голос в защиту права национальных меньшинств Китая на самоопределение. Но по мере того как укреплялись националистические тенденции в КПК, маоисты все в большей степени подкрепляли великоханьский шовинизм, право Китая господствовать над всеми народами, которые были насильно включены в прошлом маньчжурами в состав империи. Великодержавные амбиции сторонников Мао, ярко проявившиеся, в частности, в пропаганде территориальных притязаний, убеждали достаточно сведущих американцев в правильности тезиса о том, что «национализм — ахиллесова пята китайских коммунистов».

Американские специалисты по Китаю были в большинстве своем единодушны, когда давали оценку теории и практике гоминьдановского режима. Прошлое Чан Кай-ши пугало американских либералов. Человек, ранее хорошо известный связями с преступным миром, добился своего положения — они были убеждены в этом — благодаря приобретению навыков спекулятивной игры между отдельными лицами и группами, благодаря содействию со стороны гангстерской тайной полиции. Если и были в Китае два способа сведения политической борьбы — с помощью закона и путем насилия, — то в своей деятельности Чан Кай-ши ловко сочетал и то и другое. Действуя якобы от имени закона, жуаньский диктатор исходил из положения — государство служит интересам того, кто им управляет. Кажущаяся парадоксальность, за которой просматривается определенная историческая закономерность, состоит в том, что Мао Цзэ-дуну будет дана его противниками характеристика в тех же выражениях, которые использовались при оценках Чан Кай-ши. «Сегодня он (Мао Цзэ-дун. — В. В.), — говорится в опубликованных в США документах по поводу сентябрьских событий 1971 года, — может пытаться привлечь на свою сторону одну группировку, чтобы расправиться с другой, а завтра он может натравить вторую группировку на первую. Сегодня он может произносить сладкие речи, а завтра отправить вас на смерть по сфабрикованным обвинениям». Американские либералы, не сумевшие, скорее, неспособные, понять всю иллюзорность представлений о «демократизме» Мао Цзэ-дуня, горько просчитались.

Спустя много лет Дж. Дэвис выступит со смелым, хотя и односторонним, признанием своего бессилия. «Моя ошибка в 1944 году, — ответит он на вопрос, — состояла в том, что я утверждал, будто китайские коммунисты являются демократами. Я путал популярность коммунизма с демократией». От Дж. Дэвиса нельзя, конечно, ожидать чего-либо другого: он был и оставался на антикоммунистических позициях. Ему, как многим идеологическим защитникам капиталистического строя, казалось соблазнительным воспользоваться ревизией своих прошлых оценок революционного движения в Китае для дискредитации идеи, практики научного коммунизма. Ведь жертвами маоистского деспотизма становились прежде всего подлинные марксисты, интернационалисты, и в первую очередь в высочайшие принципы демократии и борющиеся за них. Не коммунисты в подлинном смысле этого слова маскировались под псевдодемократическую фразеологию, а националисты, готовые использовать любые средства для упрочения своей власти в партии и стране. Вряд ли можно ожидать от Дж. Дэвиса, как и от Дж. Сервиса, признания этого факта.

«В тисках маккартизма»

9 февраля 1950 года члены женского клуба в Уилинге выслушали речь сенатора-республиканца Джозефа Маккарти и стали свидетелями первого решительного шага необразованного демагога. «У меня в руках имеется список из 205 фамилий, — заявил сенатор, — которые были сообщены государственному секретарю как фамилии членов коммунистической партии и которые до сего времени значатся в числе лиц, работающих и планирующих политику в госдепартаменте». Коммунисты и предатели в госдепартаменте? Для обывателя это было слишком! В госдепартаменте забили тревогу и подготовили опровержение.

Маккарти развил бурную деятельность против видных деятелей Тихоокеанского института Оуэна Латтимора и Филиппа Джэсаппа, он обещал предоставить более обширный материал о «подрывной деятельности» в США.

Маккарти не ведал, когда начинал скандал, о большом влиянии Латтимора в мире науки. «Может быть, в деле с Латтимором я слишком много внимания уделял вопросу, является ли он шпионом или нет, — оправдывался висконсинский сенатор. — Я считаю,

¹¹ E. Snow, *The Red Star over China*. N. Y., 1944, p. 96.

вы можете спросить любого школьника, кто инициатор нашей дальневосточной политики. — заявил Маккарти, — и он ответит — Оуэн Латтимор»¹². Убежденность Маккарти вызвала лишь смехи на галерее для прессы. Основные доказательства виновности Латтимора состояли в том, что целое поколение американских китаистов зачитывалось его трудами и, естественно, находилось под влиянием взглядов ученого. Этого было явно недостаточно, чтобы убедить рассудительных сенаторов.

Маккарти решил перевести внимание с ученого на дипломатов. Обвинения посылались в адрес кадровых дипломатов. С легкой руки архипатриотов оказалось, что профессор международного права Колумбийского университета, не раз выступавший в ООН, связан с «коммунистическим фронтом». Одна из основных причин, породивших такого рода обвинения, таилась в злобной ненависти чанкайшистов и симпатизирующих им сил к редактору Белой книги по Китаю (1949 г.), а им был Джесап.

Известно, что редакторы и составители Белой книги подчеркивали возможное использование в интересах США националистических тенденций в политике руководства КПК, пропагандировали в известном смысле особый, отличный от других компартий характер КПК, демонстрировали желание ограничить связи с Чан Кай-ши и наладить сотрудничество с КПК. Книга должна была, как рассчитывали ее издатели, подготовить более благоприятные (как внутри-, так и внешнеполитические) условия для возможного признания новой власти в Китае Соединенными Штатами¹³. Джесап чувствовал за своей спиной поддержку, ведь он действовал в рамках китайской политики США первых послевоенных лет. Он предъявил письма от генералов Маршалла и Эйзенхауэра, одобрявших его деятельность, вспомнил о критике в свой адрес на страницах советской печати. На этот раз расследование для Джесаппа окончилось удачно. Ему пожимали руки, поздравляли. Обвинения против Джесаппа, отмечали исследователи, несправедливы, необоснованны и подрывают престиж США.

Следующей жертвой наветов стал, в который раз, Дж. Сервис. 15 марта Маккарти сообщил, что комитет по расследованию лояльности не удовлетворен оценкой госдепартаментом деятельности Дж. Сервиса, и потребовал повторного рассмотрения дела.

События в Корее накалили страсти вокруг проблем дальневосточной политики США. «Дело Америкэнша» получило новое звучание. 14 февраля 1951 года Маккарти появился в сенате.

Висконсинский сенатор решил вдруг показать себя в роли делового политического деятеля. «Я хорошо понимаю, насколько непопулярным выглядит посягательство на славу человека, который вырос в великого героя, — оправдывался он. — Я чрезвычайно недоволен такого рода задачей, но чувствую — это должно быть сделано»¹⁴. Последовала серия обвинений в адрес генерала Маршалла. Маккарти стал обзирать союзную стратегию в годы второй мировой войны, когда Маршалл был начальником Объединенного Комитета начальников штабов. Подверглась суровой критике и миссия Маршалла в Китае, говорилось, в частности, о том, что этот генерал попал под влияние дипломата коммунистов Чжоу Энь-лая¹⁵.

Возглавлял позорнейший в истории США поход интервентов против героического корейского народа любимец ультрапатриотов различных мастей, кумир группировки «Азия прежде всего» генерал Макартур. Линия наиболее авантюристических кругов США — ее представлял в Корее Макартур — таила в себе угрозу превращения локального военного конфликта в глобальный. План Макартурса — установление блокады китайского побережья, разрушение промышленного потенциала Китая воздушными бомбардировками, привлечение чанкайшистов к военным действиям в Корее — вызывал опасения реально мыслящих американских политиков. Задачи глобального противостояния силам социализма требовали мобилизации усилий США и европейского империализма (НАТО) против Советского Союза, против растущего влияния идей социализма в мире. Военная вовлеченность США в Китае, по мнению противников Макартурса, могла осложнить отношения США со своими союзниками (прежде всего с Англией), ослабила бы общий фронт империализма. В Лондоне позицию Макартурса называли не иначе как безответственной и легкомысленной. Бомбардировки мостов через р. Ялу непосредственно затрагивали интересы КНР. Генерал играл с огнем и заплатил за это. В апреле 1951 года состоялась отставка Макартурса. Это событие, однако, в значительной степени содействовало созданию в США обстановки необузданной антисоветской, антикоммунистической истерии.

В центре злобной клоунады оказались дискуссии вокруг китайской политики США. Макартур с убежденностью представлял себя жертвой тайного заговора в госдепартаменте. Дипломаты, по мнению генерала, продавали, продавали, как гнусные предатели, сведения англичанам, а те — Китаю. Сторонникам Макартурса мерещились зловещие козни

¹² Richard H. Rovere, *Senator MacCarthy*. N. Y., 1960, p. 153.

¹³ *United States relation with China. With special reference to the period 1944—1949. Based on the files of the Department of State. Washington, 1949.*

¹⁴ Richard H. Rovere, *Senator MacCarthy*. N. Y., 1960, p. 174.

¹⁵ Richard H. Rovere, *op. cit.*, p. 175.

«невидимого правительства» в госдепартаменте, управляемого агентами из Советского Союза.

Усердно помогал Макартуру в деле розыска виновных за провал дальневосточной политики его ближайший помощник Уиллби. Этот видный деятель американской разведки открыто хвастал, будто насчитал в своих досье 180 агентов «международного коммунизма»¹⁶, и прославлял усилия Маккарти.

Именитые деятели в среде демократов и республиканцев всерьез говорили о роковых ошибках госдепартамента, политических советников. Эти люди, бросали обвинения в консервативные республиканцы, «случайно или намеренно пришли к ложному выводу о том, будто китайские коммунисты каким-то образом отличаются от других коммунистов». Люди, совершившие эту непростительную ошибку, должны — выдвигалось требование — быть заменены другими лицами¹⁷. Конгрессмен от Массачусетса Дж. Ф. Кеннеди высказывался в таком же духе. «Есть такие люди, — с сожалением отмечал Дж. Кеннеди, — которые до сего времени утверждают, будто китайский коммунизм не является настоящим коммунизмом, а был всего лишь преуспевающим аграрным движением, не получавшим директив из Москвы». То, что американские парии спасли во время войны, наставлял соотечественников Дж. Кеннеди, разбазарили вашингтонские дипломаты¹⁸. «Даже тогда (в 1945 г. — В. В.), — отбивался от Маккарти Маршалл, — я был уверен в коммунистических убеждениях китайцев»¹⁹. Маккартизм торжествовал победу.

* * *

Совместные действия социалистических стран в борьбе с американской агрессией в Корею, тогдашний курс правительства КНР на дружбу и сотрудничество с СССР, несомненно, ослабляли аргументы относительно наличия националистических тенденций в деятельности КПК и возможного использования этих тенденций в глобальном противостоянии империализма Советскому Союзу, всем социалистическим странам. Сама деятельность китайских коммунистов-интернационалистов, ограничивавшая весьма сильные водосудные националистические течения в КПК, представляла американским политикам ответ на вопрос: что же являются собой китайские коммунисты? Эта деятельность сковывала возможности Вашингтона в деле спекуляций на националистических тенденциях в КПК, связывала руки американским либералам, которые, будучи озабочены судьбами капитализма, искали более удобные и приемлемые — с точки зрения интересов США — пути осуществления китайской политики.

Курс КПК на сотрудничество с СССР не оставлял у штурманов китайской политики США надежд на возможное использование националистических тенденций в коммунистическом движении Китая в интересах глобального противостояния силам социализма, в интересах осуществления далекого идущих планов ослабления позиций СССР на мировой арене. Позиция руководства КПК не вызывала в то время сомнений в правящих кругах США — относительно идентичности целей СССР и КНР на международной арене, теоретических основ политики этих двух государств. Американские политики, уповавшие на неизменное и преимущественное влияние во внешней политике КНР факторов националистического характера, на необходимость восхвалять и всячески поощрять националистические тенденции в КПК, вынуждены были отступить. Среди них, несомненно, было немало людей, знающих специфику китайской действительности, посвятивших многие годы своей жизни китаеведению. Мыслящие сугубо либеральными, порой утопическими категориями, они готовились отдать свои силы на совершенствование капиталистического общества, думали о моральном престиже своей страны, о ее авторитете. Воспитанный в духе приверженности к идеалам буржуазной демократии, американский либерал с решимостью отдавал свои знания на алтарь защиты дорогих его сердцу политическим ценностей. И поскольку интересы его капиталистического отечества сталкивались с интересами мирового социализма, он искал, опираясь на свои знания и опыт — в данном случае в китаеведении, — наиболее приемлемые и безболезненные пути противостояния ведущей социалистической стране — Советскому Союзу. Этот поиск учитывал существующую реальность, прежде всего объективное влияние на развитие революционного, освободительного движения социалистической идеологии, опыта первого в мире социалистического государства.

Большинство привлеченных по «делу Америкэша» специалистов отрицали тезис о «советском экспорте» революции и указывали на самостоятельный с точки зрения интернациональных связей характер развития освободительного движения китайского

¹⁶ C. L. Sulzberger, A Long Row of Candles, memoir and diaries, 1934—1954. Toronto, 1969, p. 569.

¹⁷ «The New York Times», May 25, 1951.

¹⁸ Joseph Keeley, The China Lobbyman, the Story of Alfred Kohlberg, N. Y., 1969, p. 409.

¹⁹ Chinese Reds Declared Marxists by Marshall, «The New York Times», May 9, 1951.

народа. Такими либерально мыслящими интеллектуалами были, в сущности, Дж. Сервис и многие другие американские специалисты по дальневосточным делам, чьи имена фигурировали в «деле Америкэша». Маккартисты в конце концов добились Дж. Сервиса — в 1951 году он был уволен из госдепартамента и подвизался с того времени в одной из торговых фирм Нью-Йорка. Лишь в 1957 году окружной суд Колумбии вынес решение о восстановлении Сервиса в служебном ранге, в котором он находился до увольнения. Дипломат возвратился в госдепартамент, но ненадолго. С 1964 года осел в центре по изучению Китая при Университете в Беркли.

Рост антисоветских настроений в КПК, как известно, резко изменил позицию правящей Америки по отношению к проблемам китайской политики. Вместе с американским президентом в КНР побывали люди, на которых в годы маккартизма консервативные республиканцы пытались взвалить ответственность за провалы США в Китае. Дж. Сервиса, Дж. Фэрбенка и других Китаеведов принимают с распростертыми объятиями в Пекине как «американских друзей». В американском сенате, как и во времена холодной войны, бушуют страсти, но теперь там стараются осудить ретроградов и поддержать новаторов в китайской политике. «На замечания Дж. Сервиса, Дж. Дэвиса, Полк. Баррета, — сожалеет председатель сенатской комиссии по иностранным делам Дж. Фулбрайт, — не обратили никакого внимания, их обвинили в защите коммунистов, ответственными за победу КПК».

«Дело Америкэша» трактуется сегодня американскими учеными с разных позиций. Американские либералы, стоящие на позициях реализма, предполагают неизменное влияние на внешнюю политику КНР факторов националистического характера, подразумевают хроническую напряженность в советско-китайских отношениях и необходимость для США делать все для гальванизации этих отношений. Сторонники этого подхода поднимают на щит усилия американских политиков, направленные в недалеком прошлом на установление контактов с КПК. Консерваторы, напротив, исходят из того, что расхождения между СССР и КНР носят временный характер. Эти силы используют «дело Америкэша» для доказательства бессмысленности переговоров с КПК и целесообразности осуществления жесткого курса в отношении КНР.

Сторонники второй точки зрения сегодня оказываются в меньшинстве у штурвала китайской политики США. В июле 1971 года американский специалист по Китаю проф. А. Уайтинг заявил в комитете по иностранным делам: «Цели Мао сейчас идентичны его же целям в 1945 году — призывы к отказу от поддержки Чан Кай-ши за «развитие свободных контактов со всеми странами»²⁰. А раз так, то необходимо, раздались голоса в сенате, учесть опыт прошлого. «Мы, конечно, не знаем, — заявил Дж. Фулбрайт, — насколько Мао был искренен в своих призывах к дружбе с американцами. Причина, почему мы этого не знаем, в том, что ни разу не пытались это выяснить». Сенатор в данном случае прав лишь наполовину. Американские дипломаты — Дж. Сервис и его коллеги — пытались сделать это. Но с другой стороны, материалы, ярко подтверждавшие желание маоистов установить связи с США, так и не увидели света в Вашингтоне вплоть до решения Никсона посетить Пекин. (Они не вошли даже в Белую книгу по Китаю 1949 г.)

Политики, умудренные длительным опытом борьбы за сохранение влияния капиталистической системы в мире, пытаются найти общий знаменатель для деятельности сторонников различных методов и средств осуществления китайской политики. Этот знаменатель, по их мнению, заключается в совместных усилиях по созданию благоприятных условий для закрепления националистических, великодержавных тенденций во внешней политике КНР. Эволюция деятельности американских специалистов-дальневосточников, связанных в свое время с «делом Америкэша», — яркое тому доказательство.

²⁰ China and U. S. Foreign Policy, Congressional Quarterly, Washington, 1972, p. 77.

Саморазоблачение китайских руководителей в ООН

Г. В. Апалин

Почти полтора года прошло с момента восстановления прав Китая в Организации Объединенных Наций. Представители КНР приняли участие в XXVI и XXVII сессиях Генеральной Ассамблеи, включились в работу Совета Безопасности, других органов и специализированных организаций ООН.

Принятое в октябре 1971 г. XXVI сессией Генеральной Ассамблеи решение о предоставлении КНР законного места в ООН связывалось, как известно, с надеждой на то, что Организация Объединенных Наций будет еще более эффективной в деле претворения в жизнь принципов и целей Устава ООН, в деле содействия укреплению всеобщего мира. Однако вся деятельность представителей КНР в ООН показала и показывает, что Пекин не только не оправдывает этих надежд, но и фактически противопоставляет себя миролюбивым силам, оказывает упорное противодействие линии социалистических, многих развивающихся стран, подрывает международные акции, направленные на обуздание сил агрессии и войны, на обеспечение мира и безопасности народов. Яркое свидетельство тому — позиция делегации КНР по важнейшим пунктам повестки дня XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Апология войны

Прошедшая сессия Генеральной Ассамблеи, как никогда раньше, показала, что сегодня перед человечеством стоит выбор между сотрудничеством и конфронтацией, между разрядкой и нагнетанием напряженности и в конечном счете выбор между политической миром и политикой войны. Советский Союз, другие социалистические страны, учитывая происходящие на международной арене изменения, стремятся наполнить идеи сотрудничества государств конкретным содержанием, усилить с помощью практических мер тенденцию к разрядке международной обстановки в мире, к строительству отношений между государствами на основе принципов мирного сосуществования, к ликвидации угрозы развязывания мировой термоядерной войны.

Политика же маоистского руководства Китая резко контрастирует с усилиями всех миролюбивых стран, направленными на укрепление мира. Проводя антиленинский, великодержавно-шовинистический курс, Пекин продолжает в ООН чинить препятствия на пути оздоровления международной обстановки, мешать претворению в жизнь политики мирного сосуществования. «Китай, — писала 22 октября 1972 г. польская газета «Трибуна люду», — вернулся на международную арену не для того, чтобы вносить свой вклад в дело международной безопасности и мира». «Милитаристское руководство Пекина, — отмечала венесуэльская газета «Трибуна популар», — приходит в ярость от любого предложения, которое может привести к миру во всем мире»¹.

Уже в первом своем выступлении на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 3 октября 1972 г. глава китайской делегации Цао Гуань-хуа еще раз показал, что Пекин демонстративно выступает против прогрессивных тенденций в мире. Вопреки общему духу политической дискуссии на сессии, в основе которой лежало признание того факта, что оздоровление международной обстановки ускорило свой темп, Цао Гуань-хуа попытался с ходу принизить значение нормализации положения в мире, расценив ее как «временное поверхностное явление» и выдвигнув тезис о «неизбежности войны»² как постоянном факторе мирового развития. Комментируя речь главы китайской делегации, корреспондент «Нью-Йорк таймс» подчеркивал, что китайский представитель сделал самое воинственное заявление со времени вступления КНР в ООН³.

¹ «Трибуна популар», 5. X. 1972.

² «Жэньминь жибао», 5. X. 1972.

³ См. «Нью-Йорк таймс», 4. X. 1972.

Характерно, что в канун выступления Цяо Гуань-хуа, а именно 1 октября 1972 г. в установочной статье трех редакций — «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао» — в связи с 23-й годовщиной КНР китайское руководство вновь вернулось к апологии войны как средству решения международных проблем, к обоснованию желательности и необходимости международной напряженности. После почти двухлетнего перерыва было вытаскано на свет «указание Мао», впервые обнародованное на IX съезде КПК в апреле 1969 г. о существовании двух возможностей в вопросе — «либо война вызовет революцию, либо революция предотвратит войну».

Декларируя, в том числе и в ООН, стремление КНР соблюдать принципы мирного сосуществования, Пекин толкует эти принципы весьма ограничительно, лишь в плане обеспечения своих собственных интересов. Из ряда статей, опубликованных летом 1972 г. в теоретическом органе ЦК КПК «Хунци», видно, что китайское руководство не хотело бы распространения принципов мирного сосуществования на отношения между СССР и США, с одной стороны, и всем остальным миром — с другой; также оно не хотело бы их распространения и на взаимоотношения между СССР и США, мотивируя это тем, что такое положение «создает благоприятные условия для победы революции»⁴.

В своем выступлении на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН Цяо Гуань-хуа бросил упрек Советскому Союзу за его заявление о том, что «в ядерный век нет иного пути, кроме пути мирного сосуществования между государствами». Есть иной, неизбежный путь, убеждал в своей речи китайский представитель, — путь войны. «Достижение политических задач, — писала «Жэньминь жибао», — зависит от военного дела»⁵.

Отрицание необходимости разоружения

Тезис о неизбежности войны, являющийся отправной точкой в подходе Пекина к проблемам войны и мира, призван также оправдать обструкционистскую позицию китайского руководства в области разоружения. Лидеры КНР накануне последней Генеральной Ассамблеи ООН и в ходе ее пытались посеять сомнения в возможности осуществления каких-либо мер в этой области. В июле 1972 г. Чжоу Энь-лай утверждал, будто в современных условиях «не может быть и речи о разоружении»⁶. 24 октября 1972 г. во время прений в ООН по вопросу о разоружении китайский представитель Чэнь Чу ополчился на тех, кто «изображает гонку вооружений как источник войн и трудит о полном и всеобщем разоружении», заявив, что Китай «против изображения разоружения как крайне актуального вопроса и общих чаяний народов»⁷.

Все эти словесные упражнения потребовались китайской делегации для одной весьма ясной цели: опорочить идею разоружения и оправдать гонку вооружений, особенно ядерных, на которую ныне в Китае расходуется около трети госбюджета. При этом выявился и другой коварный расчет Пекина: подтолкнуть к усилению гонки вооружений и весь «третий мир». «Как можно говорить о разоружении стран третьего мира?! — патетически восклицал представитель КНР в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН по политическим вопросам и вопросам безопасности. — Для них важным вопросом и общим стремлением в настоящее время является отнюдь не разоружение»⁸. И это говорилось после того, как в августе 1972 г. на совещании министров иностранных дел неприсоединившихся стран в Джорджтауне (Гайана) была принята декларация, гласящая, в частности: «Всеобщее и полное разоружение, включая ядерное разоружение, под эффективным международным контролем является жизненно важным условием укрепления международной безопасности»⁹.

Важно подчеркнуть, что упомянутые призывы Пекина к «третьему миру» вскрывают также одну из целей его попыток причислить Китай к развивающимся странам. Маоисты считают, что если им удастся доказать, что КНР является развивающейся страной, то на нее не будет распространяться требование о разоружении. Требование сокращения вооруженных сил, по словам Чэнь Чу, касается прежде всего «двух сверхдержав», то есть СССР и США, но не Китая, который, мол, вместе со странами «третьего мира» оказывает сопротивление агрессии и гнету со стороны «двух сверхдержав».

Выступления пекинских представителей в ООН дают ключ и к пониманию подлинного смысла китайского предложения о том, чтобы ядерные державы, прежде всего

⁴ «Хунци», 1972, № 5.

⁵ «Жэньминь жибао», 9. IX. 1972.

⁶ «Жэньминь жибао», 18. VII. 1972.

⁷ «Жэньминь жибао», 27. X. 1972.

⁸ Там же.

⁹ «Новое время», 1972, № 43, стр. 6.

США и СССР, отказались от применения первыми ядерного оружия. Китайское предложение, по существу, оставляет для КНР возможность беспредельно наращивать ядерный потенциал якобы для «оборонительных целей».

По утверждению Цяо Гуань-хуа, соглашение, заключенное в соответствии с китайским предложением, явилось бы «первым шагом» на пути к ядерному разоружению. Но кто может поручиться, что этот «шаг» не окажется и последним? Ведь Пекин до сих пор воздерживается от изложения дальнейшей программы в области ядерного разоружения. Согласно выступлению Цяо Гуань-хуа, получается, что до тех пор, пока у Китая «очень мало ядерного оружия», Пекин не согласится ни на какие меры в области разоружения, будет противиться им, ибо они могут «лишь пожечь» Китаю «развивать свой ядерный потенциал»¹⁰. Все рассуждения такого рода, указывала болгарская газета «Отечествен фронт», маскируют «стремление китайского руководства превратить Китай в ядерную силу, которая сможет, опираясь на эту мощь, осуществлять свою националистическую политику и гегемонистские устремления»¹¹.

С трибуны ООН Пекин, по существу, призвал к глобальной атомной гонке. Под надуманным предлогом, что «абсолютное большинство стран мира в той или иной степени находится под угрозой ядерных сверхдержав», китайский делегат выступал за развитие ядерного потенциала теми странами, которые «располагают небольшим количеством ядерного оружия или вообще не имеют такового»¹².

Другими словами, позиция китайского руководства состоит в том, что, пока ядерные державы находятся на неодинаковом уровне развития ядерного оружия, нет возможности договориться о ядерном разоружении, что о таком можно поднимать вопрос только тогда, когда все ядерные державы накопят равные по мощи ядерные арсеналы. Но это — явный абсурд, поскольку гонка ядерных вооружений при таком подходе может продолжаться бесконечно. Обеспечить же стабильность в международных делах при полном равноправии государств может не наращивание ядерного потенциала, к которому толкает Пекин, а эффективные меры в направлении полной ликвидации ядерных арсеналов всех обладающих ими государств, что и предусматривалось советским предложением о созыве конференции пяти ядерных держав для обсуждения ядерного разоружения во всех его формах.

Негативной остается позиция Пекина и по вопросу о созыве Всемирной конференции по разоружению. В отличие от XXVI сессии Генеральной Ассамблеи, когда представитель Китая пытался как-то еще смягчить отрицательное отношение китайского руководства к этому вопросу, на XXVII сессии он недвусмысленно заявил, что «лучше не проводить» эту конференцию, ибо она, мол, «не имеет необходимых предпосылок и ясной цели» и «превратилась бы в пустую говорильню»¹³. Пекин в лице своего представителя пытался доказать, что от нее будет «больше вреда, чем пользы»¹⁴. Однако единодушное стремление большинства членов ООН к созыву конференции вынудило китайскую делегацию лавировать. Представители КНР то отказывались вообще разговаривать на эту тему и поддерживать контакты с группой по подготовке проекта резолюции ООН о конференции, то заявляли, «что китайское правительство готово прилагать активные усилия к созыву Всемирной конференции по разоружению и ее успешному проведению»¹⁵.

Подобные декларативные заверения маскировали, но отнюдь не меняли отрицательного отношения Пекина к самой идее созыва этого форума. Лишь полная поддержка конференции со стороны государств «третьего мира» заставила представителей КНР проголосовать за ее подготовку. В то же время делегация КНР, выступая по мотивам голосования, пыталась обставить проведение конференции целым частоколом «предварительных условий», настаивая на их безоговорочном принятии. Перед всем миром тем самым ставилась дилемма — либо принимать китайские условия, либо дело разоружения не продвигается ни на шаг.

Проголосовав за резолюцию о созыве конференции, которая предусматривает создание специального комитета из представителей 35 государств, включая все ядерные державы, КНР в то же время отказалась участвовать в работе комитета. Этим не преминули воспользоваться представители Англии и США, заявившие, что их страны не будут участвовать в работе комитета, если в ней не примут участия все ядерные державы.

Таким образом, Китай снова пришел на помощь империалистическим силам, заинтересованным в затяжке и срыве созыва Всемирной конференции по разоружению. Пов-

¹⁰ «Жэньминь жибао», 5. X. 1972.

¹¹ «Отечествен фронт», 14. XI. 1972.

¹² «Жэньминь жибао», 5. X. 1972.

¹³ Там же.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 7. XI. 1972.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 27. X. 1972.

торилась ситуация, сложившаяся в связи с советским предложением о проведении конференции пяти ядерных держав, когда США и Англия, дождавшись ответа Пекина, отклонили предложение СССР под тем предлогом, что в этих условиях вопрос о конференции «приобретает академический интерес».

Попытки Пекина, изображающего себя поборником равноправия «малых и средних стран», блокировать созыв Всемирной конференции по разоружению фактически означают его стремление лишить многие из этих государств возможности выразить на специальном форуме свое мнение по столь важной проблеме, как разоружение.

За применение силы в международных отношениях

Советское предложение рассмотреть на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о неприменении силы в международных отношениях получило широкое признание и поддержку. И это понятно. От одобрения этого предложения выиграли бы все государства, и прежде всего развивающиеся, которые нуждаются в международных гарантиях от применения силы со стороны агрессивных кругов, все еще пытающихся делать ставку на использование «крепкого кулака» в международных отношениях. «Советская инициатива, — подчеркивал на XXVII сессии делегат Сомали, — полностью отвечает интересам развивающихся и неприсоединившихся стран, она своевременна, разумна, направлена на укрепление международного мира и безопасности и призвана защищать интересы всех стран, особенно стран с небольшим военным потенциалом». Представители афро-азиатских государств с удовлетворением отмечали, что советский проект резолюции по этому вопросу ни в какой степени не лишает национально-освободительные движения права на вооруженную борьбу, а также права на самооборону и права борьбы за ликвидацию последствий агрессии.

Что касается империалистических держав, государств — членов различных блоков типа НАТО, которые при окончательном голосовании не поддержали резолюцию по советскому проекту, то они не торопились высказаться в ходе общеполитической дискуссии и прений. Представители этих держав рассчитывали, что им, может быть, и не придется активно выступать против, если за них это сделают делегаты Китая. И они не обманулись в своих надеждах.

Китайская делегация оказалась, по существу, единственной, кто в ходе общеполитической дискуссии на сессии выступал против советского предложения о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия. Представители стран «третьего мира» указывали в этой связи, что они были просто удивлены пустыми по содержанию и грубыми по форме выступлениями Цяо Гуань-хуа 3 октября и 13 ноября 1972 г., в которых он обрушился с нападками на советское предложение. Они особенно неприглядно выглядели на фоне общей поддержки советской инициативы. Зато Ассошиэйтед Пресс не без удовлетворения отмечало: «Пекин, можно сказать, таскает для Запада каштаны из огня».

Выступления делегации КНР против предпринимаемых в ООН каких-либо практических шагов, направленных на признание принципа неприменения силы законом в международных отношениях, отличались крайней нелогичностью. Цяо Гуань-хуа то заявлял, что отказ от использования силы должен быть обусловлен «проведением в жизнь политики мирного сосуществования», то обрушивался на положение советского проекта о «мирном сосуществовании, которое предполагает в первую очередь отказ от применения силы в международных отношениях»¹⁶.

Выступления китайских представителей в ООН показывают, что в советском предложении их больше всего не устраивает то, что вопрос об отказе от применения силы увязывается с вопросом о запрещении навечно применения ядерного оружия, так как пекинское руководство вообще не мыслит о запрещении навечно любых видов оружия массового уничтожения. Недаром оно не присоединилось не только к договорам о прекращении ядерных испытаний в трех средах, о нераспространении ядерного оружия и т. д., но и к конвенции о запрещении разработки и производства бактериологического и токсического оружия, не поддержало резолюцию последней сессии Генеральной Ассамблеи о мерах по скорейшему достижению соглашения о запрещении разработки, производства и накопления запасов химического оружия и о его уничтожении.

В позиции Пекина обращает на себя внимание еще один момент. Лидеры КНР, с одной стороны, выступают против признания ООН принципа неприменения силы в качестве закона международных отношений, то есть против главнейшей основополагающей

¹⁶ «Жэньминь жибао», 5. X. 1972.

цели ООН, провозглашенной в ее Уставе, а именно избавления грядущих поколений от бедствий войны. С другой стороны, они сами включают в официальные документы, например в китайско-американское коммюнике о визите Р. Никсона в КНР, в китайско-японское заявление о визите К. Танаки в Китай, формулировки о решении споров «мирным путем, без применения силы или угрозы силой»¹⁷, которые по своему смыслу весьма схожи с теми, что содержатся в советском проекте резолюции и в соответствующем решении Генеральной Ассамблеи ООН.

Чем объяснить такую противоречивость позиции Пекина? Можно предположить, что китайские лидеры используют упомянутые формулировки либо для защиты только самого Китая от применения против него силы со стороны более могущественных партнеров по международным отношениям и не хотят брать на себя обязательства об отказе от применения силы в отношениях с другими государствами, либо эти формулировки являются всего лишь пустыми словесными декларациями, от которых Пекин легко может отказаться, когда он сочтет это целесообразным для осуществления своих великодержавных замыслов.

Закономерный итог

Ход работы XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН показал, что Пекин оказался не в состоянии что-либо противопоставить конструктивной позитивной программе, с которой выступили на сессии Советский Союз, другие социалистические страны, все миролюбивые государства. Его предложения относительно «обязательства ядерных держав не применять первыми ядерное оружие» и о «выводе вооруженных сил с иностранных территорий», которые якобы необходимо рассматривать в качестве безоговорочного условия для ведения переговоров по разоружению, не поддержал никто. Для всех было ясно, что за этими ультимативными требованиями скрывается стремление маоистов сорвать все акции ООН по обеспечению мира и безопасности, усыпить бдительность народов, создать иллюзию отсутствия угрозы ядерной войны.

Вот почему для прикрытия и оправдания своей позиции, непопулярной среди подавляющего большинства делегатов сессии ООН, китайская делегация была вынуждена прибегнуть к недозволенным и неблагородным приемам в дискуссии, встать на путь извращения фактов, грубейшего искажения миролюбивой политики Советского Союза.

Брань и клевета, которые порой граничили с настоящим хулиганством, были призваны не только восполнить отсутствие у делегации КНР каких-либо убедительных аргументов при обсуждении ключевых вопросов повестки дня XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. С помощью этих недостойных приемов Пекин рассчитывал вызвать полемику между делегациями СССР и КНР и под «дымовой завесой» антисоветской демагогии отвлечь внимание участников сессии от существа обсуждаемых проблем, помешать принятию конструктивных резолюций. Учитывая, что большинство стран «третьего мира» поддерживают советскую инициативу в области разоружения и что многие из них имеют отношения с КНР, пекинское руководство рассчитывало развязыванием полемики поставить развивающиеся страны перед выбором между поддержкой предложений СССР и развитием отношений с Китаем.

Эти попытки были подкреплены интенсивной обработкой китайскими представителями делегаций стран Азии, Африки и Латинской Америки. Характерно, что давление на делегатов развивающихся стран со стороны Китая сопровождалось политическим шантажом и со стороны империалистических кругов, которые, исходя из своих агрессивных побуждений, также не хотели обсуждать вопрос о превращении принципа неприменения силы в международно-правовой закон. Африканские представители в ООН говорили, что в период обсуждения советских предложений им впервые за все время пребывания в ООН пришлось столкнуться с «двойным выкручиванием рук».

Однако эти попытки Пекина успеха не имели. Советская делегация не позволила втянуть себя в никому не нужную, кроме Пекина и действующих с ним в унисон империалистических кругов, полемику. «Важно,— говорил в своем выступлении на Генеральной Ассамблее представитель Советского Союза Я. А. Малик,— чтобы усилила делегация всех государств — членом ООН были направлены на поиски конструктивного положительного решения»¹⁸. Генеральная Ассамблея продолжала плодотворное обсуждение проектов резолюций по советским предложениям и приняла по ним важные решения.

Союзниками СССР и социалистических стран в борьбе за принятие позитивных решений по ключевым вопросам повестки дня XXVII сессии Генеральной Ассамблеи

¹⁷ «Жэньминь жибао», 28. II и 30. IX. 1972.

¹⁸ «Правда», 17. XI. 1972.

выступали неприсоединившиеся страны. Абсолютное большинство их стало на сторону советских предложений, что и обеспечило в целом успех инициатив СССР. Широкая поддержка деятельности делегации Советского Союза со стороны государств «третьего мира» расценивается в ООН как проявление открытого недовольства развивающихся стран пекинской позицией демонстративного обструкционизма в отношении важнейших проблем обеспечения мира и безопасности.

Еще в ходе обсуждения советских предложений представители стран «третьего мира» настоятельно требовали от делегации КНР изменить ее отрицательную позицию, прислушаться к голосу большинства членов ООН. Вопреки нажиму со стороны Пекина инициативную группу по подготовке проекта резолюции по вопросу о созыве Всемирной конференции по разоружению возглавил представитель Замбии. Активное участие в этой группе приняли и другие развивающиеся страны. Однако пекинское руководство не захотело считаться со всеми этими фактами. Противоречие между позицией Пекина и чаяниями подавляющего большинства государств «третьего мира» на Ассамблее стало настолько очевидным, что делегат Мексики, обращаясь к китайской делегации, выразил надежду, что «держава, постоянно заявляющая о своей принадлежности к странам «третьего мира», учтет мнение всех стран этой группы».

Борьба китайской делегации против предложений, отвечающих желанию всех народов, привела ее, по существу, к изоляции. Пекин оказался в одиночестве при обсуждении вопроса созыва Всемирной конференции по разоружению. Здесь вновь повторилась ситуация 1971 г. на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи. Представитель КНР Цяо Гуань-хуа клятвенно заверял, что не будет голосовать за созыв этой конференции. Но в самый последний момент, поняв, что китайская делегация рискует остаться в единственном числе, Пекин дал команду голосовать «за». Так было и на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Лишь боязнь полного разоблачения как сторонника гонимых вооружений в целях проведения своей антинародной политики вынудила Пекин голосовать за созыв конференции по разоружению.

Делегация КНР так и не смогла помешать принятию преобладающим большинством членов ООН резолюции по вопросу о неприменении силы в международных отношениях и запрещения навечно применения ядерного оружия. За эту резолюцию голосовало 75 государств; воздержалось 46 делегаций; против голосовало 4 страны — КНР, Албания, Португалия и Южно-Африканская Республика. Пекин оказался в одной компании с фашистской колонизаторской Португалией и расистской ЮАР — злейшими врагами национально-освободительных движений Юга Африки, молодых независимых государств этого континента.

Выступая против советского предложения о неприменении силы в международных отношениях, глава китайской делегации клеветнически утверждал, будто оно исключает право народов, борющихся за свое освобождение, использовать все средства, которые потребуются для завоевания независимости. Это была заведомая ложь, ибо советский проект резолюции как раз подтверждал это право.

Безуспешной была и закулисная деятельность пекинской делегации, направленная против принятия Генеральной Ассамблеей резолюции, подтверждающей принципы важнейшего документа Организации Объединенных Наций — Декларации об укреплении международной безопасности, принятой на юбилейной XXV сессии Генеральной Ассамблеи. 113 государств торжественно выступили за последовательное и безотлагательное осуществление Декларации. Представители КНР, равно как Португалии и ЮАР, продемонстрировали отрицательное отношение к усилиям большинства стран мира способствовать упрочению мира и международной безопасности. Правда, в отличие от делегаций ЮАР и Португалии, открыто голосовавших «против» Декларации, маоцзэдуновский представитель перед голосованием покинул вместе с албанской делегацией зал Ассамблеи и не принимал участия в голосовании. Однако это отнюдь не меняет самого существа дела.

Пекин оказался в изоляции и на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи при обсуждении и голосовании других решений по вопросам частичного разоружения. Так, за резолюцию с призывом к ядерным державам прекратить или приостановить ядерные испытания не позднее 5 августа 1973 г. проголосовало 81 государство, против — 4, включая Китай и... Португалию. За резолюцию о принятии односторонних или согласованных мер по прекращению подземных ядерных испытаний голосовало 94 делегации, против — 4, и опять в их числе оказались представители Китая и Португалии. То же самое повторилось и при голосовании резолюции о прекращении ядерных испытаний в Тихом океане, когда Китай снова был в одной компании с Португалией.

В деятельности китайской делегации на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи обратили на себя внимание ее попытки подыграть сторонникам ревизии Устава ООН. Этот пересмотр выгоден лишь тем, кто выступает против укрепления мира и равноправного международного сотрудничества государств. Во время как интересы всех без исключения государств требуют сосредоточить усилия на строгом выполнении Устава, на более полном использовании всех его возможностей, Пекин стремится расколоть ООН или по принципу размеров территорий и численности населения, или по классификации на «богатых» и «бедных».

Шестой комитет Генеральной Ассамблеи по правовым вопросам 63 голосами «за» (включая Советский Союз, другие социалистические страны) принял решение прекратить рассмотрение на нынешней сессии каких бы то ни было предложений, касающихся пересмотра Устава ООН. Делегация КНР голосовала «против», оказавшись единственным постоянным членом Совета Безопасности, выступившим против решения Шестого комитета. Этим Пекин лишний раз продемонстрировал, что он вступил в ООН с целями, не имеющими ничего общего с укреплением мира и международного правопорядка.

* * *

Таким образом, XXVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН показала, что китайское руководство хотело бы заставить ООН перестать заниматься такими проблемами, как разоружение, обеспечение безопасности, ликвидация очагов напряженности, создание шаг за шагом будущей системы устойчивого мира, возможности перехода к которой становятся все более реальными, что действия представителей Пекина вступают в явное противоречие с целями и принципами ООН, с интересами народов мира, а поэтому, как подтверждают итоги голосования в этой международной организации по ключевым проблемам современности, ведут лишь к его изоляции, к разоблачению великодержавно-шовинистической внешней политики нынешних китайских лидеров.

Европейская безопасность и позиция КНР

В. А. Семенов

Активная борьба Советского Союза, других стран социалистического содружества, коммунистических и рабочих партий европейских государств за мир, безопасность и сотрудничество привела к положительным результатам. Подписаны и вступили в силу договоры Советского Союза и Польши с ФРГ, четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, соглашение ГДР с ФРГ и сенатом Западного Берлина, договоры об основах отношений между ГДР и ФРГ. 22 ноября 1972 г. в Хельсинки начались многосторонние консультации представителей 34 государств по вопросам процедурно-организационной подготовки общеевропейского совещания.

Социалистические государства ясно сформулировали цели своей политики на Европейском континенте. «Мы за то, чтобы расчистить европейскую почву от завалов прошлого, — подчеркивал 30 ноября 1972 г. Л. И. Брежнев в речи на митинге советско-венгерской дружбы на Чепельском комбинате. — Мы ждем от общеевропейского совещания закрепления принципов равной и подлинной безопасности для всех европейских государств. Мы против дискриминации в европейской торговле, за широкое развитие равноправного делового сотрудничества европейских государств в различных областях»¹.

Цели, реализации которых добиваются в Европе СССР и его союзники по Варшавскому Договору, не направлены на то, чтобы дать какие-то преимущества одной из стран Европейского континента либо группе стран. Они создают равные возможности для участия в системе коллективной безопасности в Европе всех народов европейских государств. Совещание компартий северных стран, состоявшееся 9—10 ноября 1972 г., в принятом заявлении подчеркнуло, что система коллективной безопасности в Европе «полностью отвечает интересам всех народов нашего континента», что «соглашение по вопросам европейской безопасности смягчит международную напряженность, ускорит мир во всем мире и создаст новые предпосылки для развития многостороннего сотрудничества между всеми народами Европы»².

Процесс разрядки на Европейском континенте проходит в трудной борьбе с его противниками. Реакционные круги НАТО хотели бы любыми способами помешать развитию этого положительного процесса, с тем чтобы вновь отбросить Европу к временам холодной войны. Они предлагают вести диалог с социалистическими государствами с «позиций силы», стремятся сеять недоверие, подозрительность и тревогу. К ним сегодня примыкают и маоисты.

Пекинские руководители пытаются затормозить процесс разрядки напряженности в Европе, помешать созыву общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. Они так же, как и поборники «блоковой политики», сеют недоверие и подозрительность в отношении миролюбивых намерений Советского Союза и других социалистических государств, навязывают идею, будто европейское совещание выгодно лишь Советскому Союзу, выступают за сохранение американских войск в этом районе.

Китайские лидеры не скрывают, что их цель состоит в том, чтобы использовать Западную Европу, объединенную в рамках военно-политического союза НАТО и Европейского экономического сообщества, в своих планах по борьбе против Советского Союза, братских социалистических стран, реализации своих великодержавных, шовинистических устремлений. Они отводят ей в своих планах особую роль — роль «второй силы» («первая сила» — национально-освободительное движение), ведущей борьбу против Советского Союза и стран социалистического содружества.

«Лидеры Пекина после долгих размышлений в условиях полной изоляции пришли к выводу, — как отмечал в своем сообщении из Пекина 5 октября 1972 г. корреспон-

¹ «Правда», 1. XII. 1972.

² «Правда», 11. XI. 1972.

дент агентства Ассошиэйтед Пресс, — что процесс перестройки мировой системы соотношения сил требует, чтобы они тесно сотрудничали с Японией и Западной Европой».

Действительно, внешнеполитическая стратегия маоистов в отношении Западной Европы претерпела значительные изменения. В 50-е годы КНР в целом солидаризировалась с политикой Советского Союза, других социалистических стран по обеспечению мира и сотрудничества народов в Европе, разоблачала происки милитаристских и реваншистских кругов, противников разрядки напряженности на Европейском континенте. В своем заявлении о прекращении состояния войны с Германией в апреле 1955 г. правительство КНР подчеркивало, что оно поддерживает ГДР и весь немецкий народ, поддерживает СССР и все миролюбивые страны и народы в их борьбе за коллективную европейскую безопасность³.

В январе 1957 г. правительство КНР в совместном польско-китайском коммюнике выражало одобрение советских предложений по обеспечению мира в Европе, заявляло, что западная граница Польши по Одеру и Нейсе является границей мира и отвечает интересам безопасности в Европе⁴.

В совместном советско-китайском заявлении от 18 января 1957 г. также отмечалось, что «обе стороны считают, что все замкнутые военные группировки должны быть заменены системой коллективного мира и коллективной безопасности»⁵.

До 1960 г. представитель КНР в качестве наблюдателя принимал участие в работе Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

С 60-х годов начался крутой поворот в европейской политике Пекина, вызванный тем, что китайские руководители, предавая принципы пролетарского интернационализма, переходили на все более откровенные антисоветские и антисоциалистические позиции. Пекин стал активнее стремиться к сближению с государствами капиталистической Европы, прежде всего с теми, которые противились процессу разрядки напряженности в этом районе. Но если в 50—60-х годах западноевропейские страны преимущественно шли только на развитие торгово-экономических связей с КНР, то сейчас правящие круги западноевропейских государств в развитии связей с Китаем, исходя из основной задачи противоборства капитализма с мировой системой социализма, предпринимают энергичные усилия по установлению политических контактов с Китаем. Не в последнюю очередь проявлению инициативы государствами Западной Европы в установлении более широких связей с КНР послужили также и конъюнктурные соображения деловых кругов западноевропейских государств. Об этом свидетельствует широкая полоса фактов признания КНР и установления дипломатических отношений между Пекином и странами Западной Европы в 1971—1972 гг. Теперь в Европе лишь Испания, Португалия, Ирландия и Ватикан не имеют пока дипломатических отношений с Китаем. Только в 1972 г. по приглашению китайского правительства с официальными визитами Пекин посетили министры иностранных дел Франции, ФРГ, Англии, а также министры торговли Дании, Швеции, Австрии. Заместитель министра иностранных дел, глава делегации КНР в ООН Цяо Гуань-хуа в ноябре 1972 г. нанес визиты в Париж и Лондон. Свыше 30 китайских делегаций различного уровня выезжало в течение 1972 г. в западноевропейские страны.

Маоисты со своей стороны пытаются использовать расширяющиеся дипломатические связи с государствами Западной Европы для борьбы в сфере общеевропейских проблем против миролюбивой политики Советского Союза и стран социалистического содружества.

В то время как курс на разрядку напряженности в Европе настойчивыми усилиями его сторонников постепенно, шаг за шагом, претворяется в жизнь в конкретных политических акциях, китайские руководители пытаются принизить его значение. Они рассматривают беспорные достижения народов Европы в области разрядки напряженности на своем континенте всего лишь как «временное поверхностное явление», которое «не должно вводить в заблуждение народы всех стран и не должно порождать ложное чувство безопасности». Пекин упорно продолжает твердить, что «в Европе, где два военных блока противостоят друг другу, нет и не может быть подлинной безопасности»⁶.

Вместе с противниками разрядки напряженности в европейских странах китайские лидеры хотели бы сорвать наметившийся процесс разрядки международной обстановки в Европе.

³ «Внешняя политика КНР». — Сб. документов, т. 3, стр. 239, Пекин, 1961 (на кит. яз.).

⁴ Там же.

⁵ «Советско-китайские отношения 1917—1957». — Сб. документов, М., изд-во «Восточная литература», 1959, стр. 333.

⁶ См. выступление главы делегации КНР на XXVII сессии ГА ООН. — «Жэньминь жибао», 5. X. 1972.

Пекин ищет аргументы для оправдания своей «причастности» к урегулированию европейских проблем. Премьер Чжоу Энь-лай в беседах с министрами иностранных дел Франции, Англии, ФРГ, с журналистами Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции, с многочисленными американцами, посещающими Пекин, пустил в ход версию о том, что будто бы Советский Союз «угрожает Китаю с Севера» и поэтому разрядка международной обстановки на Западе высвободит СССР руки для «достижения своих тайных целей» на Востоке⁷.

Как показывает практика дипломатической деятельности Пекина, домыслы об «угрозе КНР с Севера» понадобились китайскому премьеру для того, чтобы, с одной стороны, оправдать противодействие китайского руководства процессам разрядки напряженности на Европейском континенте, с другой — поддержать в западноевропейских странах силы, стоящие на позициях холодной войны, антисоветизма и реваншизма.

Так, например, в июле 1972 г. по приглашению китайских властей совершил поездку в КНР лидер западногерманских реваншистов Г. Шредер. Его принимал в Пекине премьер Чжоу Энь-лай. Непосредственные контакты с представителем оппозиции, выступающей против «восточной политики» правительства Брандта — Шееля, за возврат к дням холодной войны, понадобились пекинским лидерам для того, чтобы поддержать западногерманскую оппозицию в выступлении против ратификации договоров с СССР и Польшей, на более активные контакты с представителем оппозиции в Европе, на предъявление реваншистских территориальных притязаний Советскому Союзу и ПНР. Провал оппозиции на недавних парламентских выборах в ФРГ показал, что политика пекинских лидеров противоречит интересам народов Западной Европы, как и платформа западногерманских реваншистов.

Маоисты выступают против кардинальной предпосылки укрепления безопасности в Европе — принципа нерушимости границ. В сентябре 1970 г. они обрушились против советско-западногерманского договора, клеветнически изображая его как «предательство интересов германского народа, советского народа и народов всей Европы», как «поощрение западногерманского милитаризма»⁸. Аналогичным образом Пекин отреагировал и на четырехстороннее соглашение по Западному Берлину⁹. Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ, двумя суверенными немецкими государствами, тоже не совсем пришелся по душе пекинским лидерам.

Недавно, в начале ноября 1972 г., Чжоу Энь-лай пытался внушить представителям Скандинавских стран мысль о выдвижении территориальных притязаний к Советскому Союзу¹⁰.

Особенно важное значение для Европы, где неоднократно совершались агрессии, где и сегодня определенные влиятельные круги мыслят категориями «политики с позиции силы», имеет принцип неприменения силы. Советский Союз вместе с братскими социалистическими странами выступает за то, чтобы в отношениях между государствами не применялись ни сила, ни угроза силой, чтобы все спорные вопросы решались бы только мирными средствами, путем переговоров, в соответствии с нормами международного права. По инициативе СССР вопрос о неприменении силы в международных отношениях обсуждался на последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН и получил поддержку абсолютного большинства членов ООН. Лишь представители Китая, Албании, Португалии и ЮАР заняли в этом вопросе негативную позицию.

Выступая против предложения о неприменении силы в международных отношениях, Пекин одновременно одобряет создание в рамках ЕЭС «Европейского оборонительного сообщества» и «объединенных европейских ядерных сил» под эгидой НАТО. В этих вопросах точка зрения пекинских лидеров полностью совпадает с мнением английских консервативов. «Вступление Англии в Общий рынок, — отмечала «Жэньминь жибао» 29 июня 1971 г., — будет означать дальнейшее развитие экономического, а затем оборонного и дипломатического союза западноевропейских стран».

Наконец, для Европы, где на сравнительно небольшой территории расположено более двадцати государств, особо большое значение имеет претворение в жизнь принципов мирного сосуществования и добрососедства, развитие взаимовыгодных связей между государствами.

Международно-правовые документы последних лет, такие, как договоры СССР и Польши с ФРГ, советско-французская декларация и многие другие, отражающие эти принципы, создают прочную основу для решения проблемы безопасности в Европе.

Китайские лидеры, вновь заявившие после IX съезда КПК о своей приверженности принципам мирного сосуществования, на деле выступают за нагнетание международной напряженности, за сохранение в межгосударственных отношениях тех барьеров, которые мешали бы странам развивать свои отношения на принципах добросо-

⁷ См. речь главы делегации КНР в ООН. — «Жэньминь жибао», 5. X. 1972.

⁸ «Жэньминь жибао», 13. IX. 1970.

⁹ «Жэньминь жибао», 5. IX. 1971.

¹⁰ См. отчет о беседе Чжоу Энь-лая с журналистами Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции 10 ноября 1972 г. — «Дагекс нюхетер», 11. XI. 1972.

седства и сотрудничества. Они утверждают, что в современных международных условиях невозможно решить проблему безопасности народов, что по-настоящему обеспечить мир и безопасность в Европе можно только в том случае, если все европейские страны поднимутся на борьбу против СССР и США и если в этой борьбе «решительную поддержку» будет оказывать Китай. В противном случае «европейское совещание по безопасности, — утверждает Пекин, — может служить лишь еще одной ширмой», что такое совещание лучше было бы назвать «совещанием по небезопасности в Европе»¹¹.

Выступая с откровенно великодержавных позиций, китайское руководство добивается в Европе, как и в других районах мира, сохранения обстановки напряженности, утверждения позиций для расширения своего влияния, становится на путь политических и дипломатических махинаций для того, чтобы противопоставить одни государства другим. Не случайно, что они все чаще оказываются в одном ряду с наиболее реакционными кругами империалистических держав¹². «Налицо большое сходство в позициях маонистов и западногерманских клерикалов, — констатирует болгарская газета «Работническо дело». — У них общая отрицательная позиция относительно договоров ФРГ с СССР и ПНР, четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Пекин ищет сближения с Общим рынком и рассматривает его как орудие борьбы против СССР и других европейских социалистических стран. В концепции клерикалов Общему рынку отводится та же роль. Враждебно относятся они и к общеевропейскому совещанию по вопросам безопасности и сотрудничества»¹³.

Постоянные усилия руководителей КНР, направленные на сохранение очагов напряженности в Европе и блокирование системы европейской коллективной безопасности, преследуют главным образом одну цель — обострить международную обстановку в Европе и противопоставить Советскому Союзу все остальные государства континента. Недавно Чжоу Энь-лай, выступая перед американскими конгрессменами, высказал, например, пожелание, чтобы США не выводили свои войска из Европы, Азии и других районов мира. Китайский премьер, выражая мнение китайского руководства, видимо, считает, что с помощью американских войск, дислоцированных в Европе и других частях земного шара, ему удастся задержать процесс оздоровления международной обстановки как в Европе, так и в других районах мира и тем самым воспрепятствовать осуществлению идеи коллективной безопасности, выдвинутой странами социалистического содружества, сорвать конкретные мероприятия по разрядке напряженности в Европе, разработанные и поддерживаемые всеми европейскими народами.

Внешнеполитический курс пекинских лидеров на «сдерживание» миролюбивой политики Советского Союза в Европе полностью совпадает сегодня с намерениями реакционных кругов НАТО, и не случайно английская газета «Дейли телеграф», выражая настроение этих кругов, в этой связи советовала Западной Европе «признать значение Китая для соотношения сил и извлечь для себя максимум выгоды из обоюдной заинтересованности, вытекающей из этой ситуации»¹⁴.

Однако история Европы послевоенных лет показала, что нет той силы, которая могла бы помешать объективному общественному развитию на континенте, — тенденции укрепления мира.

¹¹ См. цит. выступление главы делегации КНР в ООН.

¹² Подробнее см. об этом в статье В. Павлова «Европа в планах Пекина». — «Международная жизнь», № 2, 1972.

¹³ «Работническо дело», 31. XI. 1972.

¹⁴ «Дейли телеграф», 3. XI. 1972.

Борьба монгольского народа против маньчжурского владычества

*Н. Д. МУНКУЕВ, доктор исторических наук
Ф. С. ЦАПЛИН, кандидат исторических наук*

До сих пор не было специальных работ, посвященных международным отношениям Монголии в XIV—XX веках, и рецензируемый труд — попытка систематически изложить внешнеполитические аспекты истории дореволюционной Монголии в эпоху капитализма и империализма с позиций марксистско-ленинской методологии. Работа монгольского историка-международника Ш. Сандага, вышедшая под редакцией академика Б. Ширендыба, представляет собой первый том подготовляемой им двухтомной большой монографии.

Реакционные буржуазные историки, как известно, постоянно проявляют интерес к Монголии, а за последние годы великодержавные шовинисты пекинского руководства фальсифицируют историю Монголии в угоду своим политическим целям. Поэтому несомненно актуальное научное и политическое значение имеет монография Ш. Сандага в целом и рецензируемая ее часть в частности.

Говоря об отношениях монголов с маньчжурами в XIX веке, автор характеризует социально-экономическое и политическое положение Монголии в указанный период. Как отмечает Ш. Сандаг, Монголия, обессилена экономически и разъединенная политически в результате длительных междоусобных феодальных войн XVII века, не смогла противостоять завоевателям маньчжурской династии Цин и подпала под их иго, надолго потеряв свою государственную

Ш. Сандаг. «Свержение маньчжурского господства в Монголии и восстановление ее национальной независимости. Богдо-ханская Монголия». Улан-Батор, 1972, 331 стр.

самостоятельность. Автор прав, когда он утверждает, что маньчжурские императоры в первый период своего господства над Монголией были заинтересованы в оставлении страны в положении вассального государства с целью использования ее военного потенциала в своих интересах. Например, маньчжурский император Канси (1662—1722), подчинивший себе монгольских князей, как сказано в его официальном дневнике «Бодогон и битхэ», говорил, что «два государства — Олеты и Халха — являются данниками» (стр. 32). И в самом деле, маньчжурский двор обращался с монгольскими князьями как с вассалами. Маньчжуры часто перебрасывали монгольские войска во главе с князьями в Китай в случаях экстренной необходимости, например для подавления восстаний и бунтов.

На первых порах правители Китая, рассматривая монгольских князей как союзников, только использовали земельные массивы Монголии в качестве пастбищ для императорских табунов, но строго, под страхом смертной казни, запрещали китайским купцам и ростовщикам поселяться на территории Монголии и возводить там долговечные сооружения. Эти положения были утверждены в законодательном порядке и нашли выражение в таких сводах законов Цинской империи, как «Высочайше утвержденная хроника князей аймаков Внешней Монголии и Туркестана» (1779), «Кодекс законов ямыня по государственному правлению Внешней Монголией» (1789, 1817) и других (стр. 32).

В связи с этим Ш. Сандаг правильно отмечает, что маньчжурские завоеватели с самого начала рассматривали все монгольские племена как нечто единое целое. Интересно прослежена им эволюция термина «Внешняя Монголия». Этот термин первоначально обозначал всю этнографическую Монголию, включая современную Внутреннюю Монголию. Об этом говорит даже само маньчжурское название специального учреждения, управляющего всеми территориями расселения монголов, — «Палата управления внешними областями». В своде постановлений цинского двора по делам управления внешними территориями — «Родословные князей аймаков Внешней Монголии и мусульман» — под термином «Внешняя Монголия» также подразумевается территория, включающая и современную Внутреннюю Монголию, и говорится только о «внешних» и «внутренних» хошуных джасаках (удельных князьях) (стр. 33—35). Но в результате политики цинского двора, рассчитанной на постепенное расчленение Мон-

голии, значение термина постепенно было сужено, и с конца XIX века название «Внешняя Монголия» остается только за калмыцкими аймаками Халхи и Кобдоским округом, а владения «внутренних» джасаков стали именоваться «Внутренней Монголией».

Китайский торговый капитал начал усиленно проникать в Монголию с середины XIX века. Только тогда китайским купцам и ростовщикам было разрешено постоянно проживать в районах расселения монгольских племен, и только тогда началась настоящая колонизация страны.

Как отмечает автор, Монголия, находясь в вассальной зависимости от Цинской империи, не могла выступать на мировой арене как субъект международного права, отойдя от участия в мировых событиях с момента завоевания ее китайцами в конце XVII века.

Ию нельзя не согласиться с мнением Ш. Сандага о том, что Монголия, даже находясь в зависимости от Цинов, все время фигурировала как объект во внешнеполитических акциях как Пекина, так и капиталистических стран мира. Никто не мог сбросить со счетов в международных делах Монголию. Ибо она была страной с богатым прошлым и многовековой традицией самостоятельного государственного существования. Расположенная географически в самом сердце Азии, Монголия занимала огромную территорию, имела немаловажное стратегическое значение и обладала богатыми природными ресурсами.

Особенно тесные экономические и политические отношения у Монголии сложились

с Россией. Политика маньчжурских колонизаторов, направленная на то, чтобы удержать Монголию в изоляции от внешнего мира и оградить ее от культурного влияния других стран, в первую очередь России, по существу провалился. Как отмечает автор, иначе быть не могло. Ибо политика изоляции Монголии от внешнего мира, проводившаяся маньчжурским двором, не имела будущего в условиях капитализма, разрушившего межнациональные перегородки, унаследованные от эпохи феодализма.

Переходя к освещению проблем международных отношений Монголии в эпоху империализма, автор отмечает, что к этому времени страна оказалась на положении полукolonии, поскольку империалистические державы, навязавшие Цинской империи серию неравноправных договоров во второй половине XIX века, превратили Китай в полукolonияльное государство. Маньчжуры, стремясь не допустить усиления Монголии и в частности относясь к проникновению туда иностранного бы то ни было чужого влияния, систематически проводили политику дробления ее на все более мелкие части, стараясь дробить ее национальное единство. Они не только разделили Монголию на Внешнюю и Внутреннюю, но и отторгли от нее территории расселения монгольских племен в юго-западе и включили их в состав китайских провинций (стр. 186). Но богатое сырье, богатые природные ресурсы

и стратегическое положение Монголии не могли не привлечь внимание империалистических держав.

Излагая события 1911—1912 годов, приведшие к свержению господства Цинской империи в Монголии, автор подробно характеризует политику, которую проводили в Монголии китайские колонизаторы и иностранные империалисты. Как уже говорилось, маньчжурские правители приблизительно с середины XIX века отказались от своей традиционной политики запрещения китайцам обосновываться в Монголии. Теперь цинский двор поворачивается спиной к Монголии. Он прекращает ранее практиковавшуюся выплату определенного жалованья монгольским князьям и постепенно начинает систематически поощрять проникновение в Монголию китайских купцов, ростовщиков, крестьян и вообще всяких авантюристов. На рубеже XIX—XX веков эта практика получила официальное название «новая правительственная политика». Это была политика маньчжуров и китайских буржуазно-помещичьих кругов, направленная на «китаизацию» Монголии путем усиленной колонизации ее с помощью переселенцев из северных провинций Китая.

Социальный и национальный гнет со стороны маньчжурских правителей и их ставленников вызывал справедливый гнев и возмущение монгольского народа. Не раз он поднимался с оружием в руках на борьбу за свержение чужеземного ига и восстановление национальной независимости, за свободу и демократические права. Автор описывает различные формы борьбы монголов с маньчжурскими захватчиками, начиная с «дугуйланского движения» во Внутренней Монголии и кончая выступлениями вооруженных повстанческих отрядов в Халхе. Аратские выступления против маньчжурского чиновничества и китайских ростовщиков нередко принимали кровопролитный характер (стр. 229—233). В 1911—1912 годах антиманьчжурское движение в Монголии усилилось. Автор особо подчеркивает его общенациональный характер. В нем участвовало не только население Халхи и Внутренней Монголии, но и монгольские племена, включенные в состав китайских провинций, как, например, чахары в провинции Чжили и туметы Кукухото в провинции Шаньси. «Монгольский народ, задавленный двойным гнетом со стороны внешних и внутренних реакционеров, не молчал, а, преодолевая всякие трудности, встал на героическую борьбу за свободу и национальную независимость страны... Еще более усилился национальный гнет в Монголии в эпоху империализма, и соответственно освободительная борьба народа не ослабла, а, наоборот, пошла на подъем, вбирая новую силу и принимая широкий размах», — пишет Ш. Сандаг (стр. 216). Национально-освободительное движение аратства приняло настолько широкий размах, что монгольские светские и духовные феодалы, заинтересованные в восстановлении феодального государства и сво-

их бывших привилегий, были вынуждены примкнуть к этому движению и даже возглавить его (стр. 237—238).

Последняя часть работы, в которой описаны события 1911—1912 годов, составляет наиболее важную часть книги. В ней Ш. Сандаг подробно рассказывает о борьбе монгольского народа с маньчжурскими захватчиками в указанный период, изгнании колонизаторов из страны, восстановлении национальной независимости Монголии и отношении Китая и империалистических держав к этому событию.

Стычка между городской беднотой, с одной стороны, и китайскими купцами и ростовщиками — с другой, которая произошла в 1910 году в Урге, дала толчок мощному подъему антиманьчжурского движения в Монголии. Светские и духовные феодалы во главе с богдо-гэгэном VIII Джибдзун-Дамба-хутухтой, движимые стремлением восстановить свои классовые привилегии, воспользовавшись темнотой и неорганизованностью аратства, возглавили это движение (стр. 242—243). Временное правительство Монголии, созданное в ходе антиманьчжурского выступления аратства, 1 декабря 1911 года обнародовало декларацию о восстановлении государственной независимости Монголии. В этой декларации, в частности, говорилось: «Наша Монголия в своем первичном основании была отдельным государством, а потому, основываясь на прежнем праве, Монголия утверждает себя независимым государством с новым правительством, с независимой от других властью в решении своих дел. Ввиду изложенного сим объявляется, что мы, монголы, **отныне** не подчиняемся маньчжурским и китайским чиновникам, власть которых совершенно уничтожается, и они вследствие этого должны отправиться в свою страну» (стр. 252). Теперь вместо временного было создано постоянное правительство — Совет Министров. Были учреждены министерства иностранных дел, военное, внутренних дел, юстиции, финансов, таможенное управление и т. д. Маньчжурские и китайские чиновники, составлявшие колониальную администрацию, были выдворены из пределов страны. Эти меры осуществлялись в ходе решительной борьбы народа с колонизаторами. Наиболее кровопролитным было освобождение города Кобдо, где маньчжурский амбань, надевшийся на помощь из Пекина, не хотел сдаваться. 29 декабря 1911 года богдо-гэгэн Джибдзун-Дамба-хутухта был возведен на престол всемонгольского хагана. Таким образом, в Монголии было создано монархическое феодально-теократическое государство.

Как справедливо указывает автор, изгнание маньчжуров из страны и создание собственного монгольского правительства означало, что многолетнее антиманьчжурское освободительное движение народа завершилось победой. Однако автор в то же время подчеркивает классовую природу богдо-хановской абсолютной монархии. Тем

не менее изгнание маньчжуров из страны представляло собой определенный успех в борьбе народа за свободу и демократические права. В этой связи Ш. Сандаг приводит следующие слова тов. Ю. Цеденбаля: «Возрождение монгольского национального государства, несмотря на его феодальную классовую сущность, явилось в известной степени прогрессивным явлением в истории страны»¹.

Голоря об отношении мировой общественности к антиманьчжурскому освободительному движению монголов, автор подчеркивает, что передовые общественные силы мира, и в первую очередь русский пролетариат, были на стороне монгольского народа, как и других угнетенных народов Азии и Африки. Ссылаясь на работы В. И. Ленина, в которых сурово осуждается империалистическая политика в Монголии и других колониальных и полуколониальных странах, Ш. Сандаг верно указывает, что русские большевики во главе В. И. Лениным, так же как весь российский пролетариат и передовая русская интеллигенция, близко принимая к сердцу чаяния монгольского народа, проявляли симпатию к его освободительному движению и поддерживали его. Он приходит к верному выводу о том, что В. И. Ленин и русские большевики в эпоху империализма, задолго Октябрьской революции, последовательно придерживались революционной, антиимпериалистической линии в вопросе о национальном и социальном освобождении Монголии, как и во всем национально-колониальном вопросе (стр. 272—273).

Овещая вопрос о взаимоотношениях обновленного монгольского государства с Китаем, в противовес утверждениям правых и современных китайских националистов о том, что-де Внешняя Монголия вошла в состав Китайской империи в эпоху Цин и поэтому дескать Китай имеет право на эту территорию, автор не без оснований считает, что исторически Монголия никогда не подчинялась Китайской империи, а наоборот, Китай некогда входил в состав Монгольской империи. После же образования Китайской республики в результате свержения маньчжурской династии в ходе Синьхайской революции обе страны, освобожденные от маньчжурского гнета, как бы должны установить добрососедские отношения. Но, увы, этого не случилось. В этом были повинны правительства Юань Ши-кая и китайские милитаристы, которые мыслили границы вновь образованной Китайской республики не иначе как в рамках империи Канси и других императоров только что свергнутой маньчжурской династии (стр. 267).

Как известно, в настоящее время в исторической литературе Монголию 1911

¹ См. «Вопросы истории», 1959, № 1, стр. 66.

1919 годов называют «автономной Монголией», подразумевая формальное вхождение страны в состав Китайской республики. По мнению автора рецензируемой работы, термин «автономия» применительно к этому периоду истории Монголии не только не соответствует фактическому положению вещей, но и ошибочен политически (стр. 315). Он подкрепляет свою концепцию, по нашему мнению, вескими аргументами. Как утверждает автор, в цитированной выше декларации независимости Монголии от 1 декабря 1911 года нет ни слова об автономии, а ясно говорится о восстановлении былой государственной независимости Монголии. Иначе и быть не могло. Ибо народ боролся за независимость страны, а не за автономию, и за свои права и частично одержал победу, добившись самостоятельности Монголии. Применять же термин «автономия» к указанному периоду означало бы умаление задач антиманьчжурской борьбы народа и

отрицание ее успеха. Кроме того, если бы Монголия была автономной еще с 1911 года, то не понадобилось бы в 1915 году на Тройственной Кяхтинской конференции называть ей автономный статус. Поэтому применение термина «автономия» вносит путаницу в понимание сущности международных отношений того времени. Так как в этом вопросе за терминологией кроется глубокий социально-политический смысл, то, по мнению автора, период 1911—1919 годов в истории Монголии следовало бы назвать периодом феодально-теократической монархии.

Рецензируемая работа монгольского историка-международника основана на большом количестве архивных документов, часть которых вводится в научный обиход впервые. Наряду с опубликованными дипломатическими документами в ней использована обширная литература на различных языках.

Ценный исторический источник

А. Ходжаев

В 1760-х годах в результате захватнической внешней политики цинского правительства народы Синьцзяна потеряли свою самостоятельность, попали в зависимость от маньчжуро-китайского феодально-монархического режима. Установленное на территории современного Синьцзяна господство Цинской династии представляло собой жестокий режим эксплуатации и военного подавления. Выступая в каче-

стве завоевателей, цинские военачальники и чиновники грабили население, взимая с него непомерные поборы и накладывая многочисленные повинности. Местная феодальная аристократия также жестоко угнетала трудящиеся массы. Страдавшие под двойным гнетом народы Джунгарии и Кашгарии, стремясь к ослаблению феодального гнета и восстановлению независимости своей родины, неоднократно поднимали восстания против захватнического режима цинского правительства. Среди наиболее крупных явилось восстание, начавшееся в 1864—1866 годах; оно длилось 15 лет, в течение которых Джунгария и Кашгария находились вне сферы контроля маньчжуро-китайских завоевателей.

Восстание в 1864—1866 годах в Джунгарии и Кашгарии привлекало внимание многих дореволюционных и советских историков. Наиболее яркое освещение оно получило в исследованиях советских историков. Тем не менее ряд событий и отличительных сторон этого восстания к настоящему времени еще недостаточно изучен или изучен лишь в общих чертах. К ним относятся: 1) политика цинского правительства в отношении неханьских народов Северо-Запада современного Китая, 2) антиманьчжурское восстание в Урумчинском крае, 3) карательные действия цинского правительства в 1868—1878 годах в провинциях Шэньси, Ганьсу, Джунгарии и Кашгарии. В настоящее время китайские историки, стараясь оправдать великодержавную, шовинистическую политику нынешних руководителей КПК, характеризуют военный карательный поход цинского правительства против движения народов Джунгарии и Каш-

¹ «История подавления восстания мусульманских народов провинций Шэньси, Ганьсу и Синьцзян». Свод документов по поводу восстания неханьских народов Северо-Запада Китая в 70-х годах XIX в., Пекин, 1896.

гарии в 1875—1878 годах как прогрессивную акцию². В этих условиях более глубокое и всестороннее изучение народно-освободительных движений некитайских народов Китая и политики цинского правительства в отношении этих народов представляется весьма актуальным.

Для изучения вышеуказанных вопросов наряду с уйгурскими и русскими источниками большую ценность представляет ряд китайских источников, например «Восстания мусульманских народов»³, «Полное собрание сочинений Цзо Цзун-тана»⁴ и многие другие. Среди этих источников «История подавления восстания мусульманских народов провинций Шэньси, Ганьсу и Синьцзян» занимает особое место. Она представляет собой свод документов, относящихся к антиманьчжурским восстаниям в провинциях Шэньси, Ганьсу, Джунгарии и Кашгарии, в основном описывающих карательные военные операции, проведенные цинскими войсками на территориях этих районов в течение 16 лет (1862—1878 гг.). До настоящего времени эти документы в полной мере не использовались русскими и советскими историками. Поэтому изучение материалов, приведенных в этом издании, представляет большой научный интерес. Оно дает нам возможность не только ознакомиться с рядом малоизвестных фактов, связанных с историей антиманьчжурской борьбы неханьских народов в западных провинциях Китая в 70-х годах XIX века, но и глубже понять ряд общих принципов политики Цинской империи в отношении уйгурских, дунганских, казахских и других некитайских народов Цинской империи, карательный характер военных действий цинских властей.

Составление этого свода документов было закончено в 1896 году в Пекине. В декабре этого года императором Гуансюем (годы правления 1875—1908) было написано предисловие к этому изданию. В создании труда принимали участие 162 составителя, среди которых были представители различных ведомств и академий. Главным редактором издания был великий князь Исинь⁵.

Все документы, собранные в своде документов, расположены в строгом хронологическом порядке. Первый цзюань начинается с документа, датированного третьим днем восьмого месяца пятого года правления императора Сяньфэна, а последний цзюань

кончается документом, датированным вторым днем девятого месяца четырнадцатого года правления Гуаньсюя. Таким образом, сборник охватывает период с 13 сентября 1855 по 6 октября 1888 года.

Свод документов состоит из 320 цзюаней, из них одиннадцать цзюаней относятся к годам правления Сяньфэна, следующие двадцать восемь — к годам правления Тунцзи (1862—1874 гг.), а остальные двадцать девять — к годам правления Гуансюя. Каждый цзюань состоит из 24—26 двойных листов. Кроме этих 320 цзюаней, имеются еще две книги, в которых помещены предисловие и хронологические указания.

В «Историю подавления восстания мусульманских народов провинций Шэньси и Синьцзян» включены следующие документы: о восстаниях дунган в провинциях Шэньси, Ганьсу в 1862—1868 годах против господства маньчжуро-китайских феодалов и военных действиях цинских войск на этих территориях до прибытия в Сянь Цзо Цзун-тана, командующего карательными операциями;

о восстаниях народов Джунгарии и Кашгарии в 1864—1868 годах против цинского владычества;

о подготовке и осуществлении карательных походов цинских войск под руководством Цзо Цзун-тана в 1868—1878 годах на территориях провинций Шэньси, Ганьсу, Джунгарии и Кашгарии против некитайских народов (включая и вопросы финансирования этих походов);

о мероприятиях Цзо Цзун-тана по восстановлению маньчжурского господства на территории современного Синьцзяна, об установлении провинциальной системы в этом районе;

по вопросам разрешения Илийской проблемы.

Согласно документам, приведенным в первых 292 цзюанях источника, в 1862—1868 годах основные вооруженные силы цинского правительства были заняты подавлением тайпинского восстания и восстания няньцзюней, а провинциальные войска Шэньси, Ганьсу, Джунгарии и Кашгарии оказались неспособными нанести поражение повстанческим отрядам. В это время как в провинциях Шэньси и Ганьсу, так в Джунгарии и Кашгарии народные антиманьчжурские восстания развивались весьма успешно. В 1868 году, после подавления Цинами восстания няньцзюней, правительство смогло перебросить войска Цзо Цзун-тана на подавление восстания дунган. В 1867—1868 годах армия Цзо Цзун-тана (хуаньская армия) наряду с войсками Ли Хунчжана (аньхуэйская армия) и Цзэн Гофэня (старая хуаньская армия) стала одной из трех крупнейших военных сил Цинской империи. После успешного начала восстания дунган в Урумчинском округе Джунгарии в 1864—1865 годах цинское правительство стремилось удержать в своих руках наиболее важные пункты из оставшихся укреплений в Джунгарии (Хами, Баркуль и

² Хун Юань. Сущность власти Якуб-бека и значение западного похода маньчжурского правительства. — «Синьхуа юэбао», № 3, 1955, стр. 207—208 (на кит. яз.); Цуй Сюй-энь. Критические заметки о Цзо Цзун-тане. — «Шисюэ юэкань», № 7, 1957 (на кит. яз.).

³ «Восстания мусульманских народов», т. 4, Шанхай, 1953 (на кит. яз.).

⁴ Цзо Цзун-тан. Полн. собр. соч., т. 6, Тайбэй, 1968, (на кит. яз.).

⁵ Исинь — князь 1-й степени Гун, 6-й брат императора Сяньфэна (1851—1861).

уучэн) и не дать повстанческим отрядам дунганского округа возможность соединиться с дунганскими повстанцами провинции Ганьсу. Об этом свидетельствует ряд приказов Военного совета⁶. Старания цинского правительства не увенчались успехом. В 1866—1868 годах эти пункты (кроме Баркуль) были заняты повстанческими отрядами. Только в 1873—1875 годах, после подавления восстания в Ганьсу, маньчжурско-китайским войскам удалось вновь захватить Хами, Гучэн и Цзимуса. В этих городах к началу карательного похода в Джунгарию (1876 г.) Цзо Цзун-тан сосредоточил большие запасы продовольствия и боеприпасов. Документы, содержащиеся в последних 29 изданиях источника, в основном освещают ход карательного похода Цзо Цзун-тана на территориях Джунгарии и Кашгарии в 1876—1878 годах, описывают восстание в этих районах господства маньчжурско-китайских феодалов и разрешение илийской проблемы.

Весной 1876 года войска Цзо Цзун-тана выступили в Джунгарию и Кашгарию. Различные бои произошли в районах Манас, Илхо, Токсун, на перевале Даваньчэн. В 1878 году вся территория современного Тяньцзиня (кроме Илийского края) была захвачена маньчжуро-китайскими властями. Для строгого контроля над населением Цзо Цзун-тан предложил императору учредить региональную административную систему в Джунгарии и Кашгарии. Но ему не удалось осуществить свое намерение. В августе 1880 года Цзо Цзун-тан был отозван в

⁶ «История подавления мусульманских восстаний...», Цзюань, стр. 72—74.

Пекин. Его проект был впоследствии осуществлен Лю Цзин-таном.

Все приведенные в источнике документы были написаны представителями господствующего феодального класса. Поэтому им присущ ряд характерных недостатков. Авторы документов тщательно старались скрыть свои ошибки, военные поражения, произвол и коррупцию и в то же время всячески преувеличивали свои победы и успехи, стремясь избежать наказаний и получить больше наград и отличий от правительства. Авторы документов — чиновники и военачальники — выражали интересы господствующего класса Цинской империи. Поэтому некоторые приводимые в документах данные, а также излагавшиеся в них оценки событий далеко не всегда соответствовали истинному положению дел. Кроме того, в источнике отсутствует ряд важных документов, касающихся связей Китая с иностранными державами, имеющих непосредственное отношение к организации карательных походов. Отсутствуют также документы, касающиеся образования в Восточном Туркестане самостоятельного уйгурского государства-Иэйтишара (Джетышар), его внутренней и внешней политики.

Несмотря на эти недостатки, источник является ценным материалом по новой истории Китая, который дает нам возможность, с одной стороны, расширить знания по истории антиманьчжурской борьбы неханьских народов провинций Шэньси и Ганьсу, а также Джунгарии и Кашгарии, а с другой — глубже понять реакционную сущность великоханьской, шовинистической политики цинского правительства во второй половине XIX века.

Новая книга о японской поэзии

*Н. А. Дворянков,
доктор филологических наук*

Книга А. И. Мамонова, поэта-переводчика и литературоведа, «Свободный стих в японской поэзии» — примечательный вклад для советского восточного стиховедения не только потому, что всякое соприкос-

новение с настоящей поэзией доставляет наслаждение; она выросла в недрах теоретических и практических нужд японистики нашего времени, в сфере знакомства с духовной культурой японского народа.

Влечение к свободному стиху — верлибр — стало широко распространенным явлением в современном мировом литературном процессе. Углубленно разобраться в его теоретических принципах можно лишь при типологическом подходе, познавая национальные особенности и специфику в ряду обоснованных и допустимых межлитературных сопоставлений. Но А. И. Мамонов построил свое исследование так, что внимание к структурной стороне и углубление в тонкости архитектоники стиха не заслоняют восприятия поэтических образов, всего того, что составляет душу подлинной поэзии.

У советских читателей существует огромный и понятный интерес к поэзии Востока. Вот почему необходимо дальнейшее совершенствование стиховедческой культуры. Это актуальная задача восточной филологии.

А. И. Мамонов. Свободный стих в японской поэзии. Изд-во «Наука», М., 1971, стр. 192.

На работе А. И. Мамонова не могло не сказаться состояние общего и японского стиховедения. О характере книги сказано в редакционной аннотации: «Это первое в советском и зарубежном японоведении исследование о японской поэзии XX века, о господствующей ныне поэтической форме *дзюку* (свободный стих). Работа построена на изучении оригинальных текстов, сопоставлениях с русской и западной поэзией свободного стиха. Большое внимание уделяется проблеме перевода японской поэзии на русский язык».

Автор вначале кратко излагает историю изучения особенностей японской поэзии и характеризует задачи, которые он поставил перед собой, затем даются иллюстрации к теоретическим разработкам автора — его собственные переводы из японской поэзии.

Главы книги о свободном стихе написаны так, что в изложении новых и часто необычных для русского читателя сведений сохраняется необходимая теоретическая глубина и в то же время занимательность.

Анализируя связь японского стихосложения с иероглифической письменностью, автор отмечает лишь относительную автономность системы стихосложения от строя языка. Для типологических сопоставлений имеет большую ценность приводимый здесь материал о традициях японской поэзии и новых веяниях в ней, о том, как исторически менявшееся поэтическое мышление обращалось то к короткому, то к пространному стиху. Автор рассказывает, как в XX веке в «поединке» старых соперников выиграл «длинный стих» — *тёси*, а роль и значение стиха, называемого *танка*, неизмеримо уменьшились; как, наконец, в поэтическом сознании современного японца доминирующее положение занял свободный стих.

В своих рассуждениях А. И. Мамонов раскрывает стихообразующие силы и стихию японского языка, рождающие определенное количество слогодолей, функционально равнозначных морам, и создающую фразовую основу стихов и их интонационное оформление.

Нам представляется логичным, что основная глава книги — о японском свободном стихе — начинается с уточнения и упорядочения терминологии, функционирующей в сфере исследования японской поэзии и имеющей прямое отношение к предмету исследования.

Изложение стиховедческого материала сопровождается множеством этюдов, комментариев и примечаний самого различного характера.

Принципиальное значение носит раздел, касающийся возникновения и развития формы новой, современной поэзии — *синтайси* — в связи с «эрой Мэйдзи», просветительством и движением за стих нового стиля. Здесь легко заметить некоторые сходные типологические черты в литературах Ближ-

него и Среднего Востока: в Турции, Иране, Афганистане, арабских странах.

Говоря о предпосылках возникновения свободного стиха, автор четко разграничивает и обозначает внешнепоэтические причины, условия и собственно поэтически влияющие и начинающие.

Поэтические формы связаны с базисными историческими явлениями и сдвигами через сознание, через духовную культуру. Эволюция новых форм получает объяснение в связи с обновлением поэтического мышления, в связи с новой эстетикой и общественным назначением поэзии, на основе обновления психологии поэтического творчества и восприятия поэзии.

В книге показано, что, не будь в стране и народе подобной благодатной почвы, даже зерна, посеянные отцами верлибра Уитменом и Верхарном, не дали бы всходов! Автор книги характеризует предпосылки и причины возникновения и развития в Японии форм свободного стиха.

Для дальнейшего исследования японского свободного стиха, помимо того, что было сделано предшественниками, важно, что А. И. Мамонов выявляет признаки японского стихоряда в его графической, звуковой и композиционной стороне. Прежде всего автор обращает внимание на интонацию, разнородные цезуры, а наряду с звукоподражательностью (ономатопеэтикой) и звукозаписью на инструментовку стиха, на логику воссоединения в стихе *всех* сторон поэтического образа.

Глава «О принципах перевода „дзюку“» во многом перекликается с темой идущей сейчас дискуссии о принципах поэтического перевода вообще. За четверть века переводческой и научной работы мне самому пришлось видеть много «оврагов» на этом пути, поэтому я солидарен с автором как в протесте против предубежденного отношения к свободному стиху, так и против «всеядности переводчика» и отсебятины в переводе по подстрочнику. Он прав и в своем ратовании за сохранение количества строк (эквидинарность) поэтических предложений. Эта часть книги представляет редкий пока у нас жанр «критики переводов», развитие которого, как мне кажется, неоправданно тормозится. Многое подкупает в этой главе, и не менее остального — искренность и автопрония автора по поводу собственного опыта перевода японских верлибров, когда, как он говорит, его «срывал метр и терроризировала рифма», и по поводу «строго метрической экзекуции», которой у нас подвергался даже Назим Хикмет.

В заключение можно отметить, что в ладе автора книги удачно сочетаются переводчик-практик и переводчик-теоретик.

В рецензируемой книге содержатся ответы на вопрос о том, как следует переводить поэзию, и переводить хорошо.

Великий сын монгольского народа

(К 80-летию со дня рождения Сухэ-Батора)

На рубеже XX столетия в Монголии резко обострились социальные противоречия, значительно активизировалась борьба против маньчжурского колониального режима. Огромные изменения произошли и за пределами страны, что оказало существенное влияние на Монголию. Под воздействием первой русской революции и китайской революции 1911 года в Монголии развернулось мощное национально-освободительное движение против маньчжурского гнета.

После свержения в 1911 году в Китае Маньчжурской династии вооруженное выступление аратов завершилось провозглашением автономии Внешней Монголии. Однако плодами победы трудящихся воспользоваться феодально-теократическая верхушка.

Хотя вследствие грубого вмешательства империалистических держав результаты национально-освободительного движения монгольского народа оказались сильно урезанными, образование автономного монгольского государства объективно имело большое значение в истории монгольского народа.

7 ноября 1917 года в России победила социалистическая революция. Это событие знаменовало собой великий исторический поворот, начало новой эры в истории человечества.

Громовые раскаты Октябрьской революции прокатились и по степям Монголии. Установление Советской власти в пограничных с Монголией районах России способствовало проникновению революционных идей в Монголию. В стране нарастало возмущение народных масс чужеземными паразитами. В 1919 году в столице Монголии Урге возникли два подпольных революционных кружка, созданные при активном участии Д. Сухэ-Батора. В кружки входили передовые представители аратства и прогрессивные элементы других слоев населения. В 1920 году эти кружки объединились в нелегальную революционную группу, которая установила тесные связи с большевиками и представителями Коминтерна. Большую роль в укреплении этой революционной организации играли связи монгольских революционеров с русскими кадровыми рабочими в Урге. Огромное значение в подготовке Народной революции имела деятельность выдающегося сына монгольского народа Д. Сухэ-Батора, восьмидесятилетие со дня рождения которого отмечается в этом году.

Сухэ-Батор родился 2 февраля 1893 года в семье бедного арата в предместье Урги. Детские годы Сухэ-Батора прошли среди городской и сельской бедноты. Он хорошо узнал тя-

готы ее бесправной жизни. С ранних лет батрачил у богатых, работал ямщиком на уртонных трактах. В 1912 году был призван в армию автономной Монголии, где окончил школу пулеметчиков и командовал эскадронам. Неоднократно участвовал в боях против иноземных захватчиков, проявляя при этом исключительную смелость. К этому времени в молодом Сухэ-Баторе пробудилось сознание протеста против существующего несправедливого строя. Одним из проявлений недовольства стало восстание 1914 года в Худжирбуланском гарнизоне под руководством Сухэ-Батора. Выступления солдат за элементарные человеческие права явились составной частью борьбы монгольского народа против феодального гнета.

В 1919 году была ликвидирована автономия Монголии. Сухэ-Батор поступает в Ургинскую типографию наборщиком. К этому времени относится начало его активной революционной деятельности.

Деятельность Сухэ-Батора и его соратников по созданию Монгольской Народной партии — классовой организации с революционно-демократической программой, ставившей своей целью уничтожение национального и феодального гнета, явилась важным шагом на пути к превращению этой организации в настоящую политическую партию, способную возглавить революционную борьбу трудящихся. Она стала боевым штабом монгольского революционного аратства в подготовке и проведении Народной революции. Члены организации добывали оружие, распространяли листовки, готовили массы к вооруженному восстанию. Мировоззрение Сухэ-Батора и других революционеров складывалось под влиянием идей Октября. Они понимали, что только тесный союз со Страной Советов и ее помощь обеспечат победу революции в Монголии.

Осенью 1920 года посланцы Монгольской Народной партии, среди которых находился Сухэ-Батор, прибыли в Советскую Россию с письмом, в котором они обращались с просьбой об оказании помощи монгольскому народу в его борьбе с иноземными захватчиками. Китайские оккупанты, узнав о выезде в Советскую Россию монгольских революционеров, объявили по всей стране, что заплатят 10 тыс. долл. тому, кто схватит Сухэ-Батора и его соратников и доставит властям. Но китайские милитаристы уже не в силах были остановить надвигающуюся революцию.

В. И. Ленин, принявший делегацию, горячо приветствовал борьбу монгольского народа за национальное освобождение и социальное раскрепощение. Страна Советов, переживавшая тогда труднейшие времена гражданской войны, голод и разруху, протянула руку братской помощи монгольскому народу. В. И. Ленин в беседе с посланцами из Монголии подчеркивал, что единственно правильный путь для монгольского народа в его борьбе за независимость — это союз с рабочими и крестьянами Советской России.

Установив связи и заручившись поддержкой Советского правительства, монгольские революционеры во главе с Сухэ-Батором развернули подготовку к вооруженному восстанию. 1 марта 1921 года в Кяхте состоялся I съезд Монгольской Народной (с 1925 г. — Народно-революционной) партии. Съездом был принят первый программный документ — политическая

платформа партии, в которой была выдвинута задача завоевания национальной независимости, установления народной власти и последующего преобразования общественной жизни страны на новых, демократических началах. В своем выступлении на I съезде Монгольской народно-революционной партии, высоко оценивая роль и значение Октябрьской революции и Советской России, он отметил, что «Монгольская народная партия при моральной поддержке Советской России сможет победить внешнего и внутреннего врага и что монгольский народ в ближайшем будущем вступит на путь прогресса и войдет полноправным членом в состав дружественной трудовой семьи человечества»¹. Съезд взял твердый курс на вооруженное восстание и решил с этой целью объединить партизанские отряды в Народную армию. Ее главнокомандующим и начальником штаба был назначен Сухэ-Батор.

Боевые действия Народной армии открылись изгнанием 18 марта 1921 года китайских милитаристов из расположенного на границе с Советской Россией кяхтинского Маймачена, который был переименован в Алтан-Булак (Золотой ключ). Этот крупный успех Народной армии знаменовал и первый день революции. Началась всенародная борьба против иностранных захватчиков. В июне — июле 1921 года развернулись ожесточенные бои Монгольской Народно-революционной армии совместно с частями Красной Армии, пришедшими ей на помощь по просьбе Временного народного правительства против общих врагов монгольского и советского народов.

6 июля 1921 года была освобождена столица Монголии Урга, которая позже была переименована в Улан-Батор. 10 июля сформировалось постоянное народное правительство, а день 11 июня был объявлен официальным днем победы Народной революции.

Советское правительство, высоко оценивая заслуги Монгольской Народной армии и ее руководителей в этой борьбе, 10 января 1922 года наградило Сухэ-Батора, Чойбалсана и Магсаржава орденами боевого Красного Знамени.

Отмечая огромные заслуги Сухэ-Батора в борьбе за освобождение монгольского народа от национального и социального гнета, 23 сентября 1922 года правительство Монголии присвоило ему звание героя и трехочковое павлинье перо (знак признания больших воинских заслуг).

Народная революция произошла в стране, не имеющей рабочего класса. Ее движущую силу — трудовое аратство — возглавила партия, созданная Сухэ-Батором, которая взяла на вооружение идеи марксизма-ленинизма и действовала в постоянном контакте с большевиками и представителями Коминтерна. Это обеспечивало прочную связь монгольской революции с российским и мировым коммунистическим движением.

Дружба с СССР стала необходимым фактором дальнейших успехов революционной борьбы монгольского народа и сохранения суверенитета его государства. Сухэ-Батор считал, что всестороннее укрепление и расширение дружеских свя-

¹ Центральный партийный архив Института Истории партии при ЦК МНРП, ср. 1, оп. 2, ед. хр. 1.

зей с советским народом должно быть основой внешней политики Монгольской Народной партии и правительства.

В 1921 году после победы революции в Монголии была направлена в Советскую Россию полномочная делегация, в состав которой входил и Сухэ-Батор, для проведения переговоров об укреплении монголо-советской дружбы и заключения договора.

В день подписания монголо-советского Соглашения Сухэ-Батора и других членов делегации принял в Кремле глава Советского правительства В. И. Ленин. Встречи и беседы монгольской правительственной делегации с деятелями Коммунистической партии и Советского государства, и в особенности с В. И. Лениным, а также все, что делегаты увидели своими глазами, явилось важным этапом в развитии революционного мировоззрения Сухэ-Батора.

Он говорил, что дружественные отношения между Монголией и Советской Россией ни в коем случае нельзя сводить только лишь к добрососедским отношениям между двумя государствами. Ведь Советская Россия является первым в мире государством победившего пролетариата, авангардом борьбы рабочего класса всех стран за ликвидацию капиталистической эксплуатации и колыбелью мировой социалистической революции². Он считал, что вступление монгольского народа в ряды великой освободительной борьбы рабочего класса и угнетенных трудящихся всего мира еще больше упрочит завоевания народной революции.

Все силы Сухэ-Батор отдавал служению своему народу, вовлечению широких масс в строительство новой жизни, в установление прочного фундамента великой дружбы монгольского и советского народов.

МНРП и ее основатель Сухэ-Батор понимали, что только с помощью страны победившего пролетариата — Советской России монгольский народ сможет освободиться от феодального и чужеземного гнета, может добиться самостоятельного государственного существования.

Феодалы и агенты иностранного капитала всячески сопротивлялись мероприятиям партии и народной власти, организовывали заговоры, саботажи. Трудная и ответственная работа по строительству новой жизни требовала напряжения всех сил. Это сказалось на здоровье Сухэ-Батора.

15 февраля 1923 года Сухэ-Батор простудился и тяжело заболел, а 20 февраля 1923 года в возрасте 30 лет Сухэ-Батор скончался. Сухэ-Батор был выдающимся сыном монгольского народа. Он смело и решительно сражался за дело Народной революции, против внешних врагов, беспощадно боролся против уклонистов и колеблющихся элементов в партии, последовательно отстаивал политику партии и укреплял диктатуру народа.

Сухэ-Батор внес неоценимый вклад в дело создания и укрепления Монгольской Народной партии, независимого народного государства. Неценима его заслуга в том, что он соединил борьбу за свободу монгольских трудящихся с борьбой

² Х. Чойбалсан. Доклады и выступления, т. 1, стр. 113—123.

страны победившего пролетариата, заложив тем самым основу вечной дружбы монгольского и советского народов.

Неуклонно выполняя заветы великого вождя Сухэ-Батора, монгольский народ добился больших успехов в строительстве социализма. Трудящиеся Монголии под руководством своего боевого авангарда — МНРП преобразовали страну, совершив гигантский скачок от феодализма к социализму, миновав целую общественную формацию — капитализм.

За годы народной власти в Монголии созданы современная отечественная промышленность, транспорт, связь.

На рельсы социалистического развития переведено сельское хозяйство. Создана новая крупная отрасль экономики на селе — земледелие. В стране проведена подлинная культурная революция. Социалистические преобразования обеспечили значительное ускорение темпов экономического развития.

Ныне Монгольская Народная Республика — прочное звено братского содружества социалистических стран. Огромные успехи МНР, ее последовательная политика мира и дружбы между народами обеспечили ей высокий авторитет на международной арене. Сейчас более 60 стран поддерживают с Монголией дипломатические отношения.

Путь, пройденный Монгольской Народной Республикой, полностью подтвердил слова великого Сухэ-Батора о том, что будущее Монголии немыслимо без дружбы с народами Советской России.

«Рожденная на заре народной революции, монголо-советская дружба, — сказал Первый секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал на XVI съезде МНРП, — стала прочным залогом наших успехов во всех областях жизни, важнейшим фактором ускоренного продвижения МНР по пути завершения строительства социализма»³.

Сегодня, воплощая в жизнь заветы великого Сухэ-Батора, монгольский народ под руководством своей славной Монгольской народно-революционной партии уверенно идет вперед, к светлому будущему.

³ Ю. Цеденбал. Отчетный доклад ЦК МНРП XVI съезду МНРП. Улан-Батор, 1971, стр. 28.

Из истории политической борьбы китайского рабочего класса

(К 50-летию забастовки на Пекин-Ханькоуской железной дороге)

В. И. Глунин,
кандидат исторических наук

Рабочее движение в Китае имеет богатые революционные традиции. Вступив на арену самостоятельной классовой борьбы в начале 20-х годов, китайский пролетариат быстро проявил себя в качестве новой силы, способной оказывать решающее влияние на развитие революционного процесса в своей стране. В идеологическом и политическом отношении революционное китайское рабочее движение всегда отождествляло себя с марксизмом-ленинизмом, с международным коммунистическим движением.

Первые крупные классовые выступления китайского пролетариата относятся к 1922 г. За один этот год произошло более 100 забастовок, в которых приняло участие около 300 тыс. рабочих. Большинство стачек возникало стихийно на почве преимущественно экономических требований. Однако в тогдашних политических условиях Китая всякое крупное выступление рабочих неизбежно приобретало антиимпериалистический или общедемократический характер. Самим ходом истории, часто независимо от первоначальных замыслов и требований руководителей и участников стачек, рабочий класс выдвигался в авангард национально-освободительной борьбы китайского народа.

Советские коммунисты по достоинству оценили первые шаги китайского рабочего движения, предсказывая ему великое будущее. Журнал «Новый Восток» писал в 1922 г., что нарождающееся движение китайского пролетариата «должно очень быстро приобрести значение огромного фактора

в борьбе за национальную независимость Китая»¹. Последующие революционные события подтвердили этот прогноз.

Наряду с общеэкономическими требованиями во время стачечной волны 1922 г. типичными были также политические лозунги — свобода слова, союзов, личности и т. д. Особенно упорная борьба шла за право организации профсоюзов и их легальное существование. Всекитайский секретариат профсоюзов, созданный коммунистами, развернул активную кампанию за прогрессивное рабочее законодательство. Наиболее ярким политическим выступлением рабочего класса в этот период стала всеобщая забастовка на Пекин-Ханькоуской железной дороге, проходившая под руководством коммунистов².

Только что созданная Коммунистическая партия Китая, насчитывавшая в то время всего несколько десятков человек, естественно, не могла сразу охватить своим влиянием бурно нараставшее рабочее движение. Поэтому основное внимание коммунисты первоначально сосредоточили на организации и политическом просвещении горнорабочих, моряков и железнодорожников. Особенно активная работа велась на железных дорогах Северного Китая. Коммунисты под руководством Ли Да-чжао сумели использовать в интересах рабочих демагогические зангрывания главаря чжиллийской клики милитаристов У Пэй-фу, пытавшегося поставить профсоюзы под свой контроль. К концу 1922 г. на основных станциях Пекин-Ханькоуской железной дороги было создано 16 отделений профсоюзов. Практически под их влиянием оказался весь персонал дороги (около 20 тыс. человек).

Успешная забастовка на станции Чансиньдзянь, приведшая к существенному повышению заработной платы железнодорожников, еще больше усилила тягу рабочих

¹ Г. Войтинский. Борьба китайского пролетариата. — «Новый Восток», 1922, № 2, стр. 343.

² Подробно о Пекин-Ханькоуской забастовке см.: «Сяндао», № 20, 27 февраля 1923 г.; Дэи Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952, стр. 33—133; Н. П. Виноградов. Забастовка железнодорожников Пекин-Ханькоуской железной дороги 7 февраля 1923 г. и ее значение для развития национально-освободительного движения в Китае. — «Краткие сообщения Института востоковедения», 1952, № 7, стр. 20—31.

к объединению. Было решено созвать 1 февраля 1923 г. в Чжэнчжоу съезд железнодорожников с целью создания Совета профсоюзов Пекин-Ханькоуской железной дороги. У Пэй-фу запретил проведение съезда и объявил в Чжэнчжоу военное положение. Пренебрегая запретом властей, съезд все же открылся в назначенный день, провозгласив создание Совета профсоюзов. После этого съезд был разогнан войсками, а помещение Совета профсоюзов разгромлено.

Совет перешел на нелегальное положение и в тот же день принял решение объявить 4 февраля забастовку протеста на всех станциях Пекин-Ханькоуской железной дороги. Главным лозунгом забастовки была провозглашена борьба против произвола милитаристов, в защиту свободы и человеческого достоинства рабочих. Таким образом, забастовка носила чисто политический характер.

4 февраля забастовка охватила всю Пекин-Ханькоускую железную дорогу. Замерло движение пассажирских и товарных поездов. В Ханькоу, Чаиньдяне и других местах состоялись массовые рабочие митинги и демонстрации протеста.

Перепуганные власти по требованию дипломатического корпуса в Пекине и английского консульства в Ханькоу решили прибегнуть к репрессиям. Начались повальные обыски в рабочих бараках и аресты профсоюзных активистов. 7 февраля в Цзянае войска открыли огонь по безоружным забастовщикам. Арестованный председатель исполкома цзянаньского отделения профсоюза железнодорожников Линь Сянцян, отказавшийся отдать приказ о прекращении забастовки, был обезглавлен на глазах своих товарищей. Кровавые расправы учинялись и на других станциях. Было убито около 40 человек, десятки были ранены.

События 7 февраля вызвали возмущение рабочих. По призыву профсоюзов состоялись забастовки солидарности в Ухане и на ряде железнодорожных веток Северного Китая. Однако движение солидарности оказалось разрозненным и было повсеместно подавлено военной силой. Забастовка потерпела поражение. Совет профсоюзов Пекин-Ханькоуской железной дороги был вынужден принять решение о возобновлении работы. Признавая поражение, Совет профсоюзов призвал рабочих готовиться к новым боям, «не щадить жизни в борьбе за свободу слова, печати, собраний, союзов, забастовок... за свержение милитаристов, чиливничества, своего и иностранного капитала»⁴.

Несмотря на жестокое поражение, Пекин-Ханькоуская забастовка железнодорожников стала одной из самых ярких и геро-

ических страниц в истории революционной борьбы китайского пролетариата. Забастовка получила высокую оценку со стороны Коммунистического Интернационала. В специальном обращении Исполкома Коминтерна к китайским железнодорожникам говорилось: «Лозунги вашей последней забастовки—«свобода союзов и собраний»— и ваша стойкость в защите этих лозунгов показывают, что вы действительно вошли в ряды организованного международного пролетариата»⁴. Анализ уроков забастовки были посвящены специальные статьи в журнале «Коммунистический Интернационал»⁵. Особое значение Коминтерн придавал тому факту, что забастовка положила начало самостоятельной политической борьбе китайского пролетариата под руководством коммунистов. «Главными и характерными чертами этой забастовки являются следующие: она прошла под знаком исключительно политических требований (свободы и признания союза), все руководство забастовкой принадлежало коммунистическим элементам, и в этой забастовке рабочий класс впервые выступил открыто против милитаристских клев»⁶. Эта проницательная оценка, данная 50 лет назад, сохраняет свое значение до наших дней.

Громадный заряд революционной энергии, впервые с такой силой проявившейся во время Пекин-Ханькоуской политической забастовки, в последующие десятилетия не раз выдвигал китайский рабочий класс на передовые рубежи исторических битв за социальное обновление Китая. События «30 мая» 1925 г. в Шанхае, многомесячная Гонконг-Кантонская забастовка 1925—1926 гг., восстания шанхайского пролетариата в феврале и марте 1927 г., героическая оборона Шанхая от японских интервентов в 1932 г., мощная забастовочная волна 1947 г., подготовившая политические условия для победы народно-демократической революции, — таков далеко не полный перечень решающих революционных политических акций китайского рабочего класса.

С особой силой историческая освободительная миссия китайского пролетариата, опирающегося на поддержку мирового коммунистического и рабочего движения, проявилась в переходе Китая на некапиталистический путь развития в 1949 г., в борьбе за социалистические преобразования и социалистическую индустриализацию страны в первое десятилетие после образования КНР. Рабочий класс Китая принес немалые жертвы ради восстановления народного хозяйства страны после катастро-

⁴ «Правда», 5. III. 1923.

⁵ «Коммунистический Интернационал», № 25, стр. 7072—7078; № 26—27, стр. 7456—7466.

⁶ «Коммунистический Интернационал», № 25, стр. 7074.

³ Дэи Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае, стр. 127.

фических последствий авантюристического «большого скачка», не раз давал отпор бесчинствам хунвэйбинов в годы пресловутой «культурной революции», защищая революционные завоевания китайского народа и пролетарские кадры КПК. Революционные традиции рабочего класса, его негнбаемые воля и мужество вдохновляют марксистов-ленинцев в рядах КПК, ведущих неравную борьбу в тяжелых условиях маонстской военно-бюрократической диктатуры.

Мелкобуржуазно-националистиче с к а я группа Мао Цзэ-дуна на протяжении десятилетий тратила немало сил на то, чтобы идейно обезоружить, расколоть и политически обессилить китайский рабочий класс,

одурманить его ядом великодержавного шовинизма и антисоветизма, изолировать его от международного рабочего движения. Подрывная деятельность маонстов нанесла, конечно, огромный ущерб всему китайскому народу, делу социализма в Китае, китайскому рабочему классу. Однако полностью реализовать свои реакционные замыслы маонстам не удалось. Политическая неустойчивость в стране, неухаживающая борьба среди маонстской верхушки подтверждают, что силы рабочего класса Китая, его представителей в КПК хотя и ослаблены, но не сломлены окончательно. Рано или поздно они еще скажут свое веское слово, как это бывало не раз в истории китайского рабочего движения.

Работа над Большим китайско-русским словарем

*И. М. Ошанин,
доктор филологических наук,
профессор*

Немного истории

Иероглифическая система письма, созданная китайским народом, всегда требовала особого внимания к словарной работе. Так было в Китае, где начиная с «Шовэня» издавалось множество толковых словарей (например, «Эръя», «Юйпьянь», «Шимин»), а также словарей рифм, выходивших, как правило, через каждые полтора-два лет до 1704 года. Словарная работа привела к становлению в китайских словарях ключевой системы расположения иероглифов (первоначально по 540, позже по 214 детерминативам-ключам). Позже китайцы пришли к созданию графических систем классификации материала в словарях — по четырем углам знака или по форме и порядку начертания составляющих его черт (словарь Ваи Юнь-у и новейшие словари и указатели к ним).

Что касается синологов Запада, то за последние столетия они разработали фонетическую систему расположения в словарях китайских слов и знаков — по алфавиту разработанных ими же систем транскрипции и транслитерации китайских слов.

По такой же системе создавали свои китайско-русские двуязычные словари синологи дореволюционной России. Была ими разработана и система русской транскрипции звуков китайской речи, ныне называемая «транскрипцией Палладия (Кафарова)». На основе этой транскрипции и были созданы алфавитные китайско-русские словари: двухтомный словарь Палладия (окончен Поповым, изд. 1888 г.) — словарь оригинальный, высоко оцененный мировой наукой — и двухтомный словарь Иннокентия — компилятивный, собравший все, что можно было найти в двуязычных словарях того времени (изд. 1910 г.).

Однако русская синология не остановилась на алфавитной системе расположения

в словарях китайского лексического материала. Русские синологи — академик В. П. Васильев (1867 г.) и профессор Д. А. Пещуров (1887 г.) — создали русскую графическую систему расположения иероглифов в словарях по нижней правой черте китайского иероглифа. В десятых годах XX века эта система была окончательно разработана профессором О. Розенбергом, снабдившим рукопись своего словаря списком, содержащим более двух десятков тысяч иероглифических знаков, расположенных в порядке этой системы. Реакционное руководство Академии наук от издания этой работы отказалось, рукопись была передана японцам и издана на японском языке в 1916 году в виде толкового словаря японского письма.

* * *

В советское время наша двуязычная синологическая лексикография оказалась в крайне трудном положении: мы, студенты начала 20-х годов, учились сначала с помощью только одного японо-русского словаря Д. М. Позднеева — словаря, составленного по ключевой системе. Лишь в 1927 году профессору В. С. Колоколову удалось издать свой китайско-русский словарь по графической системе Васильева—Пещурова—Розенберга — словарь, утвердивший в нашей синологии ведущее положение русской графической системы. Через 30 лет, в 1957 г., получила у нас новое обоснование и развитие и алфавитная система, разработанная в диссертации Б. С. Исаенко, в его «Опыте фонетического китайско-русского словаря», построенного на базе новой латинизированной транскрипции китайских слов, принятой к тому времени в Китае. Отмечу, что малый объем обонх этих словарей не мог удовлетворить нашей потребности в гораздо более полном китайско-русском словаре.

В конце тридцатых годов Президиум Академии наук СССР принял предложение академика В. М. Алексеева о создании трехтомного китайско-русского словаря большого формата, содержание которого было бы обогащено оригинальными материалами, собранными и разработанными трудами советских, китайских и западных специалистов-синологов. Академик В. М. Алексеев создал в Ленинграде авторский коллектив, в состав которого вошло более двадцати крупнейших специалистов по различным отраслям синологии. К работе были также привлечены некоторые китайисты Москвы.

Великая Отечественная война тяжело отразилась на работе над ленинградским словарем. Некоторые его сотрудники, с оружием в руках защищавшие Ленинград от фашистских полчищ, погибли на фронте (Любин, Разумовский), другие охраняли рукопись и материалы словаря в условиях ленинградской блокады, но погибли от истощения (Рудов, Флуг), третьи в условиях эвакуации потеряли связь со словарем и выбыли из коллектива после 1941 года.

По окончании войны работа над ленинградской рукописью была возобновлена. В 1948 г. был издан Макет китайско-русского словаря с «Тезисами» академика В. М. Алексеева. Эти «Тезисы» и доныне в значительной степени служат нам руководством в работе над Большим китайско-русским словарем (ниже БКРС).

Незадолго до своей кончины академик В. М. Алексеев поручил мне составить на основе ленинградской рукописи китайско-русский словарь среднего размера по русской графической системе. Для выполнения этой работы академик Алексеев придал мне в помощь двух сотрудников ленинградского коллектива — З. И. Горбачеву и С. М. Кочетову. Из московских китаистов нам помогли В. С. Колоколов, Н. Н. Коротков (перед вторым изданием — В. С. Кузес); они просмотрели нашу картотеку, помогли отобрать лексический минимум, обеспечивающий запланированные размеры словаря. Этот словарь вышел из печати в 1952 г., выдержал в СССР три издания и был переиздан в Китае. Находится он на наших рабочих столах и сейчас. Он еще раз закрепил в нашей синологической лексикографии русскую графическую систему расположения иероглифов, о чем свидетельствуют составленные позже специальные словари В. С. Колоколова и И. Д. Клеина и два издания Малого китайско-русского словаря Г. М. Григорьева.

Начало работы над БКРС

В 1956 году Президиум Академии наук поручил Институту востоковедения АН закончить и опубликовать ленинградскую рукопись. Вместе с материалами картотеки рукопись была перевезена в Москву и до сих пор служит важным пособием в нашей работе. Однако рассмотрение рукописи в Институте востоковедения убедило нас в том, что публиковать ее еще нельзя, что требуется большая доработка.

Во-первых, рукопись, как предвидел академик Алексеев, нуждается в пополнении новейшей лексикой, появившейся в Китае с 1941 года как в литературе, так и в разговорном языке.

Во-вторых, рукопись нуждается в отдельных сокращениях за счет части, перенесенной из китайско-иностранноязычных словарей Запада, зачастую включаемой отдельными авторами автоматически, без должной про-

верки, а также за счет аргоизмов — жаргонной лексики в той ее части, которая не использована в общей литературе и попала в рукопись лишь из словаря арго.

В-третьих, оказалось необходимым обновить грамматическую сторону словаря, привести ее в соответствие с позднейшими работами китайских лингвистов (Люй Шуняна, Лу Чжи-вэя, Фу Чао-яна, Чжан Сяна и др.) и вышедших работ западных филологов (например, Карлгрена, Добсона, Демьевиля, Прушека и др.) за рубежом и Н. Н. Короткова, В. М. Солнцева и других — в нашей стране, а также уточнить смысловую и грамматическую классификацию китайских лексических единиц по опубликованным переводам Н. И. Конрада, Ю. К. Щуцкого, В. С. Колоколова, Л. Д. Позднеевой, Л. З. Эйлина и других советских китаеведов.

В-четвертых, в современный словарь необходимо было внести всю массу так называемых «сокращенных иероглифов», введенных во все печатные издания в КНР после так называемой «реформы письма», то есть добавить в корпус словаря несколько тысяч знаков, совершенно необходимых для чтения современной прессы и новейших изданий китайских книг.

В-пятых, материал словаря надо было расположить в порядке русской графической системы как наиболее привычной для наших синологов. Словом, приходилось браться за составление словаря заново, составлять тот самый новый словарь, который в «Тезисах» академика Алексеева упоминался не один раз как будущая очередная задача на следующем этапе развития нашей лексикографии¹.

В соответствии с этой программой сформированный коллектив работников БКРС составил и издал в 1960 г. Макет Большого китайско-русского словаря. В том же году этот Макет был обсужден и одобрен специальными совещаниями наших синологов в Москве и в Ленинграде, по существу единогласно утвердившими установки на Большой китайско-русский словарь современного языка. Главный редактор БКРС дважды (в 1955 и 1956—1957 гг.) выезжал в Пекин, где китайские лингвисты из Института языкознания Академии наук КНР обсудили и в основном одобрили намеченные нами установки БКРС и внесли некоторые свои предложения². С 1957 г. работа над БКРС была полностью развернута во вновь образованном Институте китаеведения АН, а с 1962 г. — в объединенном Институте востоковедения АН.

¹ См.: «Ленинградский макет», стр. 38, 40, 44.

² Напр., о фонетических реставрациях и рифмах. Там же нам были переданы два экземпляра рукописи готовившегося к печати толкового словаря живого языка.

«Специфика БКРС и его объем»

БКРС прежде всего является большим словарем **СОВРЕМЕННОГО** китайского языка. В соответствии с этой установкой этот словарь должен включать в себя:

— с максимальной полнотой иероглифы и их сочетания, обозначающие лексические единицы современного нормализованного литературного и разговорного национального китайского языка, а также лексику его местных диалектов (конечно, лишь в пределах используемой в публицистике и в общей художественной литературе);

— древнекитайский язык — однослоги и их устойчивые сочетания — в пределах, позволяющих читать со словарем тексты канонических, исторических, философских и художественных произведений, не содержащих особой архаики, притом в тех частях лексики, которые могут быть документированы оригинальными источниками и более позднего времени;

— *Вэньянь*, то есть невоспринимаемый на слух литературный язык, употребляемый в научной и художественной литературе и в официальной документации по настоящее время;

— научно-техническую терминологию, проникающую в прессу и в общую (неспециальную) литературу, с расчетом на широко образованного читателя, но не специалиста в данной области.

В соответствии с этой установкой размер корпуса БКРС ориентировочно определяется в 500 авт. листов, брошюруемых в четыре тома корпуса, к которым следует прибавить еще пятый справочный том, содержащий приложения и указатели. Отсутствие в литературе и словарях готового словника, отвечающего этим задачам, заставило и заставляет нас разрабатывать этот словник в процессе работы над корпусом БКРС.

Объем пятого справочного тома, по нашему расчету, составит около 50 авт. листов. В справочный том мы предполагаем включить: географические названия — современные и исторические; биографические данные (хронологию) исторических деятелей и представителей китайской культуры; таблицы по старой китайской науке (астрономия, математика, медицина и др.), меры разных эпох; девизы царствования (по Китаю, Японии, Корее, Вьетнаму); заглавия классических книг и их разделов (глав); названия мелодий и арий китайской оперной музыки (они необходимы для перевода драматических произведений); указатели иероглифов, содержащихся в БКРС, по ключевой и фонетической системам.

Иероглифический и лексический состав БКРС

Таким образом, общий объем БКРС, учитывая все пять томов, должен составить около 530 авторских листов. В основу как

иероглифического, так и лексического состава БКРС положен перечень иероглифов и сочетаний, содержащихся в восьмитомном толковом словаре национального китайского языка «Гоюй Цзыдянь» (12 тыс. отдельных иероглифов, изд. 1943 г.) и в двух вариантах стеклографированной рукописи новейшего толкового словаря живого языка, составленного в Институте языкознания Академии наук КНР на рубеже 50-х и 60-х годов, а также толковых словарей малого формата: «Тунъинь Цзыдянь» и «Синьхуа Цзыдянь» (оба изд. 1957 г.). Для односложных слов живого разговорного языка был использован известный труд проф. Лу Чжи-вэя «Словник односложных слов пекинского диалекта» (1956 г.). Вошел в наш словарь и словник первого издания словаря «Цыхай», за исключением той иероглифики и лексики, которые были взяты составителями из старых китайских словарей и никакими оригинальными текстами не подтверждались. С таким же ограничением вошла в БКРС и ленинградская рукопись академика Алексева.

Весь полученный таким образом иероглифический и лексический материал был проверен на избранном контрольном словаре — тринадцатитомном китайско-японском словаре «Морохася» (изд. 34-го года Сева, т. е. 1959 г.).

Полученный таким образом список иероглифов в процессе работы вновь пополнялся за счет:

— вновь создаваемых в Китае знаков для обозначения новых терминов (особенно в области химии), вводимых китайцами в корпус новейшего издания словаря «Цыхай»;

— единиц, полученных путем расписки произведений современной политической и художественной литературы и личными карточками советских ученых (например, Л. Н. Меньшикова, Э. И. Березкиной, Цзен Сю-фу и других);

— сокращенных иероглифических начертаний, официально принятых в КНР в порядке «реформы письма». Оговорюсь, что в БКРС эти начертания приводятся только ссыльно, например: 7 [187,4], 1602

сокр. в. 1470. Мы отдаем себе отчет, что такая система имеет свои минусы, заставляя читателя словаря терять лишнее время в тех случаях, когда сокращенный иероглиф занимает, например, второе место в составе сложного слова. Но на это все же пришлось пойти, чтобы не лишить нашего читателя возможности работать по китайским изданиям, вышедшим до 50-х годов, а также по изданиям, выпущенным на Тайване, в Сингапуре, наконец, в Японии, Корее, Вьетнаме;

— кое-где в словарь пришлось добавлять знаки за счет встречающихся в самом БКРС в составе сложных слов и словосочетаний, но не вошедших в словник словаря «Гоюй цзыдянь».

После дополнительного включения указанных категорий знаков в состав иероглифического словаря БКРС этот словарь ориентировочно охватит до 20 тысяч знаков, которые в рукописи будут снабжены порядковыми номерами, позволяющими читателю легко разыскать нужный иероглиф по ключевому или фонетическому указателю (пятый том).

Определенные трудности мы испытывали в тех случаях, когда иероглиф, оставшийся в употреблении в прежнем значении, после «реформы письма» получил в процессе реформы новое использование как сокращение более сложного знака. В этих случаях мы решили повторить статью, снабжая варианты римскими цифрами. Например:

里 (I) — ли (мера длины, деревня, поселок, проулок). (II) сокр. вм. 裏 (裡), см. №...

После начертания иероглифа с порядковым номером в его гнездовой статье обозначаются: число черт (штрихов кисти), которыми знак пишется; в квадратных скобках — номер ключа по общепринятой ключевой системе (214 ключей соответственно «Канси Цзыдянь») и число дополнительных черт (сверх ключа).

По образцу 1960 года мы планировали давать при иероглифе такие же данные по системе 540 ключей («Шовэнь»), однако по рекомендации наших синологов и некоторых лингвистов КНР мы решили от этого отказаться.

После гнездовой статьи в БКРС следуют в порядке той же графической системы производные статьи — сочетания данного иероглифа с другими знаками — вне зависимости от того, являются ли элементы данного сочетания морфемами в составе слова, словами в составе словосочетания или письменными знаками, передающими части древнего идиоматического комплекса, то есть *чэньюя*. Список производных сочетаний гнездового иероглифа разрабатывался нами по тем же источникам, что и перечень гнездовых иероглифов. Здесь же, пожалуй, следует подчеркнуть, что сочетания иероглифов, обозначающие на письме отдельное слово, даются в БКРС неизменно под первым иероглифом. Если же прорабатываемый материал требовал включения в словарь сочетания двух или более полных слов современного языка, то данное сочетание мы старались привести в качестве иллюстрации — обычно в статье наиболее полносложного элемента в сочетании, а иногда и в статьях обоих компонентов.

Фонетика и транскрипция

До наших дней в русской синологической литературе, и в частности в лексикографии, господствовала традиционная русская транскрипция Палладия Кафарова. Разработка китайскими учеными фонети-

ческой транскрипции на латинской основе (особенно активное участие в ней принимал советский ученый А. А. Драгунов) и принятие этой новой транскрипции абсолютным большинством синологических школ в Европе и Америке поставили в порядок дня перед синологами мира вопрос об унификации транскрипции китайских слов во всех странах. Вот почему с утверждения наших синологических совещаний 1960 г. в БКРС за основу принята эта новая латинская транскрипция, традиционную же транскрипцию Палладия мы сохранили:

во-первых, для каждого гнездового иероглифа (вторая строка в заглавной статье, под латинской транскрипцией);

во-вторых, в собственных именах всякого рода (география, история и т. д.) — словом, во всякого рода транслитерациях, где перевод слова на русский язык невозможен или неуместен.

От латинизированной китайской транскрипции мы отступили в одном отношении: диакритические знаки *ТОНА* (музыкального ударения) в нашей картотеке ставятся везде (в том числе и в финали) над слогаобразующей гласной слога, а не над конечным кратким полугласным (-й), как в финали в китайских словарях. Сделано это было с целью единообразия транскрипции: мы ставим знак тона над обозначением того звука, на который приходится мелодия тона. Результат: в пекинском словаре живого разговорного языка транскрипция, например 髓, дается sui, у нас же — sui, в то время как иероглиф 髓 транскрибирован в китайских источниках, как и у нас, — sai.

В производных статьях принятая нами система транскрипции обязывает нас обозначить тон (музыкальное ударение) каждого слога, а в словах живого разговорного языка проставлять еще и силовое ударение. Таким образом, установки Макета 1960 г. остаются в этой части для нас неизменными.

Следует подчеркнуть, что в гнездовых статьях одиночных знаков нами приводятся лишь те чтения иероглифа, с которыми его можно найти в оригинальных текстах. В случае же, если с данным чтением иероглиф ни в каких оригинальных источниках не обнаружен и встречается лишь в старых словарях, это чтение нами из гнездовой статьи исключалось. Для примера сошлюсь на иероглифы 施 и 施, из которых первый имеет пять рекомендуемых словарями чтений, документируемых оригинальными текстами (shī, shè, shī, yé и yé), в то время как второй имеет четыре рекомендуемых словарями чтений, из которых документировано только одно, покрывающее и все прочие случаи употребления этого знака в текстах, остальные же оказываются лишь вариантами этого чтения в тех или иных значениях. Это чтение единственно и сохранено в БКРС.

Что же касается производных статей, то они транскрибируются нами в следующих вариантах.

— слитное написание транскрипции с постановкой силового ударения указывает читателю, что он имеет дело со словом современного живого языка. Например: 帝國主義 *dìguózhūyì* — «империализм» — или

好好儿的 *hǎohǎoerde* — «хорошенько». Исключения здесь составляют фонетические образования (например, редупликации) древнекитайского языка, произносимые с силовым ударением на последнем слоге, например 說說 — *túitúit* «тихий, легкий» и т. д.;

— написание транскрипции через дефис указывает, что здесь читатель имеет дело с более или менее устойчивым комплексом, свойственным литературному языку (*вэньяню*) разных эпох. Силовое ударение на таких комплексах мы не проставляем;

— написание транскрипции через двойную стрелку (\leftrightarrow) указывает, что в данном случае наличествует комплекс типа «действие — объект», в котором при иных условиях слово, обозначающее объект, способно инверсироваться, становясь впереди глагола;

— раздельное написание применяется нами редко в иллюстративных примерах, где нужно указать то или иное чтение иероглифа, например 重金屬 *zhòng jīn'shǔ* — «тяжелые металлы»;

— наконец, словосочетания, приводимые в составе производной статьи в качестве иллюстрации употребления слова, могут даваться вообще без транскрипции.

Семантика и перевод

В китайской лексикографии классификация материала по рубрикам частей речи за последние десятилетия занимает все более важное место. Начиная со словаря Ван Юнь-у, после прошедшей в пятидесятых годах в Академии наук КНР дискуссии о частях речи в китайском языке, наконец, после выхода работ проф. Лу Чжи-вэя и новых грамматик китайского языка (начиная с грамматики Ли Цзинь-си, первое издание 1924 г.) число сторонников подхода к китайскому языку как к образцовому аморфно-синтетическому, лишённому категорий частей речи, резко сократилось. Хочу здесь подчеркнуть, что советские синтологи на такую точку зрения не становились. Учитывая это, мы в БКРС делаем попытку систематизировать значения однослога (т. е. иероглифа в гнездовой статье по лексико-грамматическим категориям частей речи). Подчеркну, что большой объем учебного словарем материала привел к появлению в БКРС объемно крупных гнездовых статей (до 20 и более карточек). Классификация этого материала по рубрикам частей речи, как нам кажется,

облегчит работу пользующегося словарем: разыскивая в словаре слово из переводимого текста и ориентируясь в его грамматическом значении, наш читатель сможет легче отыскать в словаре нужное значение без необходимости прочитывать всю статью целиком. Какие рубрики получили мы в результате этой классификации словарного материала? (Существительное) счетное слово; (прилагательное) наречие; (глагол) непереходный и переходный; (числительное); местоимение; (служебное слово) глагол-предлог, предлог; союз, частица (междометие и звукоподражание); условное обозначение и собственное имя.

Здесь следует подчеркнуть, что, во-первых, в БКРС указываются рубрики частей речи китайского языка (т. е. оригинала), а не части речи русского языка (т. е. перевода). При этом предполагается, что пользующийся словарем владеет китайским языком и знает, например, что в старом китайском литературном языке каждое существительное способно выступать в наречном значении (в позиции определения к глаголу: 人 «человек» и 家人立而啼 «кабан, по-человечьи встав, завизжал»). Поэтому наречные значения существительных, как правило, в БКРС не приводятся.

Второе замечание касается изменения грамматической характеристики лексической единицы в истории китайского языка: слово, принадлежавшее в древнекитайском языке (и, следовательно, в *вэньяне*) к одной части речи, в современном живом языке может оказаться принадлежащим к другой. Эта особенность требовала разработанной системы помет по эпохам истории языка.

В заключение этого раздела хочу добавить, что в картотеке БКРС мы сохранили системы выделения разрядкой русского перевода односложных слов современного живого разговорного языка, как это было сделано во втором издании словаря Института востоковедения. Для этого были использованы упомянутый словарь Лу Чжи-вэя, рукопись пекинского словаря и диалектный словарь Фу Чао-яна. В типографском издании БКРС мы проектируем напечатать перевод этих значений иероглифа особым шрифтом. Добавлю, что материал производных статей, как прозрачный и читателю понятный, по рубрикам частей речи нами не помечался.

История языка

Прежде всего надо подчеркнуть, что мы не решились точно датировать появление в литературе того или другого китайского словаря. Невозможность проверки данных наших контрольных словарей («Морохаси», «Цыхай», и др.) не давала уверенности, что данное сочетание в более ранней литературе не встречается. В итоге мы остановились на следующей системе помет: «древнекитайский язык» (до истори-

ческой хроники «Хоуханьшу» включительно), «среднекитайский язык» (до Юаньской эпохи); «новокитайский язык» (от нашествия монголов), что соответствовало, по видимому, как смене ведущего диалекта (Шэньси — Хэнань — район Янцзы — Пекин), так и изменению жанров литературы (стихи и ритмическая проза — литературный язык *ваньянь* — разговорные жанры и драма). Кроме того, наш словарь имеет еще пометы «уст.» при лексических единицах, вышедших ныне из употребления и замененных другими, и «стар.» при названиях реалий, вышедших из употребления и в новом быту Китая более не представленных.

Далее, я хочу подчеркнуть, что история китайской лексики в БКРС в значительной части строилась на расписке двухтомного труда Чжан Сяна: (12-е издание 1963 г.), открывшей нам многие тайны грамматики средне- и новокитайского языка. В сочетании с данными грамматических трудов крупнейших китайских лингвистов (особо отмечу проф. Люй Шу-сяна), западных синологов (Добсона и др.) мы хотели бы дать нашим читателям словарь, который облегчил бы их работу в следующих направлениях.

Во-первых, хотелось бы, чтобы словарь позволил читателю глубже проникнуть в структуру и историю лексики китайского языка и помогал овладеть теорией китайской лексикологии и лексикографии. В этом видим мы научное значение нашей работы над БКРС.

Во-вторых, хотелось бы, чтобы БКРС помог читателю в изучении современных

текстов в самом широком понимании этого слова, позволил историку читать династические истории Китая, литературоведу — свободно читать тексты изучаемой им эпохи и каждому синологу — проникать в глубины культуры великого китайского народа.

Наконец, мы хотели бы, чтобы Большой китайско-русский словарь оправдал слова покойного академика В. М. Алексеева:

«Мы понимаем современный словарь китайского современного языка как словарь китайской научной и культурной современности, а не только как словарь китайского современного быта и обихода; мы всячески остерегаемся превратить академический словарь в обывательский... По научной современности мы понимаем современное состояние китайской культуры в целом, без выключения так называемых «трудных» статей, в частности равняюсь, например, на тексты научной и политической прессы. Таков девиз словаря... Мы утверждаем, — продолжал академик В. М. Алексеев, — что такого словаря в китайской научной современности нет, хотя есть... целый ряд китайско-иностранных словарей современности (Мэтью, «Тсанг-Рюденберг»)... Бесспорно, они — наш материал, но не наши учителя и не наши лидеры...»

Мы считаем, что это сказано превосходно. Мы хотим, чтобы БКРС полностью осуществил эти надежды покойного академика. Ему и возглавлявшемуся им героическому коллективу синологов-ленинградцев мы и посвящаем эту свою работу.

Международная конференция в Ташкенте

С 16 по 19 октября 1972 года в столице советского Узбекистана Ташкенте проходила Международная научная конференция «Опыт социалистических преобразований в СССР и его международное значение», посвященная 50-летию образования Советского Союза.

Около четырехсот ученых, общественных и политических деятелей СССР, ряда других социалистических государств, а также многих стран Азии, Африки и Латинской Америки съехались на эту конференцию, подготовленную Академией наук СССР, Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки, Академией наук Узбекской ССР, для того чтобы изучить и обобщить плодотворную деятельность Советского государства по подъему экономики и культуры ранее отсталых наций и народностей, формированию новых межнациональных отношений, основанных на дружбе, братстве и сотрудничестве.

Четыре дня, в течение которых работала научная конференция, были насыщенными и плодотворными для всех ее участников. Особую значимость этому международному форуму придало поступившее в его адрес приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Это послание явилось лейтмотивом всей работы конференции. «Глубоко символично, — отмечалось в приветствии Л. И. Брежнева, — что конференция работает в Узбекистане — бывшей колониальной окраине царской России, а ныне одной из процветающих социалистических республик Средней Азии, совершивших переход к социализму, минуя капитализм. На примере республик Советского Востока можно видеть, как социализм ликвидирует национально-колониальный гнет, эксплуатацию, несправие и нищету, выводит народы на дорогу общественного прогресса».

Во вступительном слове председатель оргкомитета по проведению конференции, вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев подчеркнул, что встреча в Ташкенте может служить ярким примером крепнущих связей общественных наук социалистических государств с практикой, с актуальными задачами национально-освободительного движения, с движением солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Доклад «Ленинизм — знамя освобождения и прогресса народов» сделал на первом заседании конференции кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов. Ныне, сказал докладчик, миллионы людей бывшего колониального мира стремятся как можно больше узнать об опыте строительства социализма в Советском Союзе. Ш. Р. Рашидов выразил надежду, что международная конференция, посвященная 50-летию образования СССР, внесет свой вклад в изучение этого исторического опыта. «Мы с гордостью называем Ленина архитектором и строителем величественного здания социализма на Советском Востоке, — подчеркнул в своем докладе Ш. Р. Рашидов. — В наших республиках, как и в других республиках Советского Союза, успешно осуществлена ленинская программа социалистического строительства и решения национального вопроса. То, о чем могли только мечтать лучшие умы человечества, социализм сделал явью, реальной действительностью».

Величайшая заслуга Ленина состоит в том, что он выработал стратегические и тактические установки подхода к социалистическому строительству в специфических условиях Востока. Ленин указал наиболее целесообразные формы и методы создания материальных и духовных предпосылок для перехода к социализму.

Этими установками В. И. Ленина руководствовались коммунисты, приступая к социалистическому строительству, разворачивая его на Советском Востоке.

Участники ташкентской конференции единодушно подчеркивали мысль, что вывод Ленина о переходе отсталых стран к социализму, минуя капитализм, — величайшее открытие не только для народов Средней Азии, Казахстана и других народов бывшей Российской империи, находившихся на докапиталистической или раннекапиталистической стадии развития, но и для тех зарубежных стран, которые освободились от колониализма и берут курс на строительство

социализма, минуя стадию капитализма, через этап некапиталистического развития.

Ныне значительная часть человечества — в основном афро-азиатские народы — живет в условиях дофеодальных, феодальных и других форм докапиталистических или переходных к капитализму взаимоотношений, переплетающихся в борьбе различных экономических укладов и классов. Для них особенно важна и особенно нужна помощь и поддержка социалистического содружества, смычка с международным рабочим классом.

В докладе на конференции академика Е. М. Жукова «Проблемы антиимпериалистического единства на современном этапе» полно и всесторонне была показана и обоснована необходимость тесной взаимосвязи и союза революционного рабочего класса с народами, борющимися за свое национальное освобождение.

Сотрудничество коммунистов с национальными демократами, сказал Е. М. Жуков, обеспечивает соединение двух мощных революционных потоков, размывающих устои империалистической эксплуатации и угнетения народов.

Опыт народов Советского Востока убедительно подтверждает возможность победы социализма в современных условиях не только в странах, обладающих развитой промышленностью и соответствующими кадрами рабочего класса, но и в сравнительно отсталых странах. Социализм может стать реальностью в любой стране, где найдутся прогрессивные общественные силы, способные опереться на поддержку победившего рабочего класса других стран, который в соответствии с принципом пролетарского интернационализма окажет необходимую помощь — и в преодолении отставания, и в пробуждении творческой энергии широких народных масс.

Характеризуя современный этап национально-освободительного движения в Азии и Африке, член-корреспондент АН СССР В. Г. Солодовников подчеркнул в своем докладе на конференции, что исторический опыт и анализ современной действительности убеждают нас в том, что характерной чертой нынешней обстановки в Азии и Африке является перерастание национально-освободительных революций, первоначально направленных на национальное освобождение, в социальные революции, направленные против неокOLONИализма и внутренней реакции, против самих основ эксплуататорского строя. Некапиталистическое развитие — основная часть этого процесса, выходящего за рамки буржуазно-демократической революции. «В своей основе, — подчеркнул докладчик, — антикапиталистический процесс как историческая тенденция, характеризующая социалистическую ориентацию освобождающихся стран, является необратимым».

В. Г. Солодовников отметил, что народные массы освободившихся стран на собственном опыте начинают осознавать необходимость того, что они должны вырваться из капиталистической системы, которая обу-

словливает и стремится закрепить их отсталость и зависимое положение на мировой арене. Капитализм оказался неспособным вывести независимые страны Азии и Африки из болота нищеты и отсталости на путь прогресса. Только осуществление ленинской теории некапиталистического развития обеспечит освободившимся государствам подлинную политическую и экономическую независимость.

О важности единства и сотрудничества сил социализма и национально-освободительного движения для победы в этой борьбе говорил на конференции генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки Юсеф Эс-Сибан.

Создание Советского Союза, сказал видный арабский общественный деятель, его невиданные успехи в строительстве новой жизни оказали огромное воздействие на развитие народно-освободительного движения в афро-азиатских странах. Этот не имевший прецедента в истории пример показал, что миллионы людей сумели освободиться от оков капитализма, от эксплуатации человека человеком, сумели преодолеть препятствия, воздвигнутые империализмом, капитализмом и феодализмом на пути социального прогресса. Следуя этому примеру, ранее отсталые народы смогли не только возродить свою древнюю культуру, но и стали строить жизнь по-новому, увереннее смотреть в будущее.

В крепнувшем единстве и сотрудничестве сил социализма и национально-освободительного движения, подчеркнул Юсеф Эс-Сибан, залог социального, экономического и культурного прогресса развивающихся стран Азии и Африки.

Взяв затем слово ораторы, такие, как Генеральный секретарь ЦК Бразильской коммунистической партии Луис Карлос Престес, полномочный министр, советник посольства ДРВ в Советском Союзе Ву Тоан, член парламента Индии профессор Бир Бахадур Сингх, председатель руководства партии Баас Ирака Хасан аль Амирн, министр труда и юстиции, член ЦК Конголезской партии труда Александр Денге (Народная республика Конго), и другие в своих речах отмечали, что 50-летие образования СССР — праздник не только для советских наций и народностей, но и общий праздник всего человечества. Представители стран разных континентов делали особый акцент на том, что успехи Советского Союза на путях экономического и национального строительства вдохновляют народы, вставшие на путь социального и национального освобождения, на путь строительства социализма. Все народы видят, говорилось в выступлениях докладчиков, что внешняя политика Советского государства направлена на сохранение мира, на защиту интересов социализма и демократии, на поддержку национально-освободительного движения, против прощого империализма.

Выступавшие на конференции отмечали, что империалисты максимально используют

социал-шовиннистическую политику группы Мао Цзэ-дуна, которая выступает с ревизионной марксистско-ленинских основ боевого единства антиимпериалистического союза, противопоставляя национально-освободительное движение международному рабочему движению, «мировую деревню» — «мировому городу». Маоисты стремятся оторвать национально-освободительное движение от мировой системы социализма, изолировать его и в конечном счете подчинить гегемонистским планам Пекина. Маоистское руководство, как это еще раз показала его позиция в отношении национально-освободительного движения восточнобенгальского народа, поощряет реакционные режимы, пытается порвать единство и сплоченность прогрессивных и демократических сил, раздувает национализм и антисоветизм. Это вызывает решительное осуждение народов.

После пленарных совещаний конференция продолжала работать по секциям «Политика» и «Экономика». На секциях заслушивались доклады по следующим проблемам: «Общие проблемы экономического развития», «Марксистско-ленинская теория социального прогресса и идеологическая борьба», «Партийное руководство некапиталистическим развитием», «Национальное и госу-

дарственное строительство», «Практика социально-политического преобразования», «Культурное строительство».

Всего на пленарных заседаниях конференции, а также в дни работы ее секций было заслушано около ста докладов и выступлений зарубежных и советских ученых, общественных и политических деятелей.

Ученые и общественные деятели зарубежных стран, выступившие с трибуны ташкентской конференции, всесторонне и убедительно осветили коренные изменения в социально-экономической и общественно-политической жизни народов Азии, Африки и Латинской Америки. Они были единодушны в признании всемирно-исторического значения опыта социалистических преобразований в СССР.

Главным политическим итогом работы конференции в Ташкенте является то, что она еще и еще раз продемонстрировала могучую творческую силу марксизма-ленинизма, величие и неиссякаемую животворность ленинских идей. Новые, своеобразные пути и формы общественного развития, которые стали возможны в последние десятилетия, являются прямым следствием великих побед ленинизма на практике.

Юбилейное заседание

В конце прошлого года в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялось юбилейное заседание Ученого совета института, посвященное 50-летию образования СССР. На заседании было заслушано несколько докладов и выступлений. В нем приняли участие гости — ученые востоковедных учреждений столицы и других городов страны.

Заседание открылось вступительным словом заместителя директора Института Дальнего Востока АН СССР, доктора исторических наук профессора Г. В. Астафьева. В своем выступлении Г. В. Астафьев отметил, что полувековой юбилей Союза Советских Социалистических Республик — большой и радостный праздник всех народов Советского многонационального государства, смотр всесторонних достижений советских людей. Образование СССР явилось выдающейся вехой в истории нашей Родины — событием, политическую значимость которого трудно переоценить. В этой связи Г. В. Астафьев подчеркнул, что одним из важнейших результатов укрепления и развития братского союза Советских республик стало образование новой исторической общности людей — советского народа. Великий исторический подвиг советских народов, сказал Г. В. Астафьев, впервые воплотивших в жизнь ленинские принципы решения национального вопроса и создавших государство нового типа — могучий Союз ССР, вдохновлял и вдохновляет народы мира, борющиеся за свободу, равенство и демократическое развитие своих стран.

С докладом на тему «Торжество ленинской национальной политики на примере Советского Узбекистана» выступил заведующий отделом Института востоковедения им. Бируни АН Узбекской ССР, кандидат исторических наук Б. С. Маннанов.

Он указал, что последовательное осуществление в советском государстве разработанных В. И. Лениным принципов равенства и суверенитета всех наций и народностей стало прочнейшей базой добровольного союза братских народов нашей страны. Полувековой опыт свободных наций, сплотившихся в нерушимый Союз ССР, их громадные успехи в политическом, экономическом и культурном строительстве — убедительное свидетельство торжества ленинских принципов национальной политики, проводимой в нашей стране. На многих ярких примерах докладчик показал, какого небывалого прогресса добился узбекский народ в строительстве социализма и коммунизма. Из некогда отсталого края Советский Узбекистан превратился в республику развитой многоотраслевой экономики и передовой социалистической культуры. Успехи Советского Узбекистана, подчеркнул докладчик, наглядно демонстрируют преимущества социалистического строя перед капиталистическим. Только советский социалистический строй может обеспечить столь стремительные темпы развития всех республик нашей многонациональной Родины. Советский Узбекистан, отметил он, оставил далеко позади в своем экономическом и культурном развитии многие капиталистические страны, в частности страны Азии. Так, ныне Узбекистан производит электроэнергии в 7 раз больше, чем Турция, в 15 раз больше, чем Иран, в 35 раз больше, чем Пакистан. В Узбекистане сегодня около 40 вузов; республика оказывает научно-техническую помощь целому ряду молодых государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Доклад заведующего сектором Института Дальнего Востока АН СССР кандидата исторических наук Т. Р. Рахимова (доклад зачитал кандидат исторических наук В. А. Богословский) содержал характеристику политики современного пекинского руководства в отношении неханьских народов Китая. В докладе отмечалось, что неханьские народы КНР были лишены законного права на самоопределение. Это явилось прямым отступлением от марксистско-ленинской теории по национальному вопросу.

В докладе было приведено немало фактов, свидетельствующих о великодержавной националистической сущности мероприятий, проводимых китайским руководством в национальных районах КНР. Так, в результате произвольного передела территории Автономного района Внутренняя Монголия большинство компактно проживающих монголов в нарушение конституции лишены права на автономию. В докладе отмечалось также,

что программа по развитию национальных языков и созданию письменности для народов Китая, не имеющих таковой, фактически свернута маонистами. Сталкиваясь с недовольством и сопротивлением неханьских народов, пекинское руководство вынуждено прибегать к маневрированию. В последнее время маонисты поднимают много шума вокруг «успехов» национальных районов страны. Они пытаются изобразить «национальную политику председателя Мао» как якобы отвечающую коренным интересам «нацменьшинств». Однако действительность свидетельствует о том, что маонисты открыто ревизуют марксистско-ленинское учение по национальному вопросу, подменяют его великоханьским шовинизмом. Это особенно наглядно видно, говорилось в докладе, на фоне тех огромных успехов, которых добились советские народы за полвека существования СССР.

Совместный доклад «Советское китаеведение за 50 лет» доктора исторических наук В. Н. Никифорова и доктора филологических наук М. В. Софронова зачитал последний из названных авторов.

В первой части доклада были освещены достижения советского китаеведения в области истории, экономики и философии. Отмечалось, в частности, что лишь в советский период изучение в нашей стране Китая стало задачей, приобретшей подлинно государственные масштабы. Характеризуя разработку советскими учеными многочисленных проблем истории, экономики и философии Китая с конца 50-х и особенно с середины 60-х годов, автор доклада указал на фундаментальность выдвигаемых в этот период концепций, подкрепленных огромным, тщательно взвешенным фактическим материалом. В докладе подчеркивалась важность работ советских китаеведов, разоблачающих всевозможные фальсификации маонистов. Было отмечено также, что советская наука уделяет много внимания изучению исторических соседей Китая — уйгуров, тибетцев, киданей, чжурчженей и др. Именно в нашей стране родилась новая отрасль науки — тангутоведение, достижения в которой советских исследователей признаны мировой наукой.

М. В. Софронов, осветивший в своей части доклада успехи советских китаеведов в области изучения культуры, литературы и языков Китая, подчеркнул разносторонность творческих интересов наших ученых. Он отметил, что наряду с проведением широких обобщающих исследований за последние годы успешно разрабатывался также целый ряд важных специальных проблем. Докладчик указал на плодотворность попыток советских ученых теоретически осмыслить процессы развития китайской культуры, связать их с общими процессами развития мировой цивилизации. Изучение состояния китайской культуры, подчеркнул М. В. Софронов, пред-

ставляет собой важную научную и политическую задачу, которая решается в настоящее время сотрудниками Института Дальнего Востока, Института востоковедения и других научных учреждений СССР. Авторы доклада обратили особое внимание на то, что исследования советских ученых проводятся с учетом опыта социалистического и культурного строительства в СССР. Эти исследовательские работы, основанные на марксистско-ленинском методе, смогут оказывать все большее влияние на мировую науку. Они послужат на пользу и китайскому народу, до которого в конечном итоге дойдут.

Доктор исторических наук проф. А. М. Дубинский отметил в своем выступлении, что 50-летний юбилей Советского государства является большим праздником не только для народов нашей Родины, но и для всего прогрессивного человечества. Остановившись на проблеме интернационального и национального во взаимоотношениях между правящими коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, А. М. Дубинский указал, что новый тип отношений между нациями, положенный в основу союза Советских республик, получил дальнейшее развитие в системе мирового социалистического содружества. А. М. Дубинский особо остановился на источниках национальной ограниченности и мелкобуржуазного национализма, зачастую прикрывающегося интернационалистской фразеологией. Не отрицая необходимости и важности учета национальной специфики и особенностей каждой страны, вступившей на путь социализма, марксисты-ленинцы ясно понимают, продолжал А. М. Дубинский, что игнорирование общих закономерностей пролетарской революции неизбежно ведет к скатыванию на позиции национализма, к подрыву интернационалистических принципов во взаимоотношениях между социалистическими странами. Вот почему, сказал А. М. Дубинский, образование мировой социалистической системы возложило огромную ответственность на правящие партии социалистических стран — ответственность за осуществление подлинно интернационалистической политики, за создание такого союза, который, как неизменно отмечал В. И. Ленин, должен строиться «на ясном сознании братского единства».

Говоря о кампании клеветы, с помощью которой мировая реакция пытается дискредитировать основы Советского многонационального государства, А. М. Дубинский заметил, что эти потуги врагов социализма и прогресса обречены на провал. Сегодня наши народы, тесно сплоченные вокруг КПСС и Советского правительства, встречают свой праздник в обстановке еще большего единства, дальнейшего роста силы и могущества великого Союза Советских Социалистических Республик.

СОБЫТИЯ, ЦИФРЫ, ФАКТЫ

Пекин нагнетает напряженность. Подстрекатели из Пекина распространяют нетвердые провокационные призывы к пересмотру границ, сложившихся в мире в итоге второй мировой войны. Так, например, 1 декабря пекинское агентство Синьхуа заявило о том, что КНР «поддерживает» требование Японии к СССР о возвращении «северных территорий». Вслед за этим агентство Киодо Цусин передало из Пекина, что «все газеты Китая поместили сообщения Синьхуа о поддержке Японии».

Пекинские руководители, проводя великодержавно-шовинистический курс в отношении международных споров и территориальных притязаний, хотели бы нажить себе политический капитал и достичь своих гегемонистских целей.

Позиция, занятая Пекином в вопросе «поддержки» «северных территорий», исходит из его глобальной стратегии, основу которой составляет антисоветизм. В этой связи характерно отметить, что в первые годы после образования КНР Чжоу Энь-лай по этому поводу заявил, что «нет никаких оснований возобновлять обсуждение территориальных вопросов, которые уже решены». Чем объяснить такую противоречивость позиции Пекина? Отнюдь не «заботой» об интересах Японии и ее народа, а своекорыстными целями.

«Поддержка» Пекином притязаний на «северные территории» носит явно провокационный характер.

Ее острее направлено прежде всего на разжигание реваншистских настроений и националистических страстей в определенных кругах Японии.

Во время визита премьер-министра Японии К. Танаки, как сообщает газета «Асахи», премьер Госсовета Чжоу Энь-лай заявил: «...мы приветствуем увеличение военной мощи Японии в качестве потенциальной силы, противодействующей агрессии СССР», и «если Япония подвергнется нападению со стороны СССР, то мы предусматриваем возможность того, что китайская армия окажет помощь Японии» (сообщение газеты «Нью-Йорк таймс»). Оставим в стороне вопрос, насколько правдоподобно это заявление, но некоторые обстоятельства заставляют задуматься над тем, что К. Танака сразу же по возвращении из КНР официально одобрил 4-й пятилетний план обороны, предусматривающий увеличение оборонных расходов вдвое, заявив при этом, что «в КНР с пониманием отнеслись к японским силам самообороны».

Давая заверения К. Танаке, Чжоу Энь-лай, очевидно, забыл о своих прежних резких тирадах против японского «милитаризма» и «оборонных» приглашений.

Таким образом, Пекин еще раз показал, что он готов использовать любую возможность для нападков на СССР и готов войти в контакт с любыми силами, лишь бы их политика соответствовала великоханьским

интересам маоистов, их антисоветскому курсу.

В последнее время на страницах китайских газет появляются сообщения из Японии о различного рода инспирированных выступлениях по «проблеме северных территорий», стремящихся вбить клин в японо-советские отношения. С этой целью пекинская пропаганда распространяет всевозможные, явно не соответствующие действительности домыслы о том, что якобы в Советском Союзе ведется антияпонская пропаганда. Пекин, распространяя провокационные измышления, тем самым, как заявляют некоторые японские обозреватели, оказывает «медвежью услугу» Японии.

Дипломатическая эквилибристика Пекина на международной арене не может не обратиться на себя внимания тех, кто занимается или просто интересуется политикой. Естественно, возникают вопросы, что заставляет китайское руководство совершать на первый взгляд неожиданные «большие скачки» во внешней политике, шарахаться из стороны в сторону — от избяния иностранных дипломатов и осады посольств до «пинг-понговой дипломатии» и смычки с реакцией. Основная особенность дипломатии Пекина за последнее десятилетие состоит в том, что она полностью отказалась от социалистических принципов подхода к вопросам внешней политики, встала на путь политической борьбы против стран социализма, и прежде всего Советского Союза.

Китайское руководство выступает против всех предложений Советского Союза, направленных на решение коренных международных проблем. Активизируя свою провокационную роль на международной арене, Пекин пытается воспрепятствовать наметившимся в мире тенденциям к разрядке напряженности, осложнить отношения между отдельными государствами, вызвать неприязнь и недоверие между народами. Не случайно в последнее время Пекин форсирует «перевод стрелок» своей внешней политики в сторону далеко идущего сближения с Соединенными Штатами Америки, Японией и другими империалистическими государствами.

Пекинские руководители, откровенно проводя подстрекательскую политику вокруг «территориальных вопросов», не способствуют укреплению мира в Азии, она противоречит интересам мира и безопасности народов, которые настоятельно требуют дальнейшей разрядки напряженности, развития добрососедских отношений.

Разброд и шатания в СЕАТО. О выходе из военного агрессивного пакта заявило правительство Пакистана. Антисеатовские настроения крепнут в Австралии, которая до недавнего времени считалась самым верным приверженцем договора. На Филиппинах и в резиденции СЕАТО — Бангкоке — раздаются голоса о «реорганизации» военного пакта в региональный союз экономического сотрудничества. Уже давно отстранилась

эт деятельности этого военного блока Франция, которая, по словам газеты «Гардиан», «высокомерно и недоверчиво, хотя и регулярно, платит свои взносы, но уклоняется (даже!) от сессии Совета и конференций членских советников».

О чем же говорят эти факты? О том, что 1972 г. был самым «черным» годом в истории существования СЕАТО, что кризис этого военного пакта продолжается.

В сентябре 1954 г. усилиями США и их ближайших союзников в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана была создана договорная организация Юго-Восточной Азии (СЕАТО), членами которой стали США, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, Франция, Таиланд, Пакистан и Филиппины, Вашингтон, создавая СЕАТО, стремился использовать ее в качестве проимпериалистической силы в подавлении национально-освободительных движений в Юго-Восточной Азии. Однако семнадцатилетняя история существования этого военного пакта показала всю несостоятельность СЕАТО решать возложенные на нее задачи. Он оказался неспособным на серьезное противодействие мощному движению национально-освободительных сил как на Индокитайском полуострове, так и во всей Юго-Восточной Азии.

Причина была не только в этом, но еще и в тех противоречиях, которые возникли в самой СЕАТО с первого же дня ее образования. Не случайно поэтому еще в канун семнадцатой сессии Совета СЕАТО, состоявшейся в июне 1972 г. в Канберре, печать стран — участниц военного договора давала довольно-таки пессимистические прогнозы относительно дальнейшего существования СЕАТО. «Ежегодная сессия Совета СЕАТО, — подчеркивала, например, английская газета «Гардиан», — откроется... в обычной атмосфере преждевременных поминков... Ее несостоятельность была ясно показана, когда восемь стран — участниц этой организации не сумели договориться по поводу единых мер во Вьетнаме, на который распространяется протокол, точно так же как на Лаос и на Камбоджу».

«Хотя СЕАТО уже мертва, — возражал ей «Таймс», газета английских консерваторов, — это все же полезная и красивая мушья».

В чем же «полезность» и «красота» этой «мушья»? На этот счет «Таймс» не дала своих разъяснений, но это и без того ясно.

Духом, который питал СЕАТО, был и по сей день остается ядовитый антикоммунизм, и именно в этом — причина обреченности СЕАТО в наши дни, когда все больше и больше людей овладевают идеей социализма.

Пекин поддерживает НАТО. 12 декабря 1972 г. газета «Жэньминь жибао» выступила со статьей «Результаты сессии Совета НАТО», в которой ясно выражена позиция пекинского руководства относительно существующих агрессивных военных блоков

международного империализма. «Жэньминь жибао» изобразила все дело так, что НАТО, например, существует-де по необходимости, из-за «советского присутствия» в Европе, для «баланса сил» на этом континенте. Не случайно поэтому многие круги Западной Европы расценивают подобные заявления Пекина как заинтересованность китайского руководства в сохранении американского присутствия в Европе. «По мнению китайского руководства, — пишет, например, финская газета «Ууси Суоми», — интеграционные стремления нацелены на достижение большей независимости Западной Европы от сверхдержав — США и Советского Союза. Однако здесь в большей степени подразумевается Советский Союз, чем США, сохранение тесных отношений которых с Западной Европой китайское руководство считает важным».

Политические обозреватели обратили внимание еще на один факт — на парафирование первого соглашения о торговле и платежах между ФРГ и КНР. То, что переговоры были завершены в столь короткое время, объясняется, по мнению газеты «Кельнер-штадт-анцайгер», благодаря тому, что Пекин с «пониманием» отнесся к пожеланию немецкой стороны относительно включения Западного Берлина в сферу действия договора и «одобрил оговорку о Берлине».

Выборы в Японии: сдвиг влево. 10 декабря 1972 года в Японии состоялись выборы в нижнюю палату парламента. После краткой предвыборной кампании, в ходе которой 895 кандидатов боролись за 491 депутатский мандат, избиратели сказали свое слово.

В итоге, несмотря на то что правящая Либерально-демократическая партия, щедро финансируемая капиталистическими монополиями, в среднем истратила от 50 до 100 млн. иен на поддержку каждого своего кандидата, она потерпела чувствительное поражение.

Руководство ЛДП, и прежде всего ее новый лидер Какуэй Танака, шло к выборам в надежде, что избиратели высоко оценят такие акции либерал-демократов, как нормализация японо-китайских отношений в области внешней политики и провозглашение программы «реконструкции японских островов» во внутренней политике.

Однако итоги выборов показали, что многие избиратели трезво оценили политический курс ЛДП и проголосовали за кандидатов оппозиционных партий. С «перевыполнением» оправдались прогнозы печати, предрекавшие некоторые потери ЛДП и прирост голосов Коммунистической и Социалистической партиям.

Ниже приводится любопытная таблица, сопоставляющая эти прогнозы с фактическими итогами выборов.

Как видим, наряду с ЛДП явное поражение понесли также партии «среднего пути» — Комэйто и ПДС, — широко прибегав-

	Число мест в м-менте Респуб-лика палаты	Число возмож-ных мест, сог-ласно прогнозам агентства Киото Цусэн	Фактический итог выборов
Либеральная партия	297	286	271
Социалистическая партия	87	109	118
Коммунистическая партия	14	21	38
Партия Комэйто	47	40	29
Партия демократического социализма	29	25	19
Независимые	3	8	16

шие в своей предвыборной кампании к лозунгам антикоммунизма. Значительно укрепилось положение Социалистической партии, утратившей много мест в парламенте на предыдущих выборах, и почти утроилось количество депутатов нижней палаты от КПЯ.

Отныне КПЯ стала второй по численности партией оппозиции. Пять с половиной миллионов японских избирателей отдали свои голоса коммунистам, выдвинувшим ясную программу борьбы за интересы народа. В программу КПЯ входили требования прекратить содействие агрессии США во Вьетнаме, заключить мирный договор с СССР, нормализовать отношения с ДРВ и КНДР, ликвидировать агрессивный японо-американский «договор безопасности», остановить рост потребительских цен, установить контроль над прибылями монополий и т. п.

Трезвые голоса в Индонезии. В связи с осложнением внутриэкономического положения (ощущается острая нехватка продовольствия) и политической обстановки в Индонезии ряд органов индонезийской печати в последнее время высказывает недовольство политикой правительства. Критикуется коррупция некоторой категории должностных лиц в связи с бесконтрольной деятельностью местного китайского капитала, наносящей ущерб национальному предпринимательству; политика «открытых дверей» для иностранного капитала; односторонний внешнеполитический курс правительства, ориентирующий на США и другие империалистические державы, что находится в противоречии с официальными заявлениями относительно проведения Индонезией «активной и независимой внешней политики».

Какаясь внешнеполитического аспекта политики Индонезии, крупнейшая индонезийская газета «Мердека» выступила с редакционной статьей, в которой высказалась за расширение контактов с социалистическими

странами Европы. По мнению газеты, это отвечало бы национальным интересам Индонезии и способствовало «созданию здорового баланса» во внешней политике нынешнего правительства.

Газета «Мердека» выражала уверенность, что в результате «более здорового подхода к социалистическим странам» будут значительно расширены возможности для развития торговли и рассеяно предубеждение, «будто бы мы стремимся поддерживать тесные отношения только со странами Запада».

Другая индонезийская газета, «Индонезия райя», пишет: «Из года в год правительство разрабатывает экономические планы, осуществление которых ставится в прямую зависимость от размеров иностранной помощи». Этот курс, указывает газета, «делает нас все более зависимыми от иностранного капитала, и его нужно решительно изменить».

Беженцы из Китая. По сведениям из неофициальных, но заслуживающих доверия кругов, за 1972 г. из Китая в Гонконг бежало 28 тыс. человек.

По официальным данным, беженцев насчитывается за этот период 5700. Столько беженцев было схвачено полицией после того, как они перешли в Гонконг из провинции Гуандун.

Судя по опыту прошлых лет, полиция и иммиграционные власти полагают, что сразу же по прибытии в Гонконг ловят только одного из четырех беженцев. Остальные продолжают скрываться до тех пор, пока они не являются к властям, чтобы просить удостоверения о жительстве, которые им нужны для поступления на работу.

5700 беженцев — это на 2 тыс. больше, чем в 1971 г., когда официально было зарегистрировано 3694 беженца.

В период «культурной революции» в 1968 г. бежало 2870 человек, затем в 1969 г. число беженцев сократилось до 1470, но в 1970 г. оно снова поднялось до 1796.

В большинстве случаев бежит молодежь, которая жалуется на суровые условия жизни, особенно в сельскохозяйственных коммунах, куда большинство из них было направлено на работу из городов.

Филиппины: девять покушений на президента. Филиппинское правительство официально сообщило о том, что в течение 1972 г. было подготовлено, по-видимому, в общей сложности девять покушений на жизнь президента Филиппин Фердинанда Маркоса. Органам безопасности удалось ограбить президента от опасности, но жертвой террористов стала его жена — Имельда Маркос, которой врачи, по сообщению прессы, наложили несколько десятков швов после того, как на нее напал человек с ножом.

В ходе расследования этих покушений была арестована группа лиц, причем в числе подозреваемых находится несколько американцев.

Характерно, что одновременно с подготовкой указанных террористических актов в столице страны Маниле произведены многочисленные взрывы — пострадала ратуша, банки, универмаги, телефонные станции.

Филиппинские власти обвинили в организации диверсий группу местных маоистов — так называемую «Новую народную армию». Арестовано 200 человек, конфисковано пять с половиной тысяч единиц огнестрельного оружия. Правительство утверждает, что, по имеющимся у него данным, подрывные элементы получали оружие из-за границы с помощью пропекинских агентов и дельцов Макао и Гонконга.

Кризис АЗПАК. Как сообщает японская печать, правительство Японии собирается «заморозить» деятельность АЗПАК, так называемого Азиатско-Тихоокеанского совета. Этот антикоммунистический блок девяти стран (Япония, Филиппины, Малайзия, Таиланд, Австралия, Новая Зеландия и другие) был создан в 1966 г., и ныне, так же как и агрессивный блок СЕАТО, переживает глубокий кризис.

В Токно думают о «замораживании» АЗПАК, надеясь, что он умрет своей

смертью, но в других местах уже говорят о его возможной ликвидации.

«Теперь, когда Япония, Австралия и Новая Зеландия стремятся укреплять отношения с Пекином, — пишет бангкокская газета «Нэйши», — возникают серьезные сомнения, что эта региональная организация с Тайванем в качестве одного из государств — ее основателей — сможет продолжать свое существование».

Дело, конечно, не только в Тайване. Мирлюбивые инициативы Советского Союза, приведшие к явному смягчению международной напряженности, активные поиски преодоления конфликтных ситуаций и стремление народов к миру не могли не сказаться плодотворно и на обстановке в Азии.

В этих условиях особенно характерны события последнего времени: окончательный провал войны США во Вьетнаме, успешная ликвидация индо-пакистанского конфликта и выход Пакистана из СЕАТО, приход к власти новых правительств в Австралии и Новой Зеландии, которые критически отнеслись к азиатским агрессивным блокам и агрессии США во Вьетнаме и т. п.

Вот почему приходит конец таким проявлениям холодной войны, как АЗПАК.

НОВЫЕ КНИГИ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗД-ВА «НАУКА»

Крюков М. В. Система родства китайцев. 328 стр., 2400 экз., 1 р. 51 к.

В книге предпринята попытка определить историческое соотношение различных типов систем родства на примере китайской системы. С этой целью автор анализирует современные официальные, разговорные и диалектные системы, а также все формы китайской системы родства, зафиксированные в исторических источниках, начиная с иньского периода.

Бяньвэнь о воздаянии за милости (2 кн.). 2500 экз., 3 р., в переплете.

Издание содержит публикацию неизвестного донные текста народного повествования жанра бяньвэнь, рукопись которого хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения. Как и ранее опубликованные произведения этого жанра, «Бяньвэнь о Вэймоцзе, Бяньвэнь «Десять благих знамений» (М., 1963), публикуемый ныне памятник является народной переработкой буддийского сочинения — «Сутры о воздаянии за милости».

Литература и культура Китая. 360 стр., 2600 экз., 1 р. 69 к.

Сборник выпущен в свет в связи с 90-летием со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева, чьи выдающиеся труды в разных областях китаеведения занимают виднейшее место в советской и мировой науке. Наш читатель знает В. М. Алексеева и по его замечательным переводам китайской классики.

Державин И. К. Партия «Комэйто» и общество «Сока-гаккай». 168 стр., 3000 экз., 55 к.

В работе освещаются история возникновения, принципы организации, а также идеологические концепции влиятельной буддистской секты «Сока-гаккай» и созданной ею партии «Комэйто», пытающихся отвлечь японских трудящихся от классовой борьбы.

Радуль-Затуловский Я. Б. Из истории материалистических идей в Японии в XVII—первой половине XIX в. 292 стр., 3500 экз., 98 к.

Иванова Г. Д. «Дело об оскорблении трона». 260 стр., 2900 экз., 89 к.

Книга посвящена одной из ярких страниц в истории Японии — «движению простого народа», которое во многом определило характер социальной, идеологической и литературной борьбы, развернувшейся в стране в начале XX в. Автор показывает близость идеологии этого движения к русскому народничеству. В книге содержатся переводы произведений одного из видных руководителей этого движения — Котоку Сюсуй.

Румянцев А. М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна». 380 стр., 20 000 экз., 1 р. 51 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРОГРЕСС», «ИСКУССТВО», «МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»

Яно С. Японская экономика на пороге двадцать первого века. Пер. с японского. Под ред. В. В. Алексеева. Посл. Ю. Д. Кузнецова. М., «Прогресс», 1972, 256 стр., 15 000 экз., 1 р. 05 к.

Вьетнам в борьбе. Стихи и очерки. Сост. В. Коткин. Предисл. Г. Янаева. М., «Молодая гвардия», 1972, 279 стр., 20 000 экз., 74 к.

Генс И. Меч и Хиросима. М., «Искусство», 1972, 168 стр., с илл., 10 000 экз., 78 к.

